

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

№ 6
2017

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 6 2017

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук **А.Г. Ситдиков**

Ответственный редактор:

канд. ист. наук **И.М. Миргалеев**

Научные редакторы разделов:

нумизматика – к.и.н. **П.Н. Петров**

эпиграфика – к.и.н. **Д.Г. Мухаметшин**

Ответственный секретарь: **А.С. Беспалова**

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д.-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф. (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуников М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Ситдиков А.Г., д.и.н. (Казань); **Джудит Колбас**, доктор наук (Кембридж, Великобритания); **Мухаметшин Д.Г.**, к.и.н. (Болгар); **Миргалеев И.М.**, к.и.н. (Казань); **Настич В.Н.**, к.и.н. (Москва); **Али Раджабли**, д.и.н. (Баку, Азербайджан); **Петров П.Н.**, к.и.н. (Нижний Новгород); **Мухамадиев А.Г.**, д.и.н. (Казань); **Валеев Р.М.**, д.и.н. (Казань); **Ртвеладзе Э.В.**, д.и.н. (Ташкент, Узбекистан); **Сингатуллина А.З.**, к.и.н. (Казань).

Редакционная коллегия номера:

к.и.н. **И.М. Миргалеев**, к.и.н. **П.Н. Петров**, к.и.н. **Д.Г. Мухаметшин**

Адрес редакции:

420012, г.Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://journal3sites.wixsite.com/archaeology>

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№6 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive editor:

Candidate of Historical Sciences **Il'nur M. Mirgaleev**

Science Editors of the Sections:

Numismatics – Candidate of Historical Sciences Pavel N. Petrov
Epigraphy – Candidate of Historical Sciences Dzhamil G. Mukhametshin

Executive Secretary: **Antonina S. Bespalova**

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Averbouh Aline**, Dr. Sc. (Paris, France); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint-Petersburg); **François Victoria**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Janhunen Juha**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Editorial Board:

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Judith Kolbas**, Doctor of Sciences (Cambridge, Great Britain); **Dzhamil G. Mukhametshin**, Candidate of Historical Sciences (Bolgar); **Ilnur M. Mirgaleev**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir N. Nastich**, Candidate of Historical Sciences (Moscow); **Ali Radjabli**, Doctor of Historical Sciences (Baku, Azerbaijan); **Pavel N. Petrov**, Candidate of Historical Sciences (Nizhny Novgorod); **Azgar G. Mukhamadiev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Ramil M. Valeev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Edward V. Rtveladze**, Doctor of Historical Sciences (Tashkent, Uzbekistan); **Alfira Z. Singatullina**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Board of the Issue:

Candidate of Historical Sciences Ilnur M. Mirgaleev, Candidate of Historical Sciences Pavel N. Petrov, Candidate of Historical Sciences Dzhamil G. Mukhametshin

Editorial Office Address:

30, Butlerov St., Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://journal3sites.wixsite.com/archaeology>

Содержание

<i>Ситдииков А.Г.</i> Слово главного редактора	6
--	---

НУМИЗМАТИКА

<i>Камышев А.М.</i> Монеты на Великом Шелковом пути (Кыргызстан)	7
<i>Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П.</i> Шуклинский клад дирхамов X века и его археологический контекст	14
<i>Лебедев В.П., Амосов М.А.</i> Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области	37
<i>Гомзин А.А.</i> Дирхамы Ка'усидов Табаристана в Поочье	45
<i>Лебедев В.П., Рислинг Г.</i> Беловский клад куфических дирхамов первой четверти X в. из Курской области	51
<i>Пигарев Е.М., Сяолинь Ма.</i> Находки китайских монет на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья	65
<i>Мухаметшин Д.Г., Газимзянов И.Р.</i> Нумизматический материал из раскопа СХХХII	69
<i>Бугарчев А.И., Степанов О.В.</i> Надчеканенные пулы XIV века из Иске-Казани	79
<i>Недашковский Л.Ф.</i> Монетные находки с Увекского городища по архивным данным	84
<i>Пигарев Е.М.</i> Редкие джучидские монеты с Селитренного городища	98
<i>Астафьев А.Е., Петров П.Н.</i> Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды (археолого-нумизматическое исследование)	101
<i>Нарожный Е.И.</i> Монетные находки XIII–XV вв. в погребениях: некоторые аспекты семиотических оценок известных артефактов	116
<i>Савоста Р.Ю.</i> Монеты Хаджи-Тархана и Сарая конца XIV века	128
<i>Миргалеев И.М., Багаутдинова Х.З.</i> Каталог из прошлого: описание собрания монет профессора Н.А. Толмачева	147
<i>Довуди Д.</i> Находки джучидских и чагатаидских монет в Таджикистане	149
<i>Bragin A.O., Petrov P.N.</i> Timurid coins discovered in Dev-Kesken-qala	159

ЭПИГРАФИКА

<i>Сайфетдинова Э.Г.</i> Судьба золотоордынской принцессы Тулунбай по данным средневековых арабских сочинений	167
<i>Гайнутдинов А.М.</i> Эпитафия на памятнике Исенея Яушева: источниковедческий анализ	171
<i>Миргалеев И.М.</i> Старокалмашевская надмогильная плита и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века	174
<i>Аминов Б.Б.</i> Надгробные надписи святыни Мир-и Джанди Ата (Гузарский район Кашкадарьинской области Республики Узбекистан)	179
<i>Гариф Н.Г.</i> Хронологизация и районирование эпиграфических памятников Казанского ханства: проблемы и предварительные результаты	185
<i>Мухаметшин Д.Г.</i> Возникновение традиции установления болгаро-татарских намогильных памятников. Дрожжановский район РТ	189
<i>Зайцев И.В.</i> Надгробие Худайкула (Петра) в Московском Кремле	196
<i>Тычинских З.А.</i> Эпиграфические памятники сибирских татар	200
<i>Усеинов М.А.</i> Старокрымские мусульманские надмогильные памятники золотоордынского периода (на примере подтипа в форме восьмигранной призмы без фигурного навершия)	205
Заметка от редакции	210
Фототаблицы	211
Список сокращений	267

Contents

<i>Sitdikov A.G.</i> Foreword by the Chief Editor	6
---	---

NUMISMATICS

<i>Kamyshev A.M.</i> Coins on the Great Silk Road (Kyrgyzstan)	7
<i>Enukov V.V., Enukova O.N., Lebedev V.P.</i> Shuklinsky hoard of 10 th century dirhams and its archaeological context	14
<i>Lebedev V.P., Amosov M.A.</i> A hoard of 10th century Kufic dirhams from Tula region	37
<i>Gomzin A.A.</i> Dirhams of Ka'usids from Tabaristan in the Oka region	45
<i>Lebedev V.P., Rispling G.</i> Belovsky hoard of Kufic dirhams dated first quarter of the 10 th century from Kursk region	51
<i>Pigarev E.M., Xiaolin Ma.</i> Chinese coins discovered at the Golden Horde settlements of the Lower Volga region	65
<i>Mukhametshin D.G., Gazimzyanov I.R.</i> Numismatic material from excavation 132	69
<i>Bugarchev A.I., Stepanov O.V.</i> Countermarked pulis dated 14th century from Iske-Kazan	79
<i>Nedashkovsky L.F.</i> Coins discovered at Uvek settlement on the basis of archival materials	84
<i>Pigarev E.M.</i> Rare Juchid coins from Selitrennoye settlement	98
<i>Astafiev A.E., Petrov P.N.</i> Mangyshlak Peninsula on the sea trade routes of the Golden Horde period (Archaeological and Numismatic Study)	101
<i>Narozhnyi E.I.</i> Coins dated 13–15 th centuries discovered in burials: certain aspects of semiotic evaluations of known artefacts	116
<i>Savosta R.Yu.</i> Late 14 th century Xacitarxan and Sarai coins	128
<i>Mirgaleev I.M., Bagautdinova Kh.Z.</i> Catalogue from the past: description of Professor N.A. Tolmachev's collection of coins	147
<i>Dovudi D.</i> Juchid and Chagatai coins discovered in Tajikistan	149
<i>Bragin A.O., Petrov P.N.</i> Timurid coins discovered in Dev-Kesken-qala	159

EPIGRAPHY

<i>Saifetdinova E.G.</i> The fate of the Golden Horde Princess Tulunbai according to medieval Arab writings	167
<i>Gainutdinov A.M.</i> Epitaphy on the Monument to Isenei Yaushev: Source Analysis	171
<i>Mirgaleev I.M.</i> Starokalmashevo gravestone and the issues of the ethnic interpretation of Pre-Ural population in the Middle Ages	174
<i>Aminov B.B.</i> Gravestone inscriptions of the Mir-i Jandi Ata shrine (Guzar District in the Qashqadaryo Region of the Republic of Uzbekistan)	179
<i>Garif N.G.</i> Chronology and regionalization of the epigraphic monuments of Kazan Khanate: issues and preliminary results	185
<i>Mukhametshin D.G.</i> Emergence of a tradition to erect Bolgar-Tatar grave monuments. Drozhzhanovsky District of the Republic of Tatarstan.....	189
<i>Zaitsev I.V.</i> Khudaikul's (Peter's) tombstone in the Moscow Kremlin	196
<i>Tychinskikh Z.A.</i> Epigraphic monuments of the Siberian Tatars	200
<i>Useinov M.A.</i> Stary Krym Muslim gravestones of the Golden Horde period (exemplified by a subtype in the form of an octagonal prism with no figured top section)	205
Remarks by the Editorial Board	210
Photo Tables	211
List of Abbreviations	267

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Интерес к нумизматическим и эпиграфическим памятникам среди исследователей древней и средневековой истории Степной Евразии неуклонно растет. Это связано с тем, что эти уникальные артефакты прошлого являются важными источниками по изучению целого комплекса проблем, касающихся истории и культуры народов этого континента, позволяют обогатить наши знания о политических и торгово-экономических отношений на этих огромных территориях. Они значительно дополняют надежной и уникальной информацией теоретико-практическую базу историко-археологических исследований кочевых культур Евразийских степей.

Среди важных направлений исследований, наряду с необходимостью введения в научный оборот значительного массива материалов, полученных в ходе изучения уникальных средневековых памятников Волго-Уральского региона и Степной Евразии в целом, существует целый ряд проблем, требующих своего решения. Среди них:

- системные исследования, посвященные вопросам каталогизации монет;
- исследования политической истории с помощью нумизматических и эпиграфических источников;
- изучение особенностей и характера монетного обращения на территории Евразии в древности и средневековье;
- вопросы торгово-экономических отношений;
- изучение монет с помощью метода поштемпельного анализа;
- изучение состава монетного металла и его структуры, а также реконструкция технологий производства;
- исследования эпиграфических памятников на территории Евразийских степей;
- исследования в области изучения рунических текстов и знаков-тамги
- выработка эффективных методик по сохранению данного вида источников и др.

Большой научный и прикладной интерес представляют новые методы исследований нумизматических и эпиграфических материалов с широким использованием междисциплинарных подходов. Совместные археолого-нумизматические исследования будут базироваться исключительно на анализе кладов и комплексов, единичных находок восточных монет, хранящихся в музеях или найденным в ходе археологических изысканий.

В связи с актуальностью этих проблем в рамках международного журнала «Археология Евразийских Степей» и был сформирован специализированный выпуск, посвященный вопросам нумизматики, эпиграфики, а также торговым отношениям в древности и в период средневековья. Это, несомненно, важный шаг, который позволит исследователям выйти за рамки внутривидовых изысканий, поднять их на более качественный уровень, объединить усилия ученых России и зарубежных стран для решения научных и прикладных проблем в этой области.

Айрат Ситдиков

д.и.н., Директор Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

НУМИЗМАТИКА

УДК 737(575.2)"9/18"

МОНЕТЫ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ (КЫРГЫЗСТАН)

А.М. Камышев

COINS ON THE GREAT SILK ROUTE (KYRGYZSTAN)

При изучении торговых связей на Великом шелковом пути первоочередной задачей представляется фиксация случайных находок и кладов иноземных монет. Настоящая статья посвящена обзору таких нумизматических находок на территории Кыргызстана. Приведена периодизация развития монетного обращения на Великом Шелковом пути, охватывающая период с I в. до н.э. по XIII в. н.э. Рассматривается 4 периода, каждый из которых характеризуется своим особым набором иноземных и собственных монет. Отмечается, что для первого периода, характерно возможное использование на Великом шелковом пути римской и парфянской монеты в качестве международной валюты (впрочем, эта гипотеза требует дополнительных подтверждений), а также проникновение китайской монеты в восточные области Средней Азии, где она, также предположительно, использовалась как средство денежного обращения. Во втором периоде (IV – сер. VII в.) международной валютой, обслуживавшей Великий шелковый путь, были сасанидские и византийские монеты. Находки сасанидских монет известны вдоль всей центральной и восточной части Великого шелкового пути. Одновременно по северной его ветви на восток поступала золотая византийская монета. В третьем периоде роль денег выполняла бронзовая танская монета, циркулировавшая по всей восточной и центральной части Великого Шелкового пути от Китая до Согда. С образованием Арабского халифата поток сасанидской и византийской монеты из благородных металлов сменился потоком дирхамов и динаров мусульманских государств. Четвертый период характеризуется обращением караханидских серебряных дирхамов, а с развитием «серебряного кризиса» – обращением золотых динаров (как целых, так и их обломков) различных восточных династий и в первую очередь Хорезмшахов, Гуридов, Караханидов. Вплоть до монгольского завоевания в XIII веке золото выполняло роль международных денег. Становление Монгольской империи «вдохнуло жизнь» с заброшенные серебряные рудники и серебряная монета вновь стала чеканиться, наполняя местные рынки монетой.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, караванная торговля, денежное обращение, территория Кыргызстана, монеты Китая, династия Тан, династия Караханидов.

The primary task in the study of trade relations on the Great Silk Route is the recording of accidental findings and foreign coin hoards. The article features an overview of such numismatic findings discovered in the territory of Kyrgyzstan. It also presents the periodization of the development of monetary circulation along the Great Silk Route covering the period between the 1st century B.C. and the 13th century A.D. Four periods are considered in the article, each of them characterized by a unique selection of foreign and domestic coins. As noted by the authors, the first period is characterized by the possible use of Roman and Parthian coins as an international currency on the Great Silk Route (however, this hypothesis requires additional confirmation), as well as the spread of Chinese coins across the eastern regions of Central Asia where it was also presumably used as a currency. In the second period (4th – mid-7th centuries) the international currency used throughout the entire Great Silk Route were Sasanian and Byzantine coins. Sasanian coins have been discovered in the territory along the entire central and eastern portions of the Great Silk Route. At the same time, golden Byzantine coins were supplied in the eastern direction along its northern branch. In the third period, the role of money was played by bronze Tang coins which circulated throughout the eastern and central portions of the Great Silk Route from China to Sogd. With the establishment of Arab Caliphate, the stream of Sasanian and Byzantine coins made of noble metals was replaced by a flow of dirhams and dinars from Muslim states. The fourth period is characterized by the circulation of Karakhanid silver dirhams, and with the aggravation of the ‘silver crisis’ – by the circulation of gold dinars (both whole and shattered) of various Oriental dynasties, primarily Khwarazmshahs, Gurids and Karakhanids. Until the Mongol conquest in the 13th century, the role of an international currency was played by gold. The establishment of the Mongol Empire ‘brought to life’ the abandoned silver mines, and silver coinage returned, filling the local markets with coins.

Keywords: The Great Silk Route, caravan trade, monetary circulation, Kyrgyzstan territory, coins of China, Tang dynasty, Karakhanid dynasty.

Фиксировать распространение монет на Великом шелковом пути начал еще основатель нумизматической школы в Средней Азии М.Е. Массон, опубликовавший сведения о монетных находках, в том числе и для Киргизии до 1947 года. Эстафету перехватил его ученик профессор М.Н. Федоров, сообщивший о находках римских монет в районе Иссык-Куля. Другой его ученик академик Э.В. Ртвеладзе посвятил этой теме ряд работ, основываясь на находках соседнего Узбекистана. Проблемами денежного обращения в Восточном Туркестане во времена Великого шелкового пути занимался Е.В. Зеймаль. Последние десятилетия автор статьи регистрирует находки «иноземных» монет, связанных с торговыми путями, пересекающими современный Кыргызстан в различных направлениях. Развитие монетного производства и денежного обращения на Великом шелковом пути некоторые исследователи разбивают на периоды, имеющие свои характерные особенности, такие подразделения можно выделить и для монетных находок на территории Кыргызстана. **I период** – I в. до н.э. – III в. н.э.; **II период** – IV–VII вв. н.э.; **III период** – VII–X вв. и **IV период** – X – начало XIII вв.

К **первому периоду** относятся денежные системы Китая и среднеазиатских государств, чьи монеты распространялись по Великому шелковому пути и могли оказывать влияние на возникновение местного денежного обращения. Проходившая через территорию Кыргызстана торговая артерия из Ханьского Китая в Западный край – государства Давань (Фергана), Согд, Хорезм и далее в Парфию и Римскую империю оставила свой след в виде кладов и единичных нумизматических находок.

При императоре У-ди (146–86 до н.э.) из династии Ранняя Хань была проведена денежная реформа и выпущены новые монеты весом 5 *чжу*, по-китайски *у-чжу* или *у-чжунянь* (фототабл. 1/1). Массовая кустарная отливка монет, имевшая место во всех уделах и воеводствах страны на протяжении нескольких веков, наполнила рынок бесчисленным количеством вариантов монет *у-чжу*. Одним из направлений распространения этих монет стало западное – вдоль межконтинентальной торговой трассы. Государство Давань, располагавшееся в долине между западными отрогами Тянь-Шаня, занимало важное место на этом пути, и имело значительную прибыль от транзитной торговли. Даваньский двор получал как китайские товары, так и бронзовые монеты *у-чжу*, которые часто находят в Фергане, а также на Алае и в Центральном Тянь-Шане. По данным до 1988 года, были найдены 42 подобные монеты, поскольку монеты обнаружены в могильниках и в основном в качестве украшений, археологи сделали вывод, что *у-чжу* не применялись в реальном денежном обращении [5, с. 45]. Отдельные находки *у-чжу* зафиксированы и в Чуйской долине, но в более поздних археологических слоях, датируемых VII–X в., или в кладах вместе с китайскими монетами IX–X вв. [10, с. 60]. Этот факт отмечен и в китайских хрониках «Даваньцы, получая из Китая золото и серебро, употребляли его на изделия, а не на монеты» [4, с. 188].

Существует и иное мнение. «Фергана (государство Давань) в первых веках до н.э. – первых веках нашей эры была богатой земледельческой страной и, не имея собственной монеты, могла войти в зону влияния китайской денежной системы, используя монеты *у-чжу* в качестве средства обращения. Не исключено, что, на базе китайских монет, в Фергане впоследствии было налажено собственное производство подражаний или полностью деградировавшего типа» [16, с. 149]. Попытка обосновать время появления местных выпусков *у-чжу* на территории Кыргызстана рубежом нашей эры – очень серьезный шаг, за которым могут последовать далеко идущие исторические выводы, поэтому он нуждается в дополнительных подтверждениях.

В материалах трех экспедиций западноевропейского археолога и востоковеда Аурела Стейна (1862–1943 гг.) в Восточный Туркестан приведены данные о полутора с лишним тысячах монет *у-чжу*, извлеченных из земли при раскопках, собранных на поверхности или приобретенных у местных жителей. Как и в случаях с монетами *у-чжу*, найденных в Кыргызстане, они отмечены как в археологических слоях, датируемых I в. до н.э., так и в кладах вместе с гораздо более поздними монетами династии Тан (618–907), что указывает на их длительное обращение и после официального прекращения выпуска [9, с. 435]. Производство монет *у-чжу* предполагается и в Восточном Туркестане, где традиции денежного обращения требовали привычной монеты [7, с. 32]. Скромный объем наших знаний о состоянии денежного хозяйства Центральной Азии того времени не позволяет пока сделать окончательное заключение о том, когда и где именно могли выпускаться «местные» монеты *у-чжу*.

Необычный клад выкопал житель Алайского района Ошской области в своем огороде в начале 2000-х годов. Родственница находчика, приславшая на определение фотографию кувшина высотой около 50 см, сообщила, что его почти целиком заполняли бронзовые монеты с квадратным отверстием в центре и разного цвета каменные бусины. Клад разошелся по друзьям и знакомым, сохранились лишь три монеты *у-чжу* и две бусины из сердолика и кварца. Следует отметить, что это уже не первый на территории Кыргызстана клад с монетами *у-чжу*, попавший в поле зрения ученых [11, с. 58]. К сожалению, приходится констатировать, что клад, значение которого для восстановления истории возникновения денежного обращения сложно переоценить, безвозвратно утерян для науки. Надо полагать, новые археологические находки этих монет, наряду с использованием разработанной к настоящему времени методики дифференцирования монетных эмиссий, помогут выяснить их подлинную роль в истории возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана.

Существенную роль в торговле на Великом шелковом пути играла и Парфия, сохранявшая за собой выгодную роль посредников в торговле между Китаем и Римской империей. Находки парфянских монет в Кыргызстане известны еще с XIX в., когда в районе с. Каракол была обнаружена драхма Митридата IV (129–147 гг. н. э.), а в окрестностях Коканда поднята монета Орода I (90–88 гг. до н.э.) [13, с. 8]. Халк Митридата III был найден в Ошской области в 1984 году (фототабл. 1/2), но по единичным находкам сложно выявить какие либо устойчивые тенденции.

Восточная часть Иссык-Куля, где располагалась ставка усуней, отмечена находками римских денариев выпущенных в правление Веспасиана (69–79 гг.), Адриана (118–138 гг.), а также монеты, отчеканенной в египетской Александрии при Диоклетиане (284–305 гг.) [17, с. 84]. Впрочем, некоторые исследователи считают, что случайные находки римских денариев на Иссык-Куле не могут служить надежным источником для научных заключений, поскольку не исключена возможность доставки их крестьянами-переселенцами из европейской части России в конце XIX, где римские монеты находят нередко [8, с. 63]. Тем не менее, в последние годы на территории Чуйской долины так же зафиксированы находки римских монет, относящиеся ко времени могущества соседнего Кушанского царства. На городище Кара-Джигач был поднят фоллис Константина Великого (272–337 гг.) (фототабл. 1/3), в районе Карабалтинского городища фоллис Лициния II (315–336 гг.) (фототабл. 1/4), а на Краснореченском городище подвеска в виде подражания римской монете.

Таким образом, для первого периода, характерно возможное использование на Великом шелковом пути римской и парфянской монеты в качестве международной валюты (впрочем, эта гипотеза требует дополнительных подтверждений), а также проникновение китайской монеты в восточные области Средней Азии, где она, предположительно, использовалась как средство денежного обращения.

Второй период существования Великого шелкового пути в истории Средней Азии – это время кардинальных перемен во всех сферах жизни.

В IV–VII вв. кочевые степи пришли в движение: началась эпоха «великого переселения народов», приведшая к падению античных государств и погубившая Древний Рим. Богатые города Согда переходили из рук в руки и опустошались, пришло в упадок ремесло, сократилась торговля. Жители разоренных городов переселялись в другие районы, согдийские колонии появились в Семиречье.

Внешняя торговля на Шелковом пути обслуживалась высокопробными сасанидскими драхмами, чеканенными по «аттическому стандарту». Транзитная торговля распространяла продукцию многочисленных сасанидских монетных дворов по обширным просторам Центральной Азии. Сасанидские монеты играли роль международной валюты на Великом шелковом пути. Заметное увеличение потока сасанидского серебра в Среднюю Азию и далее в Китай связано с драхмами шаханшаха Пероза (459–484 гг.). Клады этих драхм находят в Узбекистане и Таджикистане, и даже среди находок в Восточном Туркестане отмечено 682 экземпляров этих монет [9, с. 465]. Нередки находки сасанидских монет и в Кыргызстане. В Таласской области в катакомбном захоронении учитель истории М.Ф. Тур нашел драхму Хормизда II (302–309 гг.). Драхму Пероза выкопали на огороде в селе Пригородное (Чуйская долина); серебряная монета Хормизда IV (579–590 гг.) поднята в районе Джалал-Абада, а несколько обломков сасанидских драхм обнаружены на Ак-Бешимском городище.

Византия расплачивалась за шелк, поступающий по Великому Шелковому пути, золотыми солидами. «Русские крестьяне Семиречья хорошо знали медальоны-иконки, за каковые они принимали византийские монеты с изображением окруженной нимбом головы Христа» [14, с. 92]. В 1931 г. геолог И.А. Анбоев поднял на берегу Иссык-Куля вблизи с. Кой-Сары золотую византийскую монету Ираклия II (610–641) [13, с. 9], а в 1941 г. при строительстве Большого Чуйского канала на Сокулукском городище были найдены два электровых брактеата – подражания византийским монетам начала VII в. [3, с.149].

Вторую половину I тысячелетия нашей эры принято называть «древнетюркским периодом», который характеризуется исключительно сложным типовым составом монетной массы, обращавшейся в Средней Азии, упадком техники монетного дела, но вместе с тем и территориальным расширением сферы денежного обращения и появлением новых центров монетного производства. Локальные медные эмиссии не имели стоимостного соотношения с серебряными монетами и обращались в границах тех территориальных подразделений, где осуществлялось их производство. Монеты этой группы отливались из меди, при этом в более широких масштабах, чем на протяжении древнего периода, осуществляется их диффузия за пределы основных ареалов. [1, с. 90]. На Краснореченском и Ак-Бешимском городищах найдены несколько монет из этой серии с тамгой Кабарны (Чачский удел) (фототабл. 1/5).

Таким образом, во втором периоде (IV – сер. VII в.) международной валютой, обслуживавшей Великий шелковый путь, становятся сасанидские и византийские монеты. Находки сасанидских монет известны вдоль всей центральной и восточной части Великого шелкового пути. Одновременно по северной его ветви на восток поступала золотая византийская монета, удовлетворявшая потребности транзитной торговли в золоте.

Третий период совпадает по времени с расцветом китайской империи Тан. В начале VII в. после распада Тюркского каганата на Западный и Восточный усиливается политическое влияние Китая, заметно окрепшего при агрессивной династии Тан (618–907 гг.). Китайские гарнизоны, размещенные на завоеванных землях, обеспечивали постоянный приток в метрополию людей и товаров. Земли вдоль Великого Шелкового пути попали под прямое влияние Китая и оседлое население Семиречья стало постепенно привыкать к бронзовым *цяням* – оригинальным китайским монетам *кай юань тун бао* с квадратным отверстием в центре и четырьмя иероглифами по краям (фототабл. 1/6). Огромное количество монет династии Тан ранних выпусков, найденных на городищах в Чуйской долине может свидетельствовать о том, что местное население Семиречья в конце VII – начале VIII вв. широко использовало их для внутреннего обращения [12, с. 84–89]. Помимо денежного обеспечения Великого шелкового пути, *цянями* платили жалованье личному составу китайских гарнизонов, которые стояли в ряде городов Западного края, в том числе и в столице Западно-Тюркского каганата – Суябе (городище Ак-Бешим, Чуйская долина), по крайней мере, с 648 по 719 гг. Этот тип монет позаимствовали и в Согде, где начали выпуск подражаний китайским *цяням*, помещая на реверсе свою тамгу и согдийскую легенду. Две таких монеты были подняты на Ак-Бешимском городище. Монеты «традиционного» типа, попадая на территорию Семиречья, где в обиходе находились монеты китайского образца, «приспосабливали» к местному обращению путем просверливания отверстия в центре. Такие адаптированные монеты встречаются довольно часто [один из ранних примеров – отарская монета, найденная на Краснореченском городище (фототабл. 1/7)].

В начале VIII в., когда привозных монет уже не хватало в Семиречье был начат собственный выпуск монет с согдийской легендой *Господин тюркешский каган. Фан* и местных подражаний монетам династии Тан. Выпуск тюркешских монет отличался высокой интенсивностью. Находки их отмечены не только по всей Чуйской долине, где их отливали, но и далеко за её пределами. Политические коллизии и инфляционные процессы привели к уменьшению размеров и веса тюркешских монет, тем не менее, они находились в обращении вплоть до X века.

Кроме китайских *цяней*, многочисленные находки которых в Кыргызстане представляют практически все выпуски династии Тан, с востока попадали и монеты Уйгурского каганата, выпущенные от имени Бокук-кагана (795–808 гг.) (фототабл. 1/8).

В числе находок иноземного происхождения следует отметить и необычные серебряные, биллоновые и бронзовые монеты с изображением всадника с копьем на одной стороне и лежащего буйвола-зебу на другой. Этот характерный тип, появившийся на территории Северной Индии в середине VIII в., с различными изменениями в рисунке использовался в монетной чеканке разных

государств Центральной Азии вплоть до XIII в. Найденные в Чуйской и Талсской долинах экземпляры выпущены в IX–XI вв. Одна из бронзовых монет имеет просверленное в центре отверстие, что указывает на её участие в денежном обращении в Семиречье вместе с китайскими и «китаеобразными» монетами (фототабл. 1/9).

Середина VII–VIII вв. – время установления в Средней Азии власти Арабского халифата. Династия Аббасидов, пришедшая к власти в Халифате в середине VIII века, стала привлекать к управлению завоеванными территориями местных аристократов. Так в Средней Азии возникли государства, называемые по именам их основателей: Тахиридское (821–873 гг.), со столицей в городе Нишапуре, и Саманидское (819–999 гг.) – в Бухаре.

Изготовленные по одному эпиграфному типу мусульманские монеты выходили далеко за пределы выпускавших их городов и обслуживали разные рынки Средней Азии [6, с. 132]. На юго-западе современного Кыргызстана, входившего в состав Саманидского государства, действовал монетный двор в Узгенде, эпизодически чеканивший монеты в 20 и 80-е годы X в. [18, с. 277]. Власть в Семиречье в этот период находилась в руках карлуков, хотя согласно письменным источникам, на Центральном Тянь-Шане и в Притяньшанье обитало много племен – ягма, чигили, тухси, тюргеши, кыпчаки, огузо-туркмены и др.

Согласно китайским источникам «мусульманские караваны уже в VIII в. ходили через страну карлуков к верхнему Енисею в страну киргизов» [2, с. 48]. О существовании караванной торговли свидетельствуют многочисленные находки на городищах Чуйской долины саманидских медных монет, чеканенные в Ахсикете, Бухаре, Герате, Самарканде, Шаше, Фергане и Узгенде. Более 20% от общего числа саманидских фельсов с пробитыми центральными отверстиями, и примерно столько же имеют отверстия у гурта, надо полагать, они также принимали участие в местном денежном обращении наряду с китайскими и тюркешскими монетами или использовались в качестве украшений (фототабл. 1/10).

Таким образом, в третьем периоде роль денег выполняла бронзовая танская монета, циркулировавшая по всей восточной и центральной части Великого шелкового пути от Китая до Согда, и оказавшая огромное влияние на многие монетные системы раннесредневековой Центральной Азии. С образованием Арабского халифата и присоединением к нему среднеазиатских земель поток сасанидской и византийской монеты из благородных металлов сменился дирхамами и динарами мусульманских государств.

Четвертый период. Бурный расцвет товарно-денежных отношений в первые десятилетия правления династии Караханидов (991–1211 гг.) со столицей Баласагуне или Куз-Орду (ныне городище Бурана) насытил рынок высокопробными серебряными монетами, которые выпускались многочисленными монетными дворами на значительной территории – от Яркенда и Кашгара до Саганиана и Бухары.

Основу денежной системы Караханидского государства, позаимствованной у Саманидов, составлял серебряный дирхам. Но, начавшийся в первой четверти XI века «серебряный кризис», привел к падению процентного содержания серебра в монетах. Уже к середине столетия монеты хотя и продолжают называться дирхамами, но чеканятся из малоценного медно-свинцового сплава, а то и вовсе из меди с серебрением поверхности. Обесцененный дирхам не мог служить полноценным средством международной торговли и эту нишу заняло золото. Привозные золотые монеты и их обломки в определенной мере удовлетворяли и потребностям внутреннего рынка. Найденные на городище Бурана золотые динары того времени можно использовать для изучения торговых связей Баласагуна с другими областями Средней Азии и сопредельными странами: Ираном и югом Туркмении (монеты Великих Сельджуков), Афганистаном и Северной Индией (золото гуридской чеканки), Хорезмом (монеты Хорезмшахов), Мавераннахром с главными городами Бухарой и Самаркандом (караханидские динары) [18, с. 280]. Самый дальний путь, пожалуй, совершила маленькая золотая монетка, найденная на Краснореченском городище – это четверть динара, отчеканенная в Северной Африке от имени Фатимида Абдаллаха аз-Захира между 1029 и 1036 гг.

Другие иноземные монеты этого периода встречаются редко. Например, китайские монеты династии Северной Сун (960–1127 гг.), находящиеся на территории Кыргызстана, по всей видимости, участия в денежном обращении не принимают. Так, небольшой клад, найденный на Краснореченском городище в 1998 г., содержал 3 монеты *у-чжу*, 8 монет династии Тан и 33 цянэ эпохи Северная Сун, представленные 12 различными девизами правления от 976 до 1033 гг. Вероятно,

эта небольшая связка монет была завезена китайским купцом, да так и осталась невостребованной. Клад более интересен как совокупность разновременных монет, находившихся в обращении в Китае в середине XI в. [10, с. 60]. В 2010 году в Бишкек из Оша была доставлена часть подобного клада, приобретенного у местного жителя. Ранние монеты представлены пятью танскими экземплярами *кайюань тунбао*, самая молодая монета династии Южная Сун 1253 г., основную массу составляли монеты династии Северная Сун с различными девизами правления.

В 1129–1130 гг. в Притяньшанье переселяются тунгусо-маньчжурские племена кара-киданей (карахытаев), избравших Баласагун столицей нового государства Си Ляо (Западное Ляо) и превративших Караханидов в своих данников. Гурханы (предводители киданей) не вмешивались во внутренние дела завоеванных ими владений и ограничивались сбором дани из расчета одна золотая монета с каждого двора. В обращении продолжали находиться золотые динары и их обломки.

В 2013 году в районе городища Бурана был найден клад из 20 монет *Дадин тунбао* 1161–1190 гг., правящей в Китае чжурчженской династии Цзинь. Вместе с ним были подняты две матрицы для изготовления украшений. Все монеты одного типа небрежной отливки и большего веса, что вызвало предположение об их местном производстве. Изготовление в Баласагуне монет *Дадин тунбао* с целью запуска их в обращение маловероятно, но одно очевидно – цзиньские монеты доходили до Притяньшанья.

Находка в Таласской долине в конце 2016 г. монеты, отчеканенной на острове Шири-Ланка в 1200–1202 гг. пока единственное свидетельство торговых связей с южными государствами (фототабл. 1/11).

С образованием Монгольской империи из Азии в Европу проложен новый караванный путь, минуя территорию Кыргызстана – через Алмалык, Отрар и далее на Урал. В XIV в. этим путём еще активно пользовались европейские купцы и дипломаты. Среди Чингизидских монет этого периода на территории Кыргызстана (кроме монет Чагатаидской державы, частью которой и она являлась) отмечены монеты Джучидов, продукция монетного двора *Хваризм* (фототабл. 2/13–14), а также и пулов и дирхамов Поволжского региона (фототабл. 2/15–16). Находки джучидских монет не редки, но и частыми их назвать сложно. Они, скорее всего, связаны не с торговлей, а с воинской добычей в результате многочисленных набегов на Мавераннахр [15, с. 65]. Зафиксирована и единичная находка ильханского медного фалса (фототабл. 2/17). Папская серебряная булла Бенедикта XII (1334–1342 гг.) недавно найденная в Чуйской долине – повод провести исследования о пока неизвестном посольстве из Ватикана или рудиментов «дипломатической торговли» (фототабл. 1/12).

Тем не менее, сухопутные караванные дороги постепенно утрачивают свое ведущее значение для мировой торговли. Великий шелковый путь сыграл свою историческую роль на протяжении более пятнадцати столетий, связывая самые различные государства, способствуя не только обороту товаров и взаимопроникновению культур, но в том числе и в значительной степени распространению вдоль трассы товарно-денежных отношений. Из всего сказанного можно сделать общий вывод: изучение «иностранных» монет, находимых на территории Кыргызстана – весомый вклад в мировую копилку знаний о Великом шелковом пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаяров Г.Б.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). Ташкент: изд. Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои, 2007. 120 с.
2. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Собрание Сочинений*. Т. V. М.: «Наука», 1968. С. 19–192
3. *Бернштам А.Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала // *Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана*. В 2-х томах. Т. 1. Бишкек, 1997. С. 140–173.
4. *Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Ред., вступ. статья, коммен. А.Н. Бернштам и Н.В. Кюнера. Т. II. М.-Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. 334 с.
5. *Горбунова Н.Г.* Ивочкина Н.В. Монеты у-шу из могильников Ферганы // *Сообщения ГЭ*. Л.: «Искусство», 1988. С. 45–50.
6. *Давидович Е.А.* Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // *НЭ*. Т. VI. М.: «Наука», 1966. С. 103–134.

7. *Ивочкина Н.В.* Монеты первой Восточно-Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л.: «Аврора», 1975. С. 27–38.
8. *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: «Дониш», 1983. 342 с.
9. *Зеймаль Е.В.* Денежное обращение в Восточном Туркестане // Восточный Туркестан в древности и раннем: Хозяйство, материальная культура / Под ред. акад. Б.А. Литвинского. М.: «Восточная литература», 1995. С. 430–472.
10. *Камышев А.М.* Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент, 1999. С. 57–65.
11. *Камышев А.М.* Монеты на Великом шелковом пути их влияние на возникновение денежных отношений в Семиречье // Материалы международной научной конференции. (Бишкек 26–27 сентября 2001 г.). Бишкек, 2002. С. 58–65.
12. *Камышев А.М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. Бишкек, 2002. 145 с.
13. *Массон М.Е.* Монетные находки зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. // Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933. 18 с.
14. *Массон М.Е.* К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. XXIII. Ташкент, 1951. С. 91–104
15. *Петров П.Н., Камышев А.М.* Находки джучидских монет в Кыргызстане // НЗО. 2013. № 3. С. 61–67.
16. *Ртвеладзе Э.В.* Великий шелковый путь. Энциклопедия. Ташкент: «Узбекистон миллий энциклопедияси», 1999. 280 с.
17. *Федоров М.Н.* Находки медной римской монеты // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе: «Илим», 1975. С. 83–86.
18. *Федоров М.Н.* Нумизматические источники // Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек: «Илим», 1996. С. 274–283.

Информация об авторе:

Камышев Александр Михайлович, кандидат исторических наук, пенсионер (Бишкек, Кыргызстан); sakamih@mail.ru

About the Author:

Kamishev Alexander M., Candidate of Historical Sciences, pensioner (Bishkek, Kyrgyzstan); sakamih@mail.ru

ШУКЛИНСКИЙ КЛАД ДИРХАМОВ X в. И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В.В. Енуков, О.Н. Енукова, В.П. Лебедев

SHUKLINSKY HOARD OF 10TH CENTURY DIRKHAMMS AND ITS ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

Курский Государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси

На высоком берегу р. Тускарь, правого притока Сейма, в 2009 г. был найден клад из ~ 500 куфических дирхамов. 472 из них сейчас хранятся в НИИ археологии юго-востока Руси при Курском Государственном Университете. Подавляющее их число (469 экз.) оказались обрезанными в неправильные многоугольники размером 12–15 мм, $\frac{3}{4}$ из которых были вырезаны из края дирхамов со значением весовой моды $M_B = 0,6$ г, а $\frac{1}{4}$ из центра с модами $M_B = 1,0$ и $0,6$ г. Хронологический интервал определимых монет составил около 100 лет 279–379 гг.х., однако, т.р.к. клада по вырезке с полной датой составило 370 / 980 г. Эти данные точно легли на известный линейный график зависимости $M_B = f(t.p.q.)$ еще раз подтверждая его надежность. На 25 вырезках выявлены простейшие виды граффити – чаще одиночные линии, реже две, угол, крест и однажды – тамгообразный знак. Соавторы-археологи на месте находки клада произвели разведочные раскопки, показав, что здесь почти вплотную с центральным городищем в X в. располагалось селище археологического комплекса Шуклинка.

Ключевые слова: Посемье, северяне, селище, счетное денежное обращение, круглые вырезки из дирхамов, гистограммы, граффити.

Researchers discovered a hoard consisting of approximately 500 Kufic dirhams on the high bank of the Tuskar river, right tributary of the Seima in 2009. A total of 472 dirhams are deposited in Research Institute of Southeast Rus Archaeology under Kursk State University. The vast majority of the coins (469 pcs.) were carved into irregular polygons dimensioned 12–15 mm, and three thirds of them were cut out of the edges of dirhams with a weighting standard $M_W = 0.6$ g, whereas one fourth of them were cut out of the centres of dirhams with weighing standards $M_W = 1.0$ and 0.6 g. The chronological interval between the identifiable coins was approximately 100 years from 279 to 379 A.H. However, the earliest limiting time point, or terminus post quem, of the hoard for the cut-outs with complete dating was 370/980. This data fully corresponded to the known linear dependency diagram in this publication are formed exactly on the known linear plot $M_W = f(t.p.q.)$, once again confirming its reliability. Simplest types of graffiti were discovered on 25 cuttings – more frequently represented by single lines, and less frequently – by two lines, an angular line, a cross, and on a single occasion – by a tamga-shaped sign. Archaeologists who were the co-authors of this article conducted prospecting excavations at the hoard discovery site, demonstrating that in the 10th century an ancient village of Shuklinka archaeological complex was located almost adjacent to the central settlement at the site.

Keywords: Seima region, northerners, ancient village, countable monetary circulation, round dirham cuttings, histogram, graffiti.

Еще в середине XX в. В.Л. Янин выявил связь обрезанных в кружок дирхамов с «Курской землей», по его выражению [30, с. 146]. С тех пор количество кладов с вырезками Северной земли многократно увеличилось (табл. 1). При этом все нумизматические комплексы из числа локализованных, за исключением найденного еще в 1930 г. Безлюдовского, были обнаружены на сравнительно небольшой территории летописного Посемья, причем в его пределах наблюдается их явное тяготение к Курску и его ближайшей округе (рис. 1).

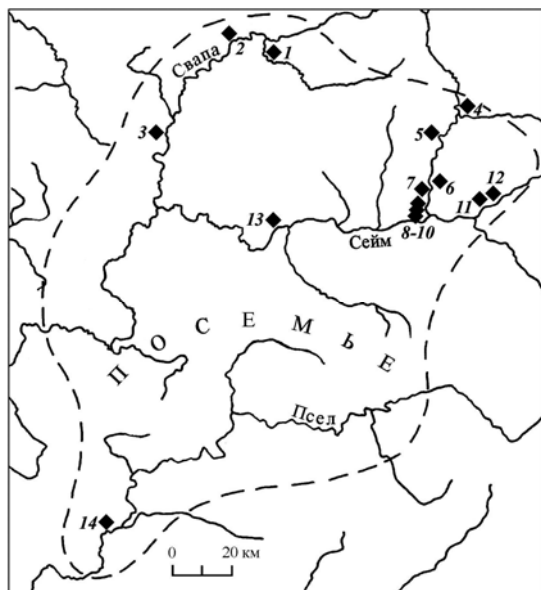

Рис. 1. Клады с круглыми вырезками из куфических дирхамов на территории Посемья
 1 – Жидеевка (2003 г.); 2 – Ратманово (2009 г.); 3 – Береза (1910 г.); 4 – Воробьевка 2-я (1965 г.); 5 – Переверзево (2002 г.); 6 – Волобуево (1947 г.); 7 – Шуклинка (2009 г.); 8–10 – Курск (1946, 1998, 2010 гг.); 11 – Красниково (1978 г.); 12 – Рать (1999 г.); 13 – Кудеярова гора (2009 г.); 14 – Шпилевка (1887 г.).

Регион явно выделялся динамикой своего развития на общем фоне Северной земли [3, с. 200–256], при этом была заметна его роль в процессе импорта арабских дирхамов, где Посемье занимало ведущую позицию в снабжении серебром Киева и Чернигова [25, с. 76–78].

Таблица 1

Клады с круглыми вырезками на территории Северной земли

№ п/п	Место находки	Год находки	Количество монет			Младшие монеты, гг.х.	Средний размер, мм	Преобладающая весовая норма клада, г	Источники
			все-го	атрибутировано	обрезано в круг				
1	Шпилевка Сумской обл.	1887	?	89	66	356	–	не определена	[18, № 305]
2	Береза Курской обл.	1910	1852	1733	907	350	–	1,1	[30, с. 146]
3	Безлюдовка Харьковской обл.	1930	1100	1092	1092	324	–	а). 1,3 (по 28 экз.) б). 1,4 и 1,2	а). [15, № 159]; б). результаты исследования авторов.
4	Курск	1946	6	–	6	–	–	не определена	[30, с. 142]
5	Волобуево Курской обл.	1947	82	58	57	364	13,5 x 15	1,0 (до 350 г.х.) 0,7 (350–360-е гг.х.)	[6, с. 94]
6	Воробьевка 2-я Курской обл.	1965	~1000	174	158	365	15,5	0,85; 1,0; 1,15	КОКМ. Инв. № 24839.
7	Красниково-1 Курской обл.	1978	~350	28	27	357	14,5	0,8	[12, с. 6]
8	Курск, Орел (?)	1978, 1990	> 1050	1050	1050	360-е	–	0,5-0,8	[26, с. 55]
9.	Курск	1998	102	90	90	343	17,5	1,2	[22, с. 200]
10.	Рать, Кур-	1999	350	346	339	329	19,0	1,35	[22, с. 184]

	ская обл.								
11.	Переверзево Курской обл.	< 2002	383	383	383	347	18,0	1,1 и 1,3	[22, с. 193]
12.	Жидеевка Курской обл.	2003	320	320	297	364	13,5	не опре- делена	[29, с. 46].
13.	Кудеярова гора, Кур- ской обл.	2009	23	23	23	379	10 x 11	0,4	[7]
14.	Ратманово Курской обл.	2009	17	17	17	366	14,5 x 15	0,7	[13, с. 53]
15.	Шуклинка Курской обл.	2009	472	472	470	370	13 x 14	0,7	Курский гос. университет
16.	Курск	2010	?	5	5	315	21,5	1,8	Стародубцев Г.Ю., частное сообщение Лебедеву В.П.

В связи с этим постоянное расширение числа посемских кладов с круглыми вырезками выглядит уже закономерным, хотя обстоятельства обнаружения нового нумизматического комплекса, как чаще всего бывает, определялось случаем. В 2009 г. в д. Шуклинка Курского района Курской области местный житель на участке селища роменской культуры брал грунт для подсыпки могилы на расположенном рядом кладбище. Практически сразу же под дерном им был найден клад арабских дирхамов и обломки раннекругового горшочка, которые склеились почти в целую, только без крайней верхней части, форму (рис. 2). Директор расположенной рядом агробиостанции Курского государственного университета В.С. Алябьев (КГУ) получил от находчика большую часть клада (410 монет) и передал ее в НИИ археологии юго-востока Руси КГУ. Выезд на место позволил точно локализовать место находки, а также собрать еще 58 монет. Кроме того, было установлено, что около трех десятков монет разошлось по рукам и просто потерялось. В ходе проведенных в 2010 г. стационарных исследований было обнаружено еще 4 дирхама. Таким образом, изначально комплекс насчитывал примерно 500 монет.

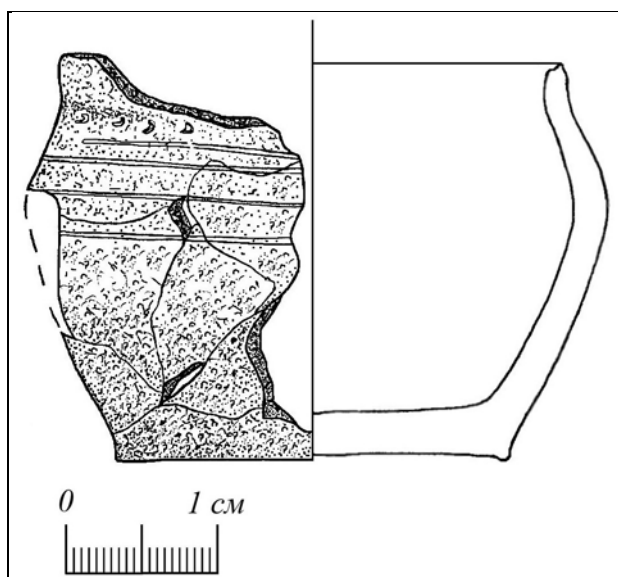

Рис. 2. Шуклинский клад. Раннекруговой горшочек

В Шуклинском кладе куфические дирхамы, за исключением трех сегментовидных фрагментов, были обрезаны в кружок (см. приложение 1). При исходных размерах куфических дирхамов X в. в 27–33 мм их диаметр составлял всего 12–15 мм. Среди вырезок немногие имели вид правильного круга, гораздо чаще их форма представляла собой разносторонний многоугольник (фототабл. 3). Монеты явно выбивались не цилиндрическим пробойником, а вырезались ножницами, следы которых в некоторых случаях прослеживались по краям. Форма некоторых монет позволя-

ет допустить, что для обрезки иногда использовались и крупные обломки дирхамов (фототабл. 3/414, 415).

Часть вырезок (122 экз.) была выкроена из центра дирхамов, поэтому круговые легенды с выпускными данными отсутствовали, зато имевшиеся в центральных легендах имена эмитентов, иногда – их важных сановников и багдадского халифа – сохранялись. Большая часть «кружков» (347 экз.) была вырезана из периферии дирхамов, поэтому на них сохранились только фрагменты выпускных данных. Вследствие этих причин точная атрибуция всех монет оказалась невозможной. Частично атрибутированы были 309 монет, что составляет 2/3 или 65,5% всего клада. Лишь на 30 дирхамах удалось прочесть полностью год выпуска, что совершенно недостаточно для хронологической характеристики клада. Поэтому, опираясь на время правления амиров и их вассалов, имена халифов, на учет периодов упоминаний в монетных легендах имен других лиц – были установлены интервальные датировки еще для 265 экземпляров (таблица 2). 107 монет определить не удалось, а 56 экземпляров оказались полностью стертными.

Таблица 2

Монеты Шуклинского клада с точной и интервальной датировкой

№ по прил. 1	Династия, амир	Халиф	Другие имена и титулы	Датировка гг.х.	Ц	К
1, 2	Аббасиды	?	–	2хх	1	1
3	Саманиды Исмаил б. Ахмад	ал-Мутаид	–	279–289	–	1
4, 5	"	ал-Муктафи	–	289–295	–	2
6–10	Ахмад б. Исмаил	ал-Муктадир	–	295–301	3	2
11	Наср б. Ахмад	"	Нух б. Наср	320	1	–
12	"	"	–	317–322	–	1
13–22	"	"	–	295–320	10	–
23	"	?	–	321	–	1
24	"	ал-Кахир	–	320–322	–	1
25	"	ар-Ради	Нух б. Наср	322–329	1	–
26	"	?	–	329	1	–
27	"	?	–	330	–	1
28–36	"	ар-Ради	–	322–329	9	–
37–38	"	ал-Муттаки	–	329–333	2	–
39–53	"	?	–	301–331	11	4
54–55	Нух б. Наср	?	–	331–333	1	1
56	"	ал-Мустакфи	–	340	1	–
57	"	?	–	341	–	1
58–73	"	ал-Мустакфи	–	331–333	2	14
74	"	ал-Мути	–	334–343	1	–
75, 76	"	?	–	33(4,7,9?)	–	2
77–82	"	?	–	331–343	3	2
83	А'бд ал-Малик	ал-Мути	–	(336? 346?)	–	1
84	"	ал-Мустакфи	–	343	–	1
85–86	"	ал-Мути	–	344, 349	–	2
87–93	"	?	–	345, 347(2), 348, 349(2)	–	7
94–96	"	?	–	34х	–	3
97–102	"	ал-Мути	–	343–350	2	4
103–116	"	?	–	343–350	6	8
117–120	Мансур б. Нух	ал-Мути	–	351, 354	–	4
121–128	"	?	–	354, 355	–	4, 3
129	"	ал-Мути, ?	–	355	–	3
130–133	"	" , ?	Богра-бек	351–355	1	3
134–145	"	?	–	356, 357, 358,	–	12

				359		
146(406)	"	ал-Мути	Музаффар	352–358	–	1
147–149	"	"	–	355–359	–	3
150–159	"	", ?	–	35х	1	8
160–163	"	?	Мектум	360, 360, 360, 361	–	4
164	"	?	–	364	Сегмент	
165	"	?	Фаик	364	–	1
166–68	"	?	–	364, 365	–	3
169–171	"	ал-Мути	–	36х	–	3
172–185	"	ал-Мути	–	350–366	3	11
186, 187	"	ат-Таи	–	363–366	–	2
188–191	"	?	Фаик	354–366	–	4
192–228	"	?	–	350–366	3	34
229	Мансур I или Нух II?	?	–	36х	–	1
230–231	"	ал-Мути	Фаик	354–366	1	1
232–242	"	?	Фаик	354–374	–	11
243–244	Нух б. Мансур	ал-Мути	"	366–369	–	2
245, 246	"	?	–	366–369	–	1
247	"	?	–	36(4,7,9?)	–	1
248–250	"	?	Фаик	369	–	3
251	"	ат-Таи	–	370	–	1
252–253	"	", ?	–	37х	–	3
254–258	"	ат-Таи	–	366–381	1	4
260	?	ал-Мути	–	(339, 349, 359?)	–	1
288	<i>Волжская Булгария</i> Талиб б. Ахмад	ал-Мустакфи	–	338–341	1	–
289–292	<i>Зийариды</i> Захир ад-Давла	ат-Таи	Абу Мансур	364–366	2	2
293–295	"	?	–	356–367	–	3
296	<i>Бувайхиды</i> Рукн ад-Давла	?	Адуд, Муайид	357	–	1
297–300	"	?	Абу 'Али Буи	336–366	1	3
301	"	ат-Таи	–	363–366	1	–
302	"	?	Адуд ад-Давла	341–369	–	1
303	"	ал-Мути	Адуд, Муайид	356–366	–	1
304	Адуд ад-Давла	?	–	369	–	1
305	"	?	Абу Шуджа	36х	1	–
306	"	?	"	366–372	1	–
307, 308	"	?	–	340–372	1	1
309	?	?	Абу Мансур	356–373	–	1
310	?	ал-Муттаки	–	329–333	1	–
311, 312	?	?, ал-Мути	–	356, 360	–	2
314–325	?	ал-Мути	–	343–369	4	8
Итого:					78	217

Ц – вырезка из центра монеты; К – вырезка из края монеты.

Династийный и географический состав определимых дирхамов оказался не широким и типичным для средних по объему кладов этого времени (таблица 3). На фототабл. 2 приведены образцы изображений определимых монет клада – по одному для всех эмитентов дирхамов [Номера в скобках даны по приложению 1. 1 – Аббасиды (№2); 2, 3 – Саманиды, Исмаил б. Ахмад (№ 3, 4); 4 – Ахмад б. Исмаил (№6), 5 – Наср б. Ахмад, Балх, 320 г.х. (№11); 6 – то же с халифом ал-Кахир (№24); 7 – Наср б. Ахмад, Самарканд, 330 г.х. (№27); 8 – Нух б. Наср, 341 г.х. (№57); 9 – Мансур б. Нух, 344 г.х. (№85); 10 – Мансур б. Нух, 354 г.х. (№122); 11 – Мансур б. Нух, Андараба 360 г.х. (№160); 12 – Нух б. Мансур, 370 г.х. (№248); 13 – Волжская Болгария, Талиб б. Ахмад (№288); 14 – Зийариды, Бистун б. Вушмгир, Джурджан, 366 г.х. (№290); 15 – Бистун б. Вушмгир, Сарийа 365–366 гг.х. (№291); 16 – Бувайхиды, Рукн ад-Давла, Испахан, 357 г.х. (№296); 17 – Рукн ад-Давла, Джурджан, 369 г.х. (№304); 18 – Адуд ад-Давла, Амул, 369–370 гг.х. (№306); 19 – Адуд ад-Давла, 340–372 гг.х. (№307); 20 – династия не установлена, Васит (№326)]. Общий хронологический состав дирхамов Шуклинского клада составил около 100 лет (279–370–379?/ 892–980–989 гг.). Не смотря на то, что младшая монета клада среди экземпляров с полным годом – 370/980 г., дата тезаврации клада может оказаться близкой к середине 370–х/980-х гг. Причиной является присутствие в составе комплекса также трех монет с неполным годом 37х г.х., что может соответствовать 371–379 гг.х., и одна монета, датировка которой укладывается в широкие рамки: 366–381 гг.х.

Таблица 3

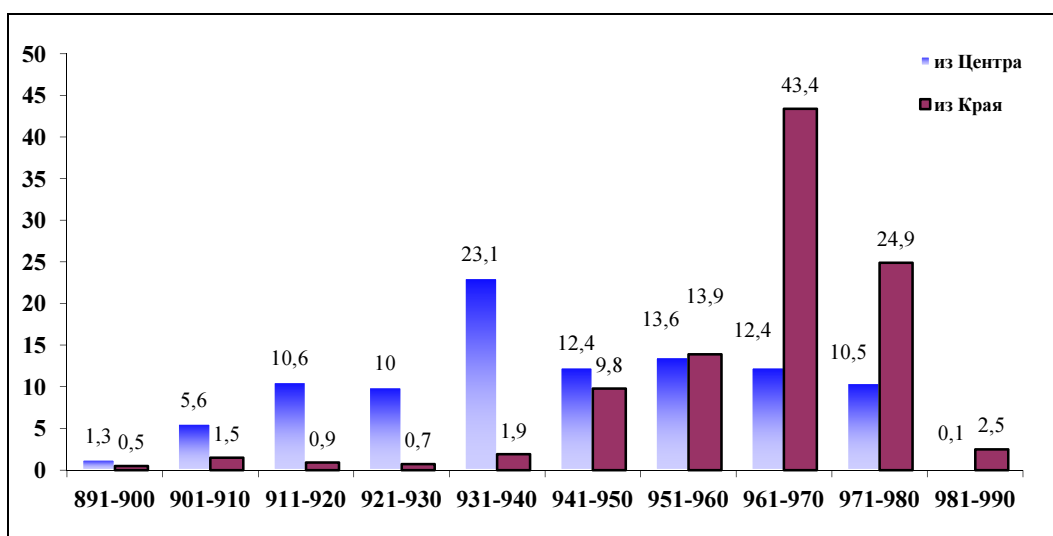
Династийный и географический состав Шуклинского клада

Династия	Количество,		Монетные дворы
	шт.	%	
Аббасиды	2	0,4	?
Саманиды	285	60,4	Андараба, Балх, Бухара, Нисабур, Рашт, Самарканд, аш-Шаш
Волжская Булгария	1	0,2	Булгар
Зийариды	7	1,5	Джурджан, Сарийа
Бувайхиды	14	3,0	Амул, Испахан, Джурджан
Не определена	107	22,6	Васит
Утрачена	56	11,9	–
Всего:	472	100,0	

Как было установлено, имеется хронологическая зависимость между местом вырезки из дирхама и хронологией (гистограмма 1)¹. Для вырезок из центра использовались дирхамы 910–970-х гг. (92% всех этого типа) с максимумом количества, приходящемся на 930-е гг., тогда как для вырезок из края – 940–980-х гг. (91,5%) с максимумом в 960-е гг. Широкий временной интервал центровых кружков обусловлен тем, что первоначально обрезке подвергались более ранние дирхамы по весовой норме 1,0 г (по-видимому, дирхамы 910–940 гг.), а затем, как и краевые вырезки, по норме 0,7 г (дирхамы 950–970 гг.).

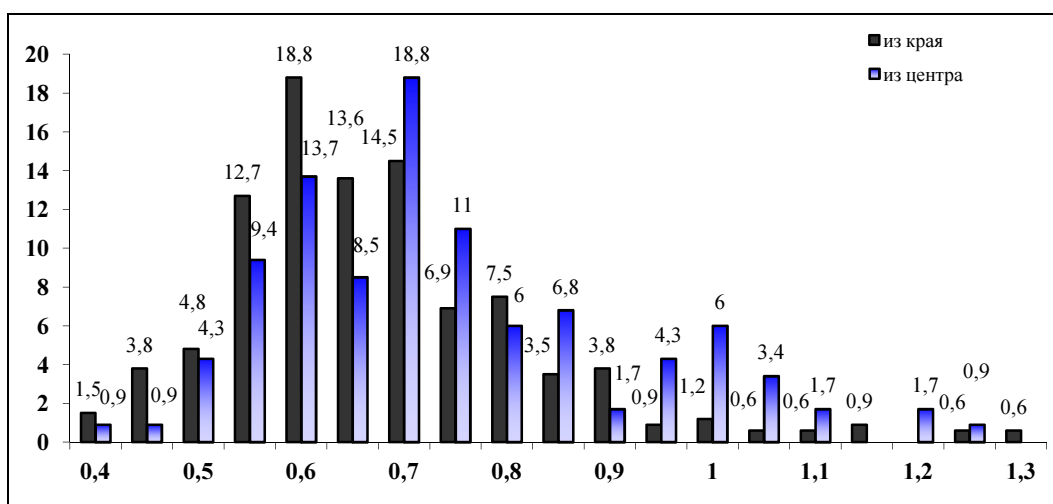
¹ Метод построения хронологических гистограмм описан в приложении 2.

Гистограмма 1. Гистограмма хронологического распределения вырезок из центра и края куфических дирхамов в Шуклинском кладе.
По оси «Х» – десятилетия, г.н.э.; по оси «У» – частота, %%

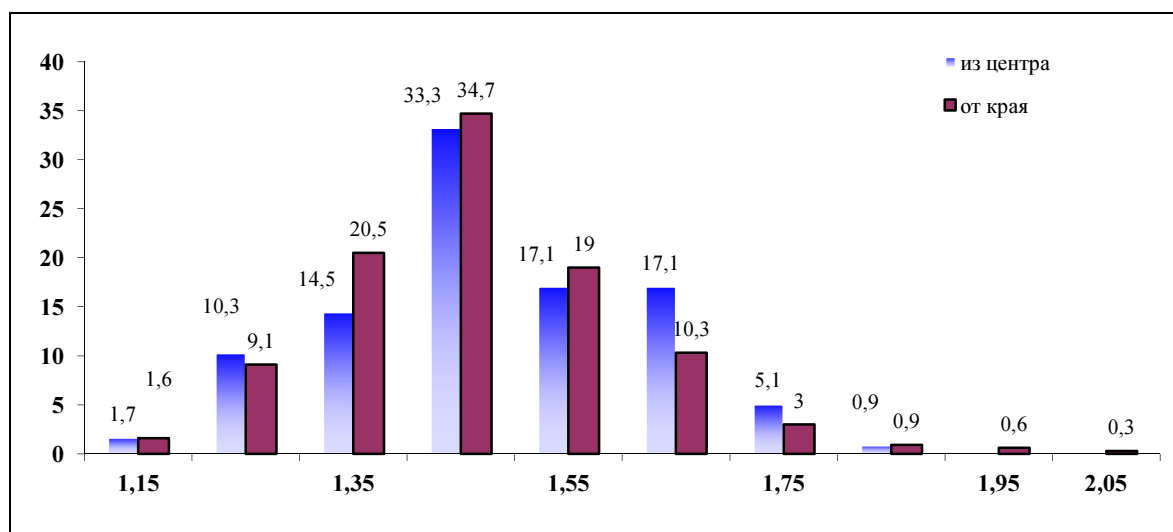
Метрологические характеристики монет клада также были рассмотрены отдельно для центровых и краевых вырезок (гистограмма 2). Построенные гистограммы показывают, что если для краевых вырезок весовое распределение мономодальное со значением моды 0,59 г, то распределение центровых монет бимодальное, хотя и не столь отчетливо выраженным вторым пиком. Около 1/3 центровых вырезок имеют средний вес 1,0 г, а у остальной 2/3 монет значение моды 0,63 г, то есть практически как у краевых.

Гистограмма 2. Гистограмма распределения количества монет по значениям их веса с учетом места вырезки из куфических дирхамов в Шуклинском кладе.
По оси «Х» – вес в граммах; по оси «У» – количество монет в %

Распределения обоих видов вырезок по размерам оказались одинаковыми: большинство их представляло собой грубые овалы с колебанием диаметров в пределах 13–14,5 мм. Применение формулы расчета площади эллипса $S = \pi/4 \times D_{\text{мин}} \times D_{\text{макс}}$ полностью подтверждает тождественность обеих групп монет по этому показателю: распределения оказались мономодальными с одинаковой модой 1,45 см² (гистограмма 3).

Гистограмма 3. Гистограмма соотношения площадей центровых и краевых вырезок из куфических дирхамов в Шуклинском кладе.
По оси «X» – площадь, см²; по оси «Y» – частота, %%

Последние исследования авторов показали, что обрезка куфических дирхамов в кружок имела своей основной целью сохранение поштучного обращения монет [6; 7; 11, с. 130–141]. К настоящему времени построение графика *весовая норма обрезки = f(t.p.q. кладов)* полностью завершено (с учетом пока не изданных Беловском и Мазеповском кладам). Этот процесс начался еще в начале X в. при весовой норме круглых вырезок в 1,95 г. В последующем эта весовая норма плавно снижается и с 923 по 990 годы² она изменяется от 1,95 г до 0,4 г (см. рис. 3)³. График демонстрирует практически линейную зависимость: за каждые 10 лет вырезки «худеют» примерно на 0,25 г. Явно преобладающая в Шуклинском кладе мода в 0,6 г хорошо вписывается в эту закономерность.

Взаимосвязь веса вырезок и хронологии позволяет обратиться к вопросу об истинном времени выпадения комплекса. Ранее авторами была обоснована поправка, учитывающая временной разрыв между чеканом младших монет клада и его выпадением, который составляет в среднем одно-два десятилетия [6, с. 99, 100]. Таким образом, шуклинская находка, вероятнее всего, попала в землю в середине 980-х – середине 990-х гг.

Часть монет Шуклинского клада несет дополнительную, хотя и весьма специфическую информацию, отраженную в процарапанных (большой частью слабо) острым предметом граффити, которые присутствуют на 25 монетах. Еще на 35 экземплярах по краям прослежены следы разметки под вырезку кружков. Граффити по количеству линий и характеру рисунка делятся на несколько типов.

² В данном случае учитываются только хронология чекана монет.

³ Изучение части Воробьевского клада, хранящейся в Курском областном краеведческом музее, выявило несколько весовых мод, в связи с чем, требуется проведение метрологического анализа всего комплекса. По этой причине он не был учтен на графике (рис. 3).

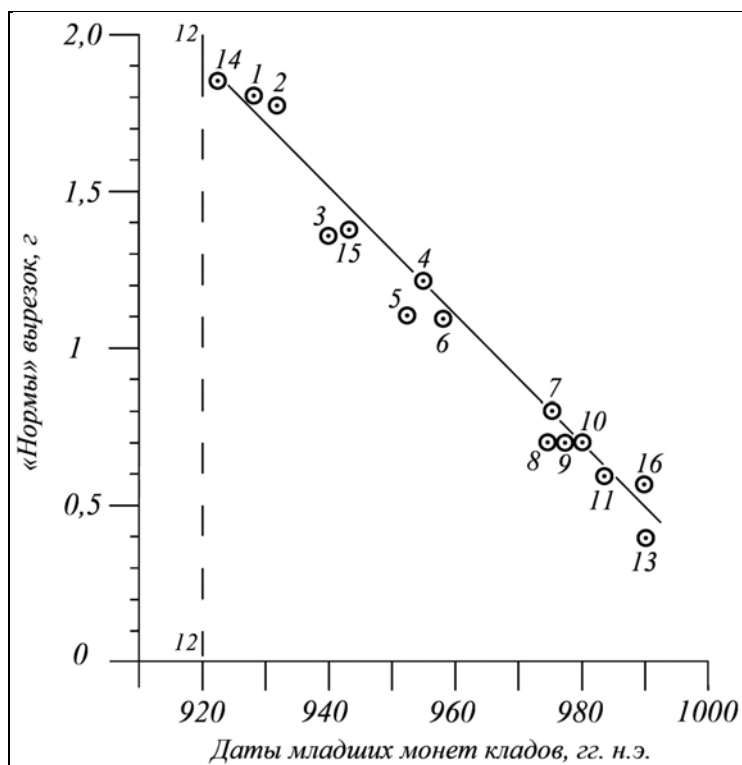

Рис. 3. График зависимости веса вырезок от года младших монет
Клады дирхамов Северной земли
1 – Курский 928 г.; 3 – Ратский 940 г.; 4 – Курский 955 г.; 5 – Березовский 952 г.;
6 – Переверзевский 958 г.; 7 – Красниковский 1-й сер. 970-х гг.;
8 – Волобуевский 975 г.; 9 – Ратмановский 977 г.; 10 – Шуклинка 980 г.;
11 – не локализован 983 г.; 12 – Шеховцовский 920 г.; 13 – Кудеярова гора 990 г.;
14 – Беловский 923 г.; 15 – Мазеповской 944 г.; 16 – Жерновецкий 990 г.

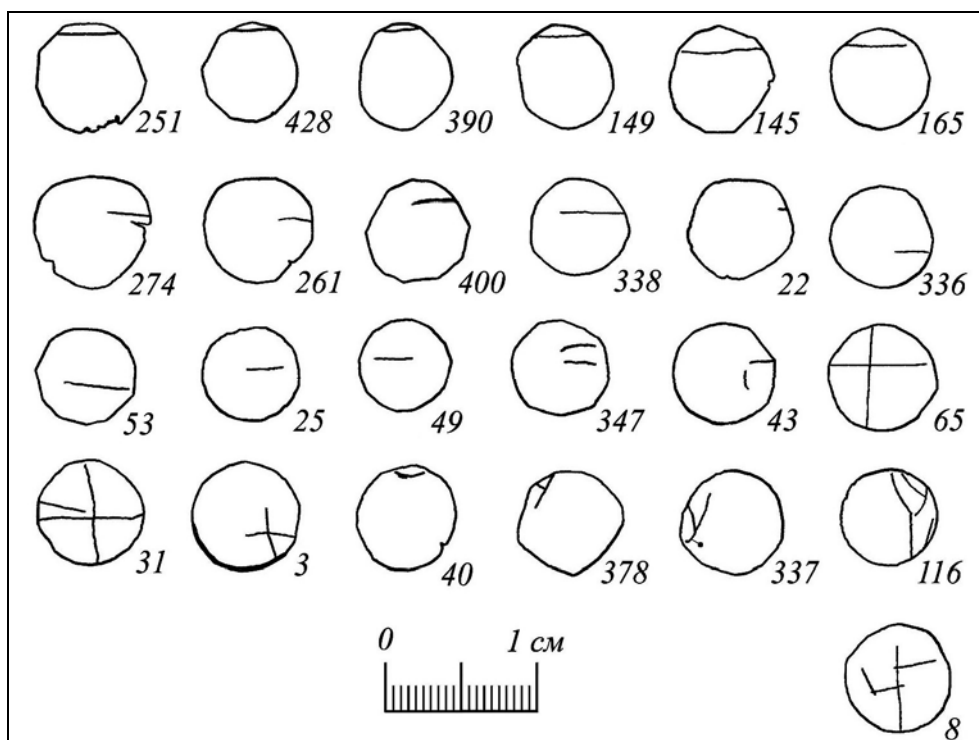

Рис. 4. Граффити на монетах Шуклинского клада (нумерация по приложению 1)

Тип 1, для которого характерна одна прямая линия, является наиболее распространенным (15 экз.). По расположению линии выделяются варианты. Вариант 1 (5 экз.) представлял собой одну линию в виде хорды (рис. 4: № 251, 428, 390, 149, 145). Вариант 2 (7 экз.) отличается от предыдущего тем, что линия с одной стороны пересекает поле монеты не до конца (рис. 4: № 165, 274, 261, 400, 338, 22, 336). Вариант 3 (3 экз.) характеризуется также одной черточкой, концы которой не доходят до краев вырезов (рис. 4: № 53, 25, 49).

Тип 2 (1 экз.) представлен двумя параллельными черточками (рис. 4: № 347, 431), тип 3 (1 экз.) – «уголком» или галочкой (рис. 4: № 151), тип 4 – прямым крестом (рис. 4: № 65, 31, 3). В последнем случае между изображениями имеются небольшие различия: на двух монетах крест полностью пересекал вырезку, однако, на одной из них была добавлена еще линия, а на третьей крест покрывал только четверть поля.

К типу 5 отнесена единственная монета с дуговидным знаком, один конец которого не доходил до края поля (рис. 4: 40). Тип 6 представлен тремя вырезками с изображением «ветки» (рис. 4: № 378, 337, 116). Рядом с «веткой» на монете № 337 была поставлена (видимо, шилом) глубокая точка, которая тонкой линией «соединялась» с основной частью граффити. «Ветка» на монете № 116 была дополнена «отростком», а также линией по краю, которая, впрочем, могла остаться от разметки. Тип 7 отмечен на одной монете и представляет собой тамгообразный знак (рис. 4: № 8).

Таким образом, подавляющее большинство граффити отличались исключительной простотой, и, согласно классификации И.Г. Добровольского, И.В. Дубова и Ю.К. Кузьменко, их с полным основанием можно отнести к последней седьмой группе граффити, которую характеризует отсутствие возможности прочтения [2, с. 77]. Исследователи в своей работе при анализе восточноевропейских кладов опирались на материалы Государственного Эрмитажа, поэтому комплексы южных земель были использованы ограниченно, в том числе северянские представлены единственным кладом из Нижней Сыроватки с младшей монетой 812/13 г. В.Е. Нахапетян и А.В. Фомина расширили количество восточноевропейских кладов, включив в их число, помимо прочих, и комплексы с преобладающими вырезками (Береза, 952 г., Боршево, Безлюдовка, Воробьевка 2-я). В результате были получены следующие выводы. Две трети всех граффити X в. были нанесены на круглые вырезки. Примитивные по написанию знаки, вероятнее всего, связаны с системой подсчета, что свидетельствует о существовании локальных рынков, тогда как тамгообразные, в частности, «ветки» – со знаками собственности [20, с. 170–176]. С трактовкой простых граффити в качестве счетных знаков, хотя и с некоторым сомнением, согласилась Е.А. Мельникова, проанализировавшая монеты из собраний Украины, происходящие главным образом с территории Руси с центром в Киеве [19, с. 284].

Почти все выделенные нами типы знаков имеют аналогии в названных работах, что в целом свидетельствует о типичности шуклинского «набора». В то же время имеется и некоторая специфика, что объясняется вполне понятной разницей между обобщенной картиной и конкретным составом изображений. Так, для круглых вырезов наиболее характерными, по мнению В.Е. Нахапетян и А.В. Фомина, являются галочка, черточки, крест и «птичья лапка». В Шуклинке галочка присутствует только одна, причем небрежно выполненная, а «птичья лапка» вообще не отмечена. Нет аналогий тамгообразному знаку типа 7, что вполне объяснимо, если принять его трактовку в качестве символа собственности. Наконец, пока только в Шуклинке присутствуют знаки типа 1 варианта 1 («хордовые»). Следует отметить, что большая их часть располагалась у края монет, поэтому может соотноситься с разметкой дирхамов под обрезку, в силу чего о принципиальном характере такого рода отличия говорить преждевременно.

В итоге небольшой набор граффити на мелких вырезках Шуклинского клада еще раз осветил незнакомство северян с разными видами письменности, существовавшими в других регионах Восточной Европы.

Находка Шуклинского клада на археологическом памятнике представила довольно редкую возможность определить обстоятельства его сокрытия. Ранее в Посемье был известен только один подобный случай. В 1965 г. около д. Воробьевка 2-я Золотухинского района Курской области был найден клад дирхамов с младшей монетой Мансура ибн Нуха (975/76 г.). В 1968 г. здесь провел раскопки С.С. Ширинский. В результате комплекс дополнился не только монетами, но и украшениями, в том числе элитного для северян характера (серебряное семилучевое кольцо), а также бочонковидной гирькой [28, с. 68, 69]. К сожалению, эти материалы остались неизданными, поэтому установить обстоятельства сокрытия комплекса можно только по отчету о раскопках. Клад был

найден на небольшом поселении-«хуторе», состоящем из одного домохозяйства. Жилой дом оказался практически уничтоженным вспашкой, в ходе которой был значительно «расташен» и клад. Тем не менее, общая планиграфия свидетельствует в пользу того, что он был сокрыт за пределами жилого дома [27, с. 4, 5, табл.V]. В свою очередь, Воробьевка 2-я входила в небольшую общину, включавшую в себя еще два «хутора» (Воробьевка 2-я, селище 2 и Уколово 3-е, селище 1). Нетипичность ее структуры (небольшой коллектив, отсутствие городища), судя по всему, объясняется местоположением: «воробьевская» община проживала на северо-восточной границе Посемья и, следовательно, первой встречала торговые караваны, которые в условиях почти полного безлюдья шли многие десятки километров по Оке с переходом в Снову. «Хозяин» клада, как показывают находки, имел отношение к торговле и явно занимал привилегированное положение в общине [3, с. 175, 176].

В отличие от «воробьевской», «шуклинская» община представляла собой близкий к классическому для Посемья пример поселенческой структуры, которая в идеальном виде состояла из общинного центра в виде городища и ближайшей округи из нескольких мелких поселений-«хуторов», расположенных в радиусе 3–5 км⁴. Такие минимальные зоны концентрации памятников, как правило, имели хорошо выраженные границы в виде «нейтральных зон» или элементов рельефа (овраги, балки), которые отделяли их от соседних образований подобного рода [3, с. 165–178, рис. 45].

Шуклинский археологический комплекс располагался на высокой, до 50 м, террасе р. Тускарь, правом притоке р. Сеймы. Левый берег реки – низкий, местами заболоченный. Центральным элементом комплекса является городище площадью около 0,6 га, с напольной стороны которого хорошо сохранились остатки укреплений в виде вала более 5 м высотой и рва. В 1948 г. О.Н. Мельниковская провела здесь разведочные работы четырьмя шурфами. По сведениям Т.Н. Никольской, в шурфе 3 были обнаружены остатки роменской полуземлянки и саманидский дирхам 1-й половины X в. [21, с. 66]. В 1952–1953 гг. Т.Н. Никольская исследовала городище раскопами 1 (212 кв. м) и 2 (416 кв. м). Раскопом 3 шириной 2 м и длиной 34,5 м был прорезан вал. К сожалению, Т.Н. Никольская пользовалась крайне схематичным глазомерным планом, поэтому с большой долей уверенности можно установить только местоположение раскопа 3 (рис. 5). В результате были обнаружены напластования раннего железного века (скифоидная, и, вероятно, юхновская культура), однако, основная часть слоя была связана с роменскими древностями. На площадке городища было открыто пять построек, конструкция которых вплоть до воссоздания в графике была проанализирована одним из авторов [8, с. 40–42, Рис. 42–45].

Сразу же за остатками фортификаций городища начинается селище. В настоящее время установлено, что оно имело продолжение и к югу от оврага (ур. Шуклинский лог), на территории агроблюстанции КГУ. Т.Н. Никольская исследовала селище раскопом 1, располагавшимся вблизи северо-восточного края вала и имевшем размеры 10 x 10 м. В результате был обнаружен культурный слой мощностью до 0,6 м с роменскими материалами. Из числа сооружений было открыто несколько ям, которые, судя по очень краткому описанию, имели крайне невыразительный характер. На основании результатов раскопок в литературе утвердилось мнение, что селище содержит напластования как роменского, так и древнерусского времени [1, с. 124]. Но обращение к коллекциям, которые хранятся в Курском государственном областном музее археологии, показало, что древнерусские материалы представлены единственной находкой фрагмента стеклянного браслета, которая в общем контексте выглядит явно случайной.

⁴ В шуклинском варианте их было 3: поселение Вырки, поселение Щетинка и одноименное селище [3, карта].

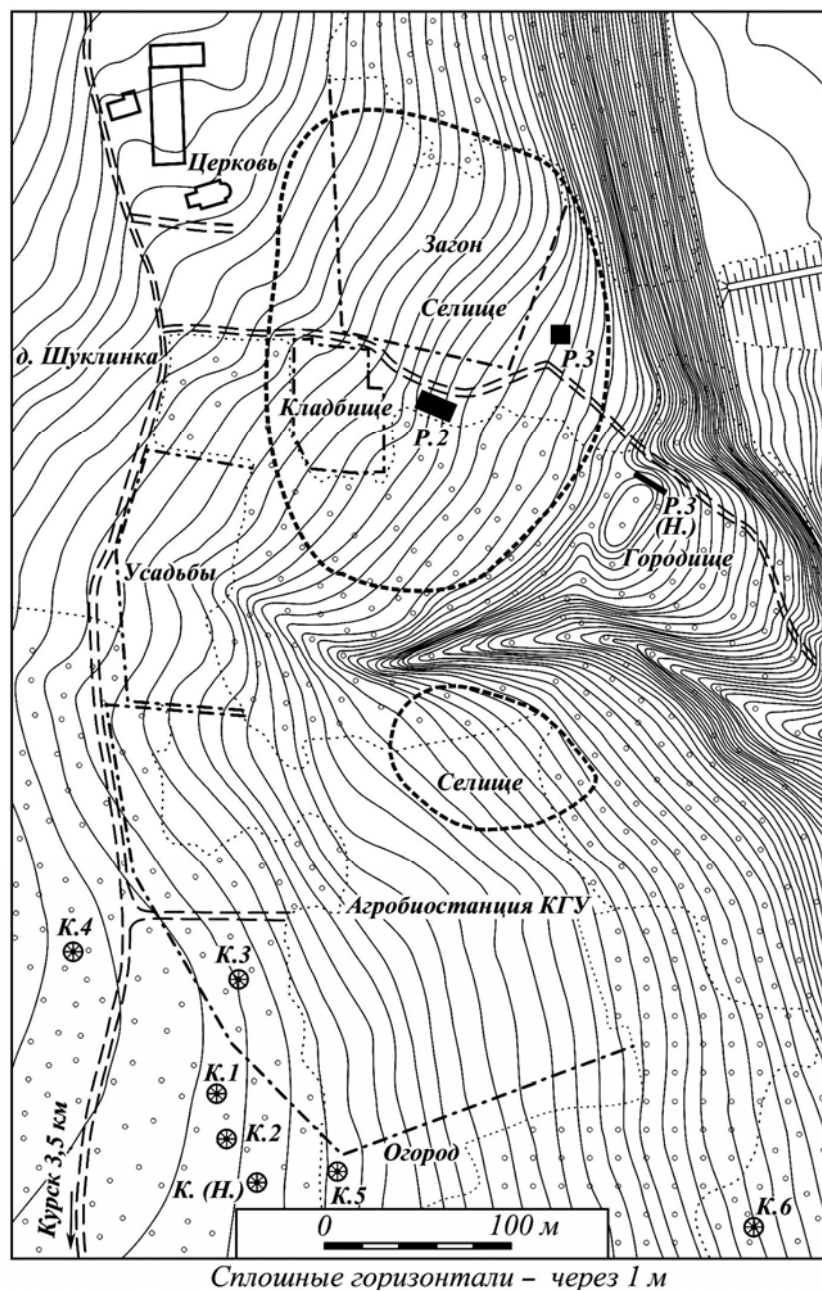

Рис. 5. Шуклинский археологический комплекс (буквой Н обозначены раскопки Т.Н. Никольской)

Еще одним компонентом комплекса является курганный могильник. По сведениям Т.Н. Никольской, он состоял из восьми насыпей. В 1998 г. А.В. Зорин посадил на современную топооснову такое же количество, однако, 5 из них (№ 1–5) определил как насыпи, известные еще Т.Н. Никольской, и еще 3 (№ 6–8) как вновь открытые [9, с. 2, 3. Рис. 1] К началу исследований памятника авторами ситуация оказалась несколько отличной. Было обнаружено 7 насыпей, в том числе следы раскопанного А.В. Зориным кургана 1 и насыпи (без номера), которая исследовалась Ю.А. Липкингом в составе экспедиции Т.Н. Никольской (рис. 5). Оба изученных кургана содержали трупосожжения, относящиеся, судя по развитым формам раннегончарных сосудов, к позднеерменскому времени [10]. В кургане 3, исследованном авторами в 2011 г., оказалось полностью разрушенное современными хозяйственными работами погребение, которое по отдельным фрагментам керамики и кальцинированным косточкам также относится к роменской культуре.

Таким образом, Шуклинка выгодно отличается от других роменских комплексов Посемья степенью своей изученности, что до недавнего времени нельзя было утверждать для селища. Ис-

следования 2010–2011 гг. отчасти восполнили этот недостаток, при этом были установлены обстоятельства сокрытия клада.

Раскоп 2 (2010 г.) площадью 200 кв. м был «вписан» между краем леса и грунтовой дорогой, при этом заметно перекрывал место находки клада⁵. Участок исследований имел значительный наклон с северо-запада на юго-восток, доходивший по длинной оси раскопа до 1,8 м. Культурный слой отличался небольшой толщиной, которая в среднем составляла 0,12–0,15 см, значительно увеличиваясь (до 0,80 м) только в юго-восточной части раскопа.

На изученном участке было выявлено значительное количество объектов, в число которых входили ямы-хранилища, столбовые ямки и водоотводная канава (рис. 6). На общем фоне выделялись 12 хранилищ, из них 4 обладали большими размерами: при диаметре дна до 2,2 м их глубина достигала 2 м (№ 2, 9, 10, 31а). Одно из них после окончания использования было превращено в своеобразное «кладбище» (№ 9): в ней были обнаружены расположенные в два яруса 6 полных скелетов собак, а также черепа еще одной собаки и козы. 8 хранилищ (№ 1, 21, 26, 32, 33, 39, 46, 50) имели меньшие размеры: их верхний диаметр колебался от 0,7 м до 1 м, глубина – от 1 м до 2 м. Большая часть ям имели колоколовидную в разрезе форму. Вероятнее всего, их перекрывали навесы или легкие постройки, от которых сохранились следы столбов.

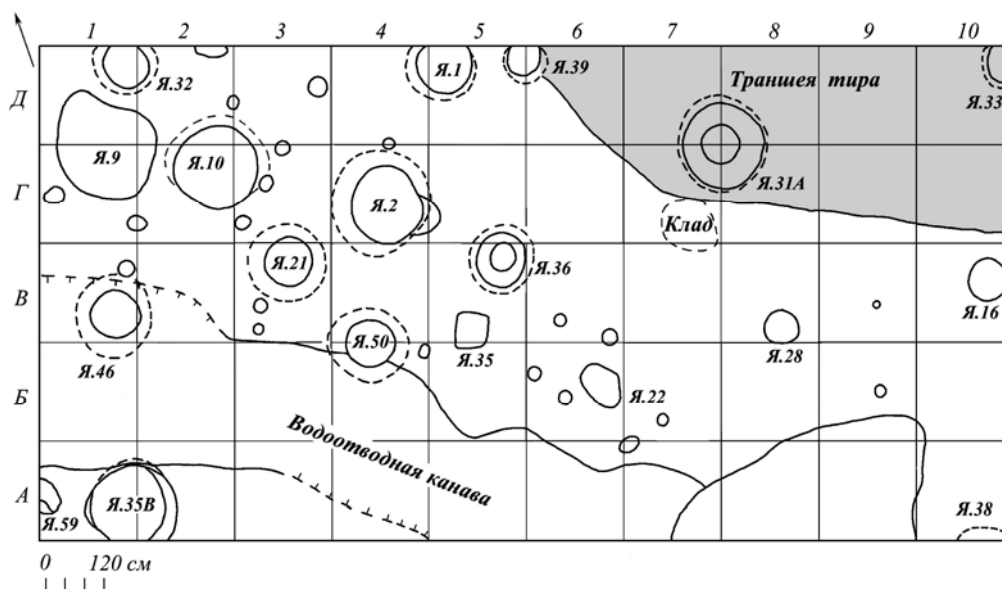

Рис. 6. Селище Шуклинка. Раскоп 2. План сооружений

Всю юго-западную часть раскопа пересекала неоднократно поновлявшаяся канава, призванная отводить воды от хранилищ. В своей нижней части, там, где наклон местности достигал наибольшей величины, она поворачивала в сторону Шуклинской балки, что обеспечивало активный сток. Обращает на себя внимания планиграфия сооружений. Во-первых, на раскопе отсутствовали случаи перекрытия объектами друг друга, что следует трактовать в качестве аргумента в пользу кратковременности использования участка. Во-вторых, водоотводная канава, судя по всему, была сооружена не сразу, так как она частично перекрывает хранилища 46 и 50. Видимо, уже в ходе эксплуатации хозяйственной зоны владельцы пришли к выводу о необходимости водоотвода.

Монетный клад планиграфически явно тяготеет к большому хранилищу 31А. К сожалению, сооружение сильно пострадало: его разрушила глубокая траншея тира советского времени, позднее засыпанная принесенным со стороны материковым мергелем. Яма сохранилась только в своей нижней части на высоту 0,4 м. Диаметр дна доходил до 2 м. В центральной его части прослеживалось плавное понижение в 0,27 м при диаметре 0,76 м. Глубина ямы, если считать от уровня дневной поверхности, должна была составлять около 1,9 м.

Несмотря на то, что траншея «коснулась» монетного комплекса, он, похоже, практически не пострадал. Видимо, еще ранее клад был «расташен» вспашкой, так как пятно с монетами имело диаметр до полутора метров. Напомним, что основная часть монет была обнаружена сразу же под

⁵ Работы осуществлены при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-72700е/ц.

дерном. Вероятнее всего, клад был прикопан в «полу» наземной части сооружения, перекрывавшего хранилище.

Использование археологических материалов в настоящей работе не преследует цели их полной публикации, поэтому коснемся только аспектов, имеющих непосредственное отношение к обстоятельствам выпадения клада.

Помимо хронологии клада, поздний характер участка роменского селища подтверждается находками, в первую очередь, керамики, набор которой весьма показателен. Наряду с преобладающей лепной роменской посудой хорошо представлены фрагменты как раннекруговых, причем уже достаточно развитого облика (рис. 7: 1, 4), так и круговых сосудов (рис. 7: 2, 3, 5–13). Последние нередко отличаются хорошим качеством и манжетовидным венчиком, что позволяет уверенно отнести их к киеворусскому импорту. Близки по уровню изготовления и обломки горшков с кососрезанными отогнутыми венчиками, которые с конца X в. становятся весьма распространенными уже в древнерусских комплексах, на что, в частности, указывают ранние датированные комплексы курганов в Липино [5, с. 39. Рис. 1/7]. Материалы эталонного для роменской культуры с позиций стратиграфии Большого Горнальского городища позволяют считать, что ввоз в Посемье киеворусской посуды начинается во 2-й – 3-й четверти X в. [16, табл. 2].

Среди индивидуальных находок были стеклянные бусы, перстнеобразные бронзовые височные кольца и половина дровяного браслета с расширяющимися концами, биэсовидная подвеска, обрывок кольчужной ткани, наконечники стрел, разнообразные предметы быта. Для детализации хронологии в пределах X в. они малопригодны, за исключением грушевидного крестопорезного бубенчика, которые на Руси начинают производиться в середине X в. [17, с. 136; 23, с. 156; 14, с. 171, 173. Рис. 8]. Кстати сказать, и на селище (раскоп 3), и на городище были найдены такие же бубенчики [21, рис. 19/4].

Таким образом, участок селища, исследованный раскопом 2, использовался древними обитателями Шуклинки сравнительно недолго, в рамках периода с середины по конец X в. (по середину 980-х – середину 990-х гг.).

Полученные материалы приводят к несколько неожиданному выводу. Сам термин «селище» подразумевает место, где когда-то жили люди, но ни раскопом 1 Т.Н. Никольской, ни раскопом 2 жилые постройки обнаружены не были. Только хозяйственные постройки были обнаружены и на раскопе 3 (2011 г.) площадью 100 м². На Шуклинском селище либо вообще не селились, либо жилые дома были единичными и по этой причине не попали в пределы раскопов, которые, подчеркнем, находились на разных участках памятника. В любом случае, этот компонент памятника, многократно превосходящий по площади городище, использовался главным образом в качестве обширной хозяйственной зоны.

Разнообразие и общее количество индивидуальных находок дополняют ее облик. Категории предметов, обнаруженных на раскопе 2, отражают практически все стороны жизни населения (рис. 8), включая игры детей, что засвидетельствовано рисунком копытного животного (лося?) на пластинке из мергеля (рис. 8/16). Напомним и о киеворусской керамике, которая, судя по всему, использовалась в первую очередь как столовая. На раскопе 3 наблюдается еще большее разнообразие находок, среди которых – качественное подражание дирхаму Насра б. Ахмада (914–943 гг.)⁶, серебряный дровяной браслет, один бубенчик салтовского типа и один – уже указанный выше грушевидный крестопорезной, проволочное височное кольцо, бронзовые полусферические подвески и пуговица, пластинчатый, щитковый и дровяные перстни, самые разнообразные бусы (многочастные пронизки, среди которых была серебростеклянная, стеклянные, бронзовая и сердоликовая разных форм), многочисленные предметы быта и т.д. (рис. 9). Материалы, связанные со сгоревшим на заключительном этапе существования памятника хозяйственным сооружением (яма 4А), отражают занятия рыболовством (находки остроги, блесны, чешуи и рыбьих костей). Рядом с раскопом в яме, выкопанной для установки ограждения кладбища, была обнаружена лунница из билона (?).

⁶ Атрибуция В.П. Лебедева.

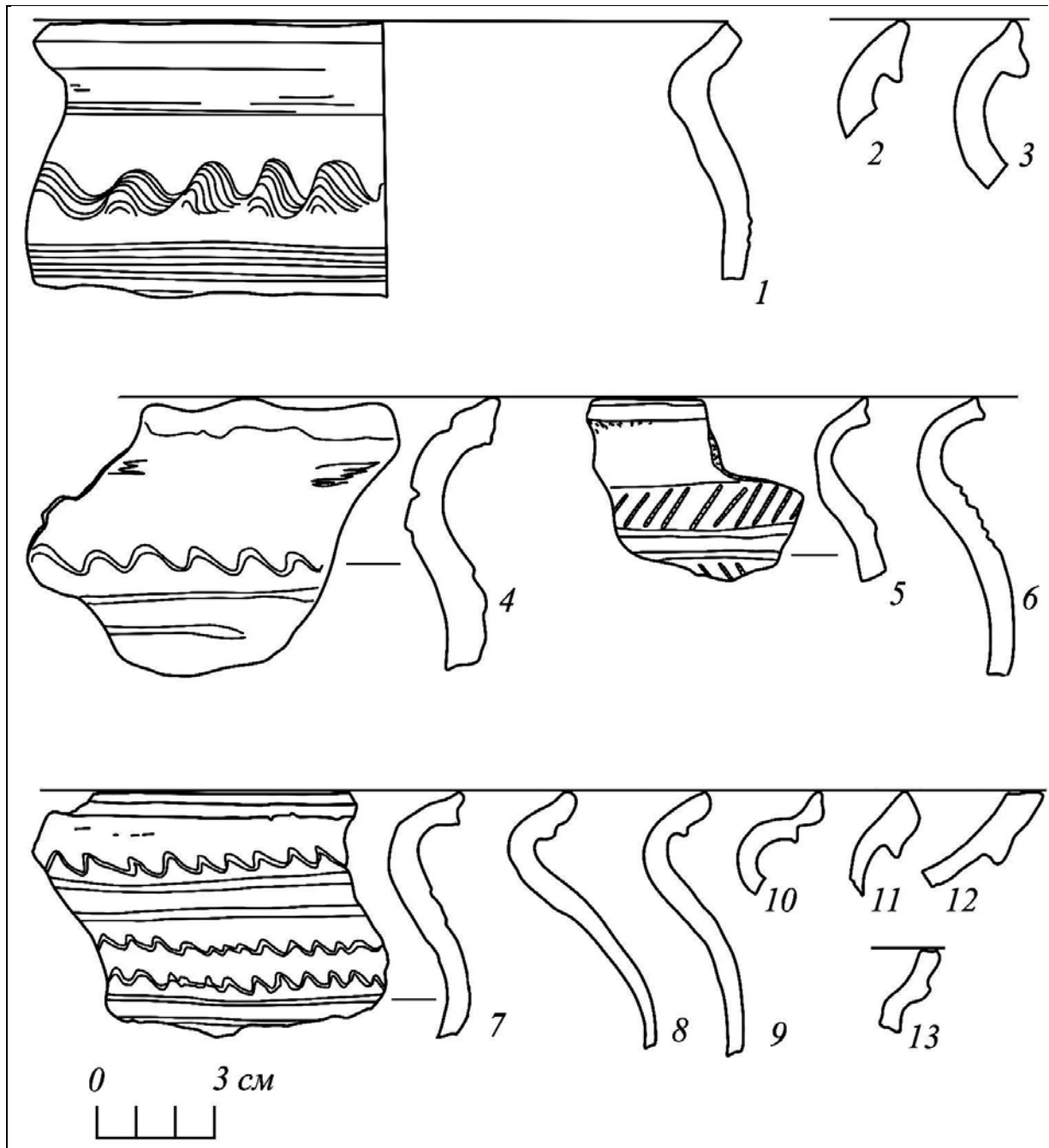

Рис. 7. Селище Шуклинка. Раскоп 2. Раннекруговая (№ 1, 4) и круговая (№ 2, 3, 5–13) керамика

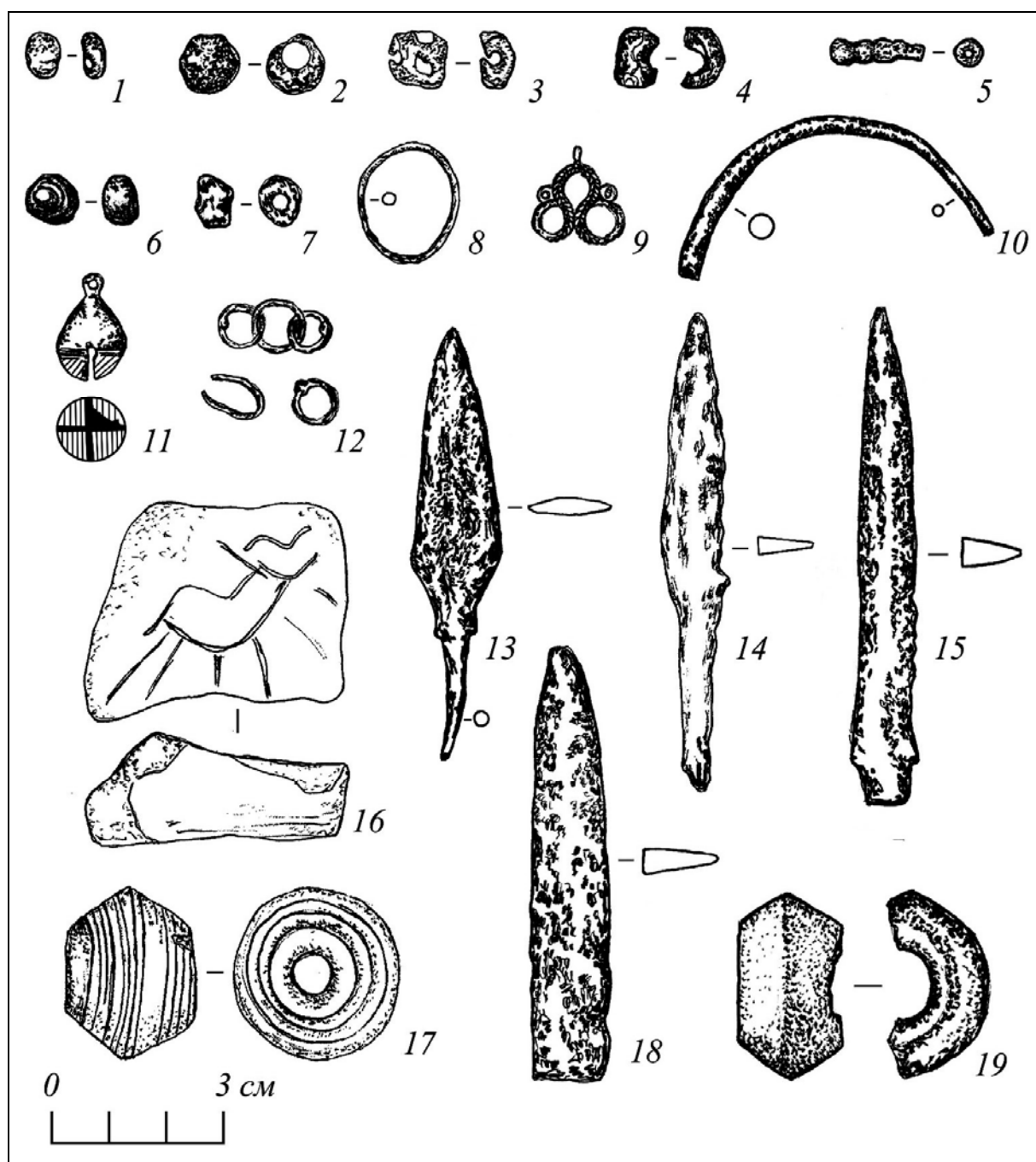

Рис. 8. Селище Шуклинка. Раскоп 2. Индивидуальные находки.

- 1–7 – бусы; 8 – перстнеобразное височное кольцо; 9 – бисеровидная подвеска; 10 – браслета обломок;
 11 – бубенчик; 12 – обрывок кольчужной ткани; 13 – наконечник стрелы; 14, 15, 18 – ножи;
 16 – предмет с рисунком; 17, 19 – пряслица.
 1 – камень; 2–7 – стекло (2 – черное; 3 – бордовое с белыми глазками;
 4 – бордовое с желто-черными глазками; 5 – белое; 6–7 – синее); 8–11 – бронза; 12–15,
 18 – железо; 16 – мергель; 17, 19 – глина.

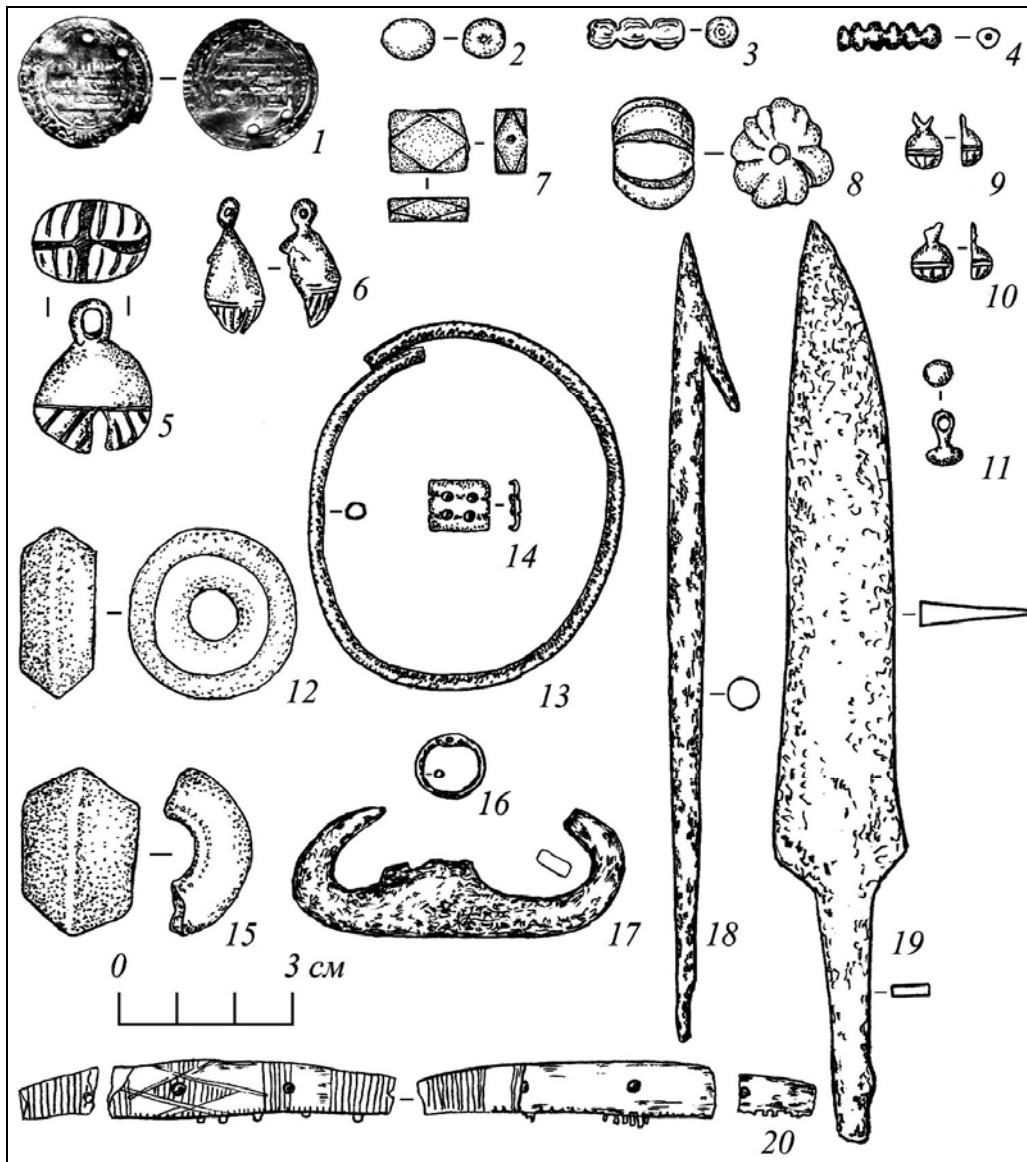

Рис. 9. Селище Шуклинка. Раскоп 3. Индивидуальные находки.

1 – дирхем; 2–4, 7, 8 – бусы; 5, 6 – бубенчики; 9, 10 – половинки полых подвесок; 11 – пуговица; 12, 15 – пряслица; 13 – браслет; 16 – кольчужное кольцо; 17 – кресало; 18 – острога; 19 – нож; 20 – гребень. 1, 13 – серебро; 2–4, 8 – стекло (2 – белое; 3 – желтое; 4 – синее; 8 – прозрачное); 5 – билон (?); 6, 9–11, 14 – бронза; 12 – шифер; 16–19 – железо; 20 – рог.

Показательной является не только разнообразие, но и степень концентрации предметов. На селище в пределах раскопа 2 их в среднем приходится 0,74 на 1 м² (монетный клад не учитывался), раскопа 3 – 2,27. Материалы Т.Н. Никольской дают иную картину: городище – 0,27 находок на 1 м², селище (раскоп 1) – 0,26. Естественно, такого рода сравнение носит условный характер, так как нам неизвестны детали полевой методики исследований 1952–1953 гг., в частности, с ручной переборкой или без нее разбирался культурный слой. Но вряд ли будет ошибкой считать, что напластования селища имели, как минимум, такую же насыщенность находками, как и городище.

Таким образом, в Шуклинке активность и разнообразие жизнедеятельности населения в условиях хозяйственной зоны были не меньше, чем на плотно заселенной территории общинного центра – городище. Находка монетного клада делает эту картину еще более яркой и богатой.

Приложение 1

Шуклинский клад. Атрибуция монет

Обозначения, принятые в атрибуции: В – вес, г; Д – диаметр, мм; Ц. – целый, не обрезанный дирхем; К. – вырезка из края дирхама; МД – монетный двор; л.с. – лицевая сторона; о.с. – оборотная сторона.

Аббасиды

1. Аббасиды, имена, МД утрачен, 2хх г.х. Сегмент. В = 1,12. Размеры: 20,0–45,0.
2. То же, имена, МД, год утрачен. Ц. В = 1,08. Д = 14,0–14,9.

Саманиды, Исмаил б. Ахмад (279–295 / 892–907)

3. Халиф Мутаид (279–289 гг.х.), МД, год утрачен. Ц. В = 0,72. Д = 14,1–14,4.
- 4, 5. Халиф ал-Муктафи (289–295 гг.х.), МД, год утрачен. Ц; К. В = 0,69; 0,69. Д = 14,3–14,7; 12,7–15,3.

Саманиды, Ахмад б. Исмаил (295–301 / 907–913)

- 6–8. Халиф ал-Муктадир, МД, год утрачен. Ц (все). В = 0,69; 0,65; 0,74. Д = 13,2–14; 13,5–14; 13,9–14,3.
- 9, 10. Имя халифа, МД, год утрачен. К (оба). В = 0,62; 0,59. Д = 12,1–12,8; 12,7–12,9.

Саманиды, Наср б. Ахмад (301–331 / 913–942)

11. Халиф (ал-Муктадир, Балх, 320 г.х.), с именем наследника Нуха б. Насра под символом веры на л.с. [24, с. 173]. Ц. В = 0,58. Д = 12,8–14.
12. Халиф ал-Муктадир, аш-Шаш, 317–322 гг.х. [24, с. 168–175]. К. В = 1,05. Д = 12,3–14,5.
- 13–22. Халиф ал-Муктадир (295–320 гг.х.), МД, год утрачен. Ц (все). В = 0,85; 0,85; 0,59; 0,9; 0,7; 0,64; 0,76; 0,7; 0,62; 0,71. Д = 13,4–14,8; 13,9–14,2; 13–13,2; 13–13,9; 13,9–15,1; 14,4–14,7; 14,1–14,8; 12,2–13,1; 14,1–14,3; 13,4–14,1.
23. Имена халифа и амира, МД и год утрачен, 321 г.х. К. В = 0,76; Д = 11,9–13,9.
24. Халиф ал-Кахир (320–322 гг.х.), МД, год утрачен. Ц. В = 0,60. Д = 13,7–14,3.
25. Халиф ар-Ради, МД, год утрачен, на л.с. под символом веры – имя наследника Нуха б. Насра. Ц. В = 0,76. Д = 12,5–13,2.
26. Имя халифа и МД утрачен, 329 г.х., с именем наследника Нуха б. Насра под символом веры на л.с. К. В = 0,73. Д = 12,8–15,2.
27. Имя халифа утрачено, Самарканд, 330 г.х. К. В = 0,79. Д = 12,6–14,0.
- 28–36. Халиф ар-Ради (322–329 гг.х.), МД, год утрачен. Ц (все). В = 0,72; 1,22; 0,76; 0,82; 0,7; 0,7; 1,04; 0,6; 0,64. Д = 13,2–14,3; 12,8–14,4; 12,9–13,5; 13,8–14,4; 12,8–13,2; 12,4–12,9; 14,3–14,5; 13,9–14,5; 13,1–13,4.
- 37, 38. Халиф ал-Муттаки (329–333 гг.х.). Ц. В = 0,60; 1,02. Д = 12,6–13,8; 13,4–13,9.
- 39–49. Имя халифа, МД, год утрачен. Ц (все). В = 0,8; 0,73; 1,02; 0,78; 0,69; 0,77; 0,84; 0,56; 0,95; 0,66; 0,44. Д = 12,1–13,6; 12,9–14; 14,3–15,5; 12,9–14; 13,4–14; 14,1–15,1; 13,3–14,3; 14,1–14,3; 12,9–15,5; 13,0–13,7; 12,3–12,4.
- 50–53. То же. К (все). В = 0,55; 1,02; 1,3; 0,82. Д = 12,5–14,3; 12,8–13,9; 13,0–14,5; 12,8–13,5.

Саманиды, Нух б. Наср (331–343 / 942–954)

- 54, 55. Халиф ал-Муттаки (329–333 гг.х.). Ц (№54); К (№ 55). В = 1,0; 0,71. Д = 13,5–13,7; 13,2–14,2.
56. Халиф ал-Мустакфи (333–334 гг.х., на монетах – до 345 г.х.), (Нисабур, 340 г.х.) [24, с. 201]. Ц. В = 0,58. Д = 13,1–13,8.
57. Имя халифа утрачено, Бухара, 341 г.х. [24, с. 202]. К. В = 0,66. Д = 13,0–13,9.
- 58–71. Халиф ал-Мустакфи. МД, год утрачен. Ц (все). В = 0,98; 0,94; 0,74; 0,85; 0,68; 0,58; 1,08; 0,77; 0,57; 0,68; 1,0; 0,84; 0,59; 0,51. Д = 13,5–13,8; 13,6–14,5; 13,6–14,3; 14,0–14,7; 13,0–14,6; 13,5–14; 14,3–14,8; 14,1–14,9; 12,8–14,2; 12,8–13,9; 13,7–13,9; 14,2–14,6; 12,4–12,9; 13,1–13,4.
- 72–73. То же. К (оба). В = 0,67; 0,79. Д = 12,8–14,2; 14,3–14,7.
74. Халиф ал-Мути (334–363 гг.х.). МД, год утрачен. Ц. В = 0,96. Д = 13,8–14,9.
- 75–76. Имя халифа и МД утрачен, 33(4,7,9?) г.х. К. В = 1,13; 0,70. Д = 13,3–13,8; 13,1–13,7.
77. Халиф ал-Мути. МД, год утрачен. К. В = 0,65. Д = 12,5–14,0.
- 78–82. Имя халифа, МД и год утрачен. К (№ 78, 81); Ц (остальные). В = 0,57; 0,55; 0,67; 0,81; 0,59. Д = 13,4–14,3; 12,5–14,4; 14,5–15,2; 14,4–14,6; 12,0–13,3.

Саманиды, Абд ал-Малик б. Нух (343–350 / 954–961)

83. Нух б. Наср или Абд ал-Малик (?), халиф ал-Мути, Самарканд 3х6 (336 или 346) г.х. К. В = 0,71. Д = 12,5–14,7.
84. Халиф ал-Мустакфи, аш-Шаш, 343 г.х. [24, с. 206]. К. В = 0,69. Д = 13,6–14,3.
- 85, 86. Халиф ал-Мути. МД утрачен, 344 и 349 гг.х. К (оба). В = 0,73; 0,75. Д = 13,4–14,2; 13,1–14.
- 87, 88. Имя халиф утрачено, аш-Шаш, 347 г.х. [24, с. 209]. К (оба). В = 0,46; 0,65. Д = 12,9–13,7; 14,1–14,5.
- 89–93. Имя халифа и МД утрачены, 345, 347, 348, 349, 349 гг.х. соответственно. К (все). В = 0,87; 0,80; 0,66; 0,66; 0,80. Д = 14,3–14,6; 13,5–14,2; 14,1–14,5; 13–15; 13,8–15,4.
- 94–96. Имя халифа и МД утрачены, 34х гг.х. К (все). В = 0,79; 0,6; 0,59. Д = 13,6–15,1; 12,4–14,3; 13,7–14,3.
- 97, 98. Халиф ал-Мути, Бухара, год утрачен. К. В = 0,64; 0,69. Д = 13,2–14,3; 12,9–13,6.
- 99–101. Имя халифа и год утрачены, Бухара. Ц (№ 98), К (№ 100, 101). В = 0,72; 0,71; 0,79. Д = 13,8–14,3; 14,7–15,3; 13,8–14,9.
102. Халиф ал-Мути, Балх, год утрачен. К. В = 0,70. Д = 12,8–12,9.
- 103, 104. То же, но МД и год утрачены. Ц (оба). В = 0,72; 0,56. Д = 12,2–12,9; 12,4–12,6.
- 105–110. Имя халифа, МД и год утрачены. Ц (все). В = 0,72; 1,06; 0,58; 0,85; 0,55; 0,65. Д = 13,4–14,3; 14–14,9; 13,2–13,5; 13,5–13,9; 13,1–13,7; 13,3–13,9.
- 111–116. То же. К (все). В = 0,71; 0,60; 0,82; 0,85; 0,78; 0,7. Д = 13,3–13,8; 13,2–13,8; 15,2–16,1; 13,9–14,4; 12,9.

Саманиды, Мансур I б. Нух (350–366 / 961–976)

117. Халиф ал-Мути, МД утрачен, 351 г.х. К. В = 0,95. Д = 14,3–15,1.
- 118–120. Халиф ал-Мути, МД утрачен, 354 г.х. К (все). В = 0,68; 0,77; 0,6. Д = 13,2–13,8; 13,6–15; 13–14,3.
121. Имя халифа утрачено, (аш-Шаш, 354 г.х.), [24, с. 217]. К. В = 0,54. Д = 13,9–14,1.
- 122–125. Имя халифа и МД утрачены, 354 г.х. К (все). В = 0,67; 0,6; 0,53; 0,62. Д = 13,1–14,3; 13,4–14,8; 12,8–13,5; 12,8–14,5.
126. Имя халифа утрачено, (Бухара 35)5 г.х. [24, с. 218]. К. В = 0,70. Д = 13,1–15,3.
- 127, 128. Халиф ал-Мути, МД утрачен, 355 г.х. К. В = 0,69; 0,98. Д = 13,5–14,0; 13,0–14,0.
129. Имя халифа и МД утрачены, 355 г.х. К. В = 0,78. Д = 12,7–13,6.
130. Халиф ал-Мути, тюркский наместник Бухары Бугра(бек), (Бухара), 35х гг.х. (351–355 гг.х.) [24, с. 213–218]. К. В = 0,53. Д = 13,1–14,6.
- 131–133. Имя халифа утрачено, Бугра(бек), 351–355 гг.х. [24, с. 213, 218]. Ц (№ 132); К (№ 131, 133). В = 0,81; 0,57; 0,62. Д = 13,5–14,2; 12,5–13,7; 12,4–12,9.
134. Имя халифа и МД утрачены, 356 г.х. К. В = 0,61. Д = 12,7–13,2.
135. Имя халифа и МД утрачены, 357 г.х. К. В = 0,64. Д = 12,7–13,8.
136. Имя халифа утрачено, Бухара 358 г.х. К. В = 0,88. Д = 13,9–14,8.
- 137, 138. Халиф ал-Мути, МД утрачен, 358 г.х. К (оба). В = 0,77; 0,47. Д = 12,8–14; 13,3–14.
139. Имя халифа утрачено, Бухара (35)9 г.х. [24, с. 223]. К. В = 0,61. Д = 12,9–13,0.
- 140–145. Имя халифа и МД утрачены, 359 г.х. К (все). В = 0,69; 0,64; 0,45; 0,55; 0,59; 0,72. Д = 12,3–13,1; 13,4–13,8; 12,1–13,9; 12,4–14,3; 12,7–14; 13,3–14,5.
146. Халиф ал-Мути, со словом Музаффар, Балх (352–358 гг.х.). [24, с. 214–221]. К. В = 0,67. Д = 13,2–14,3.
- 147–149. Халиф ал-Мути, (Бухара, 355–359 гг.х.) [24, с. 218–223]. К (все). В = 0,74; 0,62; 0,59. Д = 13,4–13,8; 14,1–14,7; 12,3–14,0.
- 150–152. Халиф ал-Мути, МД утрачен, 35х гг.х. Ц (№ 151); К (№ 149, 150). В = 1,04; 0,82; 0,50. Д = 12,6–14,4; 13,9–14,8; 14,0–14,1.
- 153–159. То же, но имя халифа утрачено. Ц (№ 156); К (остальные). В = 0,71; 0,70; 0,56; 0,54; 0,59; 0,88. Д = 12,8–14,7; 13,4–14,7; 13,2–14,1; 13,1–13,8; 13,0–13,5; 14,0–15,4.
160. Имя халифа утрачено, сановник Мектум б. Харб, Андараба, 360 г.х. [24, с. 224]. К. В = 0,59. Д = 13,9–14,4.
161. Имя халифа утрачено, Бухара, 360 г.х. К. В = 0,77. Д = 13,8–15,2.
162. Имя халифа и МД утрачены, 360 г.х. К. В = 0,80. Д = 13,8–14,3.
163. То же, но 361 г.х. К. В = 0,69. Д = 13,8–14,8.
164. Имена халифа и амира, МД утрачены, 364 г.х. Сегмент. В = 0,52. Размеры: 8,0–22,5.
165. Имя халифа и МД утрачены, сановник Фаик (на монетах с 354 по 374 г.х.), 364 г.х. К. В = 0,56. Д = 12,9–13,0.
166. Халиф (?), Андараба, 360–364 гг.х. [24, с. 224, 226]. К. В = 0,62; Д = 13,6–13,8.
- 167, 168. Имя халифа и МД утрачены, 365 г.х. К. В = 0,56; 0,66. Д = 13,4–14,3; 13,1–14,2.
- 169, 170. Халиф ал-Мути, МД утрачен, 36х гг.х. К. В = 0,58; 0,54. Д = 13,1–14,2; 13,1–14,6.
171. Имя халифа и МД утрачены, 36х гг.х. К. В = 0,47. Д = 12,5–13,2.
172. Халиф ал-Мути, Самарканд, год утрачен. К. В = 0,71. Д = 12,5–13,2.

- 173–185. Халиф ал-Мути, МД и год утрачены. Ц (№174, 176, 180); К (остальные). В = 0,6; 0,53; 0,56; 0,98; 0,5; 0,57; 0,69; 0,65; 0,69; 0,68; 0,66; 0,58; 0,44. Д = 12,7–14,0; 13,3–14,2; 12,9–13,6; 14,4–15,2; 13,2–13,5; 12,8–13,5; 14,3–15,1; 13,2–13,8; 14,5–14,7; 13,3–13,4; 13,3–13,9; 12,9–13,1; 12,2–13,0.
- 186, 187. Халиф ат-Таи (363–381 г.х.), МД и год утрачены. К. В = 0,67; 0,57. Д = 15,1–15,5; 13,6–14,5.
- 188–191. Имя халифа утрачено, сановник Фаик, МД и год утрачены. К (все). В = 0,68; 0,62; 0,99; 0,74. Д = 13,8–14,1; 14,4–15; 12,9–13,7; 13,9–15,0.
192. Имя халифа и год утрачены, Бухара. К. В = 0,65. Д = 12,9–13,7.
- 193, 194. Имя халифа и год утрачены, аш-Шаш. К (оба). В = 0,79; 0,54. Д = 14,1–15,6; 13,4–13,5.
- 195–197. Имя халифа, МД и год утрачены. Ц (все). В = 0,74; 1,0; 0,59. Д = 14,5–15,4; 15,0–15,3; 14,3–15,3.
- 198–228. То же. К (все). В = 0,72; 0,63; 0,51; 0,62; 1,14; 0,46; 0,75; 0,54; 0,65; 0,68; 0,48; 0,45; 0,55; 0,72; 0,54; 0,62; 0,59; 0,65; 0,63; 0,63; 0,83; 0,75; 0,53; 0,65; 0,71; 0,81; 0,63; 0,59; 0,49; 0,90. Д = 13,5–14,0; 12,5–12,8; 13,2–14,4; 15,1–16,1; 12,2–13,1; 14,7–14,9; 12,4–13,3; 13,2–15,1; 13,6–14,9; 11,9–13,2; 13,3–14,3; 12,5–14,9; 13,7–14,3; 13,9–14,4; 14,0–15; 12,4–13,5; 13,1–14,5; 13,1–15; 13,4–14,2; 13,5–13,7; 13,6–15,8; 12,3–13,5; 13,2–13,8; 13,1–14,0; 13,3–13,8; 13,1–13,4; 13,3–13,9; 13,3–13,9; 13,6–14,5; 12,9–13,3.

Время амиров Мансура I б. Нуха или Нуха II б. Мансура

229. Халиф, амир, город не видны, 36х г.х. К. В = 0,69. Д = 12,7–13,9.
- 230, 231. Халиф ал-Мути, сановник Фаик. Имя амира, МД и год утрачены. Ц (№ 231); К (№ 230). В = 0,70; 0,74. Д = 12,5–13,8; 13,9–15,6.
- 232–234. Имена халифа и амира, а также год утрачены, сановник Фаик (354–374 г.х.), аш-Шаш. К (все). В = 0,52; 0,72; 0,59. Д = 12,7–13,1; 13,3–14,3; 13,0–13,8.
- 235–242. Имена халифа и амира, МД и год утрачены, сановник Фаик. К (все). В = 0,9; 0,66; 0,73; 0,69; 0,48; 0,79; 0,74; 0,45. Д = 13,4–14,2; 13,2–15,5; 13,8–14,1; 13,8–15,0; 13,0–14,5; 14,5–15,3; 14,5–15,6; 12,0–13,7.

Нух II б. Мансур (366–387 / 976–997)

243. Халиф ал-Мути, сановник Фаик, МД и год утрачены. К. В = 0,66. Д = 12,9–14,0.
244. То же, без имени Фаика. К. В = 0,65. Д = 13,2–14,1.
245. Имя халифа и МД утрачены, 36х г.х. К. В = 0,62. Д = 13,1–13,8.
246. То же, но дата 36(4,7,9?) г.х. К. 0,72. Д = 13,2–13,7.
247. То же, но 369 г.х. К. В = 0,77. Д = 14,3–15,0.
248. Халиф ат-Таи (363–381 г.х.), МД утрачен, 370 г.х. К. В = 0,61. Д = 13,5–14,3.
249. То же, но 37х г.х. К. В = 0,54. Д = 13,1–13,5.
250. То же, но имя халифа утрачено. К. В = 0,45. Д = 12,8–14,3.
- 251–254. Халиф ат-Таи, МД и год утрачены. К (все). В = 0,65; 0,59; 0,51; 0,49. Д = 12,3–14,3; 13,5–14,5; 12,8–14,6; 13,2–14,1.
255. Халиф ат-Таи, МД и год утрачены. Ц. В = 0,42. Д = 12,4–13,2.
- 256, 257. Имя халифа утрачено, Фаик, Самарканд и аш-Шаш, оба хх9 г.х. К (оба). В = 0,48, 0,59. Д = 13,2–13,9; 13,8–14,1.
258. Имя халифа, МД и год утрачены. Ц. В = 0,64. Д = 13,0–13,4.
259. Имя халифа, МД и год утрачены. К. В = 0,79. Д = 13,8–14,3.

Саманиды, имя амира утрачено.

260. Халиф ал-Мути, Бухара 3х9 г.х. К. В = 0,75. Д = 13,3–13,5.
261. Имя халифа утрачено, Самарканд 3х9 г.х. К. В = 0,53. Д = 13,9–14,5.
- 262–271. Имя халифа и год утрачены, Бухара. К (все). В = 0,7; 0,68; 0,54; 0,74; 0,59; 0,74; 0,74; 0,79; 0,6; 0,7. Д = 13,4–14,1; 13,4–14,7; 11,7–13,0; 12,8–14,0; 13,1–13,8; 12,9–14,2; 12,9–14,1; 13,7–14,2; 12,6–13,3; 12,3–14,9.
- 272–277. Имя халифа и год утрачены, Самарканд. К (все). В = 0,61; 0,58; 0,69; 0,62; 0,48; 0,6. Д = 13,4–13,6; 12,6–13,9; 14,8–15,6; 13,0–14,3; 13,1–13,9; 13,1–13,4.
- 278–285. Имя халифа и год утрачены, аш-Шаш. К (все). В = 0,84; 0,68; 0,61; 0,66; 0,66; 0,93; 0,56; 0,67. Д = 12,9–14,0; 13,8–16,0; 13,1–14,9; 13,2–14,3; 13,3–14,2; 13,6–14,2; 11,8–13,0; 14,4–14,8.
286. Имя халифа и год утрачены, но есть имя или куныя *Мансур* ..., Рашт. К. В = 0,88. Д = 13,0–14,0.
287. Имя халифа, МД и год утрачены, но есть имя или куныя ... *Мансур* К. В = 0,49. Д = 12,5–13,8.

Волжская Болгария, Талиб б. Ахмад (338–341 / 949–952)

288. Халиф ал-Мустакфи (333–334 г.х., на монетах по 345 г.х.), город и год не видны. Ц. В = 0,81. Д = 14,2–14,5.

**Династия Зийаридов⁷, Бистун б. Вушмгир
(356–367/967–978)**

289. Захир ад-Давла Абу Мансур, Джурджан, 364 г.х. Ц. В = 1,21. Д = 13,2–14,3.
 290. Халиф ат-Таи, Рукн ад-Давла, Захир ад-Давла Абу Мансур, Джурджан, 366 г.х. Ц. В = 0,68. Д = 12,5–14,0.
 291. Абу Мансур Вушмгир, халиф ат-Таи, Сария, 365–366 гг.х. К. В = 0,90. Д = 13,8–13,9.
 292. То же, но Амуйль, 365–366 гг.х. К. В = 1,04. Д = 13,2–14,7.
 293, 294. Абу Мансур. Имена халифа и соправителей, МД и год утрачены. К (оба). В = 0,91; 0,83; 0,73. Д = 13,3–15,1; 13,0–14,4; 11,7–13,0.
 295. Имена и годы утрачены, Джурджан. К. В = 0,94. Д = 12,9–15,1.

Династия Буидов (Бувайхидов)⁸

296. Рукн ад-Давла + Адуд ад-Давла + Муайид ад-Давла + халиф ал-Мути (Испахан 357 г.х.) [31, р. 179, Is357]. К. В = 0,92. Д = 13,8–14,2.
 297. Рукн ад-Давла Абу Али Бувейх (336–366 гг.х.). Имя халифа и другие имена, МД утрачены, 3х4 г.х. К. В = 0,82. Д = 13,7–14,8.
 298. Рукн ад-Давла, халиф ат-Таи, другие имена, МД и год утрачены. Ц. В = 1,07. Д = 13,9–15,3.
 299–301. То же, но имя халифа утрачено. Ц (№300); К (№ 299, 301). В = 0,56; 0,69; 0,67. Д = 12,6–14,1; 13,0–13,8; 13,1–13,8.
 302. Рукн ад-Давла + Адуд ад-Давла (341–369 гг.х.). Имя халифа, Мд и год утрачены. К. В = 0,69. Д = 12,4–13,4.
 303. Рукн ад-Давла + Адуд ад-Давла + Муайид ад-Давла (356–366 гг.х.), халиф ал-Мути, МД и год утрачены. Ц. В = 0,66. Д = 12,3–13,7.
 304. Адуд ад-Давла (Джурджан, 369 г.х.) [31, р. 240, Ju369]. К. В = 0,60. Д = 12,2–14,1.
 305. Адуд ад Давла, Тадж ал-Милла, Абу Шуджа, 36х г.х. Ц. В = 0,82. Д = 13,2–14,4.
 306. Адуд ад Давла, Тадж ал-Милла, Абу Шуджа (366–372 гг.х.), г. Амуйль (369–370 гг.х.). Ц. В = 1,23. Д = 13,2–14,5.
 307. Адуд ад-Давла (340–372 гг.х.). Ц. В = 0,66. Д = 13,2–14,4.
 308. Адуд ад-Давла или Муайид ад-Давла (340–372 гг.х.). К. В = 1,29. Д = 13,3–14,4.
 309. Абу Мансур (356–373 гг.х.). К. В = 0,83; Д = 13,3–14,6.

Не определенные династии

310. Халиф ал-Муттаки (329–333 г.х.), остальные данные утрачены. Ц. В = 0,74. Д = 14,0–14,2.
 311. Халиф ал-Мути, МД утрачен, 360 г.х. К. В = 0,61. Д = 12,8–13,8.
 312. Имена и МД утрачены, 356 г.х. К. В = 0,77. Д = 14,4–15,4.
 313. Халиф ал-Мути, 3х8 г.х. К. В = 0,52. Д = 11,8–13,4.
 314–317. Халиф ал-Мути, остальные данные утрачены. Ц (все). В = 0,93; 0,96; 0,69; 0,53. Д = 13,2–14,4; 13,6–14,3; 12,9–13,6; 12,3–12,9.
 318–325. То же. К (все). В = 0,46; 0,91; 0,92; 0,65; 0,78; 0,54; 0,62; 0,67. Д = 12,2–13,3; 15,2–17,0; 13,9–14,1; 13,4–1,37; 13,8–14,2; 12,5–13,4; 13,4–14,1; 12,9–13,5.
 326. Город Васит. К. В = 0,55. Д = 12,2–13,2.
 327. хх1 г.х. К. В = 0,58. Д = 12,3–13,1.
 328. хх9 г.х. К. В = 0,49. Д = 12,5–12,9.
 329–341. Отсутствуют атрибутивные данные. Ц (все). В = 0,57; 0,51; 0,59; 0,54; 0,72; 0,64; 0,52; 0,60; 0,78; 0,67; 0,74; 0,56; 1,03. Д = 14,4–14,7; 13,2–14,1; 12,8–14,6; 13,1–13,8; 14,5–14,9; 13,5–15,5; 12,7–14,3; 13,5–13,7; 13,4–14,2; 13,1–13,3; 13,1–13,7; 13,6–14,0; 13,6–14,3.
 342–415. То же. К (все). В = 0,55; 0,64; 0,71; 0,66; 0,58; 0,5; 0,52; 0,59; 0,83; 0,77; 0,53; 0,65; 0,62; 0,61; 0,54; 0,74; 0,63; 0,62; 1,17; 0,62; 0,56; 0,66; 0,6; 0,5; 0,45; 0,55; 0,75; 0,86; 0,61; 0,75; 0,53; 0,71; 0,6; 0,44; 0,64; 0,52; 0,66; 0,69; 0,6; 0,55; 0,83; 0,61; 0,5; 0,72; 0,39; 0,8; 0,71; 0,65; 0,62; 0,94; 0,82; 0,64; 0,86; 0,7; 0,58; 1,09; 0,7; 0,64; 0,53; 0,8; 0,55; 0,63; 0,61; 0,42; 0,5; 0,6; 0,99; 0,71; 0,64; 0,41. Д = 13,2–14,3; 12,0–13,0; 13,7–14,9; 12,4–14,3; 12,9–13,5; 12,4–13,2; 12,4–13,5; 13,2–14,2; 13,1–14,3; 14,6–14,8; 14,5–15,7; 13,9–15,2; 13,6–14,2; 13,7–14,7; 12,9–13,8; 13,9–15,0; 13,2–15,0; 13,4–14,7; 12,8–14,3; 13,6–15,2; 13,4–13,8; 12,2–13,3; 13,9–14,8; 13,1–14; 12,2–13,1; 13,3–13,9; 13,0–13,8; 13,2–14,5; 13,1–13,9; 12,3–13; 12,8–13,8; 13,3–14; 12,9–13,8; 11,6–13,1; 11,9–12,5; 13,1–15,2; 12,9–14,3; 13,5–14,0; 12,9–13,8; 12,9–13,9; 13,6–14,2; 13,9–14,4; 12,9–14,5; 14,2–15,0; 13,7–15,3; 12,8–13,7; 12,4–12,9; 12,9–13,5; 12,3–14,3; 13,9–14,3; 12,8–13,7; 14,2–14,9; 13,3–13,9; 13,0–14,0; 13,6–14,0; 13,5–14,2; 12,7–14,3; 13,4–14,0; 13,2–13,9;

⁷ Авторы искренне благодарны сотруднику Института Востоковедения Национальной академии наук Республики Армения Араму Варданяну за содействие в определении вырезок из зийаридских дирхамов.

⁸ Атрибуция буидских монет и годы правления эмитентов опираются на работу [30].

13,5–15,3; 13,3–14,2; 12,0–14,3; 13,2–13,8; 13,0–13,6; 12,4–13,6; 13,9–14,3; 12,8–13,2; 12,6–13,1; 12,7–13,5; 13,7–14,5; 13,4–13,8; 12,9–13,8; 12,6–14,2; 12,1–14,8.

416 (467). То же. Сегмент. В = 0,67. Размеры: 8,2–45,0.

Полностью стертые монеты

417–427. Ц (все). В = 0,69; 0,81; 0,90; 0,54; 0,85; 0,60; 0,86; 0,53; 0,50. Д = 13,7–14,5; 14,2–15,1; 12,5–13,1; 12,5–13,6; 12,8–13,7; 13,8–14,3; 12,6–13,2; 13,2–13,9; 13,2–13,4; 12,3–13,5; 12,1–12,5.

428–472. К (все). В = 0,52; 0,88; 0,82; 0,61; 0,56; 0,47; 1,25; 0,73; 0,65; 0,49; 0,55; 0,63; 0,55; 0,83; 0,48; 0,51; 0,87; 0,75; 0,47; 0,57; 0,45; 0,66; 0,60; 0,60; 0,62; 0,55; 0,85; 0,76; 0,61; 0,55; 0,54; 0,71; 0,49; 0,92; 0,59; 0,54; 0,88; 0,65; 0,52; 0,57; 0,59; 0,47; 0,72; 0,58. Д = 12,5–13,5; 13,1–14,2; 14,6–15,0; 14,1–14,5; 13,4–14,3; 14,9–15,7; 12,7–14,5; 13,3–14,5; 12,6–14,2; 12,9–14,2; 12,0–13,1; 13,1–13,8; 12,1–13,6; 12,9–13,9; 13,2–13,8; 12,2–14,0; 13,5–14,5; 13,0–14,9; 12,5–12,9; 13,8–15,6; 12,9–13,9; 13,5–14,0; 13,5–15,3; 13,3–13,7; 13,4–14,3; 12,0–14,5; 13,6–14,2; 13,6–14,2; 12,8–13,2; 13,1–13,2; 13,3–15,3; 13,2–14,1; 13,5–16,2; 13,2–14,6; 12,5–14,7; 13,2–13,8; 13,0–13,5; 12,5–13,9; 12,9–14,1; 12,6–13,6; 12,0–14,0; 12,6–13,5; 12,9–13,7.

Приложение 2

Способ построения хронологических гистограмм для монет с интервальной датировкой

Сначала выбирается шаг построения гистограммы (он же интервал округления дат выпуска), например, 5 лет, если монет несколько сотен, или 10 лет, если монет меньше. В данном случае мы располагаем всего 78 экз. для монет, вырезанных из центра и 217 экз. из края, поэтому шаг построения будет 10 лет н.э.: 901–910, 911–920 и т.д. (Т.к. интервальные даты в таблице 2 определены в гг.х., то все 10-летия в гг.н.э. надо перевести в гг.х.). Далее для всех имеющихся типов монет в таблице 2 поочередно отмечается, сколько экз. приходится на их интервалы датировки. Например, 11 монет из № 172–185 в таблице 2, вырезанных у края попадают в интервал 350–366/961–976, т.е. 17 лет х. Подсчитываем, какая часть этих 11 монет приходится на 1 год 17-летнего интервала – $11/17=0,647$. Далее определяем как распределяется интервал датировки этих монет 350–366 на десятилетия: $961–970/350–360=11$ гг.х., $971–980/361–370=6$ гг.х. Теперь умножаем $0,647 \times 11 = 7,1$ (округляя результат до десятых долей) и $0,467 \times 6 = 3,9$. Полученные значения 7,1 и 3,9 относим к данным двум десятилетиям. Эта процедура проводится для всех типов монет таблицы 2 и далее для каждого 10-летия суммируются вклады от всех монет, а затем строится результирующая гистограмма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта России: Курская область. Ч. 1 / Сост. А.В. Кашкин. М.: Институт археологии РАН, 1998. 304 с.
2. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 192 с.
3. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей // Курский край: Научно-популярная серия в 20 т. Т. III. Курск: «Учитель», 2005. 352 с.
4. Енуков В.В. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи средневековья евразийской лесостепи. / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 2008а. С. 123–148.
5. Енуков В.В. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских ингумациях» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конференции, посвященной 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск: Курский гос. ун-тет, 2008б. С. 39–69.
6. Енуков В.В., Лебедев В.П. Волобуевский клад дирхамов X в. // РА. № 1. 2010. С. 94–103.
7. Енуков В.В., Лебедев В.П. Клад дирхамов с городища Кудеярова Гора // Stratum plus. 2011. № 6. С. 49–58.
8. Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. // Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курского гос. ун-та. Вып. 1. Курск: Курский государственный университет, 2007. 218 с.
9. Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках кургана около д. Шуклинка Курского района курской области в 1998 г. / Архив Курского государственного областного музея археологии. Ф.3.1–101, 1998.
10. Зорин А.В. Некоторые особенности погребальной обрядности населения Посемья в конце X в. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова: Тезисы докладов конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 20–24 декабря 1999 г.). М.: МГУ, 1999. С. 194–198.
11. Лебедев В.П. Обращение куфических дирхамов на территории северян в X в. // II Международная нумизматическая конференция «эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Материалы докладов и сообщений (СПб. – Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 г.). СПб., 2015. С. 130–141.

12. Лебедев В.П., Сотников А.В., Шпилев А.Г. Клад арабских и византийских монет 70-х гг. X в. из деревни 1-е Красниково Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. / Отв. ред. В.В. Зайцев. М.: «Древлехранилище», 2009. С. 6–16.
13. Лебедев В.П., Стародубцев Г.Ю. Кошелек с 17 северянскими резанами X в. из Курской обл. // Тезисы докладов и сообщений XVI ВНК (СПб. – Репино, 18–23 апреля 2011 г.). СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011. С. 70–72.
14. Колчин Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник / Общ. ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: «Наука», 1982. С. 156–177.
15. Кропоткин В.В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М.: «Наука», 1971. Т. 9. С. 76–97.
16. Куза В.А. Некоторые уточнения в стратиграфии Большого Горнальского городища // Питання археології Сумщини. Мат. науково-практичної конф-ції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток Сумщини» (Суми, квітень 1989 року). Суми: Управління культури Сумського облвиконкому, 1990. С. 91–95.
17. Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески-бубенчики // Очерки истории русской деревни X–XIII вв. / ТГИМ. Вып. 33. М.: Советская Россия. 1967. С. 133–148.
18. Марков А.К., Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1910. 146 с.
19. Мельникова Е.А. Граффити на восточных монетах из собраний Украины // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: «Археологический центр», 1996. С. 248–284.
20. Нахатетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 г. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: «Наука», 1994. С. 139–208.
21. Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. № 72. М.-Л.: изд. АН СССР, 1958. С. 66–77.
22. Петров П.Н., Калинин В.А. Обрезанные куфические дирхамы X в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: «Нумизматическая литература», 2004. С. 181–210.
23. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: «Наука», 1981. 196 с.
24. Тизенгаузен В.Г. Монеты Восточного Халифата. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1873. (XLV + 378) с.
25. Фомин А.В. Топография куфических монет междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: «Наукова думка», 1988. С. 74–80.
26. Фомин А.В. Южнорусский клад куфических дирхамов конца X в. // Десятая ВНК (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). Тезисы докладов и сообщений. М.: Государственный исторический музей, 2002. С. 55–56.
27. Ширинский С.С. Отчет о работах Сейминского отряда Восточно-Белорусской экспедиции ИА АН СССР в 1968 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6889. 1968.
28. Ширинский С.С. Разведки в Курской области // Археологические открытия 1968 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: «Наука», 1969. С. 121.
29. Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверского головного убора с очельем и венчиком // Русский сборник. Выпуск 4 / Ред. Е.А. Шинаков, А.А. Чубур, Г.П. Поляков. Брянск: РИО БГУ, 2008. С. 43–59.
30. Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: изд-во Московского университета, 1956. 206 с.
31. Treadwell L., 2001. Catalogue. Buyid coinage. A die corpus (322–445 A.H.). Oxford. Ashmolean Museum. Oxford, 2001. P. 1–247, plates 1–172.

Информация об авторе:

Енуков Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Курский Государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси (Курск, Российская Федерация); Vyenukov@gmail.com

Енукова Ольга Николаевна, кандидат исторических наук (Курск, Российская Федерация);

Лебедев Валентин Петрович, кандидат физико-математических наук, нумизмат-исследователь (Дзержинск, Российская Федерация); vpleb@mail.ru

About the Authors:

Enukov Vladimir V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kursk State University, Research Institute of Southeast Rus Archaeology (Kursk, Russian Federation); Vyenukov@gmail.com

Enukova Olga N., Candidate of Historical Sciences (Kursk, Russian Federation);

Lebedev Valentin P., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, numismatist and researcher (Dzerzhinsk, Russian Federation); vpleb@mail.ru

УДК 737(470.312)"9"

КЛАД КУФИЧЕСКИХ ДИРХАМОВ X в. ИЗ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**В.П. Лебедев, М.А. Амосов****HOARD OF 10TH CENTURY KUFIC DIRHAMS FROM THE TULA REGION**

Исторический музей «Изначалье»

Подробно рассматривается очередной Поокский (Щепотьевский) клад арабских дирхамов X в. Его состав из 104 монет на более $\frac{3}{4}$ представлен чеканкой Саманидов. Все остальные составляют продукцию городов пяти исламских династий Аббасидов, Бувайхидов, Зийаридов, Саффаридов и Баниджуридов. Примерами нестандартного выпуска являются 3 подражания, в том числе одно без аналога и монетовидный брактеат, редко встречающийся в денежном обращении. В кладе 7 экз. вторичного использования, в том числе два дирхама с 5 отверстиями.

Ключевые слова: Поочье, клад, куфические дирхамы, подражания, брактеат.

The article features a detailed description of another Pooksky (Schepotievsky) hoard of 10th century Arab dirhams. It was composed of 104 coins, over three fourths of which were represented by Samanid coins. The rest of the articles were the products of the towns of five Islamic dynasties – the Abbasids, Buwaihids, Ziyarids, Saffarids and Banijurids. The examples of non-standard products are 3 imitations, including one without an analogue, and a coin-shaped bracteate rarely encountered in monetary circulation. The deposit features 7 reclaimed items, including two dirhams with 5 holes.

Keywords: Oka region, hoards, Kufic dirhams, imitations, bracteate.

Весной 2016 г. фонды Исторического музея «Изначалье» в Коломенском районе Московской области пополнились новым кладом куфических дирхамов X в., найденным близ д. Щепотьево Заокского района Тульской области. Клад располагался на склоне оврага при отсутствии культурного слоя, но у начала оврага обнаружены следы средневекового поселения. находка была сделана в конце декабря 2015 г. и состояла из 72 целых и 27 обломков монет разного размера. Еще 5 целых дирхамов были обнаружены там же через неделю. Таким образом, полный объем Щепотьевского клада составил 104 монеты.

Перечень атрибуций всех 104 монет приведен в Приложении, а в фототаблицах 4 и 5 изображены 7 дирхамов, описания которых не удалось выявить в каталогах, а также 6 экз. с разным числом отверстий, снятых с украшений и возвращенных в обращение. Там же помещены снимки подражаний и монетовидного брактеата.

Распределение монет клада по династиям, монетным дворам с указанием дат их чеканки представлено в таблице 1.

Таблица 1

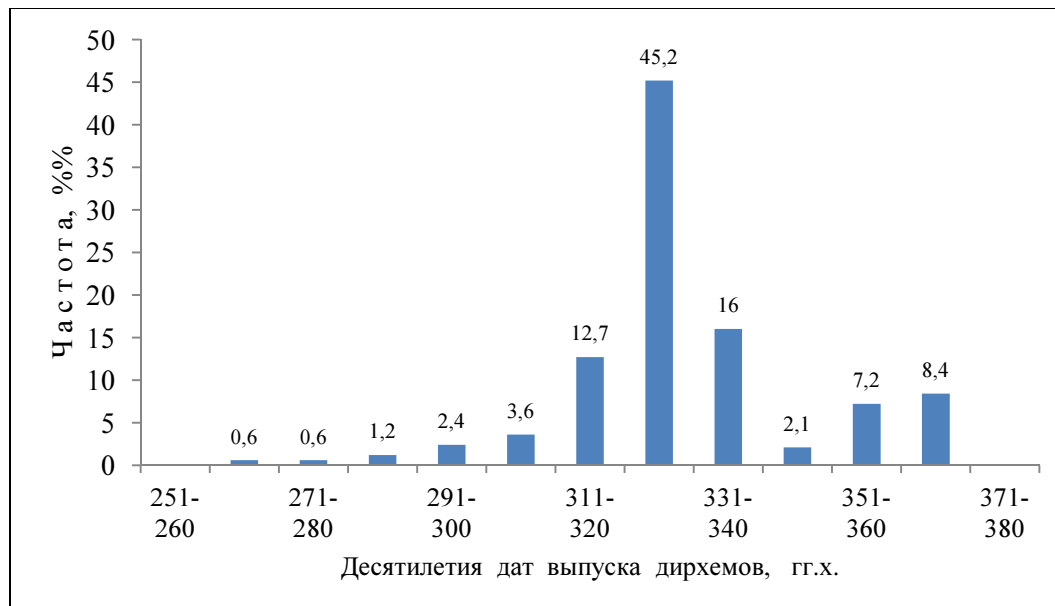
Династийный и географический состав Щепотьевского клада

№ п/п	Династия	Кол-во		Монетные дворы и годы выпуска, гг.х.
		экз.	%	
1	Аббасиды	3	2,9	Сук ман ал-Ахваз, 320; монетный двор? 309, (329?)
2	Саффариды	1	1,0	Сиджистан 324.
3	Баниджуриды	1	1,0	(Андараба ?) год ?
4	Бувайхиды (Буиды)	8	7,7	Астарабад 369; Джурджан 369; Казирун 366; Мадинат ас-Салам 367; Мухаммадийа 367; Рамхормуз 340; монетный двор? (2).
5	Зийариды	2	1,9	Амуль 358, 364.
6	Саманиды	80	76,9	Андараба (1), Балх (3), Бухара (6), Самарканд (20), аш-Шаш

				(37), монетный двор? (13).
7	Подражание Саманидам	3	2,9	Монетный двор, год?
8	Монетовидный брактеат	1	1,0	Тоже
9	Стертые, н/о	5	4,8	–
Всего в кладе		104	100,0	
Саманиды				
1	<i>Исмаил б. Ахмад</i>	2	2,5	Самарканд 286; аш-Шаш 293.
2	<i>Ахмад б. Исмаил</i>	1	1,3	Аш-Шаш 300.
3	<i>Наср б. Ахмад</i>	56	70	аш-Шаш, гг.х.: 304, 305, 314, 317(2), 319, 320, 321(3), 323(4), 324(8), 325(2), 327, 328, 329(2), 32х, 330, год?(2); Самарканд 320, 323, 324(2), 325, 327(2), 328(2), 329(2), год?(1); Балх 312, 320, 323; монетный двор? 326, год?(8).
4	<i>Нух б.Наср</i>	9	11,2	Аш-Шаш 334; Самарканд 333(3), 33х, 340(2); Бухара 335, [340–343].
5	<i>Абд ал-Малик</i>	4	5,0	Бухара 344, 349; аш-Шаш 347; монетный двор, год?(1).
6	<i>Мансур I б.Нух</i>	6	7,5	Андараба 357; Бухара 353, 354; Самарканд 358; аш-Шаш 365; монетный двор? 35х.
7	<i>Амир не определен</i>	2	2,5	Монетный двор, год?(2).
Всего Саманидов		80	100,0	

Хронологические границы всего комплекса дирхамов составляют 83 года – с 286 по 369 гг.х. Как видно из таблицы, младшими монетами клада (*terminus post quem*) являются два бувайхидских и один саманидский дирхамы 369/979 г.

Гистограмма 1. Хронологическое распределение количества дирхамов Щепотьевского клада (по десятилетиям)

Визуально вид распределения лучше проследить по хронологической гистограмме 1. Из характера распределения дирхамов по датам чеканки видно, что клад формировался в два этапа. Основная часть излишков денег у владельца (82%) накапливалась в 330-х гг.х., большую часть которых составляли дирхамы предыдущего десятилетия. Почти 30 лет доверенные для хранения земле монеты не трогались, но в последние годы 360-х гг.х. к ним было добавлено еще около 15 монет, после чего сокрытое сбережение оказалось не востребованным и дожило до нашего времени.

Среди династий традиционно преобладает чекан Саманидов (более $\frac{3}{4}$ всего состава). Из 5 других династий чекан четырех представлен 1–2 экз. и лишь дирхамов Бувайхидов 8 экз. (почти все из пополнения схрана).

В административно-географическом плане саманидская чеканка почти на $\frac{2}{3}$ представлена в кладе продукцией трех основных монетных дворов Мавераннахра – аш-Шаша, Самарканда и Бухары. Доля дирхамов городов сереброносного Гиндукуша, Андараба и Балха мала и составляет всего 4%.

В кладе присутствует 3 подражания, одно из которых отсутствует в сводках анализируемых подражаний. Здесь же уместно обратить внимание на серебряный (или возможно биллоновый) пробитый брактеат монетовидной имитации куфического дирхама с палочковидными значками вместо арабских букв. Аналогичные имитации-брактеаты не редки в погребениях обычно в составе украшений и иногда, возможно, к качеству обола Харона [8, №87, 121, 149, 159, 187]. Однако изредка они попадают и в клады с подлинными дирхамами – как в нашем случае и в кладе из с. Белый Омут Луховицкого р-на Московской области [2, с. 51, 53, №41; 1, с. 46–47].

Что касается внешних характеристик дирхамов клада, то, как уже отмечалось, 27 из 104 монет обломаны, из них 14 крупные в $\frac{3}{4}$ – $\frac{1}{2}$ кружка, 7 средних и определенных в $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{4}$ и 6 мелких неопределенных в $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{10}$.

Дирхамов с отверстиями, возвращенных в обращение из украшений 6: 2 дирхама с одним отверстием, а также монетовидный брактеат; два экз. с двумя у края, что типично для болгарских украшений [3, с. 163–174] и 2 с пятью отверстиями. Такое количество отверстий на дирхамах обнаружено нами впервые. Не встречались они до этого и в кладах Поочья [1, с. 427] и пока не ясно, к чему они крепились (Брянский историк проф. Е.А. Шинаков на этот вопрос в личном письме ответил так: «можно предположить, что это какой-то ранговый знак, а 5 отверстий – чтобы прочнее крепился»). Все отверстия кроме одного были просверлены. Пробито одно не у края пробойником не круглого сечения.

Теперь об указанном находчиками месте тезаврации клада, очень «больного вопроса» в последнее время для частных монетных находок, совершенных не в ходе археологических раскопок. Как выяснилось, находка клада в указанном первоначальными владельцами месте сокрытия вступило в серьезное противоречие с представлениями ученых, сформировавшимися в результате подробного изучения 56 кладов Поочья IX–XI вв. [1, с. 34]. Исследования показали, что на территории к западу от правого притока Оки реки Оскол за два века не было найдено ни одного клада, сокрытого позже 960 г. Здесь до конца X в. возникла «безмонетная зона», хотя по самой Оке продвижение монетного серебра из Булгара на территорию северян и далее на Киевскую Русь по-прежнему продолжалось [1, с. 205]. Предложенное автором объяснение этого феномена связывается с походом киевского князя Святослава в 964–966 гг. против Волжской Болгарии через землю вятичей и обложением их данью. Рассматриваемый же в статье клад по младшим монетам сокрыт в 979 г. и по указанному месту его находки попадает на эту бездирхамную территорию второй половины X в. Действительно, если обратиться именно к площади современной Тульской области, то из 56 кладов всего Поочья на ней их зафиксировано 12 [6, № 66, 280–288; 3, №86; 11, №15]. Дирхамы двух из них не были определены, а сохранившиеся монеты 10 остальных представляли арабскую чеканку IX – начала X в. Еще о пяти тульских кладах, найденных в 2011–2016 гг., но не ставших достоянием науки, сообщили местные краеведы Роман Беспалов и Виталий Павлюков, за что авторы искренне им благодарны. Самый крупный из них в 1000 целых и 800 обломков найден в Суворовском р-не близ д. Крюковка и содержал в себе дирхамы ряда династий, начиная с VII в.: арабо-сасаниды (фототабл. 4/А), Омайады, Аббасиды и Саманиды (младшая монета которых осталась неизвестной). Две небольшие находки примерно по 70 дирхамов сделаны в Щекинском р-не и близ границы Калужской и Тульской областей, и содержали преимущественно дирхамы династии Аббасидов IX в. Четвертый клад из Чернского р-на оказался денежно-вещевым примерно с 30 дирхамами, атрибуция которых пока не известна, а сам комплекс был передан в музей «Куликово поле». Последняя находка была совершена совсем близко от нашей под г. Алексин в том же 2015 г. Около 200 монет лежали между двумя бронзовыми тарелками. Клад был продан по частям, а его состав остался неизвестен.

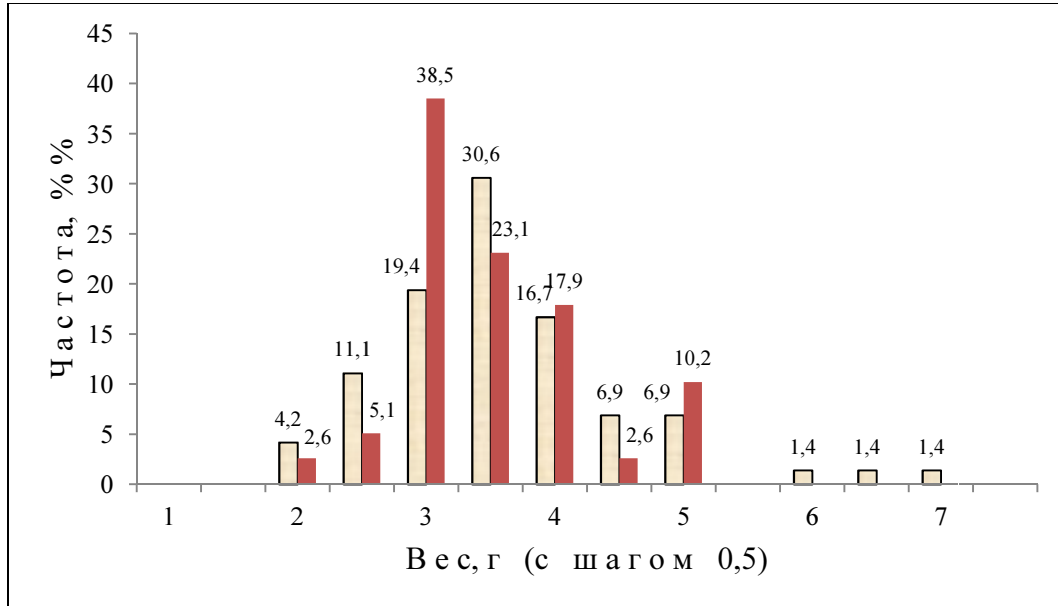
Для округа этого же г. Алексин, ниже и выше его вдоль течения Оки, известна давняя ссылка В.М. Потина о находках западноевропейских денариев X–XI вв. [7, с. 183, № 387].

Тем не менее, с указанным находчиком местом обнаружения нашего клада все же следует согласиться. При передаче весной 2016 г. 99 монет комплекса в Коломенский музей «Изначалье», одновременно на карте было указано меткой точное место их находки. Осенью 2017 г. один из тульских находчиков вернул в музей 5 оставшихся у него не достававших дирхамов и согласился показать конкретное место обнаружения клада. Тогда же он вместе с директором музея (соавтором этой статьи М.А. Амосовым) посетили указанное место и удостоверились в полном совпадении отмеченного ранее на карте и его фактического расположения: 2 км на запад от д. Щепотьево и ~ 16 км на запад до г. Алексин. Поэтому следует признать его первым и пока единственным исключением из выявленной А.А. Гомзиным топографической закономерности [1, с. 34 и сл.].

Не редко некоторые клады одного региона оказываются похожими по ряду характеристик. Если попытаться найти среди известных кладов Поочья близкий по своему составу к данному, то подозрение падает на уже упоминавшийся Белоомутский клад, несмотря на двукратную их разницу в объеме. Действительно, у них почти тождественные хронологические интервалы чеканки дирхамов: 286–369 и 286–366 гг.х., соответственно; оба на $\sim \frac{3}{4}$ состоят из монет династии Саманидов; по 12 и 8 примесных экземпляров суммарно династий Аббасидов, Бувайхидов и Зийаридов и всего 1 и 2 экз. различающихся династий Саффаридов, Баниджуридов и Волжской Болгарии, соответственно. Вспомним также, что только в составе этих двух монетных накоплений всего Поочья оказалось по одному экземпляру монетовидных брактеатов-украшений с палочкообразными значками вместо арабских букв.

В довершение перечня сходств – оба клада характеризуются практически одинаковой метрологией: их дирхамы весом 2,5–4,5 г составляют 84,7 и 86,0 %, соответственно (см. Гистограмму 2).

Гистограмма 2. Зависимость количества дирхамов от их веса для двух кладов Щепотьевского и Белоомутского

Светлый столбик – Щепотьевский клад Тульской обл.;
темный столбик – Белоомутский клад Луховицкого р-на Московской обл.

Приложение 1

Атрибуция дирхамов Щепотьевского клада

В приложении дана нумерация монет через дробь, где первая цифра – номер монеты в хронологической последовательности ее описания в составе клада, а вторая цифра (после дроби) – изначальная нумерация фотоизображений. В фототаблицах 4 и 5 приведена нумерация изображений в хронологической последовательности их описания.

Аббасиды (3)

- 1/24. Абу-л-Аббас ал-Муктадир, монетный двор?, 309 г.х. В=3,80.
 2/101. Абу-л-Аббас ал-Муктадир + Амид ад-Давла (вазир амира), Сук мин ал-Ахваз 320 г.х. (в публикациях не найден). В=5,76.
 3/11. ал-Муттаки + наследник Абу Мансур, монетный двор и год (329?) не видны (легенды как в [9, с. 253, № 2441]). В=4,87.

Саффариды (вторая династия) (1)

- 4/51. Абу Джафар Ахмад б. Мухаммад + ар-Ради, Сиджистан, 324 г.х. [5, с. 109, №3-4]. В=2,00, четыре в ряд просверленных у края отверстий (возможно, отверстий было 5, т.к. место пятого отломано).

Бувайхиды (8)

- 5/26. Рукн ад-Давла+ 'Адуд ад-Давла Абу Шуджа + ат-Та'и; над калимой Л.с. дифферент ϵ , внизу О.с. 2 точки. [Казирун], 366 г.х. [14, р. 31, Kz366]. В=3,60.
 6/80. Рукн ад-Давла + 'Адуд ад-Давла Абу Шуджа. Монетный двор и год отрезаны. В=1,92 обломок 3/5.
 7/77. Рукн ад-Давла + М'уиз ад-Давла + ал-Мут'и, Рамхормуз, 340 г.х. [14, р. 105, Ra340A]. В=4,02.
 8/82. 'Адуд ад-Давла + Муайид ад-Давла + ат-Та'и, над калимой Л.с. декоративный несимметричный знак. (Мухаммадийа, 367 г.х.). [14, р. 207, Mu367c]. В=2,42.
 9/57. ат-Та'и + 'Адуд ад-Давла, [Мадинат ас-Салам, 367, 368], [14, р. 151, Ms367]. В=3,59.
 10/73. 'Адуд ад-Давла + ат-Та'и, Астарабад, 369 г.х. [14, р. 237, Ab369]. В=2,00. обломок в 1/3.
 11/12. Адуд ад-Давла Абу Шуджа + ат-Та'и. Джурджан, 369 г.х. [14, р. 240, Ju369]; Z/82909. В=3,54.
 12/88. ... ад-Давла. Эмитенты, монетный двор и год отрезаны. В=0,92, обломок в 1/3.

Зийариды (2).

- 13/69. Бистун б. Вушмагир + Рукн ад-Давла + ал-Мут'и, Амул, 358 г.х. В=2,05, обломок $\frac{3}{4}$.
 14/68. Рукн ад-Давла Абу 'Али Буи + Захир ад-Давла Абу Мансур Вушмагир, Амул, 364 г.х. В=2,79¹.

Баниджуриды (1)

- 15/85. ал-Му'таמיד, Мухаммад б. Ахмад [260–279 гг.х.]. [Андараба?], год не виден. В=5,75.

Стертые и неопределимые обломки дирхамов не саманидских династий (5)

- 16/87. Обломок в $\frac{1}{2}$. В=2,28.
 17/90. Обломок в $\frac{2}{5}$. В=1,82.
 18/91. Обломок в $\frac{1}{4}$. В=0,94.
 19-20/98, 99. М=0,31; 0,32 обломки в 1/10.

Подражания (3)

- 21/100. Нечитаемое подражание дирхемам Насра б.Ахмада. Отсутствует в сводках подражаний. В=3,33, Д=29,5 x29,5.
 22/104. Тот же штемпель монеты, что опубликован в Безлюдовском кладе². В=1,81; Д=25x25.
 23/71. Подражание без аналога. В=2,00, обломок в $\frac{1}{2}$.

Монетовидные чеканные имитации (1)

- 24/81. Брактеат. В=2,16, одно просверленное отверстие у края.

Саманиды (80)***Исмаил б. Ахмад (2)***

- 25/30. ал-М'утаид, Самарканд, 28х г.х. В=2,93.
 26/64. ал-Муктафи, аш-Шаш, 293 г.х. [10, с. 110 вид 2]. В=2,66.

Ахмад б. Исмаил (1)

- 27/19. ал-Муктадир, аш-Шаш, 300 г.х. [10, с. 131 вид 4]. В=2,67, дважды просверлен и с прямой трещиной на $\frac{3}{4}$ диаметра.

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность Араму Варданяну (г. Ереван) за помощь в атрибуции дирхамов династии Зийаридов.

² Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северной земли // Археология евразийских степей. Сборник научных статей. Вып. 18. Казань, 2014. №659-681.

Наср б. Ахмад (56)

- 28/21. ал-Муктадир, аш-Шаш, 304 г.х. Над калимой Л.с.- украшение. [5, с. 127, № 361]. В=3,04.
- 29/15. ал-Муктадир, аш-Шаш, 305 г.х. Над калимой Л.с. крестообразное украшение. [12, р. 316, № 2316]. В=3,19.
- 30/49. ал-Муктадир, Балх, 312 г.х. В=3,25.
- 31/94. Халиф, эмир, монетный двор не виден, [3]13 г.х. В=0,46, обломок в ¼.
- 32/2. ал-Муктадир, аш-Шаш, 314 г.х. Над калимой «о» [10, с. 163 вид 1]. В=4,77.
- 33/7. ал-Муктадир, аш-Шаш, 317 г.х. Над калимой Л.с. بن (в каталогах не встречен). В=3,96.
- 34/103. Тоже, но другой вариант 317 г.х. с «о» над символом Л.с. (Марков, 1896, с.134 №545). В=3,07.
- 35/50. ал-Муктадир, аш-Шаш, 319 г.х. Над калимой م [10, с. 170]. В=4,00).
- 36/29. ал-Муктадир, аш-Шаш, 320 г.х. Над калимой م [10, с. II с. 172 вид 1]. В=4,81.
- 37/42. ал-Муктадир, Самарканд, 320 г.х. Под калимой Л.с. ع ع [10, с. 172 вид 1]. В=3,24.
- 38/20. ал-Муктадир + Наср б. Ахмад + Нух б. Наср, Балх, 320 г.х. [12, р. 372, № 1778-1780]. В=1,99, 5 просверленных отверстий: 3 треугольником у одного края и 2 рядом у противоположного края.
- 39/75. ар-Ради + Балкатегин, Фарван, 320 г.х. Чеканен старым штемпелем Л.с. [13, р. 64 № 693]. В=3,17, обломок 4/5, пробит по середине между крем и центром дирхама).
- 40/83. ал-Муктадир, монетный двор, год? В=2,52 – обломок в 2/3.
- 41/65. ал-Кахир, [аш-Шаш 321] г.х. Вверху Л.с. L [10, с. 174 вид 1]. В=3,73.
- 42/36. ал-Кахир, аш-Шаш, 321 г.х., без дифферентов [10, с. 174 вид 4]. В=2,41.
- 43/5. [ал-Кахир (искажен)], аш-Шаш, 321 г.х. Над калимой Л.с. - виньетка (в каталогах не встречен). В=4,40.
- 44/89. ал-Кахир. Монетный двор, год не видны. В=0,44, обломок в ¼.
- 45/46. ар-Ради + Наср б. Ахмад + наследник Нух б. Наср + Балкатегин, над калимой Л.с. композиция из трех точек «.:», Балх, 323 г.х. [5, с. 137 №612]. В=3,73.
- 46-47/31, 76. ар-Ради, аш-Шаш, 323 г.х. Под калимой «о» [10, с. 176 вид 1]. В=3,08; 3,26 – обломок в ½.
- 48-49/47, 58. ар-Ради, аш-Шаш, 323 г.х. [10, с. 176 вид 3]. В=3,17; 3,02.
- 50/34. ар-Ради, Самарканд, 323 г.х. Под калимой ح [10, с. 177 вид 1]. В=4,16.
- 51-52/23, 62. ар-Ради, аш-Шаш, 324 г.х. Над калимой Л.с. L ([10, с. 177 вид 1]. В=3,48; 3,38.
- 53/1. Тоже, но другой вариант с дифферентом «о» [10, с. 177 вид 2]. В=3,52.
- 54-58/28, 54, 60, 48, 66. ар-Ради, аш-Шаш, 324 г.х., без дифферентов [10, с. 177 вид 3]. В=2,96; 2,89, 3,17; 3,32; 3,59.
- 59-60/10, 25. ар-Ради, Самарканд, 324 г.х. Под калимой Л.с. ح [10, с. 178 вид 1]. В=3,92; 3,59. №/25 с искажениями на обеих сторонах.
- 61/63. Тоже, но 325 г.х. [10, с. 180 вид 1]. В=4,16.
- 62-63/6, 39. ар-Ради, аш-Шаш, 325 г.х. В=3,46; 4,42.
- 64/52. ар-Ради, монетный двор? 326 г.х. Под калимой (نوح) [12, р. 272, № 1797]. В=2,68.
- 65-66/37, 55. Ради, аш-Шаш, 327 г.х. Над калимой Л.с. س [10, с. 181 вид 1]. В=3,69; 3,33.
- 67/8. ар-Ради, Самарканд, 327 г.х. [10, с. 181 вид 1]. В=2,48.
- 68/35. ар-Ради, Самарканд, 327 г.х. Внизу Л.с. две точки [10, с. 181 вид 2]. В=4,58.
- 69-70/9; 70. ар-Ради, Самарканд, 32(8) г.х. Под калимой Л.с. ع ع [10, с. 182 вид 1]. В=3,84; 4,18 – обломок в 3/4.
- 71/102. ар-Ради, аш-Шаш 328 г.х. В=3,07.
- 72/22. ар-Ради, Самарканд, 329 г.х., над калимой Л.с. – точка, внизу ع ع [5. с.139 №675]. В=3,64.
- 73/4. ар-Ради, Самарканд 329 г.х. (без дифферентов [10, с. 183]. В=3,57.
- 74-75/59, 32. ар-Ради, аш-Шаш, 329 г.х. над калимой Л.с. ح [12, р. 342, №2636]. В=3,76; 7,20.
- 76/53. ар-Ради, аш-Шаш 32х г.х. В=4,15.
- 77-78/3; 74. ар-Ради, монетный двор, год стерты. В=3,63; 4,64 – обломан до 4/5.
- 79/27. ал-Муттаки, аш-Шаш 330 г.х. [10, с. 183-184, вид 1]. В=3,36.
- 80/38. Халиф, год?, аш-Шаш, под калимой Л.с. знак в виде не замкнутого эллипса, в каталогах такой не встречен. В=6,43.
- 81/97. [Наср] б. Ахмад, монетный двор, год, имя халифа не видны. М=0,53 обломок в ¼.
- 82/67. Имя халиф, монетный двор, год – ? (смазаны). В=4,33.

- 83/95. [Наср б.] Ахмад, имя халифа и год утрачены, Самарканд. В=0,32 обломок в 1/6.
Нух б. Наср (9)
- 84-86/17, 18, 41. ал-Муттаки, Самарканд 333 г.х. Над калимой Л.с. б, под ней ع ع [5, с. 143, № 749].
В=2,50; 2,97. 3,59.
- 87/13. ал-Мустакфи, аш-Шаш 334 г.х. Под калимой Л.с. ع ع [10, с. 188]. В=4,93.
- 88/84. ал-Мут'и, Бухара, 335. Над калимой – с, под ней بك بك [10, с. 193 вид 1]. М=3,20.
- 89/40. ал-Мустакфи, Самарканд, 33х г.х. Под калимой Л.с. ع ع В=4,22.
- 90/14. ал-Мустакфи, Самарканд, 340 г.х., над калимой – о, внизу 2 несимметричных знака [5, с. 147, № ~ 829]. В=4.03.
- 91/61. [ал-Мустакфи, ал-Мут'и ?], Самарканд 340 г.х. Над калимой – точка, под ней ع ع (в каталогах вариант с точкой сверху не найден). В=4,26. На О.с. граффити в виде длинной прямой в 3/4 сегмента.
- 92/79. ал-Мустакфи, [Бухара, 340-343 гг.х.] с الملك الموييد под калимой Л.с. [10, с. 201, 203, 205, 206 вид 1]. В=1,74, дважды просверлен, обломок в 1/2.
Абд ал-Малик б. Нух (4)
- 93/33. ал-Мустакфи, Бухара, 344 г.х. над калимой Л.с. (حموي) ? В каталогах не встречен. В=3,29.
- 94/16. ал-Мути', аш-Шаш, 347 г.х. В=0,44 – обломок в 1/4.
- 95/44. ал-Мустакфи, Бухара, 349 г.х. [10, с. 212, вид 2]. В=2,92.
- 96/92. [Абд-ал-Ма]лик б. Нух, имя халифа, монетный двор и год не видны. В=0,44, обломок в 1/4.
Мансур I б. Нух. (6)
- 97/56. ал-Мут'и, Бухара, 353 г.х. Вверху *Богра*, внизу *бек* [10, с. 215 вид 2]. В=2,52.
- 98/72. Имя халифа искажено, не читаемо, Бухара, 354 г.х. Над калимой *Богра* внизу *бек бек*. В=2,21, обломок в 3/4.
- 99/43. Без имени халифа, Андараба, 357 г.х. (в каталогах не найден), просверлен у края, В=3,40.
- 100/78. Мансур б. Нух, [Самарканд, 358 г.х.] На О.с. Омайядский символ – сура 112 [10, с. 220 вид 1]. В=1,67 (обломок в 1/4).
- 101/86. Имя халифа и город не видны, 35х г.х. Над калимой имя *Фаик*. В=1,57 обломок 2/5.
- 102/45. ал-Мут'и, аш-Шаш, 365 г.х. Над калимой *Адил* под ней – имя *Фаик* [10, с. 227 вид 1]. В=2,23.
Амир не определен.(2)
- 103/96. Имена халифа и амира, а также год – не видны, Бухара. В=0,45, обломок в 1/4.
- 104/93. Имена халифа и амира, а также год – не видны, [аш-Шаш]. В=1,10, обломок 2/5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX-начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 2013. 499 с.
2. Григорьев В.В. Описание куфических монет X в., найденных в Рязанской губернии в 1839 г. 1841. 57 с.
3. Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Том IX. М. 1971. С. 76-97.
4. Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х. Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии // НЗО. Казань, 2012. Вып. 2. С.163-174.
5. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 872 с.
6. Марков А.К. Топография кладов восточных монет (Сасанидских и куфических). СПб., 1910. 546 с.
7. Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа на территории древней Руси. Л., 1967. С.183.
8. Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988. 150 с.
9. Тизенгаузен В.Г. Монеты восточного халифата. СПб., 1873. 372 с.
10. Тизенгаузен В.Г. О саманидских монетах // Труды восточного отделения Русского Археологического общества. Ч. I. СПб., 1855. С. 1–237.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII-XIII вв. в Восточной Европе // Эпиграфика Востока. Т. XXIII. Л., 1985. С. 44–47.
12. Leimus I. Syllog of Islamic coins 710/1 – 1013/4 AD. Estonian public collections. Tallinn, 2007. 446 p.

13. *Schwarz F.* SNAT. XIV d, Hurasan, IV. Berlin, 1995. 105 p.
14. *Treadwell L.* Buid coinage. A die corpus (322–445 A.H.). Ashmolean museum Oxford, 2001. 247 p.

Информация об авторах:

Лебедев Валентин Петрович, кандидат физико-математических наук, нумизмат-исследователь (Дзержинск, Российская Федерация); vpleb@mail.ru

Амосов Михаил Анатольевич, директор Исторического музея «Изначаль» (Коломна, Российская Федерация); klassik63@bk.ru

About the authors:

Lebedev Valentin P., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, numismatist and researcher (Dzerzhinsk, Russian Federation); vpleb@mail.ru

Amosov Mikhail A., Director of Iznachalie Historical Museum (Kolomna, Russian Federation); klassik63@bk.ru

УДК 737.111/112+904+930

ДИРХАМЫ КА'УСИДОВ ТАБАРИСТАНА В ПООЧЬЕ

А.А. Гомзин

DIRHAMS OF TABARISTAN KA'USIDS IN THE OKA REGION

Институт археологии РАН

Вводятся в научный оборот дирхамы Ка'усидов Табаристана, происходящие из кладов, обнаруженных в бассейне Оки. Дается описание формуляра их легенд, приведены изображения каждой монеты. По имеющимся данным, рассматриваемые дирхамы попадали в Поочье вместе с монетами Бувайхидов и Зийаридов. Впервые дирхамы Ка'усидов появляются здесь в составе кладов второй половины 970-х гг. – начала 980-х гг. и продолжают встречаться в комплексах конца X – начала XI в.

Ключевые слова: Бавандиды, Ка'усиды Табаристана, Рустам б. Шарвин, Фиррим, Поочье, клады, дирхамы.

The article introduces into scientific discourse the dirhams of Tabaristan Ka'usids originating from hoards discovered in the basin of the Oka river. It features a description of a record sheet of their legends and an image of each of the coins. According to the available information, the dirhams in question were brought to the Oka region together with the coins of the Buwaihids and the Ziyarids. For the first time the dirhams of the Ka'usids appeared in the area as part of the hoards dated second half of the 970s – the early 980s, and continue to be encountered in the complexes of late 10th – early 11th centuries.

Keywords: Bavandids, Tabaristan Ka'usids, Rustam b. Sharvin, Firrim, Oka region, hoards, dirhams.

Бавандиды – самая значительная местная по происхождению иранская династия, правившая в прибрежных исторических областях Южного Каспия, Табаристане и Гилане, и внутренних районах Эльбурса в 65–750 гг.х. (665 – 1349 гг.). Ее история реконструируется не только по письменным источникам, но и на основании монет, которые чеканились в отдельные хронологические периоды.

Исследователями выделяются три ветви Бавандидов: Ка'усиды, породнившиеся и находившиеся в вассальной зависимости от двух главных дейлемитских династий, Бувайхидов и Зийаридов; Испахбадиды, признававшие сюзеренитет Великих Сельджуков и Караханидов и уступившие свои владения хорезмшахам; Кинхвариды, правившие как вассалы монголов (подробнее о Бавандадах и их монетной чеканке см., например: [2, с. 123–126; 9, с. 62–64; 11, р. 171–172; 12, р. 443–460]).

В X в. дирхамы старшей ветви Бавандидов, Ка'усидов Табаристана, стали поступать в Восточную Европу вместе с прочим куфическим монетным серебром. Дирхамы Ка'усидов начали публиковаться еще в XIX в. основоположником восточной нумизматики в России Х.М. Френом. К началу XX в. наиболее представительная коллекция их монет сформировалась в Императорском Эрмитаже. В 1971 г. Д. Майлзом была подготовлена специальная статья по чеканке Ка'усидов и Испахбадидов. После ее публикации накопление новых материалов продолжилось [9, с. 64; 11, р. 171; 12, р. 443–460].

Помимо, собственно, редкости ка'усидские дирхамы представляют интерес из-за своеобразного формуляра легенд и оформления. Уже при первом известном эмитенте, Рустаме б. Шарвине, на них стали помещать ши'итский символ веры, что тогда не практиковали даже сюзерены Ка'усидов, Бувайхиды, тоже являвшиеся ши'итами¹. Случай, почти беспрецедентный в мусульманском монетном деле того времени [11, р. 171, № 1524; 12, р. 444–445; 14, р. 127].

¹ За исключением одного золотого динара в литературе зафиксированы только дирхамы Ка'усидов. Считается, что их чеканка началась при Рустаме б. Шарвине около 353 г.х., поскольку наиболее ранние из известных монет несут на себе указанную дату [11, р. 171; 12, р. 444–445]. Р.Р. Фасмером был издан дирхам этого амира с неустановленным годом с именем халифа ал-Мустакафи биллаха на О.с., однако, сам исследо-

Еще одной интересной чертой явилось периодическое помещение имени эмитента не на привычные позиции в последних строках полей лицевой или оборотной сторон, а включение его в круговую легенду с выпускными сведениями сразу после места чеканки, либо указание в поле Л.с. над символом или передача по частям в дополнительной круговой легенде Л.с. От классического формуляра серебряных куфических монет X в. отличалась и компоновка строк полей обеих сторон, круговые же легенды иногда менялись местами [11, р. 171, № 1524; 12, р. 445–450; Z/13849, 13850, 13851, 70200, 85925, 121753].

В Поочье, где регистрация находок куфических монет ведется уже примерно два века, и по их количеству данный регион – один из лидирующих в европейской части России, дирхамы Ка'усидов стали известны лишь в последнее время, несмотря на то, что содержались они в давно обнаруженных кладах, первый из которых был найден еще в 1924 г. (подробнее об истории изучения куфических монет в бассейне Оки см.: [3, с. 14–31]). Обусловлено это слабой изученностью и медленным введением в научный оборот новых находок. Информация, помещавшаяся о них в научной литературе, была краткой и не содержала какого-либо упоминания о монетах Ка'усидов. Сказалось и отсутствие специалистов в музеях, куда попали эти дирхамы, поэтому не удивительно, что раньше стали известны ка'усидские монеты из частных коллекций.

Летом 1990 г. на левом берегу Оки примерно в 12 км ниже по течению от г. Муромы был обнаружен клад куфических, западноевропейских и византийских монет, в котором содержались два дирхама Рустама б. Шарвина, чеканенные в Фиррими². Один из экземпляров датирован 369/979–980 г.; на втором год разобрать не удалось. Детального описания этих монет, равно как и ссылок на их тип по литературе, публикаторы не привели. Сам клад был отнесен к началу XI в. [8, с. 107–115].

В 2013 г. в Гороховецком районе Владимирской области к северу от д. Ротьково был обнаружен клад целых и фрагментированных куфических и западноевропейских монет, в состав которого входил фирримский дирхам Рустама б. Шарвина 361/971–972 г. или 362/972–973³ г. Поскольку находчиком для изучения были предоставлены фотографии только 21 монеты, можно считать, что комплекс остался практически неисследованным, поэтому его датировка пока ограничивается лишь широкими рамками XI в.⁴

В настоящей же статье речь пойдет о дирхамах Ка'усидов Табаристана из Поочья, находящихся в музейных коллекциях. Их число невелико – четыре экземпляра два из которых хранятся в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике и еще два – в Муромском историко-художественном музее. Происходят они из давно и хорошо известных кладов последней четверти X в., так полностью и не введенных в научный оборот: Борковских 1951 и 1958 гг. и Савковского 1924 г. Все монеты отчеканены при Рустаме б. Шарвине в Фиррими в разные годы. Ниже приводится их описание (порядковые номера монет соответствуют номерам на иллюстрации)⁵:

ватель никак не прокомментировал это обстоятельство, на следующей же странице своей работы определяя период правления Рустама между 350 и 370 гг.х. [9, с. 63–64, № 51].

² Фиррим являлся главной крепостью и сокровищницей Ка'усидов. Он располагался в горах Джибал-и Карин где-то на северных склонах Дамаванда, к югу от Амуля. Точное его местонахождение неизвестно, существует несколько версий по этому поводу [9, с. 50; 12, р. 444–445].

³ Слабый прочекан числа единиц года допускает лишь их вариативное чтение.

⁴ Общие размеры клада неизвестны. Со слов владельца, в его состав входили не менее 18 куфических монет, 21 западноевропейский денарий, немецкий и английский, и несосчитанное число монетных фрагментов. Осмотренные по фотографиям дирхамы были отчеканены Аббасидами, Хамданидами, Саманидами, Бувайхидами, Зийаридами, Ка'усидами, 'Окайлидами, Марванидами и Караханидами. В программу IV Международной нумизматической конференции «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.», проходившей в середине апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге и Старой Ладобе, был включен доклад О.В. Тростянского «Клад начала XI века из деревни Ротьково: европейские монеты», содержание которого нам неизвестно, однако, судя по названию, можно полагать, что речь идет о том же самом комплексе.

⁵ Осмотр дирхамов проводился в 2007–2008 гг. Автор выражает искреннюю признательность главным хранителям Рязанского и Муромского музеев, Т.Н. Просуковой и О.А. Суховой за возможность их исследовать и опубликовать.

1. Фиррим, 361 г.х. (971/972 г.).

(12, р. 447, № 6b). Вес: 1,67 г, фрагмент (обрезок-обломок) около 1/3. Борковский клад 1951 г. (РИАМЗ. КП-3419/197)⁶. Фототабл. 6/1.

Л.с.⁷. В поле:

* / لا اله الا الله / المطيع لله / ركن الدو[لة]

Выпускные сведения внутренней круговой легенды Л.с.:

[...] بفريم [بامر رستم سنة احد ستين و ثلثمائة]

Внешняя круговая легенда Л.с.: Коран, XXX, 3-4.

О.с. В поле:

الله / [م]حمد / [ر] سول الله / [ع]لى ولى الله

Круговая легенда О.с.: Коран, IX, 33.

2. Фиррим, 365 г.х. (975/976 г.).

(В публикациях не встречен)⁸. Вес: 5,21 г, целый, немного потерт с обеих сторон. Борковский клад 1958 г. (РИАМЗ. КП-6185/128)⁹. Фототабл. 6/2.

Л.с. В поле:

← / لا اله الا الله الطائع لله ركن الدو[لة]

Выпускные сведения внутренней круговой легенды Л.с.:

... بفريم سنة خمس و ستين و ثلثمائة

Внешняя круговая легенда Л.с.: Коран, XXX, 3-4.

Дополнительная круговая легенда: на 6 и 12 часов расположено по букве *ميم*; на 3 часа – *دаль*; на 9 часов – фигурно исполненная, по Л. Тредвеллу, *ха*, больше похожая на *'айн* с загнутым кверху окончанием, которые при чтении с 12 часов против часовой стрелки формируют имя *Мухаммад* [14, р. 127]. Между этими разделителями по частям передано имя эмитента, прочитываемое аналогичным образом, начиная с 2 часов:

رستم / بن / شر / وين

О.с. В поле¹⁰:

⁶ Клад обнаружен в 1951 г. в с. Борки (современная черта г. Рязани) Мервинского района Рязанской области детьми при рытье завалинки. Находился в глиняном сосуде, содержавшем около 500 куфических монет и два серебряных браслета, один из которых сломан пополам. Разошелся по рукам. Часть дирхамов, сосуд и браслеты поступили в РОКМ. Сейчас в музейной части комплекса насчитывается 206 экземпляров. Еще 50 дирхамов были зафиксированы у частных лиц. Династический состав клада: Аббасиды – 5, Саманиды – 185, наместники Андалабы – 1, Бувайхиды – 15, Зийариды – 10, Ка'усиды Табаристана – 1, Саллариды – 1, волжские булгары – 4, подражания Саманидам – 8, подражания куфическим монетам – 4, неопределенные – 19, «слепые» дирхамы – 3 экз. Младшие монеты: Саманиды, Мансур б. Нух, аш-Шаш и волжские булгары, Му'мин б. ал-Хасан, Булгар, обе с датой 366/976-977 г. [3, с. 260–281, № 38; 4; 5, с. 84, № 79; 6, с. 92, № 39; 7, с. 94–96, № 1877].

⁷ *Нун* в лакабе бувайхидского амира имеет орнаментальное окончание. У Д. Майлза годовое число приведено без союзов между сотнями, десятками и единицами. На доступных нам экземплярах можно все-таки предполагать наличие союза между сотнями и десятками, но полной уверенности в этом нет. Определенно он отсутствует между десятками и единицами. Буква *йа* в цифре *один* на рассматриваемом экземпляре опущена.

⁸ По любезному сообщению хранителя восточных монет Вяч.С. Кулешова, в нумизматическом собрании Государственного Эрмитажа аналогичные дирхамы отсутствуют.

⁹ Обнаружен школьниками около строящегося дома в том же селе, что и клад 1951 г. Аналогично находился в глиняном сосуде и содержал 152 куфические монеты. Три дирхама не сохранились, известны только их выпускные данные; остальные были переданы в РОКМ. Династический состав клада: Аббасиды – 5, Саманиды – 115, наместники Андалабы – 1, Бувайхиды – 13, Зийариды – 3, Ка'усиды Табаристана – 1, волжские булгары – 2, подражания Саманидам – 8, подражания куфическим монетам – 4 экз. Младший дирхам: Саманиды, Нух б. Мансур, аш-Шаш, 372/982-983 г. [3, с. 281–295, № 31; 5, с. 85, № 80; 6, с. 93–94, № 64].

لله/محمد / رسول الله / علي ولي الله

Круговая легенда О.с.: Коран, IX, 33.

Дополнительная круговая легенда: на 3, 6, 9 и 12 часов соответственно проставлены буквы *йа*, *лям*, *'айн* и *вав*, которые при чтении с 12 часов против часовой стрелки вместе с разделителями Л.с. образуют сочетание *Мухаммад ва 'Али*, являющееся, по предположению Л. Тредвелла, началом фразы: *Мухаммад и 'Али – лучшие из людей*, – составлявшей часть *ши'итского азана* IV в.х. [14, р. 127]. Между ними расположена легенда, подобрать убедительное прочтение которой пока не удалось.

Известны дирхамы этого года чеканки близкие по легендам поля О.с. и основных круговых легенд, где имя эмитента проставлено вверх поля Л.с. или вниз поля О.с., а дополнительные круговые надписи содержат только начало фразы *азана ши'итов* [12, р. 447–448, № 8; Z/85925].

По мнению Л. Тредвелла, в чеканке Ка'усидов выделяется группа стилистически близких дирхамов, заказ на штемпели для которых выполнил известный джибальский резчик ал-Хасан б. Мухаммад. Некоторые из этих монет имеют в поле одной из сторон букву *ха*, которая соотносится с начальной буквой его имени и считается своеобразной подписью. Принимая во внимание качество их исполнения, исследователь предполагает, что какая-то их часть, возможно, предназначалась для донативных целей [13, р. 79–80; 14, р. 127]. Рассматриваемый в нашей статье дирхам по своему оформлению и палеографии надписей тоже может быть отнесен к данной группе¹¹.

3. Фиррим, 367 г.х. (977/978 г.).

[12, р. 449, № 10] – штемпель Л.с. близок экземплярам *d-e*, в то время как штемпель О.с. более близок экземпляру *c*). Перечеканен из дирхама этого же года и типа другой пары штемпелей. Вес: 4,9 г, целый, немного потерт с обеих сторон. Савковский клад 1924 г. (Муромский ИХМ. М-8424/34)¹². Фототабл. 6/3.

Л.с. В поле¹³:

لا اله الا الله / محمد رسول / الله علي ولي الله / رستم بن / شروين

Круговая легенда Л.с.: Коран, IX, 33.

Над ободком круговой легенды Л.с. на 3 и 9 часов расположены буквы: (؟) حد и ع . Буквы на 6 и 12 часов не различимы. На 4 часа заметна точка. Ее локализация не дает однозначного представления о том, является ли она декоративным элементом или просто дефектом штемпеля.

О.с. В поле:

الطائع لله / عضد الدولة / ابو شجاع مو / يد الدولة / ابو منصور

Выпускные сведения внутренней круговой легенды О.с.:

... بفریم سنة [سبع] و ستین و ثلاثمائة

¹⁰ Буквы *ха* и *даль* в слове *Мухаммад* имеют орнаментально заканчивающиеся верхние части. В свободных промежутках у буквы *лям* в слове *расул* и букв *йа* в словах *'Али* и *вали* проставлены небольшие точки.

¹¹ Выражаем искреннюю признательность Е.М. Лембергу, обратившему наше внимание на указанное обстоятельство.

¹² Клад найден И. Елисеевым в 1924 г. во время пахоты на поле у д. Савково Муромского уезда (соврем. Муромский район) в развале глиняного лепного сосуда. Ф.Я. Селезнёву для Муромского музея у местных жителей удалось собрать 203 куфических монеты и один денарий Оттона II (973–983 гг.), еще около 15 экземпляров осталось у крестьян. Династический состав клада: Аббасиды – 2, Аббасиды или Саффариды – 1, Саманиды – 43, Саманиды(?) – 1, Бувайхиды – 30, Зийариды – 40, Ка'усиды Табаристана – 2, Волжская Булгария – 1, подражания куфическим монетам – 2 экз. Младший дирхам – Бувайхиды, Баха' ад-давла, ал-Маусил, 386 г.х. (996/997 г.) [1, с. 131; 3, с. 211–220, № 4; 5, с. 79, № 13; 6, с. 91, № 6; 10, с. 290, № 19, с. 293–294, № 11].

¹³ Д. Майлз отмечал, что у дирхамов этого типа в поле Л.с. над символом находится украшение или буква [12, р. 449, № 10e]. На рассматриваемом нами экземпляре при увеличении хорошо видно, что на указанном участке расположена буква *ха*, своей верхней частью несколько слившаяся с точечным ободком. Та же буква различима и на однотипном дирхаме, размещенном в онлайн-базе восточных монет Z/13850. О возможном ее значении см. комментарий к предыдущему экземпляру.

Внешняя круговая легенда О.с.: Коран, XXX, 3-4.

Над ободком внешней круговой легенды О.с. на 12 часов проставлена точка. Знаки и буквы на 3, 6 и 9 часов не уместились на монетной пластине или не различимы.

4. Фиррим, 369 г.х. (979/980 г.).

(Близок к: [12, р. 450, № 12а]). Вес: 3,16 г, целый, немного потерт с обеих сторон. Савковский клад 1924 г. (Муромский ИХМ. М-8424/35). Фототабл. 6/4.

Л.с. В поле¹⁴:

':.' / لا اله الا الله / محمد / رسول الله / على / ولي الله / ح

Круговая легенда Л.с.: Коран, IX, 33.

Над ободком круговой легенды Л.с. на 3, 6, 9 и 12 часов заметны следы букв или украшений, которые не уместились на монетной пластине и не различимы.

О.с. В поле:

خير / الطائع لله / عضد الدولة / وتاج الملة / ابو شجاع مو / يد الدولة

Выпускные сведения круговой легенды О.с.:

... بفريم رستم بن شروين سنة تسع و ستين و ثلثمائة

Над ободком круговой легенды на 1, 3, 6 и 8 часов заметны следы букв или знаков, которые лишь частично уместились на монетной пластине, вследствие чего однозначной интерпретации не поддаются.

Судя по имеющимся данным, дирхамы Ка'усидов Табаристана впервые появляются в Поочье в составе кладов второй половины 970-х гг. – начала 980-х гг., о чем свидетельствуют Борковские клады 1951 и 1958 гг. И в качестве небольшой примеси продолжают встречаться в комплексах, по крайней мере, конца X – начала XI в., если принять во внимание Савковский клад 1924 г. и комплексы из частных коллекций. Видимо, более ранних свидетельств их поступления в регион ожидать не стоит, учитывая время начала эмиссии ка'усидских дирхамов и отсутствие в бассейне Оки, за одним возможным исключением, зарегистрированных кладов 960-х гг.¹⁵ Очевидно, что они попадали в Поочье в составе тех же денежных сумм, где содержались дирхамы Бувайхидов и Зийаридов, чья доля в составе кладов Поочья постепенно возрастает к концу X в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та, 2005. 278 с.
2. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1971. 324 с.
3. Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Дисс... канд. ист. наук. М., 2013. 499 с.
4. Зубков В.И. Найден клад арабских монет // Сталинское знамя. 1951. 21 октября.
5. Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. Т. IX. М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 76–97.
6. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
7. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VII. Баку: Изд-во АН АзССР, 1957. 124 с.

¹⁴ Между первой и второй строками расположена точка. О возможном значении буквы «ха» в поле Л.с. под символом см. комментарий к дирхаму № 2.

¹⁵ Исключение составляет клад с городища Земляной Струг в Касимовском районе Рязанской области. Пока он еще не введен в научный оборот, состоит преимущественно из саманидских монет и предварительно, по младшим дирхамам, может быть датирован 960-ми гг. Однако, возможно, что при детальном изучении датировка его будет изменена на более позднюю, поскольку клад небольшой и состоит только из фрагментов дирхамов, что может быть связано с неполнотой или архаичностью его состава. Отсутствие кладов дирхамов 960-х гг. в Поочье, судя по всему, объясняется походом Святослава 964–966 гг. (подробнее см.: [3, с. 137, 145, 176–177]).

8. Рева Р.Ю., Тростянский О.В. Денежно-вещевой клад начала XI века из окрестностей Муром (предварительное сообщение) // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: Санкт-Петербург, Старая Ладога 18 – 20 апреля 2014 года: Материалы докладов и сообщений. СПб., 2014. С.107–120.
9. Фасмер Р.Р. Куфические монеты Переяславского клада // Известия ИАК. Вып. 51. Пг., 1914. С. 17–66.
10. Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // СГАИМК. Т. I. Л., 1926. С. 287–308.
11. *Album S.* Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa, 2011. 324 p.
12. *Miles G.C.* The Coinage of the Bawandids of Tabaristan // *Iran and Islam. In Memory of the Late Vladimir Minorsky.* Edinburgh, 1971. P. 443–460.
13. *Treadwell L.* Craftsmen and Coins: Signed Dies in the Iranian World (Third to the Fifth Centuries AH). Vienna, 2011. 127 p.
14. *Treadwell L.* ‘Alī Walī Allāh and Other Non-Qur’anic References to the Ahl al-Bayt on Islamic Coinage Before the Saljuq Period // *People of the Prophet’s House: Artistic and Ritual Expressions of Shi’i Islam.* London, 2015. P. 126–135.
15. Z/№ – Zeno.ru. Oriental Coins Database. Режим доступа: <http://www.zeno.ru/> (дата обращения 16.10.2017).

Информация об авторе:

Гомзин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Рязань, Российская Федерация); gomzin_a@mail.ru

About the Author:

Gomzin Andrei A., Candidate of Historical Sciences, Research Associate, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Ryazan, Russian Federation); gomzin_a@mail.ru

УДК 737(470.323)"9"

БЕЛОВСКИЙ КЛАД КУФИЧЕСКИХ ДИРХАМОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ X в. ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В.П. Лебедев, Г. Рисплинг¹

BELOVSKY HOARD OF KUFIC DIRHAMS DATED FIRST QUARTER OF THE 10TH CENTURY FROM THE KURSK REGION

¹ Королевский Нумизматический Кабинет

В конце 2007 г. администрации Курского музея Археологии был предъявлен клад из 107 куфических дирхамов, найденный в Беловском районе. К сожалению, приобретение КМА этого клада не состоялось, и в его фондах сохранились лишь файлы со сканами 103 его дирхамов без указания веса монет. В составе клада было 12 монет Аббасидов, 39 – Саманидов и 52 болгарских подражания. Важнейшими двумя особенностями Беловского клада оказалось наличие в нем 50,5 % подражаний [из них 46,6% (47 экз.) болгарские], и столько же монет было обрезано в круг. Для возможности определения весовой нормы обрезки, сначала по сканам были установлены размеры всех дирхамов клада. Для проверки их точности результаты были сравнены с размерами в 10 раз большим числом дирхамов тех же интервалов чеканки из находок дирхамов в Эстонии по Силлоге И. Леймуса 2007 г. Далее по размерам 91 монеты Саманидов и подражаний им были построены гистограммы, оказавшиеся бимодальными с максимумами при 26,5 мм для целых дирхамов и 22 мм для круглых вырезок. Простым расчетом для этого значения была вычислена весовая норма обрезки в круг для клада с t.p.q. = 311/323 г. в 1,95 г. Как оказалось это значение является самым тяжелым и самым ранним в ¾-вековом поддержании северянами счетного обращения дирхамов на своей территории.

Ключевые слова: Арабские дирхамы, Аббасиды, Саманиды, подражания, круглые вырезки, гистограммы веса и размеров, датировка подражаний, поштемпельный анализ.

A hoard consisting of 107 Kufic dirhams discovered in Belovsky district was submitted to the administration of Kursk Museum of Archaeology in late 2007. Unfortunately, this hoard was not acquired by the KMA, and only the files with the scanned copies of its 103 dirhams with no indication of the weight of the coins preserved in the funds of the museum. The hoard contained 12 Abbasid coins, 39 Samanid coins, and 52 Bolgar imitations. The two most significant features of the Belovsky hoard was the presence of 50.5 % imitations [46.6 % (47 copies) of which were Bolgar], and the fact that the same number of coins were cut in circles. In order to determine the weighting standard of the cut-outs, at first the dimensions of all dirhams from the hoard were initially determined on the basis of the scans. The accuracy of obtained results was verified by comparing them with the dimensions of a 10-fold number of dirhams corresponding to the same minting intervals from the dirhams discovered in Estonia after I. Leymus' Silloga in 2007. Subsequently, the sizes of 91 Samanid coins and their imitations were used as the basis for bimodal histograms with maxima at 26.5 mm for whole dirhams and 22 mm for round cuttings. A simple calculation of this value allowed to determine the weighing standard of the round cutting for the hoard with terminus post quem = 311/323 in 1.95 g. As it turned out, this is the largest and earliest value for the three quarters of a century during which the northerners maintained monetary circulation in their domestic territory.

Keywords: Arab dirhams, Abbasids, Samanids, imitations, round cuttings, weight and size histograms, dating of imitations, stamp analysis.

В начале декабря 2007 г. директору Курского Музея Археологии (КМА) Г.Ю. Стародубцеву местный поисковик сообщил о находке клада дирхамов (видимо летом-осенью этого года) в Беловском районе Курской области, между д. Корочка и Суходол. В качестве доказательства им был показан снимок всего клада со 107 куфическими дирхамами. В клада не было обломков произвольной формы, но часть монет была обрезана в кружок. Попытка Г.Ю. Стародубцева приобрести клад для КМА не увенчалась успехом и музеем досталась лишь электронная папка с 6 файлами со сканами обеих сторон 103 дирхамов посредственного качества. Вскоре эта же папка с теми же сканами дирхамов Беловского клада от московского нумизмата А. Пачкалова попала к проф.

Р.К. Ковалеву (США) и Г. Рисплингу (Швеция). В.П. Лебедеву все перечисленные выше материалы и информацию по Беловскому кладу любезно предоставил Г.Ю. Стародубцев.

Основными особенностями Беловского клада, побудившими авторов опубликовать его, несмотря на неполноту исходной информации о нем, являются два обстоятельства: половина из 103 доступных дирхамов клада 52 экз. являются болгарскими подражаниями и кроме того тоже количество монет всего состава обрезаны в кружок. Имелись трудности и при атрибуции дирхамов, связанные с утратами выпускных сведений из-за обрезки вокруг половины монет, отсутствием общепринятых критериев для разделения подражаний и подлинных дирхамов и недостаточным разрешением имеющихся сканированных изображений. В приложении 1 приведена суммарная атрибуция монет, при которой причисление дирхамов к подражаниям полностью следовало точке зрения Герта Рисплинга, а в фототаблицах 7–10 приведены изображения всех 52 болгарских подражаний из клада. Суммарный состав клада по династиям и эмитентам приведен в таблице 1.

Таблица 1

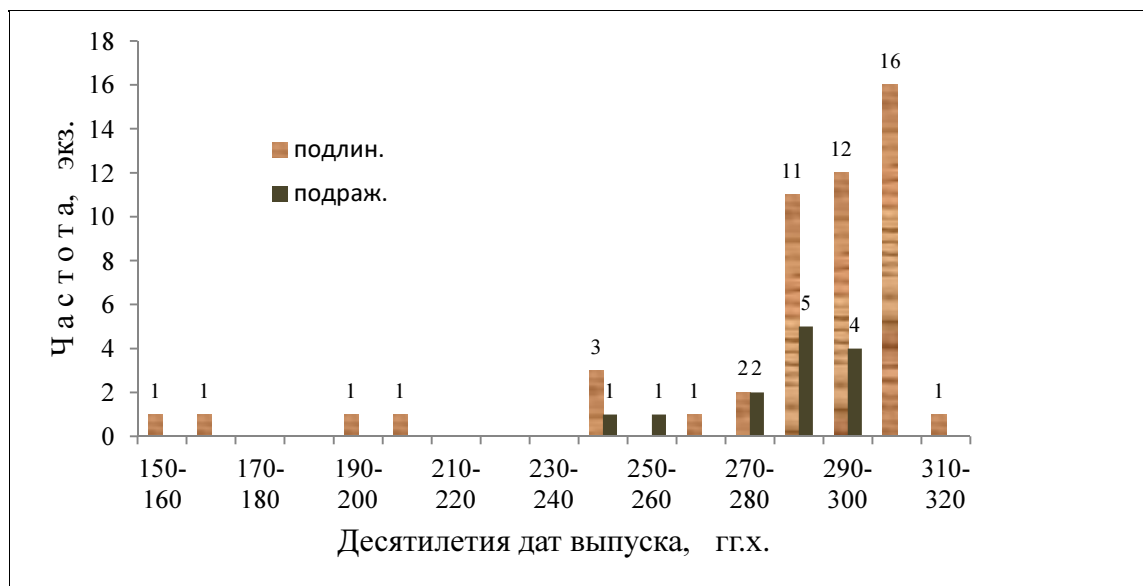
Династийный состав Беловского клада

Династии, эмитенты	Годы чеканки монет, присутствующих в кладае, гг.х.	Количество,	
		Экз.	%
Аббасиды	152–277	12	11,7
Саманиды	283–311	39	37,9
<i>Исмаил б. Ахмад</i>	283–294	14	13,6
<i>Ахмад б. Исмаил</i>	297–301 гг.х.	11	10,7
<i>Наср б. Ахмад</i>	302–311 гг.х.	14	13,6
Волжская Булгария – подражания		52	50,4
<i>Подражания Аббасидам</i>	(253, 270)	2	1,9
<i>Подражание Саманидам – Исмаилу б. Ахмаду</i>	(290, 293, 294)	3	2,9
<i>Тоже, но Насру б. Ахмаду</i>	(283, 300, 306, 308 310)	14	13,6
<i>Тоже, амир?</i>	-	3	2,9
<i>Подражания без аналога</i>	-	30	29,1
Итого:		103	100

Как следует из представленных данных, в кладае присутствуют дирхамы только двух династий – Аббасидов и Саманидов, с тройным преобладанием последних. Старшая монета клада Багдадский анонимный дирхам времени халифа ал-Мансура 152/769 г., младшая (*terminus post quem* = *t.p.q.*) – Самаркандский дирхам Насра б. Ахмада 311/923–924 г. Монеты этих же династий стали и объектами подражаний, но уже с 10-кратным преобладанием саманидских.

Среди 12 аббасидских и 39 саманидских дирхамов не оказалось особо примечательных типов, а хронология их чеканки представлена на гистограмме 1 хронологического состава датированных монет. Из нее видно, что 3/4 из 51 подлинных монет клада компактно составляют дирхамы 3 десятилетий, предшествующих году его сокрытия. Остальные 10 монет хаотически распределены в 130-летнем интервале 150–280 гг.х. На этой же гистограмме приведено распределение количества для дирхамов, с которых копировались определяемые подражания. Как видно, 9 из 13 таких подражаний копировались с дирхамов тех же 3 десятилетий чеканки, которые преобладали среди подлинных дирхамов клада.

Гистограмма 1. Распределение количества подлинных дирхамов и подражаний с указанными годами выпуска по десятилетиям

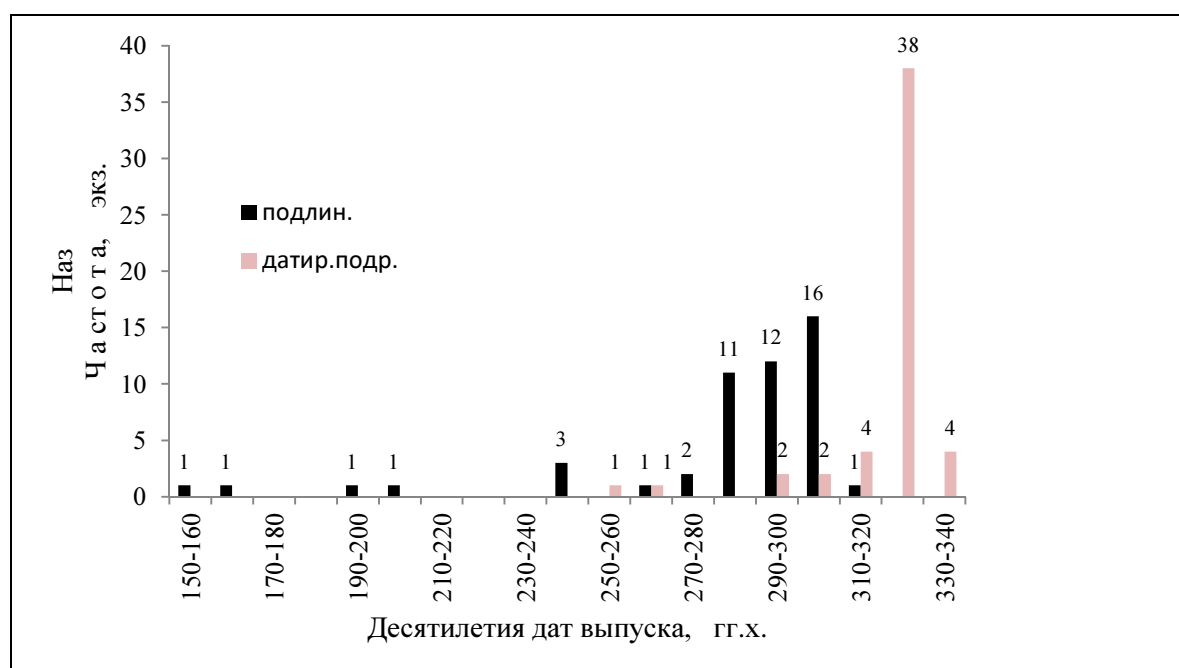
Однако 3/4 подражаний представляют собой неопределимые монеты с искаженными нечитаемыми надписями подобными арабографичным. Среди них еще нет «фантазийных» типов, «легенды» на которых составлялись из произвольных знаков, едва похожих на буквы арабского письма. Такие типы подражаний появились в более поздних кладах, например в Безлюдовском (фототабл. 7 / 1084, 1119, 1121, 1143, 1152, 1158) [4, №1084–1158].

Но очевидно, что на производство подражаний, включающего в себя вырезку штемпелей, металлургическую подготовку серебряного сплава требуемой пробы, и организацию процесса самой чеканки, требуется определенное время, на которое фактически следовало бы увеличивать т.р.к. клада. Эта разница между временем чеканки младшего подражания и младшего подлинного дирхама давно интересует нумизматов. Так, например, Р.Р. Фасмер, анализируя подражания Безлюдовского клада, предложил штемпели подражаний изучаемого клада искать в составе других кладов с известной датировкой. Несколько таких примеров он смог выявить [12, №332, 335, 336, 389–393]. К сожалению, при публикации кладов в XIX–XX вв. изображения подражаний приводились очень редко.

В ходе изучения подражаний куфическим дирхамам IX–X вв. шведский соавтор осуществил их систематизацию, опираясь в первую очередь на нумизматические собрания Швеции. Его подход основан на штемпельном сравнении, выявлении штемпельных связей монет, построении штемпельных цепочек и создании номенклатуры штемпелей в цепочках и изолированных штемпелей. Предварительные датировки групп штемпелей и отдельных типов основаны на сериях т.р.к. кладов с подражаниями. Краткое описание этой методологии приведено в работе [14, р. 275–281].

В приложении 1 приведена атрибуция всех подражаний клада, а в конце строк указаны годы, установленные описанным способом, не позже которых не могли быть отчеканены эти подражания. На гистограмме 2 по этим предельным значениям годов изготовления подражаний клада построена гистограмма хронологического состава всего комплекса (совместно с подлинными дирхамами, имеющими годы выпуска). Сравнение показывает, что как значение моды, так и младшие подражания смещены на 20 лет от этих же показателей подлинных монет. То есть на организацию выпуска подражаний Саманидским дирхамом могло потребоваться до двух десятилетий.

Гистограмма 2. Распределение количества подлинных дирхамов и предельно датированных подражаний по десятилетиям

Метрология дирхамов Беловского клада

По сложившимся обстоятельствам веса дирхамов этого клада оказались не известны, однако, по полученным компьютерным сканам удалось установить их размеры (Таблица 2). Для проверки результатов исчислений, опираясь на современный каталог куфических дирхамов из музеев Эстонии [13] по гистограммам были определены модальные значения веса и размеров дирхамов тех же династий и эмитентов, что и в данном клада (Приложение 3). В клада среднеарифметическое значение размера 12 аббасидских дирхамов составило 23,5 мм в интервале 22–25 мм, а модальное значение распределения по размерам 230 аббасидских дирхамов этого времени из каталога Ивара Леймуса оказалось равным 23,75 мм в пределах 20–26 мм, при этом 62% значений находилось в узком интервале 23–24,5 мм. Модальное значение веса 187 аббасидских дирхамов равнялось 2,83 г, при этом 60,5% оказалось в интервале 2,75–2,85 г. Модальные значения размеров целых 250 экз. саманидских дирхамов составило 26,8 мм, а веса 350 экз. – 2,90 г. Эти же параметры для 101 и 104 целых саманидских подражаний составили, соответственно, 26,9 мм и 2,9 г.

Таблица 2

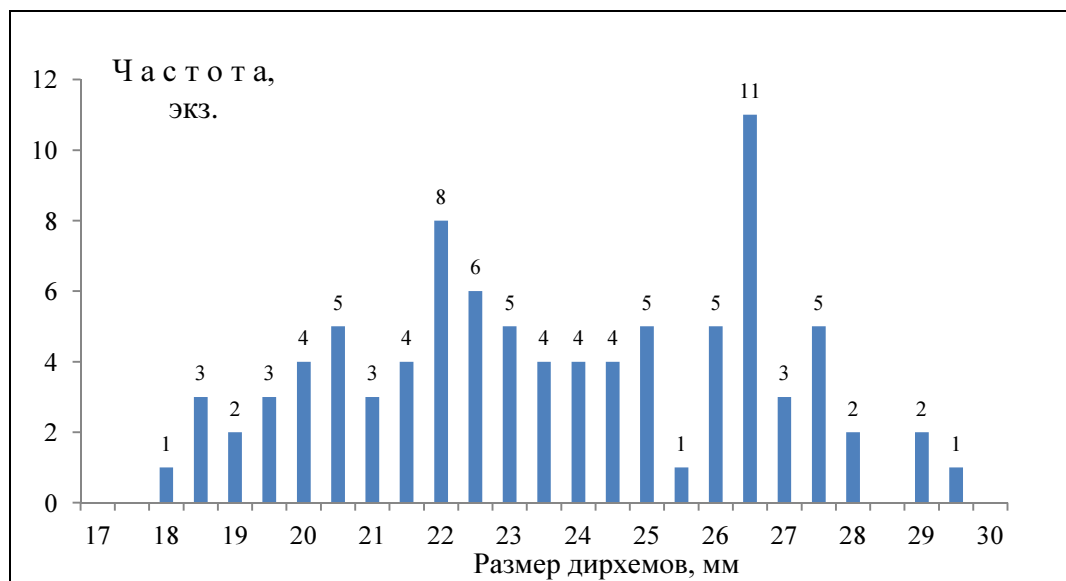
Восстановленные размеры монет Беловского клада

Хроно №	Исходные №	Диаметр монет, мм	Хроно №	Исходные №	Диаметр монет, мм	Хроно №	Исходные №	Диаметр монет, мм
1 Абб.	98/99ж	23,7				69	73/74в	19,7
2	69/70в	22,0	35	63/64б	26,6	69А	88/89г	22,2
3	94/95а	23,8	36	76/77б	26,7	70	57/58а	23,8
4	63/64а	24,5	37	92/93б	23,2	71	65/66а	20,2
5	67,68в	23,5	38	82/83а	26,6	72	65/66б	22,4
			Наср					
6	88/89д	22,2	39	86/87г	27,7	73	65/66в	22,6
7	92/93а	24,9	40	51/52б	26,0	74	65/66г	20,1
8	94/95б	26,1	41	78/79а	25,2	75	65/66д	22,8

9	71/72б	23,1		42	82/83в	26,0		76	84/85а	18,4
10	92/93г	22,3		43	73/74г	20,9		77	84/85б	19,4
10А	53/54а	25,2		44	82/83г	26,7		78	84/85в	20,6
11	92/93д	22,3		45	59/60а	26,8		79	84/85г	21,8
12 Исм.	96/97з	26,3		46	96/97е	26,6		80	84/85д	20,5
13	59/60б	25,5		47	94/95	21,5		81	84/85е	23,2
14	88/89в	25,9		48	80/81а	23,7		82	88/89е	21,4
15	71/72а	26,6		49	80/81а	24,6		83	90/91а	22,6
16	69/70а	20,6	50 Подр.	50	69/70б	24,6		84	90/91б	23,3
17	76/77а	27,8		51	90/91ж	24,0		85	90/91в	20,6
18	51/52а	26,8		52	90/91д	27,3		86	90/91г	22,1
19	82/83б	26,6		53	76/77г	26,9		87	90/91е	24,3
20	88/89а	20,8		54	61/62а	28,8		88	92/93е	19,5
21	49/50а	26,5		55	57/58б	22,2		89	94/95ж	20,8
22	67/68а	26,2		56	71/72в	23,9		90	96/97а	21,7
23	94/95з	27,5		57	78/79б	23,7		91	96/97б	18,5
24	80/81в	22,7		58	67/68б	21,8		92	96/97в	18,9
25	80/81г	22,5		59	77/79г	25		93	96/97г	19,3
26	55/56а	26,0		60	86/87а	24,9		94	96/97д	21,7
27	61/62б	27,4		61	86/87в	29,5		95	98/99а	22,0
28 Ахм.	55/56б	27,8		62	88/89б	22,4		96	98/99б	18,9
29	49/50б	29,0		63	94/95г	18,6		97	98/99в	22,0
30	80/81б	24,2		64	94/95д	23,4		98	98/99д	19,8
31	92/93в	22,9		65	94/95е	26,4		99	98/99е	21,8
32	53/54б	24,8		66	96/97ж	24,8		100	98/99з	20,5
33	76/77в	24,3		67	73/74а	18,2		101	98/99г	22,8
34	86/87б	27,3		68	73/74б	20,0				

Как видим, установленные размеры аббасидских дирхамов в данном кладе оказались такими же, как и в ~20 раз большем количестве дирхамов из каталога. При этом примерно у половины из них размер оказался сопоставимым с размерами обрезанных в круг остальных дирхамов. Поэтому гистограмма по размерам была построена только для саманидских дирхамов и подражаний (см. гистограмма 3).

Гистограмма 3. Размер саманидских дирхамов и подражаний из Беловского клада

Полученное распределением оказалось бимодальным с максимумами при 22,0 и 26,5 мм. Очевидно, что пик при 26,5 мм соответствует целым дирхамам, а при 22 мм, следовательно, обрезанным в круг. Зная средний диаметр обрезанных в круг дирхамов нетрудно вычислить среднее значение весовой нормы обрезки. Вес дирхама W рассчитывается по формуле $W = \rho h \pi D^2 / 4 = KD^2$, где ρ – плотность монетного сплава в г/см³, D и h – диаметр и толщина дирхама в см. Так как обрезке в круг подвергались дирхамы в принципе тех же типов и времени выпуска, что и целые дирхамы клада, то множитель $\rho h \pi / 4$ в нашей формуле можно обозначить постоянным коэффициентом K , одинаковым как для целых, так и обрезанных дирхамов. В этом случае получаем пропорцию $W_{ц} - KD_{ц}^2$ и $W_{обр} - KD_{обр}^2$ из которой определяем среднее значение веса обрезанных дирхамов $W_{обр} = (W_{ц} \cdot KD_{обр}^2) / KD_{ц}^2 = (2,9 \cdot 2,2^2) / 2,68^2 = 1,95$ г; здесь $W_{ц}$ и $W_{обр}$ – модальный вес целых и обрезанных дирхамов, соответственно; $D_{ц}$ и $D_{обр}$ – модальные значения диаметра целых и обрезанных дирхамов, соответственно. Для других курских кладов весовая норма обрезки обычно известна, поэтому для них наша формула приобретает законченный вид $W_{обр} = 0,4 \cdot D_{обр}^2$ [6, с. 12]. Применив ее к данным Беловского клада получаем практически тот же результат: $W_{обр} = 0,4 \cdot 2,2^2 = 1,94$ г.

Ранее было установлено, что весовая норма обрезки в круг была не постоянна, а непрерывно снижалась со временем. Этот результат был зафиксирован в виде графика зависимости модального значения веса преобладающих в кладах вырезок от т.р.к. кладов [3, с. 56 рис. 6; 7, с. 140]. На рис. 1 приведен этот график с учетом новых кладов.

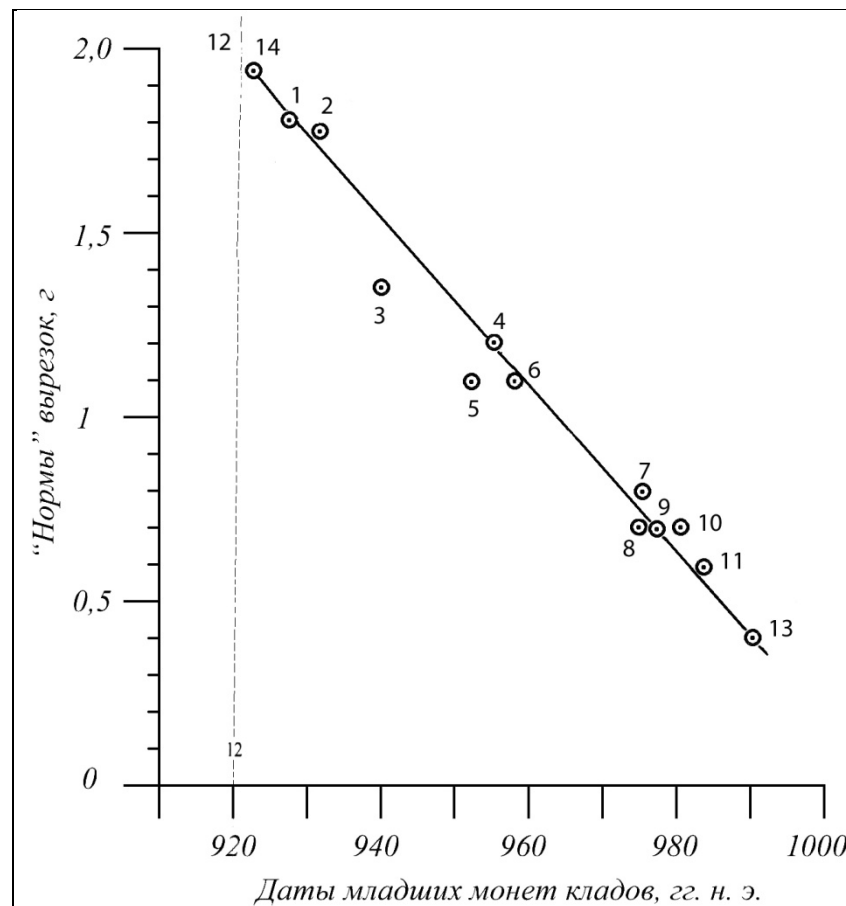

Рис. 1. Клады дирхамов Северной земли.

График зависимости веса вырезок из дирхамов от года младших монет

1 – Курск (928 г.х.); 2 – Лухтовка (932 г.х.); 3 – Ратский (940 г.х.); 4 – Курск (955 г.х.); 5 – Береза (952 г.х.); 6 – Переверзево (958 г.х.); 7 – Красниково 1-е (сер. 970-х гг.х.); 8 – Волобуево (975 г.х.); 9 – Ратманово (977 г.х.); 10 – Шуклинка (980 г.х.); 11 – Восточная Латвия (983 г.х.); 12 – Шеховцово (920 г.х.); 13 – Кудеярова гора (990 г.х.); 14 – Беловский (923 г.х.).

Из него видно, что весовая норма обрезки дирхамов непрерывно снижалась по линейному закону. Беловский клад, в котором лишь часть дирхамов обрезана, фактически завершил начальную (левую) часть графика. Его т.р.г. = 311/923 г., а в крупном кладе из Шеховцово Курской обл. с т.р.г. = 307/920 г. обрезанных в круг дирхамов еще нет совсем [5, с. 214–218] (на графике положение этого клада показано вертикальной пунктирной линией).

Можно считать полностью завершенной и конечную (правую) часть графика. По соседству с крайней точкой 13 клада с Кудеяровой горы добавилась точка 11 клада «Восточная Латвия» [8], а рядом с ней точка 10 крупного Шуклинского клада из 472 вырезок [в печати]. График не может продолжаться далее вправо по двум причинам: 1) Вес вырезок менее 0,4 г слишком мал как для процесса обрезки, так и для участия таких мелких вырезок в денежном обращении, 2) Соккрытие клада 13 с т.р.г. = 990 г. в реальном времени приходится на 1000–1010 г., когда здесь происходили разрушительные военные действия дружин Владимира Святославовича, в результате которых Посемье было присоединено к Киевской Руси [2, с. 270–275].

Приложение 1

Атрибуция дирхамов Беловского клада

Принятые обозначения: ГР – Герт Рисплинг, ВЛ – В. Лебедев; 52/52 и др. – №ГР/№ВЛ; Ц – вырезка из дирхама по центру.

Аббасиды

1. 69/70в. Без имени халифа, Мадинат ас-Салам, 152 г.х. Внизу О.с. ح [11, №805]. Ц. ГР-1.
2. 98/99ж. Без имени халифа, Керман, 167 г.х. Ц. (похож, но отличен от [11, № 1017]). ГР-2.
3. 94/95а. (Мадинат) Исбахан, 196 г.х., без имени халифа. [13, №514]. Ц. ГР-3.
4. 69/70б. Мухаммадийа, 201 г.х. с зу *аристайн* на О.с. [11, № 1749]. ГР-4
5. 98/99г. Ц. ГР-11, Аббасиды, монетный двор? [230–255] гг.х. Обе стороны сильно потерты.
6. 63/64а. Ал-Мутаваккил + ал-Му'тазз, монетный двор не виден, 246 г.х. Ц. ГР-5.
7. 67/68в. ал-Муста'ин, выходные данные смазаны и не разборчивы. ГР-6.
Мухаммадийа, 2[48] г.х.
8. 92/93д. Тоже, но монетный двор и год не видны. Внизу О.с. под символом веры имя ал-Му'тадид. Потертый и механически забитый на О.с. дирхам, Панджхир, 2[65] г.х. Ц. ГР-15.
9. 94/95б. ал-Му'тамид, с ал-Моваффах, аш-Шаш 274 г.х. Ц. ГР-10. Шаш, 27[5] г.х.
10. 71/72б. ал-Му'тамид, Бард'а, 277 г.х. [11, №2098]. Ц. ГР-9.
11. 53/54а. ал-Му'тамид, Арминия, 277 г.х. [10, с.145]; вариант без ал-Моваффах на Л.с.). Ц. ГР-7.
12. 92/93а. Имя халифа искажено и не узнается. Ахмад б. Исмаил, Самарканд [298?]. ГР-27.

Саманиды Исмаил б. Ахмад.

13. 96/97з. Исмаил б. Ахмад, ал-Му'тадид, Самарканд, 283 г.х. Ц. ГР-13.
14. 59/60б. Исмаил б. Ахмад, ал-Му'тадид, аш-Шаш, 286 г.х. Ц. ГР-14.
15. 88/89в. Исмаил б. Ахмад, ал-Му'тадид, аш-Шаш, 286 г.х. Ц. ГР-16.
16. 69/70а. Исмаил б. Ахмад, халиф не виден, аш-Шаш, 286 г.х. Ц. ГР-15.
17. 76/77а. Исмаил б. Ахмад, ал-Му'тадид, аш-Шаш, [2]87 г.х. ГР-17.
18. 51/52а. Исмаил б. Ахмад, аш-Шаш, 289 г.х., халиф ал-Му'тадид, целый. ГР-18.
19. 82-83б. Исмаил б. Ахмад, ал-Му'тадид, аш-Шаш, 289 г.х. Ц. ГР-19.
20. 49/50а. Исмаил б. Ахмад, аш-Шаш, 290 г.х., имя халифа искажено, целый. ГР-20.
21. 80/81в. Исмаил б. Ахмад, ал-Муктафи, аш-Шаш, 290 г.х. ГР-22.
22. 61/62а. Исмаил б. Ахмад, [ал-Муктафи?]. ГР-21 Шаш, 290 г.х.
23. 90/91ж. Исмаил б. Ахмад, аш-Шаш, 290 г.х. ГР-23.
24. 67/68а. Исмаил б. Ахмад, ал-Муктафи, аш-Шаш, 292 г.х. ГР-24.
25. 94/95з. Исмаил б. Ахмад, ал-Муктафи, Балх, 293 г.х. Ц. ГР-12.
26. 55/56а. Исмаил б. Ахмад, аш-Шаш, 294 г.х., халиф ал-Муктафи, целый. ГР-25.

Ахмад б. Исмаил

27. 90/91д. Ахмад б. Исмаил (б. *искажен*), ал-Му'тадид, аш-Шаш, 297 г.х. Ц. ГР-33,
28. 55/56б. Ахмад б. Исмаил, ал-Муктадир, аш-Шаш, 297 г.х. Ц. ГР-32.
29. 49/50б. Ахмад б. Исмаил, аш-Шаш, 297 г.х., имя халифа искажено, Ц. ГР-31.
30. 80/81б. Ахмад б. Исмаил, ал-Муктадир, Самарканд, 298 г.х. ГР-26.

31. 92/93в. Ахмад б. Исмаил, ал-Муктадир, Самарканд, 299 г.х., Ц. ГР-30.
 32. 53/54б. Ахмад б. Исмаил, ал-Муктадир, аш-Шаш, 297/9 г.х. Ц. ГР-34, но 299 г.
 33. 76/77в. Ахмад б. Исмаил, ал-Муктадир, Самарканд, 299 г.х. ГР-28.
 34. 86/87б. Ахмад б. Исмаил. Самарканд, 299 г.х., с разными виньетками над и под символом веры Л.с. [9, с.123, №267]. Ц. ГР-29.
 35. 63/64б. Ахмад б. Исмаил, ал-Муктадир, аш-Шаш, 301 г.х. Ц. ГР-35.
 36. 76/77б. Ахмад б. Исмаил, ал-Муктадир, аш-Шаш 301 г.х. [9, с.125 №291]. ГР-36.
 37. 92/93б. Ахмад б. Исмаил (искажен), халиф не разборчив, аш-Шаш, 301 г.х. Ц. ГР-37.

Наср б. Ахмад

38. 82/83а. Самарканд, 302 г.х. Ц. ГР-42.
 39. 86/87г. ал-Муктадир, Самарканд, 302 г.х. Ц. ГР-43.
 40. 78/79б. ал-Муктадир, аш-Шаш, 302 г.х. ГР-47.
 41. 80/81а. Наср б. Ахмад, ал-Муктадир, аш-Шаш, 303г.х. ГР-48.
 42. 96/97е. Наср б Ахмад + Ахмад б. Сахл, ал-Муктадир, Балх, 303 г.х. Ц. ГР-41.
 43. 59/60а. Наср б. Ахмад,+ Ахмад б. Сахл. ал-Муктадир, Андараба, 30[3-7] г.х. Под символом Л.с. Ахмад б. Сахл. Ц. ГР-38, но год 30[3?].
 44. 51/52б. ал-Муктадир, Самарканд, 304 г.х. Ц. ГР-44.
 45. 78/79в. Имя халифа опущено, аш-Шаш, 304 г.х. ГЗ-49.
 46. 82/83в. ал-Муктадир, аш-Шаш, 304 г.х. [9, с.127 №361]. Ц. ГР-50.
 47. 96/97ж. ал-Муктадир, аш-Шаш?, 30[2/8?] г.х. Ц. ГР-51. Шаш, 30[8] г.х.
 48. 82/83г. Наср б. Ахмад, внизу س , Андараба, 308 г.х. Ц. ГР-39.
 49. 94/95в. Наср б. мукд биллях(!), Андараба, 30х=30[8-9] г.х. обреза в круг, 308 г.х. ГР-40
 50. 71/72а. Самарканд, 309 г.х. ГР-45.
 51. 78/79а. Наср б. Ахмад, ал-Муктадир, Самарканд, 311 г.х. (обрез по внешнему краю 2-й легенды). ГР-46.

Подражания

52. 88/89д. ал-Мутааз, ([Самарканд?], 253 г.х.). ГР-52. Подражание с теми же данными.
 53. 92/93г. ал-Му'тамид 'Али Аллах, Арминийа, 270 г.х., обреза. ГР-53, тоже но подражание.
 54. 88/89а. Исмаил б. Ахмад, ал-Муктафи , аш-Шаш, 290 г.х, обреза. ГР-56, тоже, но подражание.
 55. 76/77г. (Исмаил б. Ахмад!) = Ахмад б. Исмаил б. Ахмад, Балх, 293 г.х. Ц. ГР-54.
 56. 80/81г. Исмаил б. Ахмад, имя халифа под калимой Л.с. ал-Муктафи, Балх, 294 г.х. (у Swarz, s.74, №553, но дирхам такого типа 293 г.х., а не 294 г. как у нас). ГР-55, тоже, но подражание.
 57. 86/87а. Подражание по О.с. дирхамам Насра б. Ахмада с халифом ал-Муктадир, но выпускные данные на Л.с. времени Исмаила – аш-Шаш, 283г.х., обреза. ГР-63.
 58. 94/95г. Подражание дирхамам Насра б. Ахмада, Самарканд, 300, обреза. ГР-61.
 59. 73/74г. ал-Муктадир, подражание, Самарканд, 306 г.х. ГР-57
 60. 61/62б Подражание дирхаму Насра б. Ахмада, аш-Шаш, 308 г.х. ГР-58.
 61. 65/66г. Подражание дирхамам Насра II, Андараба, 310 г.х., обреза. ГР-62.
 62. 94/95д. Тоже, но с зеркальной О.с., монетный двор и год не читаемы, обреза. ГР-94.
 63. 57/58б. Подражание дирхаму Насра б. Ахмада при халифе ал-Муктадире, легенды Л.с. искажены, выпускные данные не читаемы. ГР-59
 64. 71/72в. Подражание дирхамам Насра б. Ахмада (выпускные данные не читаемы). Ц. ГР-102.
 65. 67/68б. Подражание дирхамам Насра б. Ахмада, имя халифа не читается, Л.с. без аналога. ГР-66.
 66. 78/79г. Тоже, но имя халифа опущено, монетный двор и год не читаются. ГР-98.
 67. 86/87в. Грубое подражание Насру б. Ахмаду, без имени халифа, Ц. ГР-99.
 68. 88/89б. Подражание дирхамам Насра б. Ахмада, ал-Муктадир, монетный двор и год искажены. Обреза в круг. ГР-60.
 69. 94/95е. Подражание дирхамам Насра б. Ахмада, имя халифа искажено *а-Мутаад Аллах(!)*, искаженно аш-Шаш, год не читаем. Ц. ГР-101.
 70. 88/89г. Подражание Насру II без халифа, монетный двор и год искажены Ц. ГР-100.
 71. 73/74а. Подражание Саманидам, без аналога. ГР-71.
 72. 73/74б. Тоже, но брактеат без Л.с. ГР-87.
 73. 73/74в. Подражание Саманидам, без аналога. ГР-70.

74. 57/58а. Подражание без аналога. Ц. ГР-86.
 75. 65/66а. Подражание без аналога. Обрезано в круг. ГР-64.
 76-77. 65/66 б,в. Тоже, О.с. одного штемпеля, Л.с. похожи, но сохранность плохая. Обрезаны. ГР-67,68.
 78. 65/66д. Подражание, другое. Обрезано. ГР-69.
 79. 84/85а. Подражание без аналога, обрезано в круг. ГР-88.
 80. 84/85 б. Подражание без аналога, с Л.с. на обеих сторонах, обрезано в круг. ГР-89.
 81-84. 84/85в-е. Разные подражания без аналога, обрезаны в круг. ГР-72,73,90,91.
 85. 88/89е. Подражание без аналога, обрезано. ГР-92.
 86. 90/91а. Подражание без аналога, обрезано. ГР-74
 87. 90/91б. Тоже, О.с. зеркальна, обрезано. ГР-93.
 88-89. 90/91в,г. Подражание без аналога, обрезано. ГР.65,75.
 90. 90/91е. Подражание без аналога, обрезано. ГР-85.
 91. 92/93е. Подражание без аналога, обрезано. ГР-76.
 92. 94/95ж. Подражание без аналога, обрезано. ГР-77.
 93-97. 96/97а-д. Подражания без аналога, обрезаны. ГР-78,95,79,96,80.
 98-103. 98/99а-в,д,е,з. Подражания без аналога, обрезаны. ГР-97,81,103,82,83,84.

Приложение 2

Атрибуция и «истинная» датировка подражаний Беловского клада (по Г. Рисплингу)

Принятые обозначения: ГР – Герт Рисплинг, ВЛ – В. Лебедев; 52/52 и др. – №ГР/№ВЛ; ImArm – Закавказские подражания; ImVb – подражание Волжской Булгарии; ImRus – славянское подражание; Nm – нет монетного двора; Nd – нет года; Balkh 293 и др. – латинские названия монетных дворов и год выпуска на монете в гг.х.; K0101 60/R40 и др. – обозначение цепочек и штемпелей подражаний в Фонде ГР (K0101 – номер цепочки, 60 – номер аверсного штемпеля пары, R40 – номер реверсного штемпеля пары; S0821 – изолированная пара штемпелей); Kursk88E-89E и др. – обозначение исходных изображений монет на файлах находчика; ca.270 и др. – предлагаемый год чеканки подражаний в гг.х., датированных по т.р.к. кладов с ними.

- 52/52. Im253 (Samarqand) Kursk88E-89E ca.256
 53/53. ImArm Arminiya (250) K0057 02/R01 Kursk92D-93D ca.270
 54/55. ImVb Balkh 293 K0101 31/R18 Kursk76D-77D ca.300
 55/56. ImVb Balkh 29(4) Kursk80D-81D ca.300
 56/54. ImVb alShash 290 K0034 01/R01 Kursk88A-89A ca.309
 57/59. ImVb Samarqand 306 K0101 07/R03 Kursk73D-74D ca.309
 58/60. ImVb alShash 308 K0101 60/R40 Kursk61B-62B ca.312
 59/63. ImVb Nm K0101 04/R03 Kursk57B-58B ca.315
 60/68. ImVb Nm K0101 04/R03 Kursk88B-89B ca.315
 61/58. ImVb Samarqand 300 K0101 32/R49 Kursk94D-95D ca.320
 62/61. ImVb Andaraba 310 K0003 04/R03 Kursk65D-66D ca.323
 63/57. ImVb alShash 283 K0011 04/R03 Kursk86A-87A ca.323
 64/75. ImVb Nm Nd K0088 01/R01 Kursk65A-66A ca.323
 65/88. ImVb Nm Nd K0088 02/R01 Kursk90C-91C ca.323
 66/65. ImVb Nm Nd K0101 77/R25 Kursk67B-68B ca.323
 67/76. ImVb Nm Nd S0821 Kursk65B-66B ca.323
 68/77. ImVb Nm Nd S0821 Kursk65C-66C ca.323
 69/78. ImVb Nm Nd S0821 Kursk65E-66E ca.323
 70/73. ImVb Nm Nd S0821 Kursk73C-74C ca.323
 71/71. ImVb Nm Nd S0821 Kursk73A-74A ca.323
 72/81. ImVb Nm Nd S0821 Kursk84C-85C ca.323
 73/82. ImVb Nm Nd S0821 Kursk84D-85D ca.323
 74/86. ImVb Nm Nd S0821 Kursk90A-91A ca.323
 75/79. ImVb Nm Nd S0821 Kursk90D-91D ca.323
 76/91. ImVb Nm Nd S0821 Kursk92F-93F ca.323
 77/92. ImVb Nm Nd S0821 Kursk94G-95G ca.323
 78/93. ImVb Nm Nd S0821 Kursk96A-97A ca.323
 79/95. ImVb Nm Nd S0821 Kursk96C-97C ca.323
 80/97. ImVb Nm Nd S0821 Kursk96E-97E ca.323

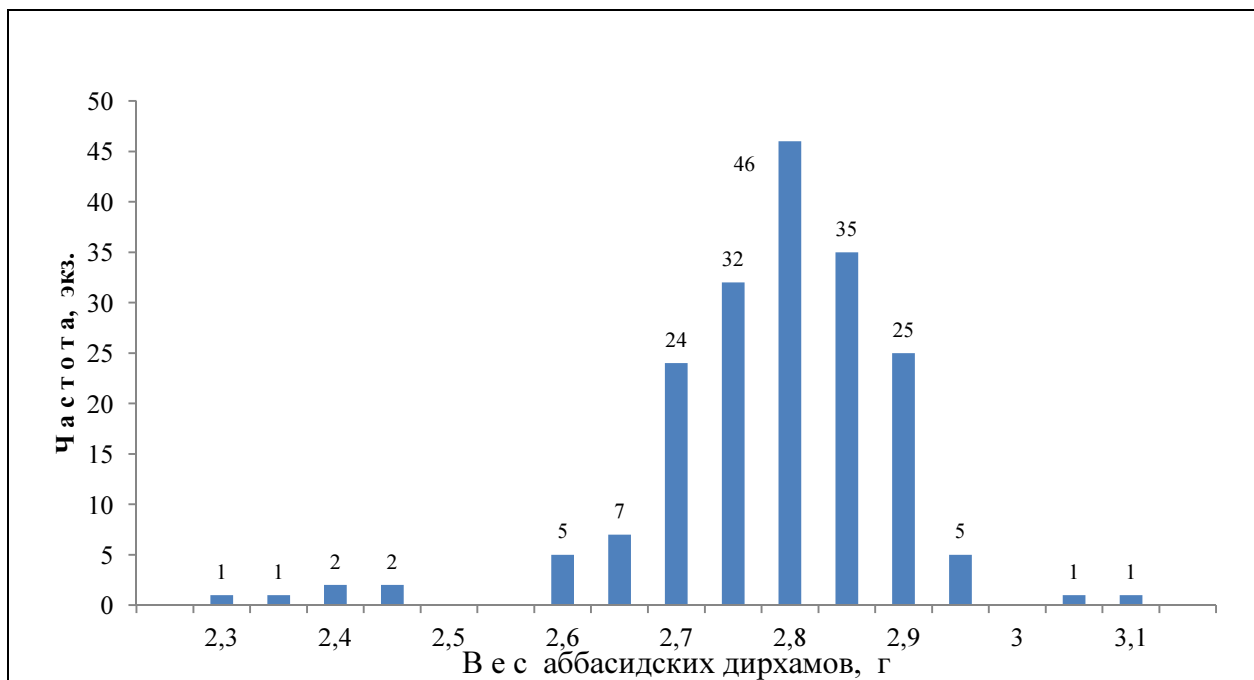
81/99. ImVb Nm Nd S0821 Kursk98B-99B ca.323
 82/101. ImVb Nm Nd S0821 Kursk98E-99E ca.323
 83/102. ImVb Nm Nd S0821 Kursk98F-99F ca.323
 84/103. ImVb Nm Nd S0821 Kursk98H-99H ca.323
 85/90. ImVb Nm Nd S1368 Kursk90F-91F ca.323
 86/74 ImVb Nm Nd Kursk57A-58A ca.323
 87/72. ImVb Nm Nd Kursk73B-74B ca.323
 88/79. ImVb Nm Nd Kursk84A-85A ca.323
 89/80. ImVb Nm Nd Kursk84B-85B ca.323
 90/83. ImVb Nm Nd Kursk84E-85E ca.323
 91/84. ImVb Nm Nd Kursk84F-85F ca.323
 92/85. ImVb Nm Nd Kursk88F-89F ca.323
 93/87. ImVb Nm Nd Kursk90B-91B ca.323
 94/62. ImVb Nm Nd Kursk94E-95E ca.323
 95/94. ImVb Nm Nd Kursk96B-97B ca.323
 96/96. ImVb Nm Nd Kursk96D-97D ca.323
 97/96. ImVb Nm Nd Kursk98A-99A ca.323
 98/66. ImVb Nm Nd Kursk78D-79D ca.331*
 99/67. ImVb Nm Nd Kursk86C-87C ca.331*
 100/70. ImVb Nm Nd Kursk88D-89D ca.331*
 101/69. ImVb NM xx8 K0101 Kursk94F-95F ca.331
 102/64. ImRus Nm Nd Kursk71C-72C ca.330
 103/100. ImRus Nm Nd (Andaraba 303-7) Kursk98C-99C ca.330
 GR 2014-06-27

* – По мнению С.А. Гоглова штемпели Л.с. этих трех подражаний соответствуют штемпелям л.с. некоторых вариантов дирхамов Микаила б. Джафара и поэтому они не могли быть выпущены ранее 336 г.х. [1, с. 52, рис. 4, а].

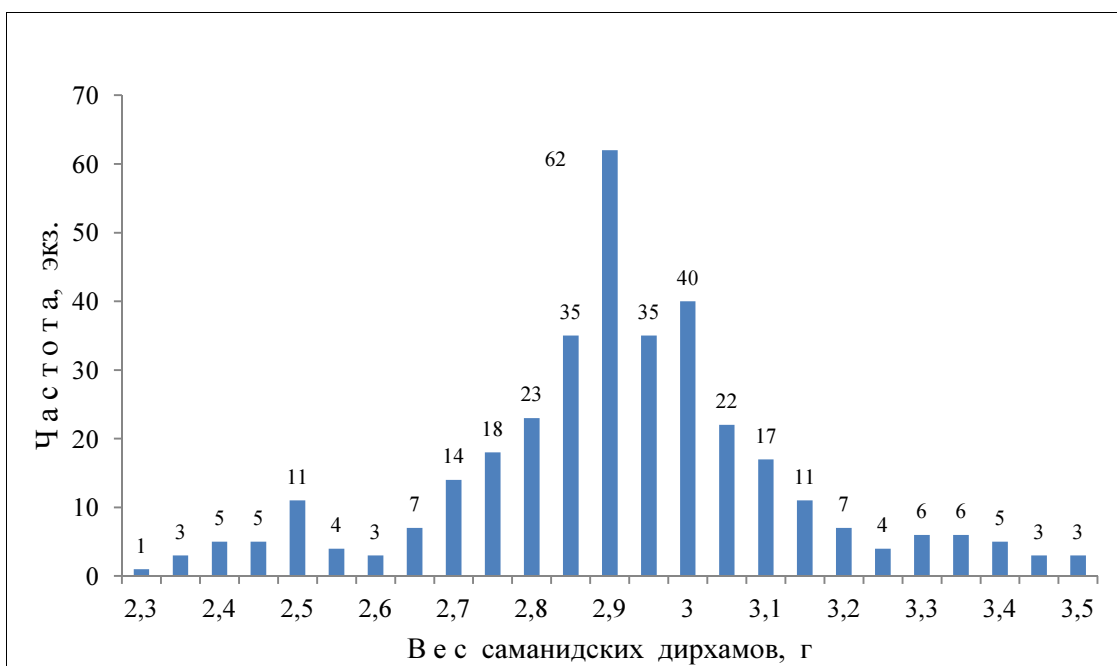
Приложение 3

Распределения по весу и размерам дирхамов по данным каталога Leimus I [13].

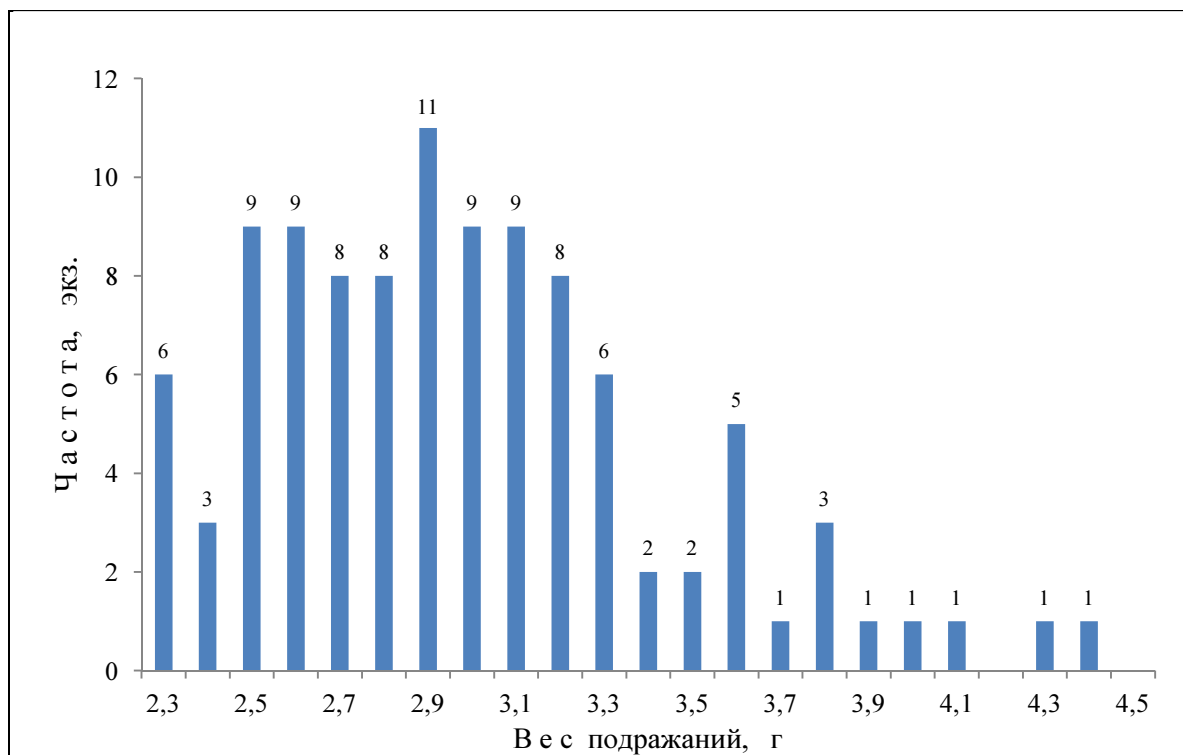
Гистограмма 4. Весовая гистограмма целых аббасидских дирхамов (187 экз., шаг 0,05 г)

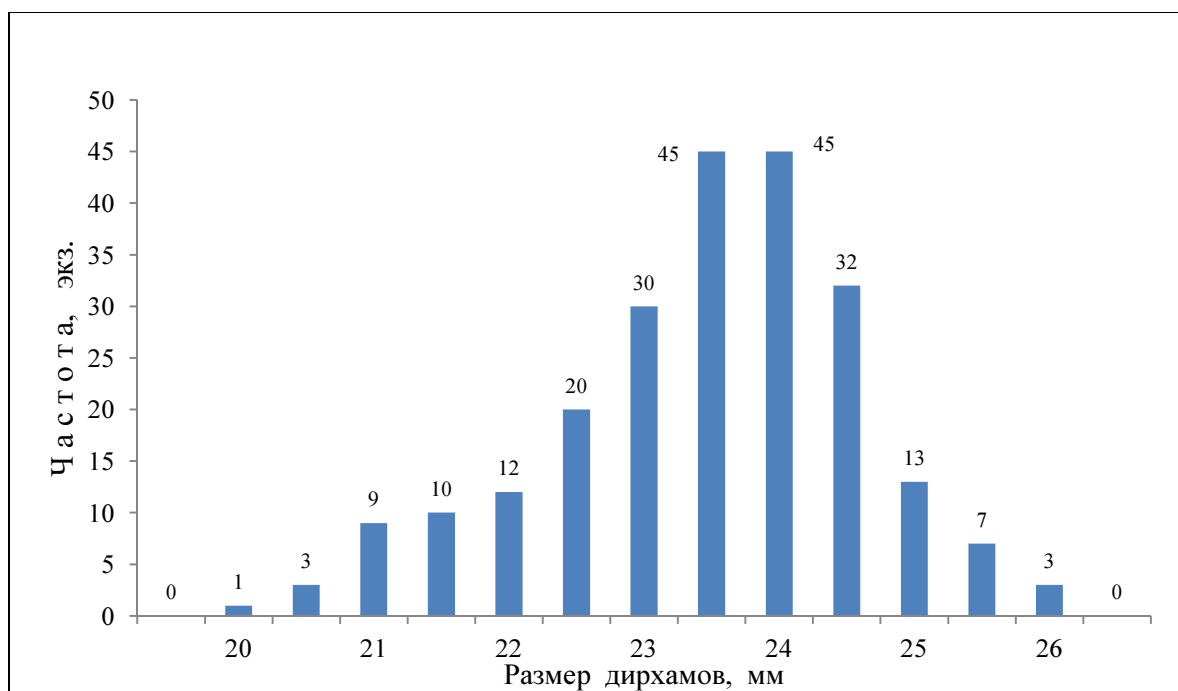
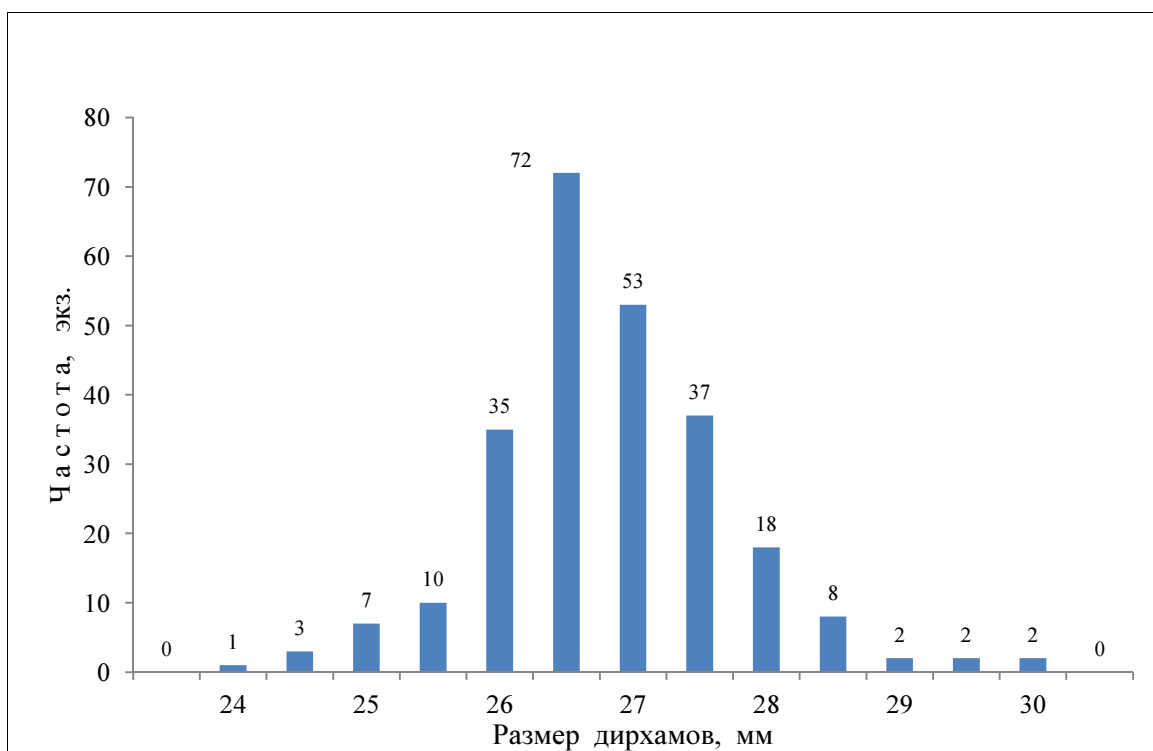

Гистограмма 5. Весовая гистограмма саманидских дирхамов (350 экз., шаг 0,05 г)

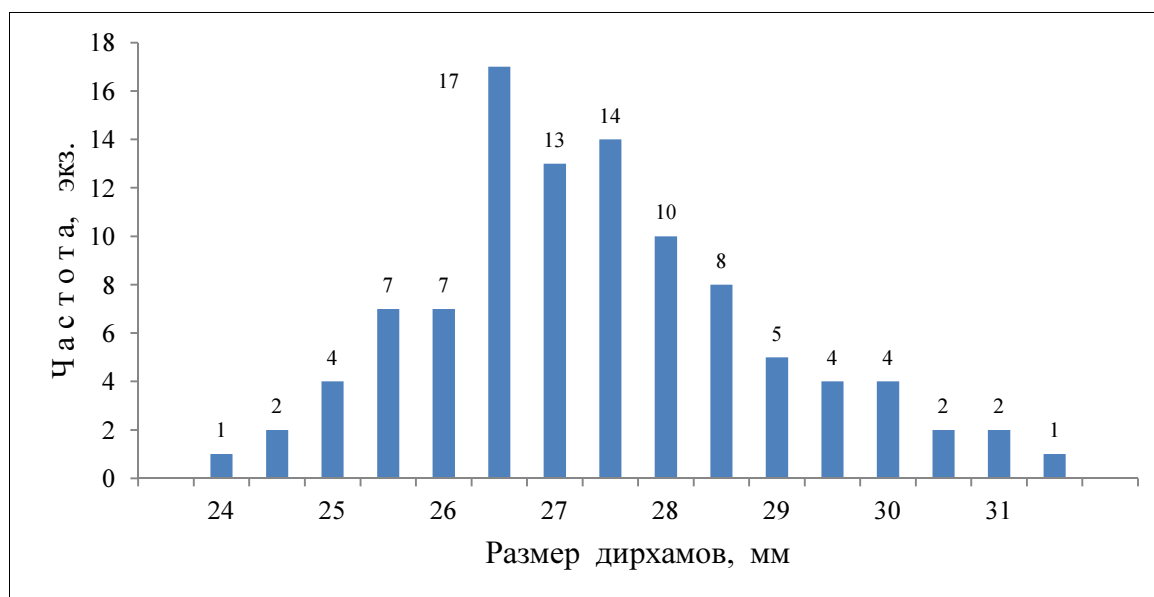

Гистограмма 6. Весовая гистограмма подражаний (104 экз., шаг 0,1 г)

Гистограмма 7. Размер аббасидских дирхамов (230 экз. шаг 0,05 г)**Гистограмма 8. Размер Саманидских дирхамов (250 экз., шаг 0,5 мм)**

Гистограмма 9. Размер подражаний (101 экз., шаг 0,5 мм)

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоглов С.А., Големихов А.В. О монетном чекане Волжской Булгарии X в. // РЛЮ. Вып. 3. Минск, 2017.
2. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. 357 с.
3. Енуков В.В., Лебедев В.П. Клад дирхамов с городища Кудеярова Гора // Stratum plus. 2011. №6. С. 49–58.
4. Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северной земли // Археология Евразийских степей. Т. 18. Казань, 2014.
5. Кулешов В.С. Шеховцовский (Усть-Ратский) клад куфических монет: предварительные итоги исследования // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009: КГОМА. С. 214–218.
6. Лебедев В.П., Сотников А.В., Штилев А.Г. Клад арабских и византийских монет третьей четверти X в. из 1-е Красниково (Котовец) Курской обл. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М., 2009.
7. Лебедев В.П. Обращение куфических дирхамов на территории северян // Материалы докладов и сообщений на МНК «эпоха викингов Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. СПб-Старая Ладога». СПб., 2015.
8. Лебедев В.П., Марков Д.Б. Клад обрезанных в круг дирхамов 80-х гг. X в. // Нумизматика и Эпиграфика Т. XIX. М., 2015.
9. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 872 с.
10. Пахомов Е.А. Монеты Азербайджана. Вып. II. Баку, 1963. 158 с.
11. Тизенгаузен В.Г. Монеты восточного халифата. СПб., 1873. 372 с.
12. Фасмер Р.Р. Рукописный каталог монет Безлюдовского клада. Факсимиле реконструкции черновика описания монет // Археология Евразийских степей. Т. 18. Казань., [1930] 2014.
13. Leimus I. Sylloge of Islamic coins 710/1 – 1013/4 AD Estonian public collections. Tallinn. 2007. 446 p.
14. Rispling G. Volga Bulgarian Imitative Coinage of al-Amir Yaltavar («Barman») and Mikail b. Jafar // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. Commentationes de Nummis Saeculorum IX–XI in Suecia Repertis. Nova Series 6. Stockholm; London. 1989.
15. Schwarz F. Sylloge numorum arabicorum Tübingen XIVc Hurasan III. Berlin, 2002. 181p.

Информация об авторах:

Лебедев Валентин Петрович, пенсионер (Дзержинск, Российская Федерация); vpleb@mail.ru

Рисплинг Герт, кандидат, филологических наук, заведующий коллекции Восточных монет, Королевский Нумизматический Кабинет (Стокгольм, Швеция); Gert.Rispling@myntkabinettet.se

About the authors:

Lebedev Valentin P., pensioner (Dzerzhinsk, Russian Federation); vpleb@mail.ru

Rispling Gert, Candidate of Philological Sciences, Head of the Oriental Coin Collection, Royal Coin Cabinet (Stockholm, Sweden); Gert.Rispling@myntkabinettet.se

НАХОДКИ КИТАЙСКИХ МОНЕТ НА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДИЩАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Е.М. Пигарев, Сяолинь Ма

CHINESE COINS DISCOVERED AT THE GOLDEN HORDE SETTLEMENTS OF THE LOWER VOLGA REGION

Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Nankai University, Department of History

Рассмотрены находки двух китайских монет с Селитренного городища и одного монетовидного предмета для игры в «Дрессированную лошадь» с могильника Красноярского городища. Все эти экземпляры, относящиеся к периоду правления династии Северная Сун (XI век), привезены в Нижнее Поволжье в XIV веке. Исследователи отмечают, что монетное дело в Золотой Орде в некоторых эмиссиях испытало на себе влияние центрально-азиатской традиции, сложившейся под воздействием китайской. Это отразилось в оформлении некоторых типов джучидских монет XIII века, по смыслу легенд приближенных к девизам правления (*няньхао*), но выполненных арабским письмом. Китайские монеты, которые были найдены на территории Нижнего Поволжья, следует рассматривать, как важное доказательство культурного обмена между Востоком и Западом.

Ключевые слова: Золотая Орда, Джучиды, Красноярское городище, династия Северная Сун, китайские монеты, монета-амулет.

The article considers two Chinese coins discovered at Selitrennoye settlement and a single coin-shaped item for playing the game of "Trained Horse" from the burial mound at Krasnoyarsk settlement. All these items corresponding to the reign of the Northern Song dynasty (11th century) were brought to the Lower Volga region in the 14th century. As noted by researchers, in the course of several emissions the monetary craft of the Golden Horde was influenced by Central Asian tradition established under the Chinese influence. This was reflected in the design of the certain types of Juchid coins dated 13th century, closely corresponding to the Chinese era name (*nianhao*) in terms of the meanings of the legends, but written in Arabic script. The Chinese coins discovered in the territory of the Lower Volga region should be regarded as a significant proof of a cultural exchange between the East and the West.

Keywords: Golden Horde, Juchids, Krasnoyarsk settlement, Northern Song dynasty, Chinese coins, coin-amulet.

Нумизматический материал, полученный в результате исследований золотоордынских городов, является одним из важнейших источников для изучения истории Улуса Джучи. Это относится не только к монетам, чеканенным на монетных дворах Золотой Орды, показывающим уровень развития товарно-денежных отношений в государстве, но и к иноземным монетам, попавшим сюда в результате культурного взаимодействия Улуса с другими государствами. Находки иноземных монет на золотоордынских памятниках достаточно редки. Поэтому каждая такая находка имеет большую научную ценность. Данная работа посвящена китайским монетам, найденным при раскопках золотоордынских городов в Астраханской области.

В 2000 г. в процессе исследования могильника «Маячный бугор I», относящегося к Красноярскому городищу, был найден бронзовый литой монетовидный жетон (фототабл. 10/1-А). Этот жетон уже был нами опубликован [4, с. 195–199], но информация, полученная в результате совместной работы с китайскими коллегами, позволяет продолжить его публикацию. Артефакт найден в карьере, расположенном на территории могильника. Диаметр изделия 28 мм, толщина 2 мм, размер отверстия 5 × 5 мм. На лицевой стороне жетона – рельефное изображение стоящей лошади, занимающее все поле, ограниченное бортиками вдоль гурта и вдоль традиционного для китайских литых монет и монетовидных амулетов центрального квадратного отверстия. Заметны следы детальной проработки гривы и хвоста. Кроме этого присутствует надпись из двух китайских ие-

роглифов: один на крупе животного, напоминая условное изображение всадника, другой внизу между ног на линии «земли». Китайская надпись может быть переведена как 青駒 (*qīng jū*) «синий жеребец». Данный жетон не являлся валютой (деньгами, входившими в товарный оборот), а использовался в качестве игровой фишки в игре, называемой «Дрессированная лошадь» 馬戲/打馬, которая приобрела большую популярность во времена династии Северной Сун (960 – 1027 гг.). Такие игральные фишки выпускались, по-видимому, вплоть до правления императора Гуан Сюя (1875–1908) Империи Великой Цин (1644–1911 гг.), но игра уже не была так популярна, как в Средневековье. Подобный вид жетонов назывался «Монеты для игры в лошадь» 打馬格錢, на них обычно изображались лошади. Так же монеты назывались в честь, известных (исторических) генералов. Имя и изображение находились либо на разных сторонах монеты [5 ; 13], либо на одной [7], так же как на монете А.

Присутствие китайского монетовидного жетона на золотоордынском могильнике вполне объяснимо. Васильев Д.В., анализируя комплекс погребений грунтового могильника Маячный, отмечает характерные особенности в погребальном обряде некоторых погребений, присущие представителям дальневосточных народностей – уйгурам и чжурчжэням [1, с. 135]. Поэтому, исходя из того, что Красноярское городище и его могильники датируются XIII–XIV вв., можно, с уверенностью, предположить, что игральная фишка А была отлита в Китае в период правления династии Северная Сун или чжурчжэньской династии Цзинь.

В ходе исследований Селитренного городища, столицы Золотой Орды города Сарай ал-Джадида, в разные годы были найдены две бронзовые китайские монеты (фототабл. 10/1-Б, В). Обе монеты найдены случайно на поверхности городища и не привязаны к каким-либо археологическим объектам.

Обломок монеты (1/4 часть). Предполагаемый полный диаметр, определенный расчетным путем – 25 мм, толщина – 2 мм. На лицевой стороне, справа от квадратного центрального отверстия, ограниченного бортиком, сохранился один иероглиф 聖 (*shèng*) (фототабл. 10/1-Б), который переводится как «сокровенный, священный». Этот знак не очень часто встречается в легендах китайских литых монет. Поскольку иероглиф расположен справа от отверстия, то монеты с легендой *шэн-сун юань-бао* 聖宋元寶 (*shèng-sòng yuán-bǎo*) следует исключить, поскольку на них знак *шэн*, как первый в легенде, расположен сверху от отверстия. Более того, поскольку символ *шэн* исполнен не обычным стилем каллиграфии, а элегантным архаичным стилем *чжуаньшю* 篆書, мы предполагаем, что обломок принадлежит монете с легендой *тянь-шэн юань-бао* 天聖元寶 (*tiān-shèng yuán-bǎo*) или монете с легендой *шао-шэн юань-бао* 紹聖元寶 (*shào-shèng yuán-bǎo*). Период правления с девизом *тянь-шэн* 天聖 приходится на 1023–1032 гг. – время правления императора Жэнь Цзуна (*Rénzōng*, 1022–1063 гг.), тогда как девиз *шао-шэн* относится к 1094–1098 гг., времени правления императора Чжэ Цзуна (*Zhézōng*, 1085–1100 гг.) – оба императора из династии Северной Сун. Легенды монет обоих периодов правления исполнялись в нескольких каллиграфических стилях, каллиграфия знака *шэн* на монете Б близка к каллиграфии монет единичного достоинства периодов правления *тянь-шэн* и *шао-шэн*, исполненных стилем *чжуаньшю*.

Вторая монета, найденная на Селитренном городище, имеет диаметр 24 мм, толщину 2 мм. На лицевой стороне вокруг квадратного отверстия изображены четыре иероглифа 祥符元寶 (*xiáng fú yuán bǎo*) (фототабл. 10/1-В). Надпись можно перевести как «деньги [периода правления] *сян-фу*». Девиз правления в полной версии звучит как *дачжун сянфу* и указывает на период 1008–1016 гг. – время правления императора Чжэнь Цзуна (*Zhēnzōng*, 997–1022 гг.) династии Северная Сун. Многочисленные северосунские монеты единичного достоинства с легендами *тянь-шэн юань-бао*, *шао-шэн юань-бао* и *сян-фу юань-бао* из находок в различных городах Китая и Монголии имеют диаметр в диапазоне 23–25 мм.

После того, как государство Северная Сун в 1127 г. было покорено чжурчжэньской династией Цзинь, монеты ещё долгое время оставались в обороте из-за нехватки у династии Цзинь медных рудников [11, р. 1253]. Согласно археологическим данным [9, р.91], монеты Северной Сун составляют 90% среди 414 642 монет, найденных в слоях периода Цзинь. Более того, монеты династии Северная Сун участвовали в обращении и в монгольский период [8, р. 393–411]. Из 1 616 монет, найденных на трёх некрополях в окрестностях городища Шанду во Внутренней Монголии, летней столице императоров династии Юань, большая часть принадлежит к монетам, отлитым в

период правления династии Северная Сун [12, р. 328–645]. В двух главных городах Монголии Каракоруме и Авраге подобные монеты составляют до 70% из всех 196 найденных [9, р. 89].

Существует мнение, что китайские монеты были привезены в Монголию и были распространены, по крайней мере, среди китайских приезжих. Некоторые китайские монеты были положены в могилы или под строения, вероятно, они использовались во время ритуалов или как амулеты, особенно учитывая благожелательный характер надписей на них. Нет доказательств того, что китайские монеты когда-либо участвовали в денежном обращении за пределами Восточной Азии.

Таким образом, в Золотой Орде китайские медные монеты, в особенности такие как монеты Б и В, могли использоваться в качестве амулетов или при проведении каких-либо ритуалов. В то же время, монета А могла использоваться для игры в «конные шахматы», хотя она так же могла использоваться и в качестве амулета. Тем не менее, все три монеты происходят из Китая, отлиты в период правления династии Северная Сун и датируются XI–XII столетиями. Они были привезены в Золотую Орду в XIII веке монголами или, что более вероятно, китайскими или чжурчжэньскими приезжими, которые состояли на службе в Золотой Орде.

Влияние китайских культурных традиций на культуру Золотой Орды не вызывает сомнений среди ученых. Социально-политическое устройство Монгольской империи, в состав которой изначально входил и Улус Джучи, было результатом синтеза, в котором кроме монгольских традиций участвовали традиции завоеванных земель, в том числе и Китая. Чингизхан, объединивший племена Великой степи, создал по образцу китайской империи Цзинь эффективную военно-административную систему.

Китайское влияние на Золотую Орду не сводилось только к сфере государственного устройства. Прочные государственные и торговые связи способствовали распространению культурных достижений китайской цивилизации. Здесь можно выделить ряд направлений. Производство чугунных изделий, появившись в Китае еще в VI в. до н.э., в начале XIV в. распространилось в городах Поволжья. Котлы и втулки для колес арбы (цуны) достаточно не редкие находки в нижне-волжских золотоордынских городах. Еще один компонент китайско-монгольского культурного круга – отопляемая канами лежанка (суфа), являлась обязательным элементом внутреннего интерьера золотоордынского жилища. Наиболее массовыми находками при исследовании городов и поселений Золотой Орды являются изделия китайских керамистов. Китайский фарфор и фаянсы (лунцюань-яо) в массе доставлялись в Золотую Орду. В крупных городах Золотой Орды было налажено производство псевдоселадона – изделий из фаянса, подражавших китайскому фарфору [3, с. 717–724]. Красивая и разнообразная фаянсовая керамика, часто с китайскими мотивами, является самым ярким проявлением культуры золотоордынской цивилизации. Исследователи отмечают, что монетное дело в Золотой Орде испытало на себе влияние центрально-азиатской, сложившейся под воздействием китайской, традиции. Это отразилось в оформлении монетных легенд, по смыслу приближенных к девизам няньхао, но выполненных арабским письмом [2, с. 8–11].

Китайские монеты, которые были найдены на территории Нижнего Поволжья, следует рассматривать, как важное доказательство культурного обмена между Востоком и Западом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев Д.В.* Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Изд-во Астраханского университета, 2009. 178 с.
2. *Гончаров Е.Ю.* Китайский след в джучидской нумизматике // Нумизматика. 2011. №3 (30).
3. *Егоров В.Л., Пигарёв Е.М.* Производство псевдоселадона в столице Золотой Орды-Сарае // *Stratum Plus*. 2017. Т. 2. Казань-Кишинев.
4. *Пигарев Е.М.* Находки иноземных монет в зоне Красноярского городища в Астраханской области // *Российская археология*. 2016. №2.
5. *Li Gang.* The Yasheng coins preserved in Sichuan Museum // *Wenwu chunqiu*, 2015, №5. 李钢《四川博物院藏压胜钱》,《文物春秋》.
6. *Li Qingzhao.* Anthology of Li Qingzhao, Beijing: zhonghua shuju. 1962. 李清照《李清照集》,北京:中华书局.
7. *Liang Fangling.* A rare Hanxue horse coin // *Nanfang Wenwu*, 2005, №2. 梁芳苓《一枚稀见的«汗血»马钱》,《南方文物》.

8. *Liu, Yu'e and Xu, Shaoli*. Catalogue of Literatures on Excavated Coins, Zhengzhou: zhongzhou guji chubanshe. 2005. 刘玉娥, 许韶立主编《钱币考古文献叙录》, 郑州: 中州古籍出版社.
9. *Miyake Toshihiko*. The Mongolian society as seen from excavated coins, in Shiraishi Noriyuki (ed.) // Chingis Khan and His Time. Tokyo: Bensei. 2015. 三宅俊彦《出土钱からみたモンゴル社会》, 白石典之編《チンギス・ハンとその时代》, 東京: 勉誠出版
10. *Qiao Sumei*. Researches on the Economic History of the Song, Liao, Xia and Jin (expanded and revised edition). Shanghai: shanghai guji chubanshe. 2015. 乔幼梅《宋辽夏金经济史研究》, 上海: 上海古籍出版社
11. *Tuotuo*. Jingshi, Beijing: zhonghua shuju. 1975(ed.) 脱脱等: 《金史》, 北京: 中华书局.
12. *Wei Jian*. Shangdu of the Yuan Dynasty, Beijing: zhongguo dabaikē chubanshe. 2008. 魏坚《元上都》, 北京: 中国大百科出版社.
13. *Zhang Pei*. Song found in Xunyang // Wenbo, 1988. №4. 张沛《旬阳发现宋代窖藏》, 《文博》.

Информация об авторах:

Пигарёв Евгений Михайлович, к.и.н., научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); начальник УНАЭЦ Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Российская Федерация); pigarev1967@mail.ru

Сяолин Ма, преподаватель Nankai University, Department of History 南开大学历史学院 (Китай); maxiaolin@nankai.edu.cn

About the authors:

Pigarev Evgenii M., Candidate of Historical Sciences, Researcher Associate, A.Kh. Khalikov's Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Head of the Scientific Training Archaeology and Ethnology Centre of Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation); pigarev1967@mail.ru

Xiaolin Ma, Teacher at Nankai University, Department of History 南开大学历史学院 (China); maxiaolin@nankai.edu.cn

УДК 737(470.41)"12/13"

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПА СXXXII

Д.Г. Мухаметшин, И.Р. Газимзянов

NUMISMATIC MATERIAL FROM EXCAVATION 132

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник;
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Нумизматический материал с раскопок Болгарского городища атрибутировали и изучали С.А. Янина, В.В. Жиromский, Г.А. Федоров-Давыдов, Д.Г. Мухаметшин, П.Н. Петров, А.И. Бугарчев и др. Изучение монет отдельно взятого раскопа дает интересные данные по социально-исторической топографии средневекового города Булгара. Раскоп СXXXII, расположенный на коренной террасе Волги, дает, в основном, золотордынские монеты в отрезке времени 40 гг. XIII – первой половины XIV. На данной территории монеты конца XIV – начала XV отсутствуют. 44% монет раскопа чеканены в 30–40 гг. XIV в., что значительно меньше, чем монет XIII в. Более 54% монет раскопа составляют выпуски монетного двора Булгара, что больше, чем в других раскопах. Интересно наличие дирхама X в., показывающее заселение этого участка территории городища еще с начала X в. Монетные находки X в. связаны с береговой полосой Волги и районом Иерусалимского оврага. Сравнительная таблица монет из раскопов СXXXII, СXXXIX, СXXXIII, СXL по периодам обращения показывает существенную разницу в составе находок. Расположенный в центре городища раскоп СXXXIX дает исключительно большой нумизматический материал.

В раскопе был обнаружен клад серебряных монет, состоящих из 12 экземпляров. Его состав характерен для кладов XIV в. и состоит из монет от Узбека до Мурида. Тезаврация клада, по младшей монете, относится к 763/1362 г.

Ключевые слова: Саманиды, Джучиды, Золотая Орда, Болгарское городище, раскоп СXXXII, нумизматический материал, список монет раскопа.

Numismatic material from the excavations of Bolgar settlement were attributed and studied by S.A. Yanina, V.V. Zhiromsky, G.A. Fedorov-Davydov, D.G. Mukhametshin, P.N. Petrov, A.I. Bugarchev and others. The study of coins of from a particular excavation provides interesting information on the socio-historical topography of medieval Bolgar town. Excavation 132 located on the rock terrace of the Volga river generally features Golden Horde coins dating back to the period between the 1240s and the first half of the 14th century. No coins of late 14th – early 15th centuries have been discovered in this territory. A total of 44 % of coins discovered at the excavation were minted in the 1330–1340s, which is considerably less than the number of coins minted in the 13th century. Over 54 % of coins discovered at the excavation were minted at the Bolgar mint, which exceeds the number of these coins from other excavations. Of special interest is the presence of a 10th century dirham indicating that this area of the settlement was populated as early as at the beginning of the 10th century. Coins of the 10th century were discovered in the coastal strip of the Volga river and the area of Jerusalem gully. A comparison table of coins from excavations 132, 139, 123 and 140 with a breakdown into circulation periods demonstrates a significant difference in terms of the composition of the findings. Excavation 139 located in the centre of the settlement has provided rather extensive numismatic material.

A hoard of silver coins with a total of 12 items was discovered at the excavation. Its composition is characteristic of 14th century hoards and consists of coins from Uzbek to Murid. Considering the earliest coin, its hoarding corresponds to 763/1362.

Keywords: Samanids, Juchids, Golden Horde, Bolgar settlement, excavation 132, numismatic material, excavation coin list.

В нумизматическом плане монетный материал с Болгарского городища остается наиболее изученным. Монетный комплекс с раскопов и сборов Куйбышевской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова в 1938–1958 гг. был опубликован С.А. Яниной [34–37]. Монеты, выявленные в 1964–1985 гг. были атрибутированы и опубликованы Г.А. Федоровым-Давыдовым [28]. Атрибуция монет, выявленных в ходе дальнейших исследований, была произведена Д.Г. Мухаметшиным.

В процессе многолетних археологических раскопок в Болгарах было выявлено большое количество монет не только топографически связанных с определенной частью этого городища, но и точной привязкой к отделенным слоям, которые имеют датировку. Соответственно, в разработке стратиграфической шкалы и датировки слоев Болгарского городища нумизматический материал играл не последнюю роль. Комплекс монет, кроме датировки слоя и находящихся в нем предметов, для историка представляет большой интерес для уточнения интенсивности деятельности населения на конкретных участках города. Монеты, обнаруженные в культурном слое городища и имеющие полноценный археологический паспорт, в этом плане незаменимы.

Впервые попытку исследования нумизматического материала по отдельным историко-географическим участкам города произвел В.В. Жиромский [8]. Территорию Болгара он разделил на четыре района: 1) Верхний город – территория, окруженная валом; 2) Подгорье – узкая полоса, тянущаяся между речкой Меленкой и верхним склоном береговой террасы; 3) Заречье – территория, расположенная на луговой стороне; 4) Ага-Базар – торговая пристань города. Из них на момент опубликования статьи наименее исследованной территорией являлся верхний город (первый район). Это было связано с тем, что в связи со строительством Куйбышевской ГЭС все силы археологов были направлены на изучение затопляемой части средневекового города Болгара. Сегодня, многолетние раскопки территории Верхнего города дают возможность исследования и сравнения нумизматического материала отдельных участков территории окруженного валом, в том числе совершенно неисследованного северо-восточного участка древнего Булгара. В.В. Жиромский для сравнения на каждом отдельно взятом участке выделил «эталон». Не касаясь параметров характеристики «эталона» и датировки отдельных типов монет, которые сегодня требуют нового осмысления, в некоторых конкретных случаях и передатировки, сама суть районирования монетных находок внутри отдельно взятого памятника и их сопоставления с археологическим материалом данных участков остается прежним. Для сопоставления нумизматического материала с раскопа СХХХII нами были использованы монеты с раскопов с территории верхнего города СХХХIII (2001 г.), СХХХIX (2001 г.), СХL (2003 г.) и сборы 2000–2001 гг. с территории городища.

Раскоп СХХХII (руководитель И.Р. Газимзянов) расположен на северо-восточной части Болгарского городища, на широкой мысовой площадке, образованной между Малым и Большим Иерусалимским оврагами. Высота от уровня реки Волга 30–35 м. Данный район археологически ранее не был исследован. В раскопе СХХХII выявлены 32 монеты одиннадцати типов (см. приложение 1). Ниже приводим описание монет.

Саманиды

1а. Дирхам. Наср б. Ахмад. Монетный двор? Год?

Монета плохой сохранности.

Находки саманидских монет в Болгарах нередки. Известны клады и отдельные находки монет X века в 1862 (клад), 1868, 1877, 1895(1894) (клад), 1905, 1957 (клад), 1981, 1986, 1988, 1990, 1991, 1995, 2000–2002 (клад), 2003, 2013, 2016 гг.

Топография находок ранее 1957 года нам неизвестна. Клад 1957 г. был обнаружен на границе домонгольского города по ул. Братьев Назаровых. Монеты X зафиксированы в устье Малого Иерусалимского оврага в слое рубежа IX–X вв. (раскоп П.Н. Старостина). В раскопе СХХХIII (руководитель Р.Ф. Шарифуллин) было найдено подражание арабскому дирхаму. Клад 2000–2002 гг. обнаружили к северо-востоку от Малого Минарета. Он был рассеян по площади 300x200 м. Раскоп П.Н. Старостина находится на восточной, а раскоп СХХХII на северной окраине территории распространения монет клада 2000–2002 гг. К югу от местонахождения клада расположены мавзолеи XIV–начала XV вв. и раскоп СХV (рук. В.С. Баранов). Во время исследования этих объектов слои X в. не обнаружены. Нет домонгольского слоя и в раскопе СХХХII. Таким образом, клад 2000–2002 гг. и монету из раскопа СХХХII нужно увязывать с ранним поселением у устья Малого Иерусалимского оврага.

Великая Монгольская империя

1. Ан-Насир ли-Дин. Без указания места чекана. Не датирован.

[39, р. 188 №2; 31, №21; 34–37, №2; 38, №1; 28, №4; 29, №1; 20, №1; 21, №7].

Л.с. В линейном круговом ободке трехстрочная легенда:

Ан-Насир / ад-Дин(!) Аллах амир / ал-муминин.

О.с. В таком же ободке трехстрочная легенда:

мир есть / час – используй / его в богоугодных делах.

Такие пулы часто встречаются на территории города Болгара и на других археологических памятниках Татарстана. Бесспорно, монеты ан-Насир ли-Дин Аллаха чеканились в г. Булгаре. В отношении времени чеканки этих монет есть различные точки зрения. Большинство исследователей время чеканки этих монет относят ко времени правления Бату и Берке, т.е. до 1251 г. А.Г. Мухамадиев не менял свою точку зрения в отношении времени чеканки этих – монеты чеканены в период правления халифа ан-Насир ли-Дин Аллаха, т.е. 1180–1225 г.

Среди монет ан-Насира имеется редкий архаичный тип, по весу совпадающий с весом хорезмийских монет Мухаммада, чеканившихся до 1225 г. Есть основание полагать, что данный архаичный тип чеканился в домонгольское время. Имя ан-Насир ли-Дин Аллаха на монетах не является датирующим. Об этом говорит редкий тип монет с местом чеканки Булгар и с тамгой Менгу-Тимура. Этот же тип чеканился и в серебре. По визуальным признакам они близки монетам Менгу-Тимура и монетам Узбека чеканки Булгар ал-Махруса. Они предварительно датируются концом XIII в.

2. Менгу-каан, Булгар. Не датирован.

[39, р. 190, № 2; 31, № 21; 34–37, № 4; 28, №6; 21, № 9; 22, с. 50].

Л.с. В линейном круге и линейном квадрате, разделенном на две части тамгой, легенда в две строки: *Менгу каан / ал-а'зам* (= *Менгу каан величайший*).

О.с. В таком же ободке легенда: *бито [в] / Булгаре*.

Менгу-каан (1251–1259) стал правителем Монгольской империи при поддержке Бату и Берке. Его пулы в основном перечеканивались из монет ан-Насира и крайне редко встречаются экземпляры на чистом или на сглаженном кружке. Монеты Менгу-каана обращались одновременно с монетами ан-Насира, скорее всего, до середины 60-х гг. XIII в., когда в обращение поступали монеты первого хана Золотой Орды Менгу-Тимура (1266–1282). В период правления Менгу-Тимура в основном чеканились серебряные анонимные и анэпиграфные монеты. Именные монеты Менгу-Тимура редки, еще реже встречаются медные пулы. Вышеназванным типам пришел на смену анонимный пул без названия монетного двора и года чеканки – тип «тамга в треугольнике». Такая же точка зрения высказана и другими авторами [1].

Золотая Орда

3. Анонимный пул. Без обозначения места и года чекана – «тамга в треугольнике».

[31, № 381; 23, № 1022–1025; 14, лист 23–24, № 104 а–с; 15, № 1628–1630; 9, № 6; 33, № 6876; 34–37, №14; 21, №91; 20, № 32; 10, с. 113, №2; 2, с. 5–64; 1, с. 217–218, II].

Нами выделены 7 вариантов монет «тамга в треугольнике», все они чеканены на монетном дворе Булгар. Наиболее ранним из них мы считаем – монеты с хорошо читаемой надписью: *В добрый путь пул ханский*. Выпуск данного варианта, скорее всего, связан с восшествием на престол Менгу-Тимура в 665/1266 г. Другие варианты монет чеканились позднее – вплоть до правления хана Узбека. Не исключается вероятность одновременного чекана монет некоторых вариантов, но в различных мастерских города. Например, варианты с зеркальной надписью. Из болгарской меди это единственный тип монет, который пока не имеет четкую датировку, но есть и иная точка зрения. Так А.И. Бугарчевым и П.Н. Петровым предлагается датировать эти пулы временем правления хана Узбека, т.е. уже XIV веком, и авторы объясняют это тем, что денежная реформа в Булгарском вилайате в 731/1331 г. была комплексной, то есть затронула не только серебряное обращение, но и ввела в обращение медную монету (возможно несколько ранее 1331 г.), которая не чеканилась и не обращалась здесь с 660-х гг.х. [1, с. 224, 228–229].

4. Анонимный пул. Булгар, 732–736 г.х. «тамга в звезде».

[31, № 53–54; 23, № 678–684; 14, лист 19–20, № 85–85а,д; 15, № 1596–1601; 9, № 8; 33, № 6499–6501;

34–37, № 37; 28, №47; 16, табл. X, № 5–6; 20, №79; 10, №26; 5, №8; 4, №14; 1, с. 218–219, фототаблица 1, № 2–4].

Пулы Болгара типа «тамга в звезде» разделяются на две группы:

первая – с надписью *Булгар пули* и вторая – с надписью *Пулу Булгар*.

Л.с. В линейном кругу – пятиконечная звезда с тамгой внутри, между лучами год чеканки: *год /7/3/4/* виньетка.

Выявлено 13 штемпельных разновидностей лицевой стороны.

О.с. В линейной и «квадратно – дуговой» рамке надпись в две строки: *Булгар пул.*
7 шт. разновидностей обратной стороны.

5. Анонимный пул. Булгар. Без обозначения года (Булгар – решетка).

[31, № 374; 23, № 1020–1021; 33, № 6853; 34–37, № 12; 16, с. 60 и табл. VII, № 17–19; 7, №47; 12, с. 112, №116/2; 20, №31; 17, с. 372, рис. 5; 28, № 48; 29 №6; 1, тип V; 3, с. 129–199].

Л.с. В линейном и точечном кругах – решетка из 9 ячеек.

О.с. В линейном и точечном кругу стилизованная надпись в две строки:
бито [в] / Булгаре.

6. Анонимный пул времени Узбека, Сарай, 737 г.х. (лев вправо и солнце).

[31, №56; 34–37, № 40; 38, №9; 11, рис. 2, 9–11; рис. 3–12, 12а, 15; 12, рис. 12–7а, б; 9; 20, №81; 29, №21; 10, рис. 3–7а, б; 8а, б; рис. 4–15].

Л.с. В точечном круге – лев вправо, над спиной – половинный лик солнца с разным числом треугольных лучей, под мордой – звездочка или точка.

О.с. В точечном круге – квадрат, разделенный линией пополам, внутри надпись:
высочайшее повеление. В сегментах: *бито [в] / Сарай / году / 737.*

7. Анонимный пул времени Узбека. Азак, год?

[30, № 8–10].

Л.с. Как № 6. *Бито [в] Азаке.*

О.с. Как № 6.

8. Анонимный пул времени Джанибека. Сарай ал-Джадида, не датирован. («двуглавая птица»).

[31, №387; 13, №6; 34–37, №49–50; 38, №11; 11, рис. 6–19; 12, рис. 15–1а; 29, №72–77].

Л.с. В точечном ободке изображение двуглавого орла.

О.с. В точечном ободке надпись в три строки:

Бито [в] Сарай ал-Джадида, шестнадцать пул данник.

9. Хызр. Сарай ал-Джадида. 762/1361–1362 г.

[34, № 89].

Л.с. Легенда: *Султан справедливый Хызр хан, да продлиться его правление.*

О.с. Легенда: *Бито [в] Сарай ал-Джадида 762.*

10. Хызр хан. Гулистан, 762/1361–1362 г.

[31, №133; 34–37, №88; 38, №36; 11, №40; 20, №244; 29, №199].

Л.с. В двойном точечном и линейном ободке легенда в три строки:

Султан справедливый / Хызр хан / да продлиться его правление.

Средняя строка в фигурной рамке.

О.с. В таком же ободке шестилепестковое обрамление, внутри легенда в три строки:

Бито [в] / Гулистане / 762.

Монеты Хызр хана с указанием монетного двора Гулистан в Болгаре по количеству 1,5–2 раза больше, чем монеты с указанием монетного двора Сарай ал-Джадида. Большинство ученых Гулистан связывают с Царевским городищем близ Волгограда. А.Г. Мухамадиев считает, что эти монеты чеканены в Болгаре или к северу от города Булгара.

11. Анонимный пул времени Токтамышша?

Плохая сохранность не позволяет атрибутировать монету с необходимой достоверностью.

Освоение участка Болгарского городища на месте раскопа СХХХII начинается в середине XIII в. И, как показывают нумизматические материалы, весьма интенсивно. Около 42% монет, обнаруженных на раскопе, чеканено в 50–60 гг. XIII в. (табл. №1). Монеты ан-Насир ли-Дин Аллаха и Менгу-каана имели очень ограниченный период обращения и в конце 60-х годов XIII в., надо полагать, вышли из обращения. В 70-е гг. вместо медных монет поступили в обращение фракции дирхама в $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ части дирхама. Отдельные ученые высказывали мнение, что существовала и фракция в $\frac{1}{8}$ части дирхама. Монет типа [34–37, № 14], датированных С.А. Яниной временем правления Токты хана (1280–1310 гг.), в раскопе более 8%. Данный тип является самой распространенной монетой на территории Болгарского городища и его округа. Нет в раскопе ранних монет Узбека. Как показывает таблица №3, монеты этого периода присутствуют во всех раскопах и в значительном количестве. Например, в раскопе СХL из двух монет одна является монетой типа [34–37, № 14], в раскопах СХХIII и СХХХIX монет этого периода более 11 %.

По одной монете представлены пулы «тамга в звезде» и «Булгар – решетка». Г.А. Федоров-Давыдов из-за отсутствия на монете тамги «дома Бату» пул «Булгар – решетка» [34–37, № 12; 1, с. 219, тип V] разместил среди монет XIV в. [28, №48]. Уточнению датировки данного типа монет способствовало выявление среди болгарских находок перечеканенной монеты: монета этого типа была перечеканена из монеты Сарая 737 г.х. П.Н. Петров и А.И. Бугарчев на основе анализа присутствия тамг на монетах хана Узбека и существования болгарского дирхама 740 г.х. без тамги Менгу-Тимура [19, с. 176, №15 и рис. 2/15] датируют этот пул «не ранее 740 г.х.» [1, с. 227–228]. Таким образом, монету данного типа можно датировать не XIII в., а рубежом 30-х – 40-х гг. XIV в.

Более 33% монет раскопа СХХХII падает на отрезок времени 733 – 743 гг.х., монет Хызр-хана более 11%. Можно сказать, что в интенсивность монетного обращения в 30–40 гг. XIV в. на данной территории была ниже, чем в XIII в. Более 54% монет раскопа составляют выпуски монетного двора Булгара, что больше, чем в других раскопах.

В изучаемом раскопе был обнаружен клад серебряных монет, состоящих из 12 экземпляров (приложение 2). Его состав характерен для кладов XIV века из Болгар. Клад состоит из дангов эмитентов от Узбека до Мурида, и его тезаврация по младшей монете относится к 763/1362 г. Клады первой половины и середины XIV века редки. Как правило, они небольшие и являются сбережениями владельца. Монеты клада из раскопа СХХХII полноценные, необрезанные и были спрятаны до начала обращения в Булгаре надчеканенных и обрезанных монет. Таким образом, нумизматический материал в целом показывает интенсивное денежное обращение в населенном пункте только в короткий период 50–60 гг. XIII в., а также в 30–60 гг. XIV в.

Монеты последнего периода относятся только к выпускам Хызр-хана 1361/1362 г. Это один из наиболее массовых и широко распространенных типов монет. Пулы Хызра во второй половине 60-х гг. в большом количестве были перечеканены. Обнаруженные в раскопе монеты Хызр хана не имеют следов надчеканок, поэтому период их обращения следует ограничить серединой 60-х годов XIV века. Этому не противоречит и клад монет с младшей монетой 1362 г. Изъятие монет клада из обращения, несомненно, связано с нестабильной обстановкой в Булгаре после взятия города Булак-Тимуром. Основные товарно-денежные операции 60-х – 70-х гг. происходили в центральной части средневекового города. Это ярко иллюстрируют нумизматические материалы раскопов СХХХIX и СХХIII, где имеются монеты каждого периода вплоть до начала XV века (таблица 3).

На раскопе СХХХII была обнаружена еще одна монета очень слабой сохранности, которая была отнесена нами к анонимным выпускам времени Токтамышша. В незначительном количестве монеты 70–90 годов XIV века встречаются на всей территории Болгарского городища. В этом плане, раскоп СХХХII не является исключением.

Таблица 1

Перечень монет из раскопа СХХХІІ по периодам денежного обращения

Периоды	Количество монет	
	шт.	%
X век	1	2,8
1250-е–1260-е гг.	15	41,7
1270-е–1310 гг.	3	8,3
1336–1343 гг.	12	33,2
1361 г.	4	11,1
1380–1390-е? гг. (Токтамыш?)	1	2,8
Всего:	36	100

Таблица 2

Перечень монет из раскопа СХХХІІ по монетным дворам

№п/п	Монетный двор	Количество	
		шт.	%
1	Азак	1	2,8
2	Булгар	20	55,4
3	Сарай	6	16,6
4	Сарай ал-Джадида	4	11,1
5	Гулистан	3	8,3
6	МД (Токтамыш?) и МД (Саманиды X в.)	2	5,5
Всего:		36	100

Таблица 3

Сравнительная таблица монет из раскопов СХХХІІ, СХХХІХ, СХХІІІ, СХЛ по периодам денежного обращения (по десятилетиям чекана)

Раскоп Периоды	Раскоп СХХХІІ		Раскоп СХХХІХ		Раскоп СХХІІІ		Раскоп СХЛ	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
50–60 гг. XIII в.	15	41,66	9	11,39	5	19,23	–	
70 гг. XIII в. – 1310 г.	3	8,31	9	11,39	3	11,52	1	
1313–1358 гг. (Узбек-Джанибек)	12	33,24	41	51,90	12	46,08	–	
60-е гг. XIV в.	4	11,08	6	7,56	3	11,52	1	
70-е гг. XIV в.	–	–	11	13,86	–	–	–	
80–90-е гг. XIV в.	1	2,77	1	1,26	2	7,68	–	
XV в.	–	–	1	1,26	–	–	–	
Другие	1	2,77	1	1,26	1	3,84	–	
Итого:	36	99,83	79	100	26	100	2	100

Приложение 1

Список монет с раскопа СХХХІІ (руководитель И.Р. Газимзянов)

№ п/п	Участок, штык, глубина	Имя на монете	Дата	Монетный двор	Тип	Металл	Вес	Учетное обозначение
1	отвал	<i>Саманиды.</i> Наср ибн Ахмад	–	–	–	AR	0,74	<u>КП 1129–137</u> Нум.ф. 13821
2	кв. Б/1, шт.6, сл.4	<i>Джучиды.</i> Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	Ян, 2	AE	2,35	<u>КП 900-3</u> Нум.ф.11340
3	Уч. Е- 4, гл. 15см.	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	Ян, 2	AE	2,6	<u>КП 938-76</u> Нум.ф.12246
4	Уч. Е-5, гл. 110см. соор. 21	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	Ян, 2	AE	1,50	<u>КП 1038–169</u> Нум.ф.13392
5	Уч. И-5, гл. 15см.	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	Ян, 2	AE	1,3	<u>КП 1113-115</u> Нум.ф. 13632
6	Уч. М/3, шт.8, сл. 4	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	Ян. 2	AE	1.10	<u>КП 900-6</u> Нум.ф.11343
7	отвал	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	Ян. 2	AE	1,00	<u>КП 900-5</u> Нум.ф.11342
8	С отвала, гл. 20 см.	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	–/–	AE	2,55	<u>КП 938-77</u> Нум.ф.12247
9	отвал	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	–/–	AE	1,80	<u>КП 1038–170</u> Нум.ф.13393
10	–/–	Насир ли-Дин Аллах	Без года	[Булгар]	Ян, 2	AE	1,77	<u>КП 938-81</u> Нум.ф.12251
11	Уч. Е-3, гл. 50см.	Менгу-каан	1260	Булгар	Ян, 4	AE	3,20	<u>КП 1038–167</u> Нум.ф.13390
12	Уч. Е-5, гл.45см. соор.21	Менгу-каан	–/–	Булгар	–/–	AE	3,20	<u>КП 1038–168</u> Нум.ф.13391
13	отвал	Менгу-каан	1260-е	Булгар	Ян. 4	AE	1,80	<u>КП 1038–171</u> Нум.ф.13394
14	отвал	Менгу-каан	1260-е	Булгар	Ян. 4	AE	2,64	<u>КП 938-78</u> Нум.ф.12248
15	отвал	Менгу-каан	1260-е	Булгар	Ян. 4	AE	1,70	<u>КП 1038–172</u> Нум.ф.13395
16	отвал	Менгу-каан	1260-е	Булгар	Ян. 4	AE	1,10	<u>КП 1038–173</u> Нум.ф.13396
17	отвал	анонимная	Без года	[Булгар]	Ян. 14	AE	0,70	<u>КП 900-4</u> Нум.ф.11341
18	отвал	анонимная	–/–	[Булгар]	Ян. 14	AE	1,70	<u>КП 1038–174</u> Нум.ф.13397
19	отвал	анонимная	–/–	[Булгар]	Ян. 14	AE	1,50	<u>КП 1038–175</u> Нум.ф.13398
20	отвал	анонимная	734 г.х.	Булгар	Ян, 37	AE	1,50	<u>КП 1038–182</u> Нум.ф.13405
21	отвал	анонимная	1340-е	Булгар	Ян,12	AE	1.00	<u>КП 1038–184</u> Нум.ф.13407

22	Уч. Д-5, гл. 30 см.	анонимная	737, 740 г.х.	Сарай	Ян. 36,40	АЕ	2,22	<u>КП 900-2</u> Нум.ф.11339
23	отвал	анонимная	737, 740 г.х.	Сарай	Ян. 36,40	АЕ	1,30	<u>КП 1038-176</u> Нум.ф.13399
24	отвал	анонимная	737, 740 г.х.	Сарай	Ян. 36,40	АЕ	1,10	<u>КП 1038-177</u> Нум.ф.13400
25	отвал	анонимная	737, 740 г.х.	Сарай	Ян. 36,40	АЕ	1,70	<u>КП 1038-178</u> Нум.ф.13401
26	отвал	анонимная	737, 740 г.х.	Сарай	Ян. 36,40	АЕ	1,70	<u>КП 1038-179</u> Нум.ф.13402
27	отвал	-//-	1330	Сарай	Ян. 36, 40	АЕ	1,30	<u>КП 1038-180</u> Нум.ф.13403
28	отвал	-//-	1331/ 1332	Азак	Леб, 9	АЕ	1,00	<u>КП 1038-181</u> Нум.ф.13404
29	отвал	-//-	1340-е	Сарай ал- Джадида	Ян.49-50	АЕ	1,00	<u>КП 1038-185</u> Нум.ф.13408
30	Уч. Д-5, гл. 20 см.	-//-	1340-е	Сарай ал- Джадида	Ян. 46- 50	АЕ	1,42	<u>КП 900-1</u> Нум.ф. 11338
31	отвал	-//-	1340-е	Сарай ал- Джадида	Ян, V, 13	АЕ	0,8	<u>КП 1038-183</u> Нум.ф. 13406
32	отвал	Хызр	1360/ 1361	Сарай ал- Джадида	Ян, 90	АЕ	2,60	<u>КП 1038-186</u> Нум.ф. 13409
33	отвал	Хызр	1360/ 1361	Гулистан	Ян, 88	АЕ	2,8	<u>КП 938-79</u> Нум.ф.12249
34	отвал	Хызр	-//-	Гулистан	-//-	АЕ	3,17	<u>КП 938-80</u> Нум.ф. 12250
35	отвал	Хызр	-//-	Гулистан	Ян, 88	АЕ	2,80	<u>КП 1038-187</u> Нум.ф. 13410
36	отвал	Анонимная Токтамыш ?	1380	?		АЕ	1,01	<u>КП 938-82</u> Нум.ф.12252

Приложение 2

Клад монет с раскопа СХХII

№ п/п	Эмитент	Год, г.х.	Монетный двор	Тип монеты	Кол-во
1	Узбек	717	Сарай	Ян. 28	1
2	-//-	734	Сарай	Ян. 5,8	2
3	-//-	739	Азак	Фр. 62	1
4	-//-			Ф-Д. 156	1
5	Джанибек	743	Сарай ал- Джадида	Ян. 47	1
6	-//-	748	-//-	Ян.58	1
7	-//-	752	-//-	Ян. 69	1
8	-//-	753	-//-	Ян. 58	1
9	Бирдибек	759	-//-	Ян. 76	1
10	Кулпа	760	Гулистан	Ян. 79	1
11	Мурид	763	Гулистан	Ян.95	1

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате (вторая половина XIII-первая треть XIV вв.) // Поволжская археология. 2013. №1 С. 216–231.
2. Бурковский С.А., Киреев Ю.Д. Поштемпельный анализ пулов булгарского чекана типа «тамга в треугольнике – кутлуг булсун» // Частные вопросы медного джучидского чекана. Донецк: АИР, 2009. С. 5–64.
3. Бурковский С.А., Киреев Ю.Д. Поштемпельный анализ пулов Булгарского чекана типа «Булгара / чекан – решетка» // Материалы по исследованию медного чекана золотоордынского Булгара. Донецк: «АИР», 2013. С. 129–199.
4. Винничек В.А., Недашковский Л.Ф. Монеты с Никольского селища I // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. I МНК – Саратов 2001 и II МНК - Муром 2003. (ИВ РАН, Москва). М.: «Нумизматическая Литература», 2005. С. 21–29.
5. Винничек В.А., Лебедев В.П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: «Нумизматическая литература», 2004. С. 119–148.
6. Гончаров Е. Ю. Медные джучидские монеты XV в. // Тезисы докладов VIII. ВНК. М., 2000, С. 84–86.
7. Гумаюнов С.В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область. Ч. 1. Монетные сборы с Хмелевского 1 селища // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. 4. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: «Информэлектро», 2002. С. 56–72.
8. Жиромский Б.Б. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии // МИА. № XII. (Тр. КАЭ. Т. IV.). М., 1962. С. 179–216.
9. Катанов Н.Ф. Нумизматическая коллекция И.А. Износкова. Казань: «Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те», 1896. 28 с.
10. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Т. 4. М.: Нумизматическая Литература, 2004. С. 23–75.
11. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т. II. Н. Новгород, 2000. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–147.
12. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. 4. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: ИПР «Информэлектро», 2002. С. 73–165.
13. Кротков А.А. Два собрания джучидских монет. // Труды Ниж.- Волжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов, 1930. С. 1–41.
14. Лихачев А.Ф. Каталог коллекции джучидских монет, принадлежащих А.Ф.Лихачеву. Рукопись. Тетради I–VII. ОРРК НБ КГУ, № 183.
15. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб.: Императорский Эрмитаж. СПб., 1896.
16. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: «Наука», 1983. 162 с.
17. Мухаметшин Д.Г. Нумизматические материалы второй половины XIV – начала XVI вв. К вопросу о казанской чеканке // Историко – археологические исследования Урало – Поволжья. Казань: РИЦ «Школа», 2006. 452 с.
18. Петров П.Н., Бугарчев А.И. Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №3. Ч. 1. С. 117–123.
19. Петров П.Н., Бугарчев А.И. Монеты Узбек-хана, выпущенные монетными дворами Булгарского вилайата // Stratum plus. Культурная антропология и археология. «Двенадцать»: магия Дюжины. СПб.- Кишинев-Одесса-Бухарест, 2012. С. 173–181.
20. Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2002. 64 с.
21. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: «Заман», 2003. 192 с.
22. Сухи В. Именные булгарские монеты Монгке-каана // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006. М.: Нумизматическая Литература, 2008. С. 50.
23. Трутовский В.К. Московские Публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет. Вып. III. Каталог восточных монет. М.: «Московские Публичный и Румянцевский музеи», 1886. 156 с.
24. Фасмер Р.П. О двух золотоордынских монетах // Записки Коллегии востоковедов. Т. II, вып. I. Л., 1926. С. 109–112.

25. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде). // НЭ. Т. I, 1960. С. 94–192.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Находки золоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М.: «Наука», 1974. С. 176–182.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // НЭ. Т. XIII. 1980. С. 58–76, 4 табл. ил.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: «Наука», 1987. С. 158–204.
29. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: «ПАЛЕОГРАФ», 2003. 352 с.
30. Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова // СА. 1981. № 1. С. 219–221.
31. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г–на профессора, статского советника и кавалера К.Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х. М. Френа. СПб., 1832. 80 с.
32. Хромов К.К. Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций, часть 1. Монеты Джучидов XIII–XIV веков. Киев, 2004. 68 с.
33. Шериль Р.И. Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете Императорского Харьковского Университета. III. Восточные монеты. Харьков: «Адольф Дарре», 1912. VIII+174 с.
34. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции Т. 1. МИА, 1954. №42. С.424–484.
35. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. МИА, 1958. №61. Т. 2. С.392–423.
36. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1957 году // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3. МИА, 1960. №80. С. 210–224.
37. Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946–1958гг.) // МИА, 1962. №111. С. 153–176.
38. Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 194–218.
39. Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhamedanorum. Petropoli, 1826.

Информация об авторах:

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (Болгар, Российская Федерация); djamil78@list.ru

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); g-ilgizar@yandex.ru

About the authors:

Mukhametshin Jamil Gabdrakhimovich, Candidate of Historical Sciences, Research Associate at Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve (Bolgar, Russian Federation); djamil78@list.ru

Gazimzyanov Ilgizar R., Candidate of Historical Sciences, Research Associate at A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); g-ilgizar@yandex.ru

УДК 737(470.41)"13"

НАДЧЕКАНЕННЫЕ ПУЛЫ XIV в. ИЗ ИСКЕ-КАЗАНИ

А.И. Бугарчев, О.В. Степанов

COUNTERMARKED PULS DATED 14TH CENTURY FROM ISKE-KAZAN

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Очередная работа авторов по изданию нумизматического материала Иске-Казанского археологического комплекса посвящена медным монетам XIV в. Данный блок, состоящий из 297 пулов, делится на две части: ненадчеканенные и надчеканенные пулы. По расчетам авторов, к первой части относятся пулы периода с 721 до начала 800-х гг.х. Надчеканенные монеты, составляющие одну треть от всего комплекса, разделяются по видам надчеканок. Для сравнения используются нумизматические материалы с Болгарского городища. Произведено сравнение встречаемости типов надчеканок на Болгарском и Искуе-Казанском городищах. Обнаружено, что монет с надчеканками *Хан* на Иске-Казанском памятнике в процентном отношении намного больше, чем на Болгарском. Исходя из проведенного исследования, пока трудно сделать однозначное заключение о причинах такого положения. Подобные затруднения связаны с: отсутствием системных раскопок на территории археологического памятника Иске-Казань; наличием малой нумизматической базы для статистических исследований; поливариантностью причин (надчеканивание пулов могло производиться в Иске-Казани; в конкретно исторической ситуации население средневекового Булгара, где в это время производилось контрмаркирование пулов словом *Хан*, переселилось в район Иске-Казани и т.д.). Установлено, что распределение изучаемых в статье надчеканок для Болгарского городища имеет один и тот же характер вне зависимости, были ли они найдены в ходе раскопок 1946–1958 гг. или раскопок 2014 г. То есть, распределение это имеет не случайный, а закономерный характер.

This is the next work in the series of articles by the authors on the publishing of numismatic material from Iske-Kazan archaeological complex is dedicated to 14th century copper coins. This block of material consisting of 297 pools is subdivided into the following two parts: non-countermarked and countermarked pul. According to the calculations made by the authors, the first part comprises pul dating back to the period from 721 to the early 800s A.H. Countermarked coins, constituting one third of the entire complex, are subdivided on the basis of countermark types. Numismatic materials from Bolgar settlement are used for comparison. The article features a comparison of the occurrence of countermark types at Bolgar and Iske-Kazan settlements. It was determined that the number of coins with *Khan* countermarks at the Iske-Kazan site exceeds that at the Bolgar site. It is still difficult to make an unambiguous conclusion on the reasons for this situation on the basis of the conducted research. Similar difficulties are associated with the lack of systematic excavations in the territory of Iske-Kazan archaeological site, the availability of a small numismatic basis for statistical research, the polyvariety of reasons (the coins were possibly countermarked in Iske-Kazan; in a particular historical situation the population of medieval Bolgar, where pul were countermarked with the word *Khan* at the time, migrated to the Iske-Kazan region, etc.). It has been established that the distribution of countermarks studied in the article was a single nature for Bolgar settlement regardless of whether they were discovered during the excavations of 1946-1958, or the excavation of 2014. In other words, the distribution is not random, but consistent.

Keywords: Golden Horde, numismatics, pul, countermarking, Iske-Kazan, 14th century.

К нумизматическому материалу Иске-Казанского археологического комплекса джучидского периода авторы неоднократно обращались ранее [2; 3; 6]. Как выяснилось в процессе изучения материала, серебряные и медные джучидские монеты Иске-Казанского комплекса маркируют три хронологических периода:

I-й – середина-конец XIII в.,

II-й – вторая и третья треть XIV в.,

III-й – первая половина XV в.

Если монеты I-го и III-го периодов уже подвергались изучению в работах 2015 года [2; 3¹], то медная продукция монетных дворов II-го периода с интересующего нас памятника до сих пор еще не освещалась. Целью данной работы является формирование представлений о составе массы джучидских пулов, обеспечивавших потребности местного рынка в XIV в. в Иске-Казани. Особенность изучаемых пулов состоит в том, что значительное их число содержит надчеканки. Причем, до настоящего времени далеко не все надчеканки атрибутированы по месту и времени постановки. На сегодняшний день общее количество медных монет, уверенно происходящих с территории Иске-Казанского археологического комплекса по литературным и музейным собраниям, составляет 297 экземпляров. Разделим пулы на две группы: 1 группа – без надчеканок (199 экз.), и 2-я – с надчеканками (98 экз.). Рассмотрим обе группы по отдельности. Состав ненадчеканенных пулов приводится в таблице 1.

Таблица 1

Золотоордынские пулы из находок на территории Иске-Казани

№	Эмитент	МД	Время выпуска, г.х.	Кол-во, экз.	Литература и примечание
1	Анонимная	Сарай	721	1	
2	Анонимная	Сарай	726	1	
3–5	Анонимная	(Булгар)	720-е	3	тип ² «Тамга в треугольнике»
6–12	Анонимная	Булгар	732–736	7	тип «Тамга в звезде»
13–29	Анонимная	Сарай	737–743	17	тип «Лев и солнце»
30–33	Анонимная	Булгар	~ 740	4	тип «Решетка»
34–35	Узбек	Крым	713–741	2	
36–70	Анонимная	Сарай ал-Джадида	743–750	35	тип «Двуглавый орел»
71–72	Анонимная	Мохши	740-е–750-е	2	
73–75	Джанибек	Хваризм	749	3	[1, №6]
76–89	Анонимная	Сарай ал-Джадида	750-е	14	тип «Цветок»
90	Анонимная	Сарай ал-Джадида	760?	1	тип «Цветок»
91–155	Хызр	Сарай ал-Джадида или Гулистан	762	65	
156	Хызр	Гулистан	762	1	
157–163	Хызр	?	762	7	[5]
164	Килдибек	Сарай ал-Джадида	763	1	
165	Мурид	Гулистан	76...	1	тип «Лев влево»
166–167	Хайр-Пулад	Сарай ал-Джадида	764	2	
168–169	Анонимная	Сарай ал-Джадида	[768?]	2	тип «Барс»?
170–171	Анонимная	«Шонгат»	770-е?	2	
172–191	Анонимная	не указан	780-е–790-е	20	
192–198	Али-Дервиш	[Булгар]	780-е–790-е	7	
199	Анонимная	Иль-Уй	800-е	1	

¹ В этой статье материал учтен не полностью и в настоящее время готовится к публикации продолжение исследования.

² За критерий типа принято изменение надписей и/или изображений хотя бы на одной из сторон монеты.

По времени чеканки пулы распределяются очень неравномерно:

- 720-е гг.х. – 5 экз. (2,5%),
- 730-е гг.х. – 30 экз. (15,1%) (*Тамга в звезде, Лев и солнце, Болгарская решетка, пулы Крыма*),
- 740-е гг.х. – 40 экз. (20,1%),
- 750-е гг.х. – 14 экз. (7%),
- 760-е гг.х. – 80 экз. (40,2%) (из них в узкий период 760–764 г.х. – 78 экз.),
- 770-е гг.х. – 2 экз. (1%),
- 780-е-790-е гг.х. (время Токтамыша) – 27 экз. (13,6%),
- 800-е гг.х. – 1 экз. (0,5%).

Наибольшее число пулов, найденных в Иске-Казани, помечены 760-ми гг.х., а наименьшее в 720-х, 750-х и 770-х гг.х. Все типы известны и опубликованы. К редко встречающимся типам можно отнести монеты МД «Шонгат»(?) и МД Ил-Уй (фототабл. 11).

В таблице 2 сведена информация о типах надчеканок на пулах.

Таблица 2

Пулы XIV в. с надчеканками из Иске-Казани

№ п/п	Надчекан	Количество		Датировка*
		Экз.	%	
1–43	<i>Хан</i>	43	43,4	I половина 1360-х гг.
44–62	<i>А'зиз хан</i>	19	19,2	1360-е гг.
63–72	«лировидная»	10	10,1	1390-е гг.
73–77	«дробь»	5	5,1	1360-е гг.
78–79	«лапка»	2	2,0	1360-е гг.
80–82	<i>Зафар</i>	3	3,0	1370-е гг.
83	<i>Зафар+а'дил</i>	1	1,0	Начало 1380-х гг.
84	<i>А'дил</i>	1	1,0	Начало 1380-х гг.
85–98	Неатрибутируемые	14	14,2	
Итого:		98	100	

*Датировки надчеканок по статье Д.Г. Мухаметшина и Е.А. Федоровой [4].

Таким образом, мы видим, что к 1360-м гг. относится 69 надчеканенных пулов, к 1370-м – 3 пула, к 1380-м – 1390-м гг. (времени Токтамыша) – 12 пулов. Поскольку надчеканка на монете меняет ее первоначальную хронологическую атрибуцию, то будет правильным просуммировать результаты исследований так, что бы построить интегральный хронологический состав монет всего изучаемого комплекса в 297 экземпляров:

- 720-е гг.х. – 5 экз. (1,7%),
- 730-е гг.х. – 30 экз. (10,1%),
- 740-е гг.х. – 40 экз. (13,5%),
- 750-е гг.х. – 14 экз. (4,7%),
- 760-е гг.х. – 149 экз. (50,2%),
- 770-е гг.х. – 5 экз. (1,7%),
- 780-е-790-е гг.х. – 39 экз. (13,1%),
- 800-е гг.х. – 1 экз. (0,3%).

14 пулов (4,7%) нельзя отнести к какому-либо периоду. Надо заметить, что, скорее всего, медные пулы 720-х гг. попали в монетное обращение Иске-Казани несколько позднее – в начале и в течение 730-х гг.х., когда местная денежная реформа положила конец региональной денежной политике. Представляется правомерным объединить цифры для 720-х и 730-х гг., а в результате обнаруживается, что количество медной монеты на местном рынке в 730-е и 740-е гг.х. остава-

лось примерно на одном уровне – 35 и 40 экз. соответственно. Из зависимости количества монет от времени их выпуска четко прослеживается резкий рост числа пулов в обращении в 760-е гг.х., «провал» в 750-е и 770-е гг.х. Некоторое восстановление позиций медных денег на рынке, хотя и не в полной мере, наблюдается в 780-е – 790-е гг.х. Для объяснения такой динамики количества пулов, кроме историко-политической и историко-экономической оценки ситуации в Булгарских землях, необходимо сначала произвести оценку динамики количества серебряных дангов. Эту работу авторы планируют провести в ближайшее время.

Из 297 пулов монет с надчеканками оказались 98 экз., что составляет 33% от общей изучаемой медной монетной массы. Для сравнения, по Булгарскому городищу приведем следующие данные. За 12 лет археологических работ на городище было обнаружено 1348 пулов XIII–XIV вв. [8]. Если исключить чеканку XIII века, а это 98 монет с именами ан-Насира и Мунке, то к выпускам XIV в. относятся 1250 экз., из них с надчеканками было 114 монет, или 9,1% (из них с «лировидной» тамгой 64 экз., с надчеканкой *Хан* – 26 экз.). Безусловно, распределение пулов с надчеканками по раскопам было неравномерным. Например, в недавно изданных материалах CLXXXV (185) раскопа среди 180 медных монет находился всего один пул с надчеканкой [1]. В другом раскопе – СХСІХ (199) – число надчеканенных пулов составило 22% от всех медных монет раскопа [4]. Так как на Булгарском городище археологические работы еще продолжаются, то пока отсутствуют окончательные цифры для анализа и заключений, но предварительные оценки можно попытаться сделать.

Типология и хронология надчеканенных пулов, найденных на Булгарском городище, разработана в статье Д.Г. Мухаметшина и Е.А. Федоровой [4]. Анализируя нумизматический материал раскопов 179, 192, 196, 199 и 200 (работы 2014 г.), он выявил 12 типов надчеканок в различных комбинациях у 166 пулов. Самое большое количество пулов – 110 (или 66,3% от всех надчеканенных монет) имело надчеканку «лировидная» тамга (фототабл. 11). Для сравнения количественные параметры соотношения типов надчеканок из Иске-Казани и с Булгарского городища представлены в таблице 3.

Таблица 3

Наиболее массовые надчеканки на пулах из Иске-Казани, из раскопов 179, 192, 196, 199 и 200 Булгарского городища (раскопки 2014 г.) [4] и по материалам работ С.А. Яниной (раскопки 1946-1958 гг.) [8].

Надчеканка	Иске-Казань. Кол-во, шт./%.	Булгарское городище рас- копки 2014 г. Кол-во, шт. / %.	Булгарское городище. Рас- копки 1946-1958 гг. Кол-во, шт./ %.
«лировидная»	10 / 12 %	110 / 67,1%	64 / 58,7%
<i>Зафар</i>	4 / 4,8%	18 / 11%	12 / 11%
<i>А'дил</i>	2 / 2,4%	6 / 3,7%	5 / 4,6%
<i>Хан</i>	43 / 51,8%	21 / 12,8%	26 / 23,9%
<i>А'зиз,</i> <i>А'зиз хан</i>	19 / 22,9%	5 / 3,1%	1 / 0,9%
«дробь»	5 / 6 %	4 / 2,4%	1 / 0,9%
Итого:	83 / 100%	164 / 100%	109 / 100%

Из данных таблицы 3 видно, что количественное распределение перечисленных надчеканок для Булгарского городища имеет один и тот же характер вне зависимости, были ли они найдены в ходе раскопок 1946–1958 гг. или раскопок 2014 г. То есть, распределение это не случайное, а закономерное. И сравнение с данными по этим же типам надчеканок с Иске-Казанского памятника выявляет серьезные различия. Не исключено, что предложенная методика изучения надчеканок позволит в некоторых случаях отвечать на сложные вопросы о месте постановки тех или иных надчеканок.

Наблюдается следующая картина. Во второй половине XIV в. существовала определенная экономическая взаимосвязь между Булгаром и Иске-Казанью. Пулы, надчеканивание которых производилось в Булгаре, поступали в монетное обращение на северо-западные от центра территории – в район Иске-Казани. К таким монетам можно отнести пулы с надчеканками «лировид-

ная» тамга и *Зафар*. В свою очередь, во второй половине 1360-х гг., после массового использования пулов с именем Хызр-хана, в Иске-Казани также начинается обращение медных монет с надчеканкой *Хан* (фототабл. 11), причем, их количество с этой надчеканкой среди присутствующих на памятнике контрмаркированных пулов очень велико (~52%). Исходя из проведенного исследования, пока трудно сделать однозначное заключение о причинах такого положения. Подобные затруднения связаны с: отсутствием системных раскопок на территории археологического памятника Иске-Казань; наличием малой нумизматической базы для статистических исследований; поливариантностью причин (надчеканывание пулов могло производиться в Иске-Казани; в конкретно исторической ситуации население Булгара, где в это время производилось контрмаркирование пулов словом *Хан*, переселилось в район Иске-Казани и т.д.). Также наблюдается преобладание монет с надчеканками *А'зиз* (см. фототабл. 11) и *А'зиз хан* (см. табл. 3). Данные пулы в небольшом количестве попадали в денежное обращение Булгара. В 1370-х гг. в Иске-Казанском регионе происходит спад потребности в медной монете, а в период правления Токтамыша несколько увеличивается количество ненадчеканенных монет. В самом конце XIV – начале XV в. потребность в медной монете в регионе полностью (или почти полностью) исчезла. Следующий подъем денежного обращения в Иске-Казани пришелся на 1420-е гг.

В заключении хочется заметить, что количество проанализированных нами медных монет в 297 экз. представляет собой репрезентативную выборку из монетного обращения Иске-Казани XIV в. Поэтому сделанные заключения следует рассматривать как предварительные.

Авторы выражают свою искреннюю благодарность Павлу Николаевичу Петрову за полезные обсуждения при работе с материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугарчев А.И., Сивицкий М.В. Археологические и нумизматические находки из раскопа CLXXXV Болгарского городища // Поволжская археология. 2016. №4 (18). С. 202–225.
2. Бугарчев А.И., Степанов О.В. Нумизматические материалы X – начала XIV вв. с территории Иске-Казанского комплекса (Татарстан) // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №5. С. 55–60.
3. Бугарчев А.И., Степанов О.В. Джучидские монеты ханов XV в. из находок на территории Иске-Казанского археологического комплекса (Татарстан) // Нумизматика Золотой Орды. 2016. №6. С. 98–102.
4. Мухаметшин Д.Г., Федорова Е.А. Нумизматический материал из Болгар по итогам раскопок 2014 г. // Нумизматика Золотой Орды. 2016. №6. С. 18–32.
5. Сизганов А.А. Сравнительный поштемпельный анализ пулов Хызр-хана чеканки Гюлистана с Булгарского и нижеволжских городищ // Труды Международных нумизматических конференций «Монетное дело и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК-Болгар 2005, V МНК-Волгоград 2006. М.: «Нумизматическая Литература», 2008. С. 137–141.
6. Степанов О.В., Бугарчев А.И. Об одной группе болгарских монет второй четверти XV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года. М., 2015. С. 106–109.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. 1965. С. 179–224: илл., карта.
8. Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. 1962. №111. С. 153–178.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, младший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); abugar.61@rambler.ru

Степанов Олег Витальевич, краевед (Казань, Российская Федерация); vorchun_65@mail.ru

About the authors:

Bugarchev Alexei I., Junior Research Associate at A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); abugar.61@rambler.ru

Stepanov Oleg V., Local Historian (Kazan, Russian Federation); vorchun_65@mail.ru

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ

Л.Ф. Недашковский

COINS DISCOVERED AT UVEK SETTLEMENT ON THE BASIS OF ARCHIVAL MATERIALS

Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье приводятся и кратко характеризуются нумизматические материалы с Увекского городища золотоордынского времени по сохранившимся архивным материалам. Увекское городище является крупнейшим поселением северной части Нижнего Поволжья, оно отождествляется с крупным золотоордынским городом Укеком, в котором в последней трети XIII – начале XIV в. велась чеканка монет, и располагается на южной окраине Саратова. Описанные комплексы и отдельные монеты были зарегистрированы и собраны Саратовской ученой архивной комиссией и краеведческим обществом «Истархэт», а затем - списаны и потеряны для науки. Однако в Книге записи вещей музея СУАК, в архивах СУАК (их основная часть сейчас хранится в Государственном архиве Саратовской области) и некоторых публикациях сохранилась небольшая, а зачастую просто минимальная, информация об обнаруженных монетах. Эту информацию мы постарались обобщить и систематизировать, сопровождая описание нумизматических материалов (по архивным данным) ссылками на место и время находки, лицо, от которого были получены те или иные монеты, и на документы, в которых они упомянуты. Имеющимся определениям монет вполне можно доверять, так как в СУАК и «Истархэт» работали такие известные ученые как А.А. Кротков и Б.В. Зайковский, обладавшие достаточной нумизматической квалификацией. Упоминающиеся в приложениях архивных материалов монеты были, очевидно, найдены на Увекском городище в 1888–1921 гг. Джучидские монеты, достоверно происходящие с Увекского городища и упоминающиеся в архивных материалах, относятся к 1310–1395 гг. чеканки.

Ключевые слова: Увекское городище, Золотая Орда, архивные материалы, находки, монеты.

The article features a description and characteristics of numismatic materials from Uvek settlement dating back to the Golden Horde period on the basis of the surviving archival materials. Uvek settlement represents the largest community in the northern part of the Lower Volga region. It is identified with the large Golden Horde town of Ukek, where coins were minted in the last third of 13th – early 14th centuries, and located on the southern outskirts of Saratov. The described complexes and individual coins have been registered and collected by Saratov Academic Archive Commission and Istarkhet Local History Society. They were eventually discarded and became unavailable for scientific research. However, the record book of the Museum of Saratov Academic Archival Commission, Commission's archives (their major portion is presently deposited in the State Archives of the Saratov region) and certain publications have preserved scarce, and in certain cases minimum information on the discovered coins. The authors attempted to summarize and systematize the information, providing a description of the numismatic materials (based on archival data) combined with references to the place and time of their discovery, the persons who provided individual coins, and documents in which they are mentioned. The available definitions of the coins are rather trustworthy, as the specialists of the Commission and Istarchet were such renowned scientists as A.A. Krotkov and B.V. Zaikovsky, who possessed a sufficient numismatic qualification. The coins mentioned in the annexed archival materials were apparently discovered at Uvek settlement in 1888–1921. The Juchid coins definitely originating from Uvek settlement and mentioned in archival materials correspond to the minting of 1310–1395.

Keywords: Uvek settlement, Golden Horde, archival materials, findings, coins.

В данной статье приводятся и кратко характеризуются нумизматические материалы с Увекского городища золотоордынского времени по сохранившимся архивным материалам.

Увекское городище [3; 6] является крупнейшим поселением северной части Нижнего Поволжья, оно отождествляется с крупным золотоордынским городом Укеком, в котором в последней трети XIII – начале XIV в. велась чеканка монет [см. 3–4; 6], и располагается на южной окраине Заводского района Саратова, у поселков Увек и Нефтяной, а также железнодорожных станций Увек, Правобережный и Нефтяная. С востока памятник ограничен Волгоградским водохранилищем, а с запада – горой Каланча высотой 135 м. Основная часть площади городища застроена жилыми домами и производственными постройками. Прибрежная часть памятника не размыта – имеется бетонная набережная.

Границы памятника помогают установить планы и описания конца XIX – первых двух десятилетий XX в., времени широких археологических работ на Увекском городище: 1891 г. – С.С. Краснодубровский, 1895 г. – де Бай, 1908–1911 гг. – Б.В. Зайковский, А.А. Кротков, С.А. Щеглов, 1913 г. – П.Н. Шишкин, 1919 г. – Ф.В. Баллод и др. Судя по ним, с учетом материалов наших исследований 1993–1995 гг., размеры Увекского городища составляют более 3310 м с севера на юг и 1390 м с запада на восток. Памятник вытянут широкой полосой вдоль Волги. Площадь городища без учета трех небольших прилегающих селищ – более 205 га. Основная часть материалов с городища датируется третьей четвертью XIII – концом XIV в.

Памятник имел укрепления в виде вала и рва, протянувшихся от горы Каланча к берегу Волги; в XVIII в. длина сохранившихся укреплений достигала 400 саженей. На Увекском городище еще в начале XX в. отчетливо выявлялись следы каменных построек золотоордынской эпохи, но из-за практически полной застройки городища планировка его в целом остается неясной. Численность населения города может быть оценена величиной в 9–10 тысяч человек. Денежное обращение в Укеке сложилось еще в XIII в., в отличие от многих других золотоордынских городов. Доля дирхемов 1266–91 гг. для Увекского городища составляет 10,6%, что в несколько раз превышает соответствующие показатели для других городов Улуса Джучи; доля серебряных монет Токты (1291–1312) также сильно завышена – 19,2%. Доля серебряных и медных монет 1312–1367 гг. на Увекском городище приблизительно такая же, как в Золотой Орде в целом, а с конца 60-х гг. XIV в. наблюдается стремительный упадок денежного обращения. Согласно нумизматическим и письменным данным, Увекское городище существовало с 50-х гг. XIII в. до 1395 г. Период наиболее активной жизни города, судя по нумизматическому материалу, занимает столетие с 70-х гг. XIII в. по 60-е гг. XIV в. На Увекском городище известны горны для обжига неполивной и поливной керамики, причем последние имеют самую раннюю в Золотой Орде датировку – начало XIV в., найдены литейные формы, различные ювелирные инструменты и бракованная продукция литейщиков.

Данная работа представляет собой свод всех нумизматических находок с площади Увекского городища, которые не сохранились к настоящему времени, но были упомянуты в имеющихся в нашем распоряжении архивных документах.

Описанные комплексы и отдельные монеты были зарегистрированы и собраны Саратовской ученой архивной комиссией (далее СУАК) и краеведческим обществом «Истархэт», а затем (в основном в 1923 г.) – списаны и, преимущественно, навсегда потеряны для науки.

Тем не менее, в Книге записи вещей музея СУАК (далее КЗВМ СУАК), в архивах СУАК (их основная часть сейчас хранится в Государственном архиве Саратовской области – далее ГАСО) и некоторых публикациях [1] сохранилась небольшая, а зачастую просто минимальная, информация об обнаруженных монетах. Эту информацию мы постарались обобщить и систематизировать, сопровождая описание нумизматических материалов (по архивным данным) ссылками на место и время находки, лицо, от которого были получены те или иные монеты, и на документы, в которых они упомянуты. Находки расположены в порядке их упоминания в КЗВМ СУАК – основном источнике работы, хранящемся в Саратовском областном музее краеведения. Имеющимся определениям монет вполне можно доверять, так как в СУАК и «Истархэт» работали такие известные ученые как А.А. Кротков [5] и Б.В. Зайковский [2], обладавшие достаточной нумизматической квалификацией.

Один из описанных монетных комплексов (сборная коллекция № 2) происходит не только с Увекского городища, но и с другого памятника (из г. Вольска), чем и объясняется присутствие в

ней поздних золотоордынских монет Тимур-Кутлуга и Булата, отчеканенных в период, когда Увекское городище уже прекратило существование.

Упомянутые в приводимых в приложении архивных материалах монеты были, очевидно, найдены на Увекском городище в 1888–1921 гг.

Атрибутированные джучидские монеты, достоверно происходящие с Увекского городища и упоминающиеся в архивных материалах, относятся к 1310–1395 гг. чеканки. Всего в приложении приведены сведения о находках на Увекском городище (не считая сборной коллекции № 2 и монет, металл которых не был указан) 133 серебряных и 2861 медной золотоордынской монеты. Для сравнения укажем, что к началу нынешнего столетия имелись данные лишь о 151 серебряной и 838 медных атрибутированных джучидских монетах с Увекского городища [3; 6]. Архивные материалы наглядно свидетельствуют о степени развитости в золотоордынском Укеке денежного обращения и, в первую очередь, мелкого розничного торгового.

К античной чеканке, очевидно, относятся упоминающиеся «серебряная и 11 медных греческих и римских монет» (№ 78), а также «медная греческая» монета (№ 73). Есть указания и на поздние монеты, найденные на городище: «тверской медный пул XV в.» (№ 86), «мордовки» (№/№ 16, 30, 75), серебряную копейку Михаила Федоровича с надписью «Москва» (№ 83), медные шведские монеты 1634 и 1637 гг. (№/№ 16, 28), копейки 172(?) и 1805 гг. (№ 18), денги 1734, 1745, 1747, 1770, 1841 и 1851 гг. (№/№ 7, 18, 62, 65), 5 копеек 1773 и 1835 гг. (№/№ 15, 75), 2 копейки 1817 и 1827 гг. (№/№ 65, 72), «иностранный медный монет 1799 г.» (№ 32), «персидская», французская монета 1854 г., 5 пенни 1901 г., чеканенная для Финляндии (№ 72), серебряная бухарская монета (№ 15), и 2 медных китайских монеты (№/№ 15, 73), хотя последние могли относиться и к золотоордынской эпохе.

В большинстве случаев точных атрибуций найденных джучидских монет в архивных материалах вообще не приводится (№/№ 3–5, 11–29, 31–36, 38–59, 61, 63–64, 66–74, 76–77, 79–84), во многих случаях указано о покупке монет членами СУАК в 1902–1914 гг. с указанием их стоимости: от 17 копеек до 19 рублей 45 копеек за комплекс (№/№ 4–5, 15–18, 24, 27, 32–34, 36, 39–40, 43–57, 61–64, 66–70, 72, 75–77, 79–84). Встречаются и интересные бытовые сведения о расходах на разведки на Увекском городище: «при этом израсходовано еще на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп.», «чай, сахар, лимон, молоко, калач, сторожу за самовар 1 руб. 73 коп.» (№/№ 54–57, 1910 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Медокс К.П. Каталог музея СУАК. Саратов, 1893. 71 с.
2. Миронов В.Г. «Неистовый Богдан» // Годы и люди. Вып. 6. Саратов: Приволж. изд-во «Детская книга», 1992. С. 72–83.
3. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.
4. Недашковский Л.Ф. Монетный чекан золотоордынского Укека: к вопросу о политической роли города // История государственности Республики Татарстан и современность. Материалы республиканской научной конференции 8–9 декабря 1998 г. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 19–22.
5. Недашковский Л.Ф. Александр Августинович Кротков (1866–1942?) // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. С. 196–206.
6. Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.

Приложение

Архивные материалы о монетных находках с Увекского городища

1.

Восьмьсот азиатских монет, из них:

- 2 – Токта, чекан Сарая богохранимого, 710 г.х.,
- 1 – Узбек, чекан Сарая богохранимого, 712 г.х.,
- 5 – Узбек,
- 1 – Узбек, 726 г.х.,

- 1 – Узбек, чекан Сарая богохранимого, 732 г.х.,
 18 - анонимные, с изображением животных и надписью «Высочайшее повеление»,
 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 744 г.х.,
 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 747 г.х.,
 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 748 г.х.,
 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 749 г.х.,
 12 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 752 г.х.,
 4 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 753 г.х.,
 1 - Джанибек, чекан Гюлистана, 753 г.х.,
 7 - Джанибек, чекан Барджина, 753 г.х.,
 28 - Джанибек, чекан Нового Сарая, без года,
 2 - Джанибек, чекан Гюлистана, без года,
 12 - Джанибек, чекан Нового Сарая,
 9 - анонимные, чекан Нового Сарая, с изображением двуглавого орла,
 13 - анонимные, с изображением двуглавого орла,
 5 - анонимные, чекан Гюлистана, с изображением двуглавого орла,
 109 - анонимные, чекан Нового Сарая, 753 г.х.,
 2 - Бирдибек, чекан Азака,
 1 - Бирдибек, чекан Нового Сарая, 758 г.х.,
 1 - Бирдибек, чекан Гюлистана, 760 г.х.,
 1 - Кульна, чекан Гюлистана, 760 г.х.,
 2 - Кульна, чекан Гюлистана, 761 г.х.,
 1 - Науруз, чекан Гюлистана, 761 г.х.,
 1 - Хызр, чекан Гюлистана, 761 г.х.,
 48 - Хызр, чекан Гюлистана, 762 г.х.,
 28 - Хызр, чекан Нового Сарая, 762 г.х.,
 13 - Хызр, чекан Гюлистана,
 1 - Хызр, чекан Нового Сарая, без года,
 1 - Килдибек, чекан Азака, 763 г.х.,
 1 - Мюрид, чекан Гюлистана, 762 г.х.,
 2 - Мюрид, чекан Гюлистана, 763 г.х.,
 3 - анонимные, чекан Гюлистана, 764 г.х.,
 8 - анонимные(?), чекан Гюлистана 764 г.х.(?), с надчеканами,
 22 - анонимные, чекан Гюлистана, с изображением льва,
 3 - Азиз-Шейх, город?, год?,
 1 - Азиз-Шейх, город?, без года,
 1 - хан?, чекан Гюлистана, 769 г.х.,
 2 - Мухаммед-Буляк, город?, год?,
 2 - Токтамыш, город?, год?,
 1 - хан?, чекан Сарая, с изображением животного,
 2 - хан?, чекан Барджина,
 8 - не определены,
 401 - с нечетким аверсом и реверсом.
 Собраны в сельце Набережный Увек. Пожертвованы членом СУАК К.П. Медоксом при письме от 11.12.1890.
 Источники: КЗВМ СУАК, т. 1, с. 22-24, под № 35; Медокс К.П. Каталог музея СУАК. Саратов, 1893, с. 53-54; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 44, лл. 10об.-11об., № 35; ед.х. 74, л. 19об.; ед.х. 985, лл. 21об.-22.

2.

Двести тридцать две серебряные и медные монеты, из них:

- 1 - хан?, чекан Сарая, 682 г.х.,
 5 - Токта, чекан Сарая богохранимого, 710 г.х.,
 1 - Узбек, город?, 717 г.х.,
 1 - Узбек, чекан Сарая богохранимого, 722 г.х.,
 1 - Узбек, чекан Сарая, 725 г.х.,
 1 - Узбек, чекан Сарая, 727 г.х.,
 1 - Узбек, чекан Сарая, 728 г.х.,
 1 - Узбек, чекан Сарая, 731 г.х.,
 1 - Узбек, чекан Сарая, 734 г.х.,
 6 - Узбек, чекан Сарая, годы неясны,
 ? - Узбек, город?, без года,

- 1 - Узбек, город?, год?,
- 2 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 743 г.х. (с надписью уйгурским шрифтом),
- 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 743 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 744 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Хорезма, 744 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 745 г.х.,
- 2 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 746 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Хорезма, 746 г.х.,
- 2 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 747 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 748 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 749 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 751 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Гюлистана, 752 г.х.,
- 2 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 753 г.х.,
- 3 - Джанибек, чекан Гюлистана, 753 г.х.,
- 1 - Джанибек, чекан Нового Сарая, 759(?) г.х.,
- 3 - Джанибек, чекан Нового Сарая, без года,
- 2 - Джанибек, город?, без года,
- 2 - Джанибек, город?, год?,
- ? - Джанибек, город?, год?,
- 2 - анонимные, чекан Нового Сарая, с изображением двуглавого орла,
- 2 - Бирдибек, чекан Нового Сарая, 759 г.х.,
- 2 - Бирдибек, чекан Гюлистана, 759 г.х.,
- 1 - Бирдибек, чекан Азака, 759 г.х.,
- 2 - Бирдибек, чекан Гюлистана, 760 г.х.,
- 1 - Бирдибек, чекан Азака, 760 г.х.,
- ? - Бирдибек, чекан Гюлистана, год?,
- 2 - Бирдибек, город?, год?,
- 3 - Кульна, чекан Гюлистана, 760 г.х.,
- 1 - Кульна, чекан Хорезма, 760 г.х.,
- 2 - Кульна, чекан Гюлистана, 761 г.х.,
- 1 - Кульна, чекан Гюлистана, 762(?) г.х.,
- 1 - Кульна, чекан Азака, без года,
- 1 - Науруз, чекан Гюлистана, 760 г.х.,
- 1 - Науруз, чекан Азака, 760 г.х.,
- 1 - Науруз, чекан Нового Сарая, 761 г.х.,
- 1 - Науруз, чекан Гюлистана, 761 г.х.,
- ? - Науруз, чекан Нового Сарая, без года,
- 2 - Науруз, чекан Нового Сарая, без года,
- 1 - Хызр, чекан Гюлистана, 761 г.х.,
- 3 - Хызр, чекан Нового Сарая, 761 г.х.,
- 1 - Хызр, чекан Хорезма, 762 г.х.,
- ? - Хызр, чекан Гюлистана, без года,
- 1 - Хызр(?), чекан Гюлистана, 762 г.х.,
- 1 - Ордумелик, чекан Нового Сарая, 762 г.х.,
- 1 - Ордумелик, чекан Азака, 762 г.х.,
- 1 - Килдибек, чекан Нового Сарая, 762 г.х.,
- 1 - Килдибек, чекан Азака, 762 г.х.,
- 1 - Килдибек, чекан Азака, 763 г.х.,
- 1 - Мюрид, чекан Гюлистана, 763 г.х.,
- 1 - Мюрид, чекан Гюлистана, 732 (вместо 763) г.х.,
- 1 - Мюрид, чекан Гюлистана, 764 г.х.,
- 1 - Азиз-Шейх, чекан Гюлистана, 767 г.х.,
- 1 - Азиз-Шейх, чекан Гюлистана, 827 (вместо 768) г.х.,
- 1 - Азиз-Шейх(?), город?, год?,
- 1 - Абдуллах, чекан Азака, 765 г.х.,
- 1 - Абдуллах, чекан Орды, 770 г.х.,
- 1 - Мухаммед-Буляк, чекан Орды, 773 г.х.,
- 1 - Каганбек, чекан Нового Сарая, 777 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Орды, 779 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Нового Сарая, 782 г.х.,

- 1 - Токтамыш, чекан Азака, 782 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Сарайчика, 782 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Азака богохранимого, 783 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Нового Сарая, 785 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Великой Орды, 785 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Нового Сарая, 785 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Хорезма, 785 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Нового Сарая, 786 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Хорезма, 786 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Нового Сарая, 787 г.х.,
- 2 - Токтамыш, чекан Хорезма, 789 г.х.,
- 1 - Токтамыш, чекан Великой Орды, 789 г.х.,
- 2 - Булат, город?, 787(?) г.х.,
- ? - Булат, город?, год?,
- ? - хан?, город?, год?,
- 2 - Аннуширван Хулагуид, город?, год?,
- 1 - Тимур, город?, 784 г.х.,
- 1 - Сююргатмыш, город?, 785 г.х.,
- 1 - Тимур и Сююргатмыш (приписка: «Бирдибек II»), 789 г.х.,
- 2 - Тимур и Сююргатмыш (в оригинале приписка: «Тимур Пулад»), год?,
- 1 - Тимур и Сююргатмыш (приписка: «Тимур Кутлук»), 796 г.х.,
- 100 - нечеткие.

Из отношений Императорской Археологической Комиссии (ИАК) видно, что в Саратовскую Ученую Архивную Комиссию из числа отосланных ею в ИАК обратно поступило: в ноябре 1888 г. – 348 монет, 14.12.1888 – 196 монет, 13.01.1889 – 238 монет, 2.05.1891 – 980 монет, а всего 1762 монеты. Из них отосланы обратно 238 и 338, а всего 576 монет, и находится в музее под № 35 записи – 255, а всего тоже 1762 монеты, т.е. количество, соответствующее поступившему числу монет. Отношения ИАК и другие по этому расчету документы хранятся в наряде бумаг, относящихся до вещей музея, под №№ 46, 46-1, 46-2, 46-3, 46-4, 46-5, 46-6. Из протокола собрания СУАК от 19.09.1888 видно, что часть монет, отсылавшихся в ИАК, поступила при отношении из Саратовского губернского правления от 25.06.1888 из числа найденных в дер. Набережный Увек. Вторая часть этой сборной коллекции поступила из г. Вольска.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 32–39, под № 46; Медокс К.П. Каталог музея СУАК. Саратов, 1893, с. 53–55; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 44, л. 15–18, № 46; ед.х. 74, л. 19об.; ед.х. 985, лл. 22–24.

3.

7 татарских монет, найденных на Увеке.

Пожертвованы С.А. Щегловым 13.02.1900.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 132, под № 215; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 24об.

4.

22 медных и 1 серебряная татарские монеты.

Найдены в 1902 г. на развалинах древнего Уека. Куплены С.А. Щегловым (наряду с другими предметами) 2.06.1902 за 50 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 148, под № 274; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140об.; ед.х. 985, л. 24об.; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 66.

5.

7 медных и 1 серебряная татарские монеты.

Найдены на Увекском городище в 1902 г. Приобретены для музея СУАК С.А. Щегловым 27.06.1902 за 17 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 150, под № 282; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 141; ед.х. 985, л. 24об.; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 67.

6.

50 золотоордынских медных монет 1313-1367 гг., из них 20 шт. нечетких.

Собраны (наряду с другими предметами) 1.10.1902 на городище Увек. Поступили 12.12.1902 от Б.В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 164, под № 320; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139; ед.х. 985, лл. 25, 48об.-49.

7.

Медная «деньга» 1747 г., найденная на Увеке.

(Наряду с другими предметами) найдена на Увекском городище в 1902 г. Поступили (т.е. все предметы) от Б.В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 166, под № 322; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139; ед.х. 985, л.49.

8.

1 серебряная сарайская монета Узбек-хана 722 г.х.

Найдена (наряду с другими предметами) на Увеке (в 1902 г.). От Б.В. Зайковского (списана?).

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 168, под № 334; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139об.

9.

1 серебряная новосарайская монета Джанибек-хана 744 г.х.

Происхождение см. № 8.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 168, под № 335; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139об.

10.

1 серебряная гюлистанская монета Джанибек-хана 752 г.х.

Происхождение см. № 8.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 168, под № 336; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139об.

11.

3 медные золотоордынские монеты.

Найдены в 1903 году на Увекском городище. 5.09.1903 от Михаила Гавриловича Фертукова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 180, под № 382; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 142; ед.х. 985, лл. 25, 55об.

12.

6 золотоордынских медных монет с Увека.

Поступили 2.02.1905 от Екатерины Аркадьевны Евреиновой в память действительного члена Архивной Комиссии Владимира Гавриловича Вучетича.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 207, под № 470; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 65.

13.

5 медных золотоордынских монет.

Найдены 30.06.1905. От Тимофея Михайловича Косторина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 217, под № 506; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 68об.

14.

8 медных и 1 серебряная золотоордынские монеты.

Найдены (вместе с другими предметами) на Увекском городище в 1905 г. От С.А. Щеглова 16.08.1905.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 218, под № 511; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 69.

15.

4 серебряных и 42 медных золотоордынских монет,

1 медная русская монета – 5 коп. 1835 г.,

1 серебряная бухарская монета,

1 медная китайская монета.

Найдены на Увекском городище в 1905 г. Куплены (наряду с другими предметами) у местных жителей 29.08.1905 за 1 руб. 90 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 219, под № 514; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 69об.

16.

17 медных золотоордынских монет,

8 нечетких медных золотоордынских монет,

три «мордовки» из неизвестного сплава,

шведско-норвежская медная монета 1634 г.,

две серебряные золотоордынские монеты 1232 (??) и 1310 гг.

4.09.1905 куплены (наряду с другими предметами) Б.В. Зайковским на Увекском городище от местных жителей за 1 руб. 35 коп., из которых 1 руб. 20 коп. отнесены на имеющийся у него аванс, а 15 коп. – на средства Архивной Комиссии.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 221, под № 519; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25об., 70.

17.

1 серебряная и 9 медных золотоордынских монет.

Найдены (вместе с другими предметами) на Увекском городище в 1895 г. 14.09.1905 куплены Б.В.Зайковским у увекских жителей за 20 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 223, под № 526; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 70об.

18.

Медные русские монеты – копейка с надписью «Москва» 172(?) г., деньга 1770 г., копейка 1805 г., 1 серебряная и 1 медная золотоордынские монеты.

14.09.1905 куплены Б.В. Зайковским и С.А. Щегловым у церковного старосты с Ивановского Увека за 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 223, под № 527; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 70.

19.

2 медных золотоордынских монеты.

Найдены в 1905 г. близ села Ивановского Увека. 14.09.1905 от диакона Павла Соколова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 224, под № 528; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 70об.

20.

Медная золотоордынская монета.

Найдена (наряду с другими предметами) на Увеке. 9.12.1907 от Владимира Дмитриевича Васильева.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 255, под № 644; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 82.

21.

1 медная золотоордынская монета.

Найдена (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1908 году. 22.05.1908 от Тимофея Ерофеевича Сивончикова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 275, под № 713; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 90об.

22.

2 медные золотоордынские монеты.

Найдены в 1908 г. на Увеке. Поступили 7.06.1908 от Анны Никифоровны Потаповой.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 277, под № 725; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 91об.

23.

Медная золотоордынская монета.

Найдена на Увеке 21 июня 1908 г. От Сергея Назаровича Степанова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 280, под № 732; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 93.

24.

42 медных золотоордынских монеты.

Найдены на Увеке в 1908 г. 21.06.1908 куплены (наряду с другими предметами) у разных лиц за 35 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 280, под № 734; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 93.

25.

5 медных золотоордынских монет.

21.06.1908 найдены лично (наряду с другими предметами) на Увеке по берегу Волги Кротковым и Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 281, под № 735; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 93.

26.

6 медных золотоордынских монет.

Найдены (наряду с другими предметами) на Увеке в 1908 году. 22.07.1908 от Кондратия Богдановича Швинт.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 287, под № 759; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 26, 95об.

27.

Серебряная золотоордынская монета,

17 шт. медных золотоордынских монет.

Находки на Увекском городище в 1908 г. 6.08.1908. Серебряная и 10 шт. медных золотоордынских монет куплены у жителей селения Увек (наряду с другими предметами) за 25 коп., а остальные найдены лично: 4 медные монеты и др. – Щегловым, прочие (в т.ч. и др. предметы) – Гераклитовым, Шишкиным и Н.Г. Кориной.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 289, под № 766; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 26, 96об.

28.

1 медная золотоордынская монета,

медная шведско-норвежская монета 1/4 ore 1637 г.

Найдены на Увекском городище 15.08.1908. 20.08.1908 от П.Н. Шишкина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 294, под № 780; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 26, 98об.

29.

1 серебряная и 26 шт. медных золотоордынских монет.

Найдены на Увекском городище в 1908 г. 1.10.1908 А.А. Гераклитовым и С.А. Щегловым приобретены (наряду с другими предметами) в с. Набережный Увек от разных лиц.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 310, под № 833; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 26, 105.

30.

8 «морденок».

Найдены на Увекском городище. Поступили в музей СУАК 18.01.1909 от Николая Гурьева.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 329, под № 895; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 4.

31.

5 золотоордынских медных монет.

Найдены на Увекском городище в 1909 г. Поступили 4.05.1909 от В.И. Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 351, под № 958; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 11об.; ед.х. 985, л. 26об.

32.

118 медных золотоордынских монет,

2 серебряные золотоордынские монеты,

1 иностранная медная монета 1799 года.

Приобретены на Увекском городище 23 апреля, 3 и 6 мая 1909 г. за 3 руб. 55 коп. (наряду с другими предметами) А.А.Садовниковым, А.А. Черновским и С.А. Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 351-352, под № 961; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 11об.-12, 47об.

33.

128 медных золотоордынских монет,

2 серебряные/золотоордынские/ монеты,

1 монета(?) миндалевидная посеребренная,

Найдены в мае 1909 г. на Увекском городище. Куплены 24.05.1909 у жителей селения Набережный Увек (наряду с другими предметами) за 2 руб. 21 коп. (С.А. Щегловым – по контексту).

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 353-355, под № 966; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 12об-13; ед.х. 985, л. 26об.

34.

4 медных золотоордынских монеты.

Найдены на Увекском городище. 16.08.1909 приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека членом Комиссии П.Н. Шишкиным за 20 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 386, под № 1033; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 23.

35.

1 серебряная золотоордынская монета.

Найдена на Увеке в 1909 г. Поступила 11.10.1909 от В.И. Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 394, под № 1051; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 26; ед.х. 985, л. 27.

36.

4 медных и 1 серебряная золотоордынские монеты.

Найдены на Увекском городище в октябре 1909 г. Поступили 24.10.1909 от П.Н. Шишкина, который приобрел их (наряду с другими предметами) у рабочих на Увеке за 1 руб.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 397, под № 1057; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 27; ед.х. 985, л. 27.

37.

Золотоордынские медные монеты:

2 – анонимные, с изображением двуглавого орла,

2 – Джанибек-хана, чекан Сарая ал-Джедид,

1 – Хызр-хана, чекан Сарая,

3 – Хызр-хана, чекан Гюлистана.

Найдены на городище Увек. Поступили 13.02.1910 от ученика 2-го класса Саратовского реального училища Николая Голохвостова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 413-414, под № 1106; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 2; ед.х. 985, л. 27.

38.

2 медные золотоордынские монеты.

Найдены на Увеке. Поступили 2.05.1910 от В.И. Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 425, под № 1157; ГАСО, ф. 407, оп.2, ед.х. 188, л. 5; ед.х. 985, л. 27.

39.

6 серебряных золотоордынских монет.

Найдены на Увекском городище в 1910 г. 2.05.1910 куплены С.А. Щегловым от жителей Набережного Увека за 2 руб. 61 коп. + 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 426, под № 1159; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 5; ед.х. 985, л. 27.

40.

77 медных золотоордынских монет.

Найдены в разных местах Увекского городища. Происхождение см. № 39.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 426, под № 1160; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 5об.; ед.х. 985, л. 28.

41.

3 серебряных ордынских монеты.

Найдены на Увекском городище. 6.05.1910 приобретены у жителей селения Набережный Увек.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 433, под № 1242; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 7об.; ед.х. 985, л. 28.

42.

33 медных ордынских монеты.

Происхождение см. № 41.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 433, под № 1243; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 7об.; ед.х. 985, л. 28.

43.

5 серебряных золотоордынских монет.

Найдены на Увекском городище в 1910 г. 23.05.1910 куплены у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) за 3 руб. 93 коп. С.А. Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 435, под № 1259; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8об.; ед.х. 985, л. 28.

44.

136 медных золотоордынских монет.

Происхождение см. № 43.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 435, под № 1260; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8об.; ед.х. 985, л. 28.

45.

10 серебряных золотоордынских монет.

Найдены на Увекском городище в 1910 г. 27.05.1910 скуплены у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) С.А. Щегловым за 3 руб. 41 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 436, под № 1273; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8об.; ед.х. 985, л. 28.

46.

16 медных золотоордынских монет.

Происхождение см. № 45.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 436, под № 1274; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8об.; ед.х. 985, л. 28.

47.

4 серебряных золотоордынских монеты.

Найдены на Увекском городище в июне-июле 1910 г. Куплены (наряду с другими предметами) у жителей Увека С.А. Щегловым за 2 руб. 78 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 442, под № 1323; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.; ед.х. 985, л. 28.

48.

68 медных золотоордынских монет.

Происхождение см. № 47.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 442, под № 1329; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.; ед.х. 985, л. 28.

49.

11 медных золотоордынских монет.

Найдены на Увекском городище в июне 1910 г. 19.06.1910 куплены (наряду с другими предметами) С.А. Щегловым у жителей Набережного Увека за 59 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 442, под № 1337; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.; ед.х. 985, л. 28.

50.

1 серебряная золотоордынская монета.

Происхождение см. № 49.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 442, под № 1338; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.; ед.х. 985, л. 28.

51.

4 медных золотоордынских монеты.

Найдены на Увекском городище 23-26.06.1910. 26.06.1910 куплены С.А. Щегловым (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 21 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 445, под № 1352; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 11об.; ед.х. 985, л. 28.

52.

3 серебряных золотоордынских монеты.

3.07.1910 куплены (наряду с другими предметами) С.А. Щегловым у жителей Набережного Увека за 2 руб. 93 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 449, под № 1371; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 12об.; ед.х. 985, л. 28.

53.

44 медных золотоордынских монеты.

Происхождение см. № 52.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 448-450, под № 1372; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 12об.; ед.х. 985, л. 28.

54.

1 серебряная золотоордынская монета.

Находки на Увекском городище в июле месяце 1910 г. 10 июля 1910 г. приобретена (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 2 руб. 73 коп. При этом израсходовано еще на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп. Всего израсходовано 3 руб. 44 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 451, под № 1391; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13; ед.х. 985, л. 28.

55.

39 шт. медных золотоордынских монет.

Происхождение см. № 54.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 451, под № 1392; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13; ед.х. 985, л. 28.

56.

17 медных золотоордынских монет.

17.07.1910 куплены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 3 руб. 82 коп., из них 3 руб. пожертвованы В.А. Пасенко и 82 коп. – из средств Комиссии. Поездка на Увек 17.07.1910 обошлась: чай, сахар, лимон, молоко, калач, сторожу за самовар 1 руб. 73 коп.

А.А. Кротков, А.А. Гераклитов, С.Д. Соколов, С.А. Щеглов и оставленный при Санкт-Петербургском университете В.А. Пасенко производили пробную раскопку места около нобелевской ограды, к стороне Увекского поселка.

В земле попадались черепки глиняной посуды, обломки глазурованных кирпичей, гнилушки дерева, кухонные отбросы, небольшие обломки человеческих костей и прочее, как на свалочном месте.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 454, под № 1442; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 14; ед.х. 985, л. 28.

57.

2 обломка от серебряной золотоордынской монеты.

Происхождение см. № 56.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 454, под № 1443; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 14; ед.х. 985, л. 28.

58.

11 медных золотоордынских монет.

Найдены (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1910 г. 15.08.1910 от Феоктиста Сафрониевича Стадникова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 464, под № 1505; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 16об.; ед.х. 985, л. 28.

59.

9 ордынских монет.

Найдены (наряду с другими предметами) на Увеке. 12.09.1910 от г. Стадникова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 465, под № 1514; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 17; ед.х. 985, л. 28.

60.

Золотая Орда; медные монеты джучидские:

1 Узбек-хана,

3 Джанибека,

2 Мюрида,

2 Хызра,

3 (анонимные) с двуглавым орлом,

неразборчивые.

Найдены на Увек Саратовского у. Приобретено покупкой от жителей дер. Набережный Увек. 17.04.1911 от Ф.С. Стадникова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 467, под № 1529; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 28-28об.

61.

2 серебряные и 98 медных золотоордынских монет.

Найдены на Увекском городище, Саратовского у., при полотьбе и распашке огородов в 1911 г. 6.05.1911 куплены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 3 р. 91 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 478, под № 1576; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 28об.

62.

Русские медные монеты: денга 1745 г. и 1/2 копейки 1841 г.

Происхождение см. № 61.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 2, под № 1582.

63.

2 серебряные и 48 медных золотоордынских монет.

Выпаханы на огородах на городище Увек в 1911 г. 9.05.1911 у жителей Набережного Увека куплены С.А. Щегловым за 63 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 2, под № 1584; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 28об.

64.

172 медные и 6 с половиной серебряных золотоордынских монет.

Случайно найдены на городище Увек в 1911 г. Приобретены покупкою у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) С.А. Щегловым за 5 руб. 31 коп. Поступили 9.07.1911 от Щеглова С.А.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 5, под № 1602; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 28об.

65.

Русские медные монеты: 2 деньги (1734 и 1747 гг.), 2 копейки 1817 года Е.М./Н.М. и денежка 1851 г.

Случайно найдены на городище Увек в 1911 г. Поступили 9.07.1911 от С.А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 6, под № 1607.

66.

13 серебряных и 87 медных золотоордынских монет.

Случайно найдены на городище Увек в 1911 г. 24.06.1911 приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С.А. Щегловым за 5 руб. 78 коп. Поступили 15.07.1911 от С.А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 8об., под № 1620; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 28об.

67.

45 медных золотоордынских монет.

Случайно найдены на городище Увек в 1911 г. 15.07.1911 приобретены покупкою (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С.А. Щегловым за 1 руб. 25 коп. Поступили 29.07.1911 от С.А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 9, под № 1621; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 28об.

68.

Половинка серебряной и 36 медных золотоордынских монет.

Случайно найдены на городище Увек в 1911 г. 17.07.1911 приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С.А. Щегловым за 77 коп. Поступили 18.07.1911 от С.А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 11, под № 1631.

69.

6 серебряных монет (из них одна расколота пополам) и 81 медная золотоордынские монеты.

Приобретены покупкою в числе других предметов, найденных на городище Увек в 1911 году, 31.07.1911 С.А. Щегловым за 4 руб. 96 коп. Поступили 31.07.1911 от С.А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 18, под № 1668.

70.

55 медных золотоордынских монет.

Найдены на Увекском городище. Приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека 12.08.1911 С.А. Щегловым за 2 руб. 95 коп. Поступили 9.11.1911 от С.А. Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 33об., под № 1773.

71.

1 серебряная и 1 медная золотоордынские монеты.

Случайно найдены на Увекском городище. Поступили 19.08.1912 от Александра Ивановича Михина. Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 57, № 1907; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, л. 63, № 125.

72.

11 серебряных и 408 медных золотоордынских монет, русская медная 2 коп. 1827 г., финляндская 5 пенни 1901 г., французская 1854 г. и персидская. Случайно найдены на Увекском городище жителями Набережного Увека. 7-21.07.1912 куплены (в числе других вещей) С.А. Щегловым за 15 руб. Поступили 20.08.1912 от С.А.Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 58об., под № 1915; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, л. 67, № 133.

73.

1 медная греческая монета, 2 серебряных и 85 медных золотоордынских монет, 1 китайская медная монета.

Приобретены 11 и 17 июня 1912 г. А.А. Кротковым на Увекском городище у местных жителей. Поступили 1.09.1912 от А.А. Кроткова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 74об., под № 2031; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, л. 125, № 249.

74.

14 медных золотоордынских монет.

Приобретены на Увекском городище А.А. Кротковым 8-21.07.1912. Поступили 3.09.1912 от А.А. Кроткова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 76об., под № 2041; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 235, л. 5, № 259.

75.

«Мордовка» - украшение из низкопробного серебра, медная русская монета - 5 копеек 1773 года.

Приобретены (наряду с другими предметами) как находки на Увекском городище у жителей Набережного Увека за 85 коп. Поступили 9.12.1912 от Б.В. Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 96, под № 2161; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 235, л. 65, № 379.

76.

3 серебряных и 97 медных золотоордынских монет.

Случайные находки на Увекском городище в 1912–1913 гг. Куплены за 1 руб. 27 коп. Поступили 17.03.1913 от С.А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 110об., под № 2262; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 242, л. 14, № 94.

77.

17 серебряных и 427 медных золотоордынских монет.

Куплены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека, как находки на Увекском городище, 7 апреля и 5, 9, 10, 12-14 мая 1913 г. за 19 руб. 45 коп. Поступили 20.05.1913 от С.А. Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 124об., под № 2358; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 242, л. 62, № 190.

78.

1 серебряная и 11 медных греческих и римских монет.

Поступили 3.06.1913 от Евгения Ивановича Лебедева; Увек, переправа.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 128об., под № 2381; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 242, л. 74, № 213.

79.

18 джучидских медных монет.

Найдены в 1913 г. на Увекском городище. Куплены (наряду с другими предметами) за 20 коп. Поступили 28 января 1914 г. от И.Ф. Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 157об., под № 2530; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 48, № 34.

80.

3 серебряных золотоордынских монеты.

С Увека. 20.04.1914 куплены у Марии Ивановны Сентюриной за 30 коп.

Источник: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 71, под № 2576, № 80.

81.

34 шт. медных золотоордынских монет и 3 шт. серебряных.

Куплены П.Н.Шишкиным (наряду с другими предметами) на Увекском городище 23 апреля 1914 г. Израсходовано на поездку 2 р. 53 коп. 24 апреля 1914 г. от П.Н. Шишкина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 167об., под № 2578; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 72, № 82.

82.

2 серебряных и 81 медная джучидские монеты.

Случайные находки 1914 г. на Увекском городище. Куплены (наряду с другими предметами) за 1 руб. 20 коп. Поступили 19 мая 1914 г. от И.Ф. Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 171, под № 2588; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 77, № 92.

83.

1 серебряная и 43 медных джучидских монет, 1 серебряная копейка царя Михаила Федоровича с надписью «Москва».

Случайные находки на Увекском городище в 1914 г. Куплены (наряду с другими предметами) за 85 коп. Поступили 26 мая 1914 г. от И.Ф. Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 173, под № 2593; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 80, № 97.

84.

4 медных и 2 серебряных джучидских монет.

Случайная находка на Увекском городище в 1914 г. 22.12.1914 от жителя Набережного Увека Ивана Жидкова. Уплачено 25 коп.

Источник: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 100, № 137, под № 2633.

85.

1 негодная медная монета.

С Ивановского Увека. Поступила 2 июня 1915 г. от И.Ф. Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 194об., под № 2724; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 263, л. 44, № 229.

86.

Тверской медный пул XV в.

Найден на Увеке. От Б.В. Зайковского. 25.11.1920.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 2, № 3059.

87.

Серебряная золотоордынская монета 732 г.х.

Найдена на Увеке. Поступила 12.05.1921 от П.С. Чаплыгина.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 242об., № 3089.

Информация об авторе:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru.

About the Author:

Nedashkovsky Leonard F., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Tatarstan, Archaeology and Ethnology, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru.

РЕДКИЕ ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА**Е.М. Пигарев****RARE JUCHID COINS FROM SELITRENNOYE SETTLEMENT**

Марийский государственный университет

В этом информационном сообщении идет речь о находках на территории Селитренного городища нескольких редких типов медных золотоордынских монет, чеканенных на различных монетных дворах Улуса Джучи.

Ключевые слова: Золотая Орда, Джучиды, Сарай, Селитренное городище, медные монеты, пулы.

This article is dedicated to the discovery of several rare types of Golden Horde copper coins, minted at various mints of the Ulus of Jochi, in the territory of Selitrennoye settlement.

Keywords: Golden Horde, Juchids, Sarai, Selitrennoye settlement, copper coins, puls.

На протяжении нескольких десятилетий исследуется, расположенное на берегу реки Ахтуба, Селитренное городище, являющееся остатками столицы государства Джучидов города Сарай. За эти годы изучению подверглись практически все стороны жизни этого средневекового города, в том числе, и денежное дело, характерное для этой территории. Тысячи монет, прошедших через руки нумизматов-исследователей, дали возможность составить картину денежного обращения и торговой деятельности не только столичного города, но и всего государства. Стало понятно, что в Золотой Орде чеканка монеты, особенно медной, производилась в огромных масштабах. Благодаря этой скрупулезной работе были выявлены основные типы монет, монетные дворы, почти все имена ханов, от имени которых чеканилась монета.

Чекан монетных дворов Сарая подробно изучался Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым и многими другими исследователями [1; 3; 4; 5; 6]. В этом сообщении мы предлагаем публикацию некоторых редких типов медных монет, найденных на Селитренном городище. Эти монеты известны в единичных экземплярах на других золотоордынских памятниках и не характерны для массового чекана столичного монетного двора.

1. Анонимный пул, б/г, Сарай, 1 экз.

К-Л №31 [3, с. 100, рис. 14-31]. Фототабл. 11/1.

Л.с. В двойном ободке (внешний - линейный) – две рыбы навстречу друг другу, вокруг рыб точки.

О.с. В поле сложного картуша с «узлами счастья» – легенда: *Бито [в] / Сарае*.

В сегментах картуша – по три точки треугольником.

Вес: 0,93 г; размер: 21x15 мм. Заготовка вырублена из проволоки.

2. Анонимный пул, б/г, Хаджи-Тархан, 1 экз.

Л-К №48 [4, с. 51, рис. 11-48]. Фототабл. 11/2.

Л.с. В двойном ободке (внешний – точечный) – 6-лучевая звезда с 7 точками в центре.

О.с. В линейном ободке – легенда: *Бито [в] / Хаджи- / Тархане*.

Вес: 0,85 г; размер: 17x15 мм.

3. Анонимный пул, б/г, Хваризм, 1 экз.

К-Л №85 [2, с. 104, рис. 22-85]. Фототабл. 11/3.

Л.с. В круглом картуше – три рыбы головами к центру, между ними – по виньетке.

О.с. Картуш: квадрат вписан в точечный круг, монетный двор – куфическим шрифтом по спирали: *Бито [в] Хваризме*.
Вес: 1,77 г; размер: 18x17 мм.

4. Анонимный пул, б/г, Азак, 1 экз.,

Атрибуция Е.Ю. Гончарова¹. Фототабл. 11/4.

Л.с. В поле – трехногая тамга без головки, с перекладной у центральной ножки.

О.с. В линейном ободке – 6-лучевая звезда, в лучах и между лучами по одной точке, в центре поля надпись: *Бито [в] городе Азаг(!)*.

Вес: 1,38 г; размер: 17x14 мм. Заготовка вырублена из проволоки.

5. Анэпиграфный пул, 1 экз.

К-Л №84 [4, с. 52, рис. 13–84]. Фототабл. 11/5.

Л.с. В точечном ободке – животное, идущее влево, с задранной вверх и назад головой, с поднятым к спине кольцом хвостом; над головой и туловом – узелок, точки: около шеи, над хвостом, внутри кольца хвоста, между передними и задними лапами.

О.с. В точечном ободке – животное, идущее влево, с поднятым к спине длинным хвостом; между передними и задними лапами – узелок; около шеи и внутри петли хвоста по одной точке.

Вес: 1,26 г; размер: 17x15 мм. Заготовка вырублена из проволоки.

6. Анонимный пул, б/г, ал-Джадида, 1 экз.

Атрибуция В.Б. Клокова². Фототабл. 11/6.

Л.с. В сложном картуше (точечный ободок по внешнему контуру которого через равное расстояние – треугольники, состоящие из трех точек) – изображение двух рыб (севрюг), плывущих против часовой стрелки; носы рыб упираются в тулова друг друга, образуя между собой пятиугольник, внутри которого звезда из 7 точек; точки также расположены сверху и снизу носов каждой рыбы. Точками переданы глаза рыбы. На спине рыбы передан ряд костяного панциря осетровых – жучки. Также выделен передний плавник. За спиной большой рыбы изображение, плывущей в том же направлении, рыбы меньших размеров (малька?). Подобное изображение рыб известно у Х.М. Френа [7, с. 10, табл. XIII №14].

О.с. В линейном ободке надпись: *Бито [в] ал-Джадида*.

Вес: 1,69; размер: 17x15 мм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Е.Ю. Медные монеты Сарая ал-Джедид // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: «Нумизматическая литература», 2004. С. 9–22.

2. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–147.

3. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: «Информэлектро», 2002. С. 73–165.

4. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округа после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: «Нумизматическая Литература», 2004. С. 23–75.

¹ Приношу благодарность Е.Ю. Гончарову за консультацию.

² Приношу благодарность В.Б. Клокову за консультацию.

5. *Пигарев Е.М.* Золотоордынские монеты из сборов археологической экспедиции на Селитренном городище в 2010–2011 гг. (к общей статистике находок) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. VII. Астрахань: издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. С. 94–101.

6. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: «Палеограф», 2003. 352 с.

7. *Френ Х.М.* Монеты ханов Улуса Джучиева. СПб., 1832. XVI+80 с. + XVII табл.

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); начальник УНАЭЦ Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Российская Федерация); pigarev1967@mail.ru

About the Author:

Pigarev Evgenii M., Candidate of Historical Sciences, Research Associate at A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Head of the Scientific Training Archaeology and Ethnology Centre of Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation); pigarev1967@mail.ru

УДК 737(574)"12/14"

ПОЛУОСТРОВ МАНГЫШЛАК В МОРСКОМ ТОРГОВОМ СООБЩЕНИИ

ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(АРХЕОЛОГО-НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

А.Е. Астафьев, П.Н. Петров

MANGYSHLAK PENINSULA ON THE SEA TRADE ROUTES

OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

(ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC STUDY)

Мангистауский государственный историко-культурный музей-заповедник РК
Институт археологии им. А.Х. Халикова, Центральный государственный музей
Республики Казахстан

Авторы рассматривают результаты археологических в том числе нумизматических находок XIV в. на таких памятниках полуострова Мангышлак, как караван-сарай Маната на одноименном спуске с плато Устюрт, торговая площадка Шеркала в окрестностях одноименной горы, городище Кетиккала, а также торговая площадь (базар) Ажбаба на побережье мелководной бухты на южном побережье залива Кочак в районе одноименного кладбища. Ранее археологические памятники Маната, Шеркала и Ажбаба известны не были и не исследовались. Как правило, изучение и анализ археологических находок бытовых предметов публикуется отдельно от нумизматических находок и их анализа. В этой статье авторы совместили публикацию артефактов и оба исследования. В результате предложены следующие выводы: в XIV в. полуостров Мангышлак принадлежал Золотой Орде; торговые пути обеспечивали торговые взаимоотношения, прежде всего Поволжского региона с Хорезмом; обнаружено новое направление торгового пути с побережья Каспийского моря через плато Устюрт; предложено отождествление некоторых известных средневековых топонимов на побережье полуострова Мангышлак с изучаемыми археологическими памятниками; наиболее активный период товарно-денежных отношений на обследованных памятниках приходится на 760-е – 775/1359 – 1373 гг.; в период замятни Мангышлак находился в сфере влияния сарайских ханов; с начала 1370-х гг. экономическое влияние Хорезма на регион Мангышлака резко возрастает (и прежде всего в сфере наполнения монетной массы местных рынков своей монетой).

Ключевые слова: полуостров Мангышлак, городище Кетиккала, плато Устюрт, торговая площадь, караванная трасса, археологические исследования, нумизматика, монеты Джучидов, топонимика.

The authors consider the results of archaeological studies, including the discovery of 14th century numismatic findings at the following sites of Mangyshlak peninsula: Manata caravanserai on Manata slope of the Ustyurt plateau, Sherkala trading ground in the vicinity of Sherkala mountain, Ketikkala settlement and Azhbaba trading square (bazaar) on the bank of a shallow bay on the southern coastline of the Kochak Bay in the area of Kochak cemetery. The archaeological sites of Manat, Sherkala and Azhbaba were previously unknown and unstudied. The results of studies and analyses of archaeological findings comprising household items are generally published separately from the numismatic finding and their analysis. The authors of this article combined the publication of the artefacts and the results of both studies. The following conclusions are proposed: Mangyshlak Peninsula belonged to the Golden Horde in the 14th century; trade routes facilitated trade relations primarily between the Volga region and Khwarezm, a new direction of the trade route from the Caspian Sea coast across the Ustyurt Plateau was discovered; certain known medieval toponyms on the coastline of Mangyshlak Peninsula are suggested to be identified with the studied archaeological sites; the most active period of commodity-monetary relations at the surveyed sites corresponds to the 760s – 775/1359 – 1373; throughout the Great Turmoil period Mangyshlak was located in the influence area of Sarai khans; since the from the early 1370s the economic influence of Khwarezm on the Mangyshlak region sharply increased (primarily in the field of saturation of local markets with domestic coins).

Keywords: Mangyshlak Peninsula, Ketikkala settlement, Ustyurt plateau, trading square, caravan route, archaeological research, numismatics, Juchid coins, toponymics.

Изучение развития торговых путей сообщения, проходивших через полуостров Мангышлак в золотоордынский период, носит либо незондированный, либо крайне обобщенный характер [32, с. 213; 38, с. 47–48]. Археологическими и историографическими исследованиями обустройства и прохождения караванных трасс в Арало-Каспийском регионе затрагивалось только плато Устюрт [24; 28]. Еще более слабо освещались нумизматические находки [14].

В первом десятилетии 2000-х гг. эта тема была вновь поднята в связи с началом изучения археологических памятников Мангистауской области Республики Казахстан [3; 16; 17; 18]. На сегодня известно 8 караван-сараев эпохи Золотой Орды, пять из которых находятся на территории современной Каракалпакии: Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук. В 2005 г. А.Е. Астафьев совместно с М.Д. Калменовым в рамках программы создания «Свода памятников Мангистауской области» произвел предварительное обследование трех караван-сараев с казахстанской стороны у колодцев Куще, Бесбулак (Белдеули) и у родника Есетбулак (Коскудук). Были составлены предварительные архитектурные планы этих построек и сделано подробное описание. В 2010 г. Бейнеуским отрядом ТОО «Археология» произведены археологические раскопки караван-сарая Белдеули [26].

Более детальному изучению торговых караванных трасс эпохи средневековья на территории Мангистауской области был посвящен специальный проект, начало которому положено А.Е. Астафьевым в 2009 году под эгидой Мангистауского государственного историко-культурного заповедника [2; 3].

Целью настоящего исследования является реконструкция функционирования торгового пути в XIV веке через полуостров Мангышлак по данным археологии и нумизматики, собранным в ходе исследований последнего десятилетия.

«Караван-сарай» Ман-ата. В ходе этого исследования намечен новый вариант прохождения торгового пути золотоордынского периода через спуск с плато Устюрт под наименованием Ман-ата, где проходит современная автомагистраль, соединяющая Мангистаускую область с другими регионами Казахстана. Здесь обнаружены остатки небольшой жилой постройки и могильник XIV в. [3, с. 93]. При осмотре остатков фундамента постройки найдены четыре монеты, две из которых серебряные данги Джучидов XIV века. Монеты обнаружены в ходе археологической разведки 2016 года и происходят из комнат «караван-сарая» с уровня полов, сильно перерытых грызунами (фототабл. 19/ Ман-ата 1 и 2).

1. – AR, данг. *Хваризм*. 707 г.х. Токтубек хан.
2. – AR, данг. *Хваризм*. 732 г.х. Узбек хан.

Кроме этих двух дангов были обнаружены еще 2 медные монеты, которые однозначно атрибутированы не были из-за значительной фрагментарности легенд на одной стороне и их полном отсутствии на другой стороне. Скорее всего, эти медяки не имеют отношения к джучидским эмиссиям.

Незначительное количество монетных находок на этом археологическом памятнике не позволяет делать какие бы то ни было выводы, кроме формального датирующего – этот «караван-сарай», расположенный на спуске под названием Ман-ата с плато Устюрт, функционировал в XIV веке. Поэтому предполагается, что транспортная ветка торгового пути через этот караван-сарай направлялась к морскому побережью полуострова Мангышлак (фототабл. 12/1).

Торговая площадка Шеркала. В 2016 году выявлена промежуточная точка прохождения караванов через окрестности горы Шеркала, расположенной в 14 км на ССЗ от районного центра Шетпе.

Среди монетных находок на этом памятнике обнаружено всего две джучидские монеты (фототабл. 19/ Шеркала 1):

1. – AE, пул. *Хваризм*. 708 г.х. Анонимный. В=2,1 г; д=18–20 мм. Отверстие в центре.
- AR, данг. *Хваризм*. 744 г.х. Джанибек хан (фотоизображение не приводится).

Причем, пул имеет отверстие в центре монеты, то есть в момент его утраты этот медный кружок использовался в утилитарных целях, а не в качестве денег. Время его утраты установить невозможно. Тем не менее, пул и данг XIV века хронологически соотносятся с остальными находками джучидских монет, зафиксированными нами в ходе настоящего исследования на других археологических памятниках.

Почему здесь особо обращается внимание на единичные находки двух золотоордынских хорезмийских монет? Дело в том, что на этом памятнике нам известна находка 6 кладиков золотых

динаров, причем, все они относятся к одному и тому же времени – к последним годам (может быть году) существования государства Хорезмшахов. Среди монет кроме выпусков хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша встречаются изредка и монеты иных династий, например, Гурида Мухаммада ибн Сама (569/1173 – 599/1203 гг.). Но самым необычным является присутствие в кладках большого количества грубых имитаций динарам Мухаммада б. Текеша (см. фототабл. 19/Шеркала А, В и С). Столь большое скопление таких динаров на одном памятнике наводит на определенные мысли – не изготавливались ли эти монеты где-то в местных условиях? Нигде больше до настоящего времени подобные монеты не фиксировались в таком количестве. Впрочем, один экземпляр был найден в ходе археологических раскопок на археологическом памятнике Самосдельское городище в дельте Волги [11, описание 2; 12, с. 154, описание 2]. Несомненно, в самом начале XIII века связь города в дельте Волги с Мангышлаком существовала, и свидетельством этому являются 3 золотых динара, аналогичных по времени динарам с Шеркалы. Являлись ли эти монеты с городища Самосделка результатом торговли с Мангышлаком, осуществлявшемуся по водному пути, или это результат утраты привезенных динаров людьми, бежавшими от нападения орд Чингиз-хана – установить однозначно сейчас уже не удастся. Весь собранный нумизматический материал с памятника Шеркала достоин самостоятельной развернутой публикации, что авторами и предполагается осуществить в ближайшее время.

По близости с горой Шеркала на городище Кызылкала найден именной медный пул Хорезма Джанибек-хана 750 г.х. [28, с. 26].

Городище Кетиккала.

Одной из конечных точек этой ветки на морском побережье Мангышлака бесспорно является городище Кетиккала, расположенное на северной оконечности г. Форт-Шевченко, по соседству с удобной морской бухтой на западной оконечности Тупкараганского полуострова. Памятник известен с 80-х годов XX века, благодаря первым археологическим раскопкам, произведенным силами Волго-Уральской археологической экспедиции (ВУАЭ) под руководством к.и.н. Л.Л. Галкина. Здесь было изучено большое общественное здание, определенное исследователем как каравансарай [10, с. 102]. Первоначальный облик остатков поселения был запечатлен на рисунках Т.Г. Шевченко и Бр. Залесского [39]. Судя по этим рисункам, раскоп ВУАЭ заложен на месте большой конструкции из вертикально врытых плит мегалитического облика.

Расширенная научная информация о памятнике появилась в 2006 г. в ходе проведения археологической разведки по созданию «Свода памятников Мангистауской области». Более детально памятник описан в 2008 году [1]. По предварительной оценке, первоначальная площадь городища могла составлять около 16 га. Границы памятника определялись по распространению фрагментов керамики на морской террасе древнего берега Каспийского моря. В настоящее время городище Кетиккала находится на удалении 2,2 км от современного морского залива под наименованием Тупкараганский, который является естественной морской гаванью. Южнее берега залива последовательно располагаются два сора – Булак и Кетик.

Северный сектор городища площадью около 7 га практически полностью уничтожен котлованами песчаного карьера. Местами на отдельных сохранившихся останцах прослеживаются небольшие прослои залегания фрагментов лепной и станковой керамики со стерильным песчаным перекрытием. Стратифицированный культурный слой на площади карьера не выявлен.

Наиболее явно на поселении фиксируется центральный массив застройки по остаткам каменных конструкций на уровне современной поверхности площадью ~ 2 га. В эпоху современности это место использовалось под строительную свалку, которая со временем была спланирована, от чего пострадала часть наземных каменных конструкций. При детальном осмотре местности фиксируются остатки 14–15 сооружений, конструктивным элементом которых являются крупные вертикально установленные плиты. Как показали дальнейшие исследования, эти плиты определяют только очертания отдельных помещений. Состояние современной поверхности центрального сектора поселения различно. В большей степени первоначальная поверхность перекрыта слоем или отдельными отвалами строительного мусора. На отдельных участках наблюдаются современные скреперно-отвальные разрушения поверхностного горизонта культурного слоя с насыщением отвалов фрагментами станковой и поливной керамики, фрагментами костей животных. Отдельные вертикально стоящие плиты стеновых конструкций повалены, либо выворочены при планировке отвалов строительного мусора.

Рекогносцировочные археологические раскопки предприняты в 2008 году [1; 2, с. 90–93], а обстоятельные исследования на памятнике начаты только в 2014 году и продолжены в 2015 году [6]. Для раскопок выбран центральный сектор участка поселения с просматривающимися на современной поверхности конструкциями из вертикально врытых плит. На настоящий момент общая площадь вскрытия культурных отложений составляет ~ 400 м² (информация о памятнике, предложенная в данной работе, носит сугубо предварительный характер).

Верхние границы культурного слоя визуально хорошо отделяются от стерильного песчаного наноса по пепельно-золистой окраске пылеватого песка. Этот песок является продуктом раздувания и переотложения рыхлых культурных наслоений. В процессе работ на всей площади раскопа установлены следы поздней выборки камня из фундаментов стен и развалов, чем была нарушена планиграфия остатков жилых и хозяйственных построек. Можно предположить, что выборка камня могла происходить в период строительства Новопетровского укрепления и торговой слободы в середине-второй половине XIX века.

Культурный слой поселения также сложен пылеватым песком пепельно-золистой окраски, но в отличие от вышележащего прослоя последний насыщен фрагментами керамики и костями животных. Его средняя мощность составляет 0,3–0,4 м. Этот слой легко чистится и выметается, что позволяет выявлять плотные наслоения, связанные с формированием набивных полов, заполнением лежанок, котлованов полуземлянок, очертаний хозяйственных и бытовых ям.

Материковым основанием служит легкосуглинистый слой мощностью 0,6–0,8 м, лежащий на рыхлом песчано-галечном чехле древнего морского берегового вала. Благодаря структуре грунта на уровне материкового основания хорошо прослеживаются все возможные перекопы и контуры различных ям. Плотность материкового основания позволила точно определять стенки котлованов полуземлянок, их входных проемов и тамбуров. В ходе раскопок выявлен факт использования легкосуглинистых растворов при формировании комбинированных кладок конструкций наземных сооружений. Все выявленные остатки наземных и полуназемных жилых и иных помещений имеют устойчивую ориентацию углами по сторонам света.

Заполнение хозяйственных и мусорных ям практически однородное с содержанием золистого песка, костей животных и рыб, фрагментов керамики, в отдельных случаях железных изделий (гвоздей, скоб, мелких фрагментов стенок чугунных казанов). Для мусорного заполнения котлованов полуземлянок отмечается встречаемость строительного мусора – небольших камней, кусков глины, суглинистых затеков. В отдельных случаях отмечается преднамеренное заполнение ям камнем и глинистым раствором при планировке поверхности для последующего строительства.

Определено три последовательных периода строительной истории:

I. Поздний строительный период характеризуется остатками наземных построек и постройки с заглубленным полом, условно названной полуземлянка 1. Планиграфия застройки позднего этапа пока точно не определяется (фототабл. 12/2). На настоящий момент фиксируются остатки каменных фундаментов небольших смежных помещений, выполненных кладкой из местного камня. Имеющиеся помещения разделены на три сектора дворовым пространством, свободным от застройки. Фундаменты возведены из необработанных крупных и средних размеров блоков и плит известняка тремя методами: неоднородной горизонтальной кладкой, вертикально установленными плитами, либо комбинацией этих кладок. При расчистке верхнего горизонта культурных отложений фиксируются небольшие участки бесформенных вывалов кладок стен. Имеют место следы внутренней перестройки помещений. Важным конструктивным элементом жилых помещений является наличие невысокой суфы, совмещенной под прямым углом с узкой скамьей. Суфы и скамьи «глухие», только в одном случае низкая лежанка перекрыта большими и тонкими плитами, вероятно, перекрывающими полость для отвода печного дыма. Края этих конструкций образованы вертикально установленными плитами с легкосуглинистым оштукатуриванием поверхности. В пяти случаях в углах помещений выявлены небольшие приподнятые площадки с встроенными топочными камерами. В трех случаях топки сопряжены с канной системой узких дымоходов, устроенных вертикально установленными плитами с горизонтальным плитчатым перекрытием.

С этим периодом связано возникновение основного числа хозяйственных и мусорных ям.

II. Промежуточный строительный период соотнесен со временем существования четырех прямоугольных в плане полуземлянок 3,6–3,7 x 2,5–2,7 м (фототабл. 12/3). Заглубление котлованов в материковый горизонт производилось на 0,6 – 0,8 м. Узкий проход с пандусным или ступенчатым понижением полов устроен в юго-западной или северо-западной стенках. Полуземлян-

ки обустроены невысокими, но широкими «глухими» суфами у северо-восточной стены, совмещенными под прямым углом с узкими скамьями. Края суф и скамей, как правило, выложены пиленными каменными блоками. В углах небольших площадок устроены топочные камеры с вертикальным дымоходом. Наземная часть постройки, вероятно, возводилась при помощи каменной кладки с ровным перекрытием. Полуземлянки имеют следы внутренней перепланировки и промежуточный горизонт набивных полов на среднем уровне мусорного заполнения.

III. Ранний строительный период пока определяется условно на основе выявленных на уровне материкового горизонта пятен гипсово-известковистых полов, а также нерегулярным вторичным использованием блоков пиленного известняка при сооружении наземных стен и суф полуземлянок. Подобные блоки встречаются в каменных развалах разрушенных стеновых кладок помещений позднего строительного периода. Имеют место обломки известняка, обработанного под стандартный кирпич-плинфу. Высока вероятность, что часть обработанного камня происходит из разобранных построек раннего строительного периода.

Судя по общей планиграфии распространения керамического материала на площади раскопа, а также мусорному заполнению котлованов полуземлянок и ям, основная масса находок относится к позднему строительному этапу. Получена представительная коллекция обломков тарной, кухонной и столовой посуды. Основной процент принадлежит фрагментам красноглиняных станковых сосудов, но в развалах чаще встречается сероглиняная керамика (фототабл. 13). Основной типологический ряд определяется разнообразными кувшинами, реже встречаются обломки хумов, кумганов, горшков, мисок, тагора и светильников, характерных для золотоордынских городов Поволжья [32, с. 4–202]. Достаточно часто встречаются фрагменты штампованных сосудов типа «калып», представленных флягами и узкогорлыми кувшинами (фототабл. 14), имевших широкое хождение на территории Хорезма [9, с. 308, рис. 23, 24], Нижнего Поволжья [38, с. 44–47; 33, с. 206–207] и Нижнего Урала [29, с. 49–53]. Среди сероглиняной и черноангобирванной посуды преобладают развалы и обломки приземистых кувшинов с короткой вертикальной горловиной, мелко гофрированной поверхностью и высокой массивной ручкой (фототабл. 13/2), производимых в хорезмийских керамических центрах [9, 1959, с. 322, рис. 22; 32, с. 210, табл. 105,1; 106]. Реже встречаются обломки тагора (фототаблица 13/3) и глубоких мисок с полосчатым лощением по темноангобирванной поверхности. К хорезмийскому импорту следует отнести достаточно стандартизированные узкогорлые кувшины с носиком-сливном, типологически определяемые как кумганы (фототабл. 13/7). Единично встречены обломки сфероконусов. Только для строительного горизонта позднего периода характерна керамика актамского типа, производимая на территории Азербайджана эпохи Ширваншахов в XIV – XV вв. [30, с. 63, рис. 23,1; 31; 32; 37, с. 55–56]. В этом типе керамики преобладают обломки хумов с высокой боченковидной горловиной, хумчей и кувшинов. Имеют место обломки поливных блюд.

Лепные сосуды горшковидной формы с широким основанием представлены малым процентом. Отмечаются сосуды с парными ручками-петлями (фототабл. 13/8). В декоре используется насечка по срезу венчика, пальцевидные зашпы и «расчесы» поверхности, выполненные многозубчатым инструментом.

В категории поливной посуды выделены разнообразные чаши, пиалы, блюда, тарелки, гюлябданы, вазы, альбарелло, станковые и штампованные сосуды [23, с. 15–41]. В количественном отношении преобладают сосуды из белого и красного кашина с полихромной, сине-черной и кобальтовой росписью, в том числе с рельефным моделированием орнамента (фототабл. 15; 16/1,2; 17/1). Встречены глухие бирюзовые глазури и псевдоселадон. Единично найдены обломки монохромных изразцовых плиток. На красноглиняной основе имеют место поливные чаши с гравированным орнаментом (фототабл. 16/3). В единичных экземплярах встречена керамика с полихромной надглазурной росписью типа «минаи» и «ладжвардина», производимые в ремесленных центрах Нижнего Поволжья и Ирана [23, с. 28–30], а также китайский фарфор – селадон. Встречены осколки стеклянной посуды.

Частой находкой являются обломки стенок чугунных котлов и казанов. Среди прочего материала встречаются дисковидные грузики из стенок сосудов, оселки, железные гвозди и скобы. Имеют место обломки каменных жерновов, а так же две обустроенные площадки с сохранившимися целыми жерновами ручных мельниц (фототабл. 17/2,3).

В большом количестве найдены кости животных, основной массой расколотые или разрубленные. В пищевом рационе у жителей Кетиккалы преобладало мясо мелкого рогатого скота.

Кости лошади, верблюда и коровы фиксируются реже. Частой находкой являются щитки рыб осетровых пород. Обнаружены кости птиц (курица, лебедь) и черепахи.

В общей сложности с площади раскопа за 2 сезона поднято 20 монет и одна монета происходит с площади поселения. Все двадцать монет из раскопа с высокой долей вероятности соотносятся с постройками и мусорными отложениями позднего этапа функционирования поселения. В ходе раскопок 2015 года, проводимых А.Е. Астафьевым на поселении Кетиккала, помимо тех 8 монет, что были опубликованы ранее [28], обнаружено еще 13 экземпляров. Находки связаны с третьим строительным горизонтом – свидетельством последнего этапа жизни поселения. Номера монет атрибуции соответствуют номерам в фототаблицах (фототабл. 19 и 20 / Кетиккала 1–12).

1. – AR, данг. *Область Гулистан*. 761 г.х. Хызр хан.
2. – АЕ, пул. *Хваризм*. 754 г.х. Анонимный.
- 2а. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. 763 г.х. Килдибек хан. (Разломан на 2 части).
3. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. 764 г.х. Хайр-Пулад хан.
4. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. 767 г.х. Азиз-Шейх.
5. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. 768 г.х. Анонимный.
6. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. [768] г.х. [Улджай-Тимур хан].
7. – АЕ, пул. Джанибека с надчеканкой примерно конца 760-х гг.х., наиболее часто встречающейся на территории Предкавказья – Кавказа (Маджар – Джулат).
8. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, год не указан. [конец 760-х гг.х.]. Анонимный.
9. – АЕ, пул. *Хаджи-Тархан*, [772] г.х. Черкесбек.
10. – AR, данг. *Сарай ал-Джадид*, 747 г.х. Джанибек хан. Надчеканка - عدل (=законный).
11. – AV, динар. *Хваризм*. 773 г.х. Анонимный.
12. – АЕ. Подделка под данг Азиз-Шейха, бититый в Сарае ал-Джадида.

Для полноты представления о составе нумизматических артефактов, зафиксированных археологически в 2008 г. на этом памятнике и опубликованных ранее, приведем информацию из статьи [32]:

«Во время рекогноцировочно-разведочного раскопа в землянке №2 на глубине 70 см были найдены 8 монет»:

- AR, данг. *Хваризм*. 744 г.х. Джанибек хан.
- AR, данг. *Сарай ал-Джадида*. 74[6-8] г.х. Джанибек хан.
- AR, данг. *Сарай ал-Джадида*. [761] г.х. Хызр хан. Двойной удар.
- АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. Год не указан [770-е] гг.х. Анонимный. [24, с. 131, рис. 23, №24].
- АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. Год не указан [770-е] гг.х. Анонимный. Как предыдущий экз.
- АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. [768] г.х. Улджай-Тимур хан.
- АЕ, пул. *Хваризм*. [774] г.х. Анонимный. [35, с. 222, табл. III, №23].
- АЕ, пул. Не атрибутирован вследствие плохого состояния монеты.

Итого, из 21 монеты (100%) – 5 серебряных дангов (~24%), один золотой динар (~5%), – остальные (~71%) медные пулы. В составе комплекса: 4 монеты Хорезма (19%), один пул не поддающийся атрибуции (~5%), один поддельный данг (~5%). На монетных дворах Поволжья (в *Сарае ал-Джадида* и *Гулистане*) бито 14 экз. (~67%). Фиксируется явное преобладание пулов с обозначением монетного двора *Сарай ал-Джадида* над продукцией монетного двора *Хваризм*. Таким образом, по имеющейся информации можно констатировать, что населенный пункт (ныне изучаемый археологический памятник Кетиккала) находился в сфере экономического влияния как Сарая, так и Хорезма, но для большей надежности этого заключения требуется большая статистика нумизматических находок.

Фактически находки 2015 года не расширяют хронологические рамки находившихся в обращении джучидских монет на последнем этапе существования этого населенного пункта (с 761/1360 по 773/1371–1372 гг.) по сравнению с находками в землянке 2008 г. (с 744/1343–1344 по

774/1372–1373 гг.). Последний этап функционирования населенного пункта наступил, судя по нумизматическому материалу, в первой половине 770-х /1370-х гг. Обращает на себя внимание одно маленькое обстоятельство – обнаружение пула с надчеканкой, наиболее распространенной в Предкавказье. Сам по себе этот факт не удивителен, но важен с точки зрения прослеживания путей поступления именно медных монет (с Предкавказья в Хаджи-Тархан и на Мангышлак) как документальное подтверждение.

В рамках данного исследования интересен исторический факт, освещенный в статье М.И. Иванина, который сообщает о нахождении при строительстве Новопетровского укрепления клада золотых и серебряных монет, две из которых по определению ориенталиста П.С. Савельева, принадлежали чекану хана Джанибека [18, с. 279 – 281]. Но без подробных сведений о составе этого клада как династийном, так и хронологическом, и типологическом такая информация не может быть использована в полной мере в нашем анализе.

Нумизматические артефакты джучидских эмиссионных центров позволяют с уверенностью отнести городище Кетиккалу к территории Золотой Орды, а также однозначно маркируют поступление золотоордынской монеты с Поволжья и из области Хорезм. Последний этап функционирования населенного пункта наступил, судя по нумизматическому материалу, в первой половине 770-х /1370-х гг. Ни одной джучидской монеты, битой после 774/1372–1373 года не зафиксировано. Да и сам этап активного поступления монеты в местное обращение хронологически ограничен – 760-ми – 775 гг.х. Пока нет сведений и о присутствии в местном обращении монетной продукции кавказских и иранских монетных производств. В тоже время, как отмечалось выше, для строительного горизонта позднего периода характерна керамика, производимая на территории Азербайджана эпохи Ширваншахов в XIV – XV вв. Причина отсутствия монет с западного и южного побережья Каспийского моря в этих условиях выглядит странно. Но надо иметь в виду, что прекращение притока джучидской монеты в местное обращение не означает прекращение существования самого населенного пункта, который еще мог функционировать в течение некоторого времени.

Время основания Кетиккалы пока не имеет абсолютных датировок. С третьей четвертью XIV в. соотносится последний период строительной истории поселения, которому предшествуют еще два. Для второго горизонта характерно вторичное использование пиленого камня, вероятно, происходящего из разбираемых построек предшествующего периода. Изучение истории формирования средневековых могильников, некрополей и скальных мечетей Мангистауской области позволили установить, что техника строительства культово-надмогильных сооружений из пиленого камня с тщательной подгонкой швов и изготовление псевдо-плинфы из известнякового камня появляется только в XIV в. в период активной исламизации Золотой Орды при ханах Узбеке и Джанибеке [5, с. 52; 6, с. 356–357]. Это свидетельство полностью совпадает со временем возникновения и функционирования караван-сарая плато Устюрт, продатированных на основе нумизматического материала [24, с. 179]. Следовательно, возникновение раннего строительного горизонта городища Кетиккала должно быть сопряжено с периодом не ранее правления хана Узбека (1313–1340 гг.).

Насыщенность культурного слоя материальными остатками позволяет утверждать, что городище Кетиккала имело значение ключевого портового города на восточном побережье Каспия. Географически Кетиккала являлась крайним пунктом сухопутного маршрута торговых караванов, проходившего по территории полуострова Мангышлак [3, с. 136–140]. Вместе с тем это поселение было как важной морской перевалочной базой, так и значимой торговой точкой между городами Поволжья и Хорезма [10, с. 101–102; 32, с. 210–211]. Фрагменты керамики азербайджанского и, возможно, иранского происхождения, а так же монеты поволжского чекана, подразумевают существование морского сообщения между прикаспийскими государствами. Находки на Кетиккале обломков китайской фарфоровой посуды, а также фрагментов веточек благородного красного коралла, ближайшей точкой происхождения которого является Красное море, только расширяют географический диапазон привозимых сюда товаров. Крайне интересна находка в мусорном заполнении одной из полуземлянок медного православного нательного крестика (фототабл. 17/4).

Торговая площадь Ажбаба. Второй ранее неизвестной прибрежной точкой торга эпохи Золотой Орды является южное побережье залива Кочак в районе протяженного каньона Каракавак (фототабл. 12/1; 18/1). Здесь северо-восточнее кладбища Ажбаба имеется небольшая мелководная бухта, ранее не попадавшая под внимание исследователей. В настоящее время бухта сформирова-

на широкой косой, с южной стороны которой имеется протяженный береговой вал высотой более 3 м относительно современного уровня моря. Западная тупиковая часть бухты образуется несколькими чередующимися береговыми валами. Южное побережье бухты определяется высокой коренной морской террасой, прорезанной мелкими руслами сезонных водотоков. Современный урез вод Каспия находится на удалении 0,8–1,6 км от данной террасы, чем обнажено обширное пространство дна бухты. На террасе в пределах береговых валов западной оконечности бухты в 2006 году работами А.Е. Астафьева и М.Д. Калменова по подготовке «Свода памятников Мангистауской области» зафиксированы остатки прямоугольной в плане постройки 40 x 30 м в виде каменно-грунтовых валов, двух могильников и двух больших котлованов [3, с. 47,48]. Шурфовка вала сооружения позволила выявить остатки стеновой кладки высотой 0,3–0,8 м, выполненной кремневыми конкрециями и известняковым камнем. Внутреннее пространство каких-либо дополнительных сооружений не имеет и может быть определено как большая ограда. По соседству с оградой находится могильник с надгробными сооружениями XI–XII вв. [4, с. 49]. Второй могильник, расположенный в 250 м северо-восточнее ограды и отделенный от нее широким русловым понижением, представлен прямоугольными сильно разрушенными каменными выкладками. Выявленные котлованы глубиной более 2 м и диаметром до 35 м, вероятнее всего, представляют собой остатки больших копаней для сбора грунтовых вод. В пределах выявленного комплекса на площади около 15 га редко встречаются фрагменты керамики XI–XIV вв.

При обследовании данной площади с помощью металлодетектора собрана представительная коллекция золотоордынских серебряных и медных монет. Коллекция насчитывает 29 серебряных и 29 медных монет хорезмийской и поволжской чеканки. На площади сбора монетный материал распределяется неравномерно. Основные находки группируются тремя скоплениями: на площадке в пределах ограды и копаней, на высоком береговом валу севернее копаней и в пределах второго могильника. Вглубь берега монеты встречаются на удалении до 360 м как единичными находками, так и небольшими скоплениями. Монеты залегают непосредственно на поверхности или на глубине 5–7 см. Здесь же часто встречаются медные пластинчатые скобы различных размеров в виде узкой полоски металла с плоско загнутыми внутрь и вместе с тем отогнутыми наружу зауженными концами. Массовой находкой являются мелкие обрезки и обломки металлических пластин, фрагменты железных сильно корродированных изделий. Единично встречены мелкие металлические изделия – клепки, два кольца и зубочистка. Культурного слоя на площади сбора не выявлено. Отмечены только редкие поверхностные зольные пятна. При сборе встречены мелкие фрагменты стенок поливных кашинных сосудов. Данный спектр находок и их локализация позволяют высказать мнение о существовании в средние века на побережье ажбабинской бухты прибрежной торговой площадки (базара).

Это утверждение имеет куда более веские обоснования. В реалии площадь торгового рынка не ограничивается пределами распространения золотоордынских монет. Разновременный монетный материал, как и другие разнообразные находки, протянулись вдоль древнего берега бухты в восточном направлении на 2 км. Нумизматический материал, помимо Золотой Орды, представлен монетами Флавия Аркадия, хорезмшахов (конец XII в.), Тимуридов, Сефевидов, Афшаридов, Великих Моголов, Ивана IV Грозного, Федора Ивановича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, а так же свинцовыми пломбами Астраханского порта, датированными от 1765 до 1800 гг. Безусловно, что подобные находки должны свидетельствовать о высокой значимости данного места в прибрежной торговле северо-восточного Каспия на протяжении исторического времени. Но вернемся к золотоордынскому монетному комплексу.

Комплекс джучидских монет с территории торговой площадки (базара) Ажбаба (см. фото-табл. 21–22 / Ажбаба 1–29):

1. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, 764 г.х. Хайр-Пулад хан.
2. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, 764 г.х. Хайр-Пулад хан.
3. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, 764 г.х. Хайр-Пулад хан.
4. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, 764 г.х. Хайр-Пулад хан.
5. – АЕ, пул. *ас-Сарай ал-Джадид*, 767 г.х. Анонимный.
6. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. 767 г.х. Азиз-Шейх хан.
7. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. 767 г.х. Азиз-Шейх хан.
8. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. 767 г.х. Азиз-Шейх хан.
9. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. [7]67 г.х. Азиз-Шейх хан.

10. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*. [767] г.х. Азиз-Шейх хан.
11. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, 768 г.х. Анонимный. Собака вправо.
12. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, 768 г.х. Анонимный. Собака вправо.
13. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, год не указан, [конец 760-х гг.х.].
Анонимный.
14. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, год не указан, [конец 760-х гг.х.].
Анонимный.
15. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, год не указан, [конец 760-х гг.х.].
Анонимный.
16. – АЕ, пул. *Сарай ал-Джадида*, год не указан, [конец 760-х гг.х.].
Анонимный.
17. – АЕ, пул. *Хваризм*, [7]70 г.х. Анонимный. [19, с. 32, № 69].
18. – АЕ, пул. *Хваризм*, [7]70 г.х. Анонимный. [19, с. 32, № 69].
19. – АЕ, пул. *Хваризм*, 7[71] г.х. Анонимный. [35, с. 192, №22].
20. – АЕ, пул. *Хваризм*, [771] г.х. Анонимный. [35, с. 192, №22].
21. – АЕ, пул. *Хваризм*, (×ΛΛ) 77[1?] г.х. Анонимный. [35, с. 192, №22].
22. – АЕ, пул. *Хваризм*, [772] г.х. Анонимный. [35, с. 192, №23].
23. – АЕ, пул. *Хваризм*, 772 г.х. Анонимный. [35, с. 192, №23].
24. – АЕ, пул. *Хваризм*, [7]72 г.х. Анонимный. [35, с. 192, №23].
25. – АЕ, пул. *Хваризм*, 77[2] г.х. Анонимный. [35, с. 192, №23].
26. – АЕ, пул. *Хваризм*, 7[72] г.х. Анонимный. [35, с. 192, №23].
27. – АЕ, пул. *Хваризм*, 7хх г.х. Анонимный. [19, с. 32, № 70-71].
28. – АЕ, пул. МД утрачен. На л.с. надпись в 2 строки:
ас-султан / ал-адил / .?.
29. – АЕ, пул. Атрибуции не поддается.

Из 29 экз. (100%) медных монет 11 экз. (~38%) – пулы монетного двора *Хваризм*. Причем, все хорезмийские выпуски датированы началом 770-х/концом 1360-х гг. Очень необычным является то, что при огромном разнообразии пулов, чеканившихся в 760-е гг.х. в Сарая ал-Джадида, на памятнике встречено лишь 5 типов монет по несколько экземпляров каждого с годами выпуска: 764 – 4 экз.; 767 – 5 экз. одного типа и 1 экз. другого типа; 768 – 2 экз.; и без указания года – 4 экз. Имеющаяся статистика недостаточна для каких либо обоснованных предположений, объясняющих такую хронологическую избирательность к обращению медных пулов сарайского монетного двора. Обращает на себя внимание факт изменения соотношения в находках монет Сарая ал-Джадида и Хваризма: в 760-х хорезмийских выпусков не зафиксировано, а 770-х гг.х. не зафиксировано сарайских выпусков.

Обнаруженные на торговой площади серебряные данги Джучидов рассмотрены отдельно (см. фототабл. 22–24 / Ажбаба 30–58):

30. – АР, данг. *Хваризм*, 76 или 74 (4 – зеркально)(!) (=706 или 704) г.х.
Токтубек хан.
31. – АР, данг. *Хваризм*, 706 г.х. Токтубек хан.
32. – АР, данг. *Хваризм*, год утрачен. Токтубек хан.
33. – АР, данг. *Хваризм*, год утрачен. Токтубек хан.
34. – АР, данг. *Сарай*, [718] г.х. Узбек хан.
35. – АР, данг. *Хваризм*, [7(2/3)]3 г.х. Узбек хан.
36. – АР, данг. *Хваризм*, [7(2/3)]4 г.х. Узбек хан.
37. – АР, данг. *Хваризм*, 74 (4 – зеркально) (=740?) г.х. [Джанибек?] хан.
Обрезан.
38. – АР, данг. *Хваризм*, [7]45 г.х. Джанибек хан. Обрезан.
39. – АР, данг. *Сарай ал-Джадида*, [74]6 г.х. Джанибек хан. Обрезан.
40. – АР, данг. *Сарай ал-Джадида*, [74]7 г.х. Джанибек хан.
41. – АР, данг. *Сарай ал-Махруса*, 749 г.х. Джанибек Махмуд хан. Обрезан.
42. – АР, данг. *Сарай ал-Джадида*, 750 г.х. Джанибек хан.
43. – АР, данг. *ас-Сарай ал-Джадида*, [751] гг.х. Джанибек хан. Обрезан.
44. – АР, данг. *Сарай ал-Джадида*, [7]5[1?] г.х. Джанибек хан.

45. – AR, данг. *ас-Сарай ал-Джадида*, [751-753] гг.х. Джанибек хан.
 46. – AR, данг. *Сарай ал-Джадида*, [740-е-750-е] г.х. Джанибек хан.
 47. – AR, данг. *Хваризм*, год утрачен. Джанибек хан.
 48. – AR, данг. *Гулистан*, 759 г.х. Бирдибек хан.
 49. – AR, данг. *Хваризм*, 760 г.х. Бирдибек хан. Обрезан.
 50. – AR, данг. *Хваризм*, 760 г.х. Бирдибек хан. Обрезан.
 51. – AR, данг. *Хваризм*, 76(2/3?) г.х. Хизр хан. Обрезан.
 52. – AR, данг. *Гулистан*, [7]64 г.х. Мурид хан. Обрезан.
 53. – AR, данг. *Гулистан*, 764 г.х. Мурид хан. Обрезан.
 54. – AR, данг. *Сарай ал-Джадида*, 76[4] г.х. Тимур-Ходжа хан. Обрезан.
 55. – AR, данг. *Гулистан ал-Джадида*, [766] г.х. Пулад-Ходжа хан. Обрезан.
 56. – AR, данг. *Шехр ал-Джадида ал-Махруса*, 767 г.х. Анонимный.
 57. – AR, данг. *Орду*, 770 г.х. Абдаллах хан.
 58. – AR, данг. Подражание под Гулистан, Джанибек.

Среди изученных монет есть несколько экземпляров, которые следует описать подробнее, поскольку до сих пор они в публикациях нам не встречались.

№ 37. Хваризм, 74 (=740?) г.х. Имя эмитента утрачено. Данг. Обрезан.

Л.с. В поле сложного картуша (квадрат из точек вписан в круглый точечный ободок):

.../سلطان/العادل]

В одном сегменте видна виньетка.

О.с. Картуш – сложный фигурный. В поле:

صرب في /خوارزم/ سنة ٧٤

Легенда Л.с. соответствует оформлению Л.с. дангов Узбек-хана. Год написан необычно – цифра «4» изображена зеркально. Причем, то обстоятельство, что это цифра «4», а не зеркальная «2» видно по особенности написания, присущим только для цифры «4» на монетах Хваризма XIV века. По остаткам верхних частей букв имени эмитента можно предполагать имя Джанибек(?). Возможно, эта монета *мул* (штемпель О.с. был изготовлен в 740 г.х. для чеканки монет Узбек хана, но оказался в работе лишь при изготовлении монет с именем Джанибека?).

№ 30. Хваризм, 74 (=704) г.х. Токтубек. Данг.

Л.с. В поле сложного картуша (квадрат из точек вписан в круглый точечный ободок):

توقتو/بك/العادل

В двух сегментах видны по виньетке.

О.с. Картуш – сложный фигурный. В поле:

صرب في /خوارزم/ سنة ٧٤

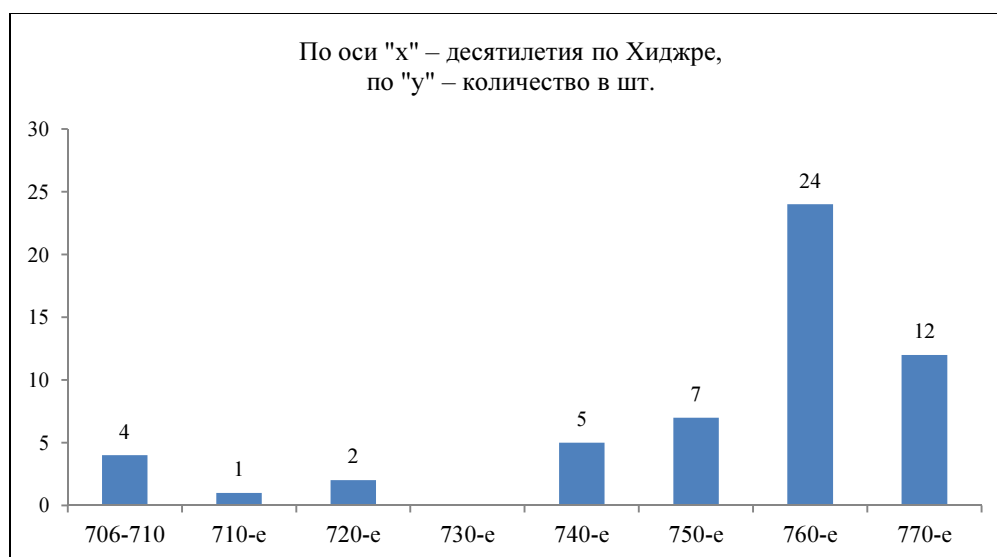
Год написан необычно – цифра «4» изображена зеркально.

Таким образом, всего найдено 58 джучидских монет, из них серебряных и медных по 29 экземпляров (50%) каждого металла. Временной интервал по датам выпуска монет у серебряных дангов существенно больше, чем у медных пулов – с 706 по 770 гг.х. и это не удивительно, поскольку серебряная монетная масса в денежном обращении более устойчиво во времени и без проведения реформы с удалением прежних эмиссий долго сохраняет ранние выпуски монетных дворов. Но в данном случае наблюдаемый интервал времени, прослеживаемый по годам на дангах, не отражает реальный период их обращения на территории изучаемой торговой площади. Стоит обратить внимание на наличие большого количества обрезанных монет как Хорезма, так и Поволжских монетных дворов. Обрезка их осуществлялась в области Хорезм в 760-е/1359–1360-е гг. и в эти же годы усилился или даже сформировался поток чеканной серебряной монеты в этот район из центральных регионов страны. То есть, в данном случае наиболее точно отражают хро-

нологическую картину развития товарно-денежных отношений медные пулы. Все эти обстоятельства свидетельствует о том, что эта торговая площадка в золотоордынский период наиболее активно функционировала именно в период с 1359–1375 гг. Возможно, имеющийся материал характеризует некоторый определенный участок базара, который на протяжении длительного периода времени своего существования мог перемещаться на другие соседние участки. К сожалению, кладоискатели нанесли непоправимый вред этому уникальному памятнику археологии, и проследить такие перемещения торговой площади по составу находок уже не удастся.

Из 29 дангов (100%) 12 экз. (~41%) биты в Хорезме (примерно такой же процент присутствия хорезмийских выпусков наблюдается в находках пулов – 38%). При этом серебряных монет с территории, подконтрольной темнику Мамаю и марионетке Абдаллах хану всего 2 экз. (~7%), среди медных монет – ни одной. То есть, территория этого базара входила в сферу влияния именно сарайских ханов. Кроме того, на памятнике вообще не наблюдается присутствия монет, битых после 772/1370 года, не говоря о дангах или пулах Токтамыша. Отсутствует и продукция Присырдарьинских регионов. Хронологический состав находок совместно медных и серебряных монет можно представить в виде гистограммы 1.

Гистограмма 1. Хронологический состав находок пулов и дангов на торговой площади Ажбаба

Характер этой зависимости, и главное – резкий спад количества монет, относимых к 770-м гг.х. указывает на прекращение притока чеканной монеты на торговую площадь не точно в 770 г.х., а через два-три года, то есть на 772–773 гг.х. К этому времени местный рынок не успел еще наполниться монетой 770-х гг.х., но количество монет нового десятилетия в обращении уже существенно возросло и стало сравнимым с количеством монет предыдущего десятилетия.

Гистограмма 1 построена по формальному признаку – по дате чеканки, указанной на монетах. Обрезка же серебряных монет 740-х и 750-х гг.х., осуществлявшаяся в Хорезме в 760-е гг.х., а также учет доли старых (ранних) дангов Хорезма, сохранившихся в обращении этой области до 760-х гг.х., свидетельствуют о том, что почти все найденные серебряные монеты на торжище Ажбаба поступили в местное обращение именно в 760-е – 770-е гг.х. и, видимо, в основном именно из Хорезма.

С одной стороны, все это говорит о функционировании торговой площади в первую очередь в интересах Поволжья и Хорезма, то есть этот базар обслуживал области, входившие в *улул кул* (*великий центр*). С другой стороны, ограниченная во времени торговая активность может быть связана с какими-то серьезными историческими событиями, произошедшими в первой половине 1370-х гг., которые прервали поступление новой чеканной монеты и остановили или существенно сократили торговую активность на этой площадке. Можно также предполагать, что сфера экономического влияния Хорезма на эту территорию торжища распространялась не в меньшей степени, чем сфера экономического влияния области Сарай (из 58 монет [100%] хорезмийских выпусков +

обрезанных монет – 30 экз. [~52%]). Причем, активность Сарая в поставке монет на местный рынок снижается к 770 г.х., а активность Хорезма наоборот возрастает.

Сопоставляя эти выводы с теми, которые были сделаны нами по результатам анализа нумизматического материала с Кетиккала, невозможно не обратить внимания на практически одновременное прекращение поступления монет в первой половине 770-х гг.х., на отсутствие более поздних джучидских монет и чеканных денег иных государств. В отношении существования торгового сообщения между Мангышлаком и Азербайджаном (в том числе иранским) – нумизматический источник не дает никаких подсказок, но, судя по сделанным находкам черепков посуды XIV – начала XV вв. с противоположного берега Каспийского моря, можно ожидать обнаружение в будущем и монет кавказского и иранского происхождения.

В ранней работе А.Е. Астафьевым уже проводился подробный анализ вероятной локализации морской пристани Караган на мангышлакском побережье, упоминаемой в таможенных документах объемного историко-археографического труда «Торговые сношения московского государства с народами Средней Азии XVI–XVII вв.» [25, с. 75–78]. В результате изучения деловой переписки был сделан важный вывод о том, что под именами Караганская, Мангышлакская и Сарташская упоминается одна и та же пристань [3, с. 118–121]. Ошибочные попытки локализации этой пристани ранее предпринимались А. Чулошниковым и М.Ю. Юлдашевым [35, с. 74–77; 36, с. 58–62.]. Исследователями по неизвестной причине были упущены три важных источника.

Рассмотрим вопросы идентификации известных средневековых топонимов полуострова Мангышлак с изучаемыми археологическими памятниками.

Первое свидетельство. На «Входной плоской карте залива Кочак с пристанью Мангышлак», опубликованной А.Е. Колодкиным в 1826 году [21] очень правдоподобно изображены очертания современной ажбабинской бухты, но явно при более высоком уровне Каспия. Пристань располагается на юго-западном берегу небольшой бухты, сформированной узкой песчаной косой, именуемой как мыс Мангышлак (фототабл. 18/2). Местонахождение пристани точно локализуется по изображению караванной дороги, спускающейся к побережью с участка платообразного возвышения. В реалиях современного ландшафта на этом месте располагается небольшое ущелье, с двух сторон от которого на спутниковых картах просматривается старая дорога, берущая свое начало на сильно размытом спуске Акжол с высокого уступа Емды. Восточнее Мангышлакской бухты подписано Назарово ущелье, вполне сопоставимое с современным большим каньоном Каракавак. На более общей карте Каспийского моря, составленной Колодкиным, бухта у Каракавакского каньона именована как залив Мангышлак с пристанью Сарташ.

Второе свидетельство. Г.С. Карелин в 1830 году на южном берегу залива Кочак осматривает пристань Сарташ или Старый Мангышлак, но, вероятно, не сумевшего сопоставить ее с картой Колодкина из-за упавшего уровня Каспийского моря [19, с. 108,109]. Без малейшего сомнения, Г.С. Карелин описывает ажбабинскую бухту в современном ее очертании с широкой косой Селинлы и соседствующем ущельем Каракулак.

И третье свидетельство. М.И. Иванин в 1846 году со слов одного рыбопромышленника сообщает, что в заливе Сарыташ в гавани, называемой туземцами Старый Мангышлак, есть вкопанные возле берега сваи, что обнаруживает здесь существование некогда пристани [14, с. 281].

С учетом вышеприведенных письменных свидетельств, полевые исследования, проведенные на побережье ажбабинской бухты, позволили точно идентифицировать Мангышлакскую (Караганскую) торговую пристань. Открытие местонахождения этой пристани с весьма значительным по количеству монетным материалом периода Золотой Орды намечают еще одну внутреннюю ветку караванного пути, проходившего через полуостров Мангышлак в XIV веке. Высока вероятность, что она напрямую соединяла через урочище Карасай два торжища – Шеркалинское и Мангышлакское на расстоянии двух дневных переходов (63–65 км) друг от друга.

Алтынказган. На этом переходе располагается большой культово-погребальный комплекс Алтынказган, через площадь которого пролегал две мощные караванные дороги, хорошо просматривающиеся как на спутниковых картах, так и визуально. На площади памятника поднята медная джучидская монета:

1. – АЕ, пул. *Хваризм*. [769] г.х. (см. фототабл. 19/ Алтынказган, 1).

Одна монета, конечно, не очень информативный источник, однако, в совокупности с уже известными находками с Кетиккала и торговой площади Ажбаба эта случайная средневековая утра-

та на дороге лишь подтверждает наши предыдущие выводы о периоде расцвета торговли в этом регионе именно в 760-е – начале 770-х гг.х.

Документы XVI–XVII вв. освещают систему морского торгового сообщения между Астраханью и мангышлакскими пристанями [13, с. 172–174; 22, с. 109–110]. Государевы бусы выходили из Астрахани и каботажем вдоль северо-восточного побережья Каспия шли до Мангышлака для торговли с Хивой и Бухарой. Плавание осуществлялось дважды за период навигации – весной и осенью. К назначенному сроку либо к пристаням приходили караваны, либо с пристаней отправлялись гонцы в азиатскую сторону с известием для купцов. Основной торг производился непосредственно на морском побережье. Часть не расторговавшихся купцов могла следовать морем в Восточную Европу, либо с караванами двигаться в азиатские страны. Система каботажного плавания была налажена по всему Каспию с охватом всех прикаспийских торгово-ремесленных центров [34, с. 27–39]. Весьма вероятно, что подобная модель морского сообщения работала и в золотоордынское время.

Следует добавить, что средневековым мореходам были хорошо известны острова у полуострова Мангышлак – Кулалы и Долгий, где еще в начале XX столетия после штормов находили веточки белого и красного кораллов [27, с. 479]. На Каспии произрастание кораллов неизвестно, а находки обломков веточек благородного коралла на городище Кетиккала позволяют высказать мнение о его происхождении как объекта торга в золотоордынскую эпоху.

Археологические исследования последнего десятилетия установили, что на полуострове Мангышлак периода Золотой Орды приходится существование двух ранее неизвестных торговых пристаней. В этой связи становится крайне интересной интерпретация географических имен восточного побережья Каспия на венецианских географических картах братьев Франциска и Доминика Пицигани (1367 г.) и Каталонского атласа (1375 г.). Ф.К. Брунн в своей работе пытается трактовать пициганский топоним *Melmesclack* и каталанский *Mebnemeselach* как полуостров Мангышлак [8, с. 32]. Напротив, В.В. Бартольд предполагает, что это искаженное название морской пристани Мангышлак [7, с. 60]. При этом имеются географические разночтения местоположения имен *Melmesclack* и *Mebnemeselach*. Если первое имя на карте Пицигани, изображенное с явным условным значком населенного пункта, расположено между отчетливо выделенным полуостровом и вероятным руслом Узбоя, то на Каталонском атласе *Mebnemeselach* помещено непосредственно на западной оконечности полуострова.

Наиболее информативным для восточного побережья Каспия является Каталонский Атлас (фототабл. 18/3). Здесь на северном побережье Тупкараганского полуострова неясно отмечено имя *Mansuna?* по трактовке французских издателей [8, с. 32]. Его расположение без особых условий совпадает с местонахождением Мангышлакской пристани. *Mebnemeselach* безусловно ассоциируется с городищем Кетиккала. Где-то на южном побережье Тупкарагана прописано *Cochinachi* и на отрезке в полпути до устья Узбоя – *Cavo Sancho*.

В свете последних археологических открытий точно сопоставляются местонахождения городища Кетиккала и Мангышлакской пристани с одной стороны и сведения Каталонского портлана – с другой. Следует согласиться с мнением В.В. Бартольда, что на карте вынесены имена береговых пристаней или населенных пунктов. Существующее информационное поле не позволяет проводить какую-либо идентификацию имен венецианских карт с местной топонимикой и ойконимикой. Но сам факт историко-географических, археологических и картографических соответствий позволяет предполагать перспективу открытия на полуострове Мангышлак еще двух пристаней или береговых поселений времен Золотой Орды, расположенных южнее Тупкараганского полуострова. Высока вероятность, что одну из них следует искать в акватории современного залива Кендерли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев А.Е. Отчет о проведении археологических исследований на земельных участках, отводимых под новые застройки на территории Форт-Шевченко и поселков Аташ и Баутино в 2008 г. Актау, 2008. Мангистау / Архив МГИКЗ. КП-854.
2. Астафьев А.Е. Отчет об исследовании торговых караванных трасс, проходивших по территории Мангистауской области в средневековье в 2009 г. Актау, 2009 / Архив МГИКЗ. КП-921.

3. *Астафьев А.Е.* Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Актау, 2010. 147 с.
4. *Астафьев А.Е.* Предварительные сообщения о типологии средневековых надгробных памятников Мангистауской области // Историко-культурное наследие Арало-Каспийско-Аральского региона. Материалы второй международной научно-практической конференции (Актау, 26–28 августа 2010 г.). Актау, 2010. С. 48–52.
5. *Астафьев А.Е.* Новые направления изучения подземных мечетей Мангыстау // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции (Алматы, 23–24 апреля 2009 г.). Алматы: Print-S, 2010. С. 351–358.
6. *Астафьев А.Е.* Отчет о проведении архитектурно-археологических исследований средневекового городища Кетиккала Тупкараганского района в 2014 году. Актау, 2014 / Архив МОИМК.
7. *Бартольд В.В.* Работы по исторической географии. Сочинения. Т. 3. М.: «Наука», 1965. 784 с.
8. *Брун Ф.К.* Перипл Каспийского моря по картам XIV века // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 8. Одесса: изд-во «тип. Ульриха и Шульце», 1872. 34 с.
9. *Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XIV вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М.: «Наука», 1959. С. 261–342.
10. *Галкин Л.Л.* Куда ушел последний караван? // «Наука и жизнь». 1990. №9. С. 98–102.
11. *Гончаров Е.Ю.* Очерк нумизматики Самосдельского городища. URL: https://www.academia.edu/10183644/A_Study_of_Numismatic_of_Samosdel_sкое_Settlement_Очерк_нумизматики_Самосдельского_городища
12. *Гончаров Е.Ю.* Очерк нумизматики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: изд. «Астраханская цифровая типография», 2011. С. 154–158.
13. *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию в 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: «Соцэкгиз», 1938. С. 167–192.
14. *Иванин М.И.* «Поездка на Мангышлак в 1846 году» // Записки РГО. Кн. 2. СПб.: тип. ИАН, 1847. С. 267–305.
15. *Иванов Н.Н.* Монетные сборы в археологическом маршруте Хорезмской экспедиции 1966 года // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. / Гл. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород: ИПР «Информэлектрон», 2000. С. 24–45.
16. *Калменов М.Д.* Средневековые караван-сарай, расположенные на территории Мангыстау // Материалы международной научно-теоретической конференции «Кадырбаевские чтения» (Актобе, 16–18 мая 2007 г.). Актобе: «ПринтА», 2007. С. 278–282.
17. *Калменов М.Д.* Караванный тракт через плато Устюрт // Вопросы истории и археологии Западно-го Казахстана. Уральск, 2012. № 1. С. 65–70.
18. *Калменов М.Д.* Археологические памятники Устюрта и Мангыстау на средневековых караванных путях: X–XIV вв. Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 2013. 275 с.
19. *Карелин Г.С.* Путешествия Г.С. Карелина по Каспийскому морю // Записки имп. рус. геогр. о-ва по общей географии. Т. 10. СПб.: Имп. АН, 1883. С. 497; 6 л. карт.
20. *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетный комплекс с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов / Гл. ред. П.Н. Петров. Вып. IV. Т.3. Н. Новгород: Изд-во ИПР «Информэлектрон», 2002. С. 73–165.
21. *Колодкин А.Е.* Атлас Каспийского моря / Сочинен при Чертежной Государственного адмиралтейского департамента с описи и астрономических наблюдений, произведенных с 1809 по 1817 год. Факсимильное издание 1826 г. СПб.: «Альфарет», 2009. 16 с., 14 л. карт.
22. *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: изд. Николая Тиблена, 1862. 301 с.
23. *Лисова Н.Ф.* Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с.
24. *Маньлов Ю.Л., Юсупов Н.Ю.* Караван-сарай Центрального Устюрта (в пределах Каракалпакской АССР) // СА. 1982. № 1. С. 170–182.
25. Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XVII+504 с.
26. *Оңғар А., Қожа М., Байтілеу Д., Чотбаев Д., Қиясбек Ф.* "Ортағасырлық Белдеулі керуен-сарайы мен Ақпан 1 үйігін зерттеу" тақырыбы бойынша жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі. (Археологический отчет для акимата). Алматы, 2011.
27. На Каспии // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1902. № 605. С. 475–479.
28. *Петров П.Н., Калменов М.Д.* Сведения о находках джучидских монет на городищах Кетик-кала и Кызыл-кала в Казахстане // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №5. 2015. С. 22–28.
29. *Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.* Керамика Сарайчика. Алматы: «Археология», 2008. 264 с.

30. Толстов П.С. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмийской экспедиции 1949–1953 гг. Том II. М.: изд-во АН СССР, 1958. С. 7–258.
31. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М.: изд-во «Наука», 1965. С. 179–224.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: изд-во МГУ, 2001. 256 с.
33. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских царей и древние города Поволжья. М.: «Наука», 1989. С. 133–248.
34. Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды ГИМ. Вып. 21. М.: Изд-во ГИМ, 1952. С. 138.
35. Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л.: изд-во АН СССР, 1932. С. 62–89.
36. Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент: «Фан», 1964. 124 с.
37. Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена XIV–XV вв. Ашхабад: «Ылым», 1975. 123 с.
38. Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л.: изд-во АН СССР, 1932. С. 1–59.
39. URL: <http://www.t-shevchenko.name/ru/Painting/1851-57.html>

Информация об авторах:

Астафьев Андрей Евгеньевич, заведующий отделом археологии, Мангистауский государственный историко-культурный заповедник (Актау, Казахстан); aasta@list.ru

Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Центрального Государственного музея РК (Алматы, Казахстан); ppn@zmail.ru

About the authors:

Astafiev Andrey E., Head of the Archaeology Department, Mangistau State Historical and Cultural Reserve (Aktau, Kazakhstan); aasta@list.ru

Petrov Pavel N., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Leading Research Associate at the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan); ppn@zmail.ru

**МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ XIII–XV вв. В ПОГРЕБЕНИЯХ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМИОТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК
ИЗВЕСТНЫХ АРТЕФАКТОВ**

Е.И. Нарожный

**COINS DATED 13–15TH CENTURIES DISCOVERED IN BURIALS:
CERTAIN ASPECTS OF SEMIOTIC EVALUATIONS OF KNOWN ARTEFACTS**

Акционерное общество «Наследие Кубани»

Обращаясь к давней проблеме – теме определения знакового смысла медных и серебряных монет в системе погребальных обрядов кочевого и оседлого населения Золотой Орды, автор приводит примеры вариантов различного толкования таких монет. Помимо пробитых монет, рассматриваемых как украшения, обереги или талисманы, непробитые монеты объясняются более вариабельно, но наиболее приоритетными являются их определения как «оболов Харона» («оболов мертвых»), «кладов» или «заупокойного дара». Доминирующая версия об «оболах Харона» как реминисценция древней «греческой традиции» справедливо «сталкивается» с отчетливым ее противоречием традиционным религиозным воззрениям разноэтничных кочевников Золотой Орды. К тому же наличие в таких захоронениях труположения взнузданных коней (вариант – чучела коня или же только деталей конского снаряжения), как и остатков деревянных повозок в традиционных представлениях тюрок не только посвященных умерших, но и «переносящих» умерших в загробный мир, вероятно, сильно девальвируют роль мифологического Харона, диктуя потребность в ином толковании семиотики монет. В статье ставится под сомнение и возможность атрибуции таких монет как «кладов». Относясь к находкам монет, прежде всего, как к еще одной разновидности вещевого набора, сопровождающего захоронение, монеты, скорее всего, необходимо рассматривать как «деньги» и «платежные средства», предназначенные для использования в потустороннем мире и только потом как нумизматический источник.

Ключевые слова: нумизматика Золотой Орды, монеты в погребениях, «обол Харона», монетный клад, монеты-украшения, монеты- погребальный инвентарь.

The author addresses the lingering issue of determining the symbolic meaning of copper and silver coins within the system of mortuary rites practised by the nomadic and settled population of the Golden Horde, providing examples of the various interpretations of the coins. In addition to punctured coins regarded as adornments, charms or talismans, non-punctured coins are interpreted with more variability. However, of highest priority are their interpretations as “Charon's obols” (“obols of the dead”), “hoards” or “funerary gifts”. The predominant version of “Charon's obols” as a reminiscence of the ancient “Greek tradition” rightfully “collides” with its distinct contradiction to the traditional religious views of multi-ethnic Golden Horde nomads. In addition, the presence of bridled horse bodies in such burials (a variation in the form of a stuffed horse or details of horse equipment), as well as the remains of wooden carts in the traditional perceptions of the Turks not only dedicated to the dead, but also “carrying” the deceased to the afterlife, presumably greatly devalue the role of mythological Charon, dictating the need for a different interpretation of coin semiotics. The article also questions the possibility of attributing such coins as “hoards”. Primarily considering the coin findings as another version of funerary inventories accompanying the deceased, coins should probably be regarded as “money” and “means of payment” designed for use in the afterlife, and only then considered as a numismatic source.

Keywords: Golden Horde numismatics, coins discovered in burials, “Kharon's obol”, coin hoard, coin adornments, grave inventory coins.

Рассматриваемая проблема касается восприятия монетных находок, археологически выявляемых внутри погребальных комплексов эпохи Золотой Орды. В рамках этого научного интереса достаточно длительное время исследователи пытаются найти возможность определения реальной функционально-смысловой нагрузки таких монет, осознанно и преднамеренно помещавшихся в

погребения не только кочевого, но и оседлого населения Золотой Орды, а также соседних с ней приграничных территорий, в систему политико-экономического диктата Золотой Орды не входивших. Дискуссионная и уже имеющая свою собственную, хотя и не очень-то обширную историографию, проблема, вне всякого сомнения, обречена на дальнейшее обсуждение, плодотворность которого видится и в широком подключении к нему других специалистов.

Находки монет, вне зависимости от того, сколько их содержалось в одном погребении, всегда вызвали особое к себе отношение: одно время в специальной литературе разгорелся даже, хотя и непродолжительный, спор: как воспринимать подобные находки, выявленные в результате археологических раскопок? Рассматривать их только как «археологический источник» или же относиться к ним только как к «нумизматическим источникам»? (обзор см.: [42, с. 73]). Позднее, по мере постепенного увеличения количества погребальных комплексов поздних кочевников, стали формироваться разнообразные точки зрения на этот счет, вызвав к жизни несколько вариантов оценок возможного восприятия находок таких монет и из захоронений.

В 2000 г. в обстоятельной статье, специально посвященной интересующей нас проблеме: «Монеты в погребениях Золотой Орды», ее автор Е.М. Пигарёв вполне справедливо указывает на весьма скудный историографический «багаж» работ предшествовавшего времени по интересующей нас проблеме. "Применительно к золотоордынской эпохе, – пишет он, – в археологии этот вопрос не поднимался, а каких-либо специальных этнографических наблюдений, связанных с этим обрядом, не предпринималось" [41, с. 283]. С утверждением можно согласиться лишь отчасти. В качестве примера укажем, например, на несколько научных работ конца 1950-х гг. Среди них – публикация нескольких кочевнических захоронений из Казахстана (долина р. Нуры), в одном из которых было сразу три серебряные монеты XIV в., помещенные в кошелёк [16, с. 257–260]. Автор раскопок уже тогда попытался хотя бы как-то объяснить причины появления указанных монет в захоронении кургана №5: как пишет исследователь, все найденные монеты – чеканки представителей правившей в то время «монгольской династии Джэгатаидов», битых в «Самарканде, Бухаре и Термезе». Автор раскопок предположил даже, что «на всех монетах», якобы, «умышленно было стерто имя хана или иного владельца, от имени которого были выпущены эти монеты» [16, с. 259]. Предположение это, скорее всего, ошибочно: стёртость монет была связана, наверное, с длительностью их хождения в обороте; стёртости, попавшие на место расположения имен ханов - случайность. Главной же особенностью А.К. Маргулан посчитал то, что эти монеты, якобы, «не так сильно отражают влияние ислама, они почти свободны от догматических формул и пышной мусульманской титулатуры, характерной для более позднего времени», и все они «сохраняют языческие знаки собственности (тамга) и орнаментальные изображения ...». Сам же «обычай снабжения умершего деньгами, считал специалист, был характерен, главным образом, для погребений поздних кочевников. Его же возникновение он связывал с «дальнейшим усилением классовых противоречий и первым распространением среди них денег как товара товаров». Не исключая возможность увязки этой традиции с «половецкими и печенежскими захоронениями», исследователь подчеркивает, что данная традиция «имеет место и в погребениях кочевников еще в конце XIV и в начале XV вв.», в это время «встречается еще сильнее», хотя и оказывается сильное противодействие со стороны ислама. Свои наблюдения автор заключал тем, что «курганы поздних кочевников с нумизматическими находками по обычаю и инвентарю очень сходны между собой и имеют много общего» [16, с. 159–160]. Вместе с тем, исследователь отмечал редкость встречаемости монет в кочевнических захоронениях XIII в., связывая это с последствиями монголо-татарского вторжения, нарушившего прежние связи торгово-экономического характера и пр. [16, с. 181].

Наличие тех же самых монет в погребении пытался объяснить и В.Е. Массон, лаконично заметив: «обычай снабжать покойника деньгами еще в XIII-XIV вв. имел в Средней Азии, в языческой среде, несомненно, довольно широкое распространение» [17, с. 265].

Ситуация меняется несколько позднее, на что указывает еще одна публикация казахских ученых. Будет уместным обратиться и к мнению М.К. Кадырбаева и А.З. Бурнашевой. Публикуя «погребение кипчака»¹, в котором оказалось две серебряные монеты [14, с. 48, рис. 4,а-б, с. 49], они определили эти монеты, позволило им отнести захоронение кочевника к первой пол. XIV в.

¹ Сегодня такая этническая атрибуция может показаться ошибочной, поскольку северная ориентировка погребенного, сопровождение захоронения остатками туши барана и пр. – признаки, больше характерные для кочевников-монголов.

Обе монеты, как отмечается в публикации, находились в *разных* частях захоронения: первая из монет была обнаружена «во рту погребенного» [14, с. 44, с. 49]. Вторая монета находилась «в пальцах левой руки» того же погребенного. Вероятно, пишут оба автора, «в момент захоронения она была вложена в руку, а затем ... сместилась к указательному пальцу» [14, с. 44]. Объясняя возможные причины использования монетных находок в погребальной обрядности, исследователи подчеркнули: во-первых, сам этот факт должен восприниматься как свидетельство того, что кочевники были втянуты в систему прижизненных денежных отношений. Во-вторых, нахождение монет «во рту» и «в руке» погребенного исследователи назвали «этнографической деталью погребального обряда», поскольку «положение монеты во рту и в руке погребенного» было «отмечено во многих странах с первых веков н.э. вплоть до недавнего времени». Обряд этот, - продолжают они, - исследователи объясняют по-разному: «в греческой мифологии монеты во рту погребенного служили платой за переправу через реку, разделявшую потусторонний мир от реального. Но такая трактовка обычая едва ли приемлема для племен и народов древнего и средневекового Казахстана, погребальный обряд и религиозные представления которых не имели ничего общего с греческой моделью». В результате «наиболее правдоподобной версией» указанные авторы выбрали точку зрения «Дж. Г. Фрезера, предположившего, что первоначальный обычай класть покойнику в рот какую-либо пищу несколько изменился, во рту стали оставлять деньги, на которые умерший, якобы, мог купить себе эту пищу» [14, с. 52].

В 1974 г. вышла небольшая статья Р.А. Даутовой, посвященная определению функций арабоязычных (преимущественно, золотоордынских) монет в средневековых погребальных комплексах горных зон Чечни и Ингушетии [12, с. 75–78]. Опираясь на археологические материалы указанной ландшафтной зоны, Р.А. Даутова собрала исчерпывающий на тот период список известных случаев нахождения (от 1 до 3-х) монет в каменных ящиках, грунтовых ямах и склепах региона. Как правило, абсолютное их большинство – это монеты Золотой Орды, реже – ильханов Ирана. Все они пробитые, располагались внутри захоронений «под подбородком» или в районе верхней части груди погребенных (почти во всех случаях – захоронения взрослых женщин). Исследовательница предложила трактовать эти находки как «украшения», «амулеты», «обереги» или «талисманы» [12, с. 76–78].

В последующее время, как считает Е.М. Пигарёв, в период до 1990-х годов появлялись работы, в которых учитывались «отдельные монеты, обнаруженные в погребениях», но «которым не придавалось особого значения. Единичные монеты интересовали археологов, прежде всего, как датированный материал» [41, с. 283]. Тем не менее, в научной литературе, на что уже указывалось [32, с. 33], все же появлялись и отдельные публикации, в рамках которых монеты из погребений трактовались различно: в одних случаях они воспринимались только как «обола Харона» («обола мертвых») [36, с. 60–61; 18, с. 119 и др.], что позднее поддержали и другие авторы [2, с. 325–328; 3, с. 291–310]. При этом не исключался еще один возможный вариант восприятия таких монет: как и И.Н. Парусимов [36, с. 60–61], В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов предположили возможность оценки таких монет и как «заупокойного дара» [2, с. 325–328; 3, с. 291–310]. Между тем, расценивая монеты, прежде всего, как один из надежных критериев хотя бы в относительной датировке и определении различных хронологических периодов, этапов и пр. [5, с. 112–125]; была справедливо обоснована и потребность в дифференциации оценок монетных находок: справедливо указывалось на необходимость отдельной оценки монетных находок с равнинно-предгорной зоны («монеты из казны Золотой Орды») и из высокогорья, где такие монеты, как правило – из погребальных комплексов, к тому же, пробитые [6]. Во второй половине 1980-х гг. коллекция монет из погребальных комплексов значительно пополнилась [9, с. 44–46; 28, с. 190–196; 29, с. 66–73 и др.]. Статистическое увеличение монетных находок продемонстрировало и изменение состава монет в погребениях, прежде всего, за счет заметной смены монет по их происхождению. Наряду с золотоордынскими монетами появились монеты грузинской царицы Русудан, грузино-хулагуидские, золотоордынские, хулагуидские [22, с. 5–7] и европейские, включая и одну русскую монету² [9, с. 44–46; 28, с. 190–196; 29, с. 66–73]. Все они из горной зоны, за исключением

² В их список следует включить пока лишь одну русскую монету из высокогорной Чечни (1960 г., склеп №4 у сел. Верхний Кокадой в Аргунском ущелье) [19, с. 250–274]. В.Б. Виноградов, опираясь на точки зрения своих предшественников (Н.Д. Мец и Г.А. Федоров-Давыдов), отметил, что монета «принадлежит чекану Дмитрия Донского (1359–1380 гг.)» [5, с. 71–73 и сл.]. Иные, также немногочисленные русские монеты, но не связанные с погребальными комплексами, на Северном Кавказе происходят из других мест.

всего лишь нескольких монет, пробитые и, как правило, из женских погребений; все они могли попасть в высокогорье различными путями и в связи с конкретными обстоятельствами. Сегодня, к примеру, монеты царицы Русудан, известны не только в высокогорье, но и на равнине и попадали в связи с совершенно разными историческими обстоятельствами [26, с. 78–80]. В высокогорье региона, как представляется, монеты Русудан к горцам попали как часть денежной выплаты грузинской царицей (по данным «Хронографа» XIV в. – «овсам, дурдзукам и горцам тех мест») за поддержку и помощь в военном противостоянии Русудан с Джалал-ад-Дином [33, с. 247–268]. Золотоордынские монеты в горах, как считается – часть военных трофеев из «добыч» горцев, попадавших к ним с золотоордынской равнины [5, с. 112–125; 6, с. 20–34]. Монеты европейские, особенно те, на которых были изображены фигуры исторических личностей в длинных одеяниях, с крестами и пр., вполне могли вызывать у горцев и ассоциации с предметами мелкой христианской пластики [21, с. 42–43]. Другими словами, эта часть монетных находок никак не согласуется с возможностями трактовки их в качестве только «оболов Харона». В каждом таком конкретном случае, как это уже отмечалось не один раз, находки монет из погребений должны оцениваться строго индивидуально [20, с. 32–34; 39, с. 193].

На этом фоне, в 2002 году появилась и статья А.В. Пачкалова, в которой он предложил атрибутировать монеты в погребениях (при условии, что их там не менее 2-х экз.) «кладами» [37, с. 178–210]. Тем самым он разделил идею Г.А. Федорова-Давыдова, изложенную в посмертной его книге «Денежное дело Золотой Орды», хотя и вышедшей через год после указанной статьи А.В. Пачкалова. В разделе книги Г.А. Федорова-Давыдова: «Новые клады золотоордынских монет» исследователь подчеркивал: «По-прежнему я включаю» в такую «сводку не только клады, но и все совместные находки монет, даже если их всего два экземпляра» [45, с. 73]. Тем самым появилась еще одна, альтернативная трактовке монет как «оболов мертвых», версия восприятия монетных находок из погребальных комплексов эпохи Золотой Орды.

Немало интересных, в т.ч. и в отношении монет из системы погребальной обрядности, предположений было высказано и П.Н. Петровым [39, с. 177–206; 40, с. 191–216].

Таким образом, на сегодняшний день нет полного единодушия в оценках исследователей семантического значения монет из погребений; судя хотя бы по приведенным ссылкам, монеты в погребениях воспринимаются следующим образом

- «обол Харона» – «обол мертвых»;
- «заупокойный дар»;
- «клад»;
- «украшения», «талисманы», «обереги» (пробитые монеты).

К какой же из этих версий стоит доверять больше? Для начала вернемся к некоторым наблюдениям Е.М. Пигарёва. В них исследователь сразу же делит все известные ему (учтенные им) находки монет в погребениях Золотой Орды только на две группы: *монеты-украшения* и *«оболы мертвых»*, хотя их оценок немного, и, якобы, они не встречаются в тюркских (? - Авт.) захоронениях [41, с. 283].

Проработанная Е.М. Пигарёвым выборка погребений с монетами на сегодняшний день является пока единственной обобщающей работой. Вся выборка состоит из 214 учтенных им захоронений золотоордынского времени. В 48 случаях, составляющих 22,4% этой выборки, в погребениях находились только медные монеты; в 166 захоронениях – 77,6% выборки содержали только серебряные монеты. Лишь в 6-ти захоронениях (2,8%) – серебряные и медные монеты. Такой разброс монет по мета, наверное, свидетельствует о предпочтительном помещении в погребение се-

Одну монету – «псковскую денгу» XV в., упомянул В.А. Городцов, как происходящую с территории золотоордынского г. Маджара [11, с. 178] и на наш взгляд, датировку В.А. Городцова не совсем обоснованно удревняет А.В. Пачкалов [38, с. 283]. Нельзя исключать и другую возможность, например, в соотношении этой «денги» с псковскими монетами, выпускавшимися с «конца 1424 – по начало 1425 гг.» [10, с. 169–173]. Еще три русские монеты упоминаются в связи с определением состава известного «Петровского» клада монет на Кубани [30, с. 61–66; 31, с. 105–115]. Первая монета – киевского Владимира Ольгердовича [23, с. 25–26]; вторая – Ивана III; последняя монета – Ивана IV, как отмечалось раньше, либо неточно определена, либо же, в составе «Петровского клада» оказалась случайно [31, с. 105–115]. Недавно еще одна русская монета – «Дмитровского князя Петра Даниловича», скорее всего из монетного клада, была зафиксирована в окрестностях Анапы [34, с. 41–44].

ребряных монет [41, с. 283–284]. В принципе, приведенная статистика ясности в интересующую нас проблему не вносит.

По возрастным особенностям сравниваемых погребений с монетами в них, из 214 учтенных Е.М. Пигарёвым случаев 210 захоронений (98%) – взрослые; 4 захоронения (1,9%) – детские. По половой принадлежности 55 погребений (25,7%) – мужские. 49 (22,9%) – женские захоронения с монетами; еще в 110 захоронениях (51,4%), к сожалению, пол погребенных при раскопках не был определен [41, с. 283–284]. Получается, что и данный опыт статистического сравнения демонстрирует нам лишь преобладание монет в захоронениях взрослых людей; чуть больше их в мужских и меньше в женских захоронениях. Но и в этом случае нет никаких оснований воспринимать эти монеты только как «оболы Харона», «заупокойного дара» или «клада». Отсутствие у них пробитых отверстий не дает оснований и для характеристики их в качестве украшений, оберегов или талисманов.

Проделанная исследователем статистическая обработка погребений с монетами позволяет констатировать очевидный факт – отсутствие каких-либо серьезных и предпочтительных доводов в пользу трактовки этих монет только как «оболов». Не позволяет такой вывод сделать и его утверждение о том, что из всех 214 учтенных им случаев фиксации монет в погребениях основная их масса была представлена только золотоордынскими монетами. В этом нет ничего необычного, т.к. статистика проводилась на материалах с территории Золотой Орды. Другое дело – горы Северного Кавказа, где местное население не только не входило в пределы политико-экономического контроля Золотой Орды, не было включено в какую-либо из денежных систем того времени, т.к., по мнению специалистов, у них так и не сложилась система собственных и непосредственных торгово-денежных отношений. Сосуществовали они с владениями Хулагуидов, под политико-экономическим патронажем которых была, к примеру, Грузия, через которую пролегли различные торговые артерии эпохи. Отсюда и разнообразие «иноземных» монет, из Грузии по-прежнему поступающее в высокогорье Восточного Придарьяля, как правило, за такие же военно-союзнические «услуги», формируя не очень заметное статистически, но бросающееся в глаза нумизматическое «разнообразие», сразу же оседавшее там в качестве украшений, талисманов или оберегов. В погребальных комплексах кочевников Золотой Орды такого разнообразия не заметно: только в трех случаях из 214, как подчеркивает Е.М. Пигарёв, было отмечено присутствие «иноземных» монет – «золотой мамлюкский динар Бейбарса», «бронзовая китайская монета» и «медная византийская монета» [41, с. 283–284]. И это тоже понятно: редкая золотая монета Бейбарса и в системе погребального обряда продолжала оставаться золотой, как в качестве украшения, просто «драгоценного предмета», так, возможно, и в качестве «обола». Не совсем понятна ситуация с другой, также редкой, византийской монетой. Что же касается учтенного Е.М. Пигарёвым случая с бронзовой китайской монетой в захоронении, сегодня это уже не единичный случай. Еще одно погребение с китайской монетой было зафиксировано на территории «Грозненской области» (Северо-Западный Прикаспий) [25, с. 241, рис. 7,1]. Эти находки также ставят вопрос о том, могут ли китайские монеты являться такими же «оболами»? Предварительная оценка возможных причин их попадания на Северный Кавказ, а затем и в погребение «монгола»-кочевника, вместе с трактовками других таких же монет, но происходящих из случайных сборов на Маджарах и в Северо-Западном Прикаспии, в свое время вызвало краткое обсуждение (обзор см.: [40, с. 203, прим. 6]. Было высказано даже предположение о том, что монета из погребения «монгола» из Северо-Западного Кавказа, отмеченная в области пояса, вполне могла использоваться и в качестве своеобразной «пуговицы» [40, с. 203, прим. 6], чего, впрочем, исключать нельзя. Вместе с тем, китайские монеты известны и в других захоронениях кочевников-«монголов» на территории, например, Восточного Забайкалья. Там, в одном случае, китайская «монета украшала шапочку ребенка», или, возможно, «была вплетена в его волосы», что не позволяет видеть в ней, к примеру, «обол Харона». В другом погребении такая же монета «могла украшать одежду умершей женщины» [15, с. 79], что тоже не позволяет видеть в той монете «обол мертвых». Китайские монеты из погребений на территории Восточного Забайкалья рассматриваются исследователями в качестве привесных или подвесных украшений, в т.ч. и головных уборов, а так же, как элементы украшения прически. Распространение же таких монет в обиходе средневековых «монголов» Забайкалья, исследователи связывают с их «трофеями» [15, с. 79]. Вполне вероятно, что и на территории Восточной Европы, китайские монеты – точно такие же «трофеи», занесенные сюда монголами еще в годы первой кампании 1220-х гг. [27, с. 64–68]. А это – еще один повод для несколько иного воспри-

ятия монетных находок в системе погребальной обрядности кочевников золотоордынского времени.

Достаточно интересным выглядит и хронологическое распределение учтенных Е.М. Пигарёвым монет. По его подсчетам на «XIII в.» приходится всего лишь «21 погребение с монетами (9,8%)»; на «XIV в. – 134 погребения (62,6%)»; а в «XV в. – 5 погребений», что составляет лишь 2,3%. Погребений, в которых монеты определить не удалось – 54 комплекса (25,2%)». Статистика позволила ему заключить следующее: наибольшее количество погребений с монетами приходится на XIV в., особенно, на период «1340-1360 гг.», что «совпадает с периодом наивысшего расцвета» Золотой Орды [41, с. 284]. Статистика, действительно, любопытна, но насколько реально с этими временными периодами можно увязывать максимальное развитие традиции укладывать в погребения монеты, как «заупокойный дар», как «обол Харона», или же в качестве «клада»? Е.М. Пигарёв совершенно верно связывает пик использования монет в погребениях, приходящийся на апогей денежного обращения в Золотой Орде, что, вероятно, можно рассматривать и в качестве подтверждения наблюдений, высказанных выше. Например, некоторые идеи цитировавшимися выше исследователей – А.К. Маргулана, М.Е. Массона, М.К. Кадырбаева, А.З. Бурнашевой, И.Н. Парусимова, В.А. Бабенко, Ю.Д. Обухова и др. Многие из них считали: монеты из погребений, несмотря на все сложности, не только обладают некоторыми информационными возможностями. Однако, прежде чем попасть в погребения, монеты могли быть изъяты из непосредственного торгово-денежного оборота и, тем самым, могут являться полноценным нумизматическим источником³ (об этом см.: [42, с. 73]). Тогда, надо понимать и то, что в этом случае монеты становятся и источником по изучению специфики местного денежного оборота. Небольшой процент погребений с монетами XIII и XV вв., исторически объяснимы: в первом случае – это могло быть связано с «организационным», а затем – и с «начальным» этапами в этом обращении. XV в., там, где исламизация городского и кочевого обществ шла интенсивно, и здесь мы солидарны с Е.М. Пигарёвым, в погребальном обряде заметно уменьшается, а затем и вовсе исчезают не только монеты, но и другие разновидности сопровождающего инвентаря. Другими словами, в этих случаях нет особых поводов для трактовки «особой» роли монет в захоронении.

Е.М. Пигарёв справедливо указывает и на заметную этнокультурную пестроту населения Золотой Орды,⁴ в т.ч. и той ее части, в которой были зафиксированы интересующие нас монеты. «Пестрота» эта, по его мнению, подтверждается «обилием различных ориентировок погребений ...» [41, с. 284–285]. Такое объяснение, вероятно, подталкивает к мысли о доминирующей («всеобщей»), одинаково характерной для большинства, хотя и разных этнокультурных групп кочевников традиции помещения монет в погребение. Но здесь правы А.К. Маргулан, М.Е. Массон, М.К. Кадырбаев и А.З. Бурнашева, которые в своих рассуждениях справедливо указывали на существование у разноэтничных кочевников *совершенно иных религиозных традиций*. При этом резонно ставился вопрос: насколько в их рамках могла сохраняться эта давняя и изначально «греческая» традиция «обол Харона»? Сохранялась ли она в изначальном, т.е., неизменном виде, или же ее следует рассматривать как некую реминисценцию того обряда, давно адаптированного в местных условиях. Эту же мысль подтверждает, например, система представлений, объясняющая наличие в кочевнических захоронениях сопровождавших их скелетов погребенных вместе с покойником коней. Причем количество погребенных лошадей в кочевнических захоронениях фиксируется от одного до двух-трех скелетов. Такое их количество было характерно не только для Центральной Азии, Алтая или Сибири, но и для Северо-Восточного Причерноморья. Как извест-

³ В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов свой, аналогичный вывод сформулировали не совсем корректно, отметив не роль монет в этом, а «погребений с монетами». По-крайней мере эта мысль прозвучала так: «Появление погребений с монетами позволяет по-новому рассмотреть денежное обращение в округе Маджара» [2, с. 327], без изменений повторив ее и три года спустя [3, с. 302]. На это сразу же среагировал П.Н. Петров, отметивший: «следует уточнить, что речь, видимо, идет о монетном обращении в царстве Аида, а не в округе Маджара. Но это уже за пределами возможности земной науки» [40, с. 198, прим. 3].

⁴ Тезис Е.М. Пигарёва о том, что на сравниваемых им могильниках, монеты не встречались только в погребениях с северной ориентировкой, считающейся, как справедливо пишет Е.М. Пигарёв характерной для средневековых монголов [41, с. 285]. Однако приводившиеся выше ссылки на ряд кочевнических захоронений из Казахстана (в упоминавшихся выше раскопчных материалах А.К. Маргулана, М.К. Кадырбаева и А.З. Бурнашевой), а также отмечавшееся нами погребение с китайской монетой из Северо-Западного Прикаспия – все с монетами, сопровождавшими кочевническими захоронения именно с северной («монгльской») ориентировкой погребенных.

но, помещение коня в могилу кочевника, связывают с его основными прижизненными функциями: конь, прежде всего, – средство транспорта и пища [35, с. 52–53]. Считают, например, что тюркоязычные кочевники нередко практиковали традицию, в рамках которой своего умершего сородича они не только «доставляли к могиле либо в повозке с запряженным в нее конем, либо же, верхом на коне» [35, с. 58]. При этом, функции лошади, погребенной вместе с человеком заключалась и в «доставке умершего на тот свет и служении ему там также, как при жизни на земле. Для этого лошадь была полностью экипирована» [35, с. 75].⁵ Точно таким же средством «доставки» в загробный мир, могли являться и остатки повозок, ныне хорошо известные в кочевнических захоронениях Восточной Европы; погребения с повозками или их деталями ныне наиболее известны на территории Поднепровья. Менее часты они в материалах золотоордынского Поволжья; единичны в Крыму и на Северном Кавказе (обзор ареалов распространения погребений с повозками см.: [47, с. 121]). На этом фоне вполне закономерно встает вопрос о реальности сопоставления монет из погребений с традицией именно «обола Харона», поскольку в мир иной умерший кочевник мог попасть не только благодаря «оплате» услуг перевозчика Харона, а на своей лошади, или же на специально помещенной в захоронение повозке? В религиозных представлениях средневековых мусульман, таким же «средством» перемещения из жизни реальной в загробный мир могли являться мифологические аль-Бораки.

Несмотря на трактовку монет из погребений только как «оболов Харона», целый ряд авторов, на наш взгляд, справедливо обращают внимание и на разную микротопографию расположения монет внутри погребений, правда, ее учет, все же, никак не отражается на их конечных выводах указанных авторов. Представляется, что идея эта не нова, но и не лишена определенного смысла, требуя нового и более внимательного отношения к ней.

Е.М. Пигарёв, например, выделил 6 ситуаций расположения монет внутри захоронений:

- 1: «монета находится во рту погребенного»;
- 2: «монета находилась в районе черепа»;
- 3: «в районе рук»;
- 4: «на груди»;
- 5: «на дне могилы»;
6. «в засыпке могилы» [41, с. 283].

Перечисленные выше все шесть ситуаций положения монет внутри захоронений, вряд ли исчерпывают все, известные к настоящему времени подобные ситуации. Однако продолжает оставаться не совсем понятным: означает ли выявленное внутри погребения разная микротопография расположения монет, действительно подчинена какой-то логике, определенной канонами погребальных обрядов, определявшая подобное разнообразие и подчиненное строгому семантическим смыслам. А они, в свою очередь должны были обязательно указывать на конкретное «обозначение» и восприятие тех или иных монет и их роли в погребении? Другими словами, могла ли та или иная микротопография монет точно указывать: монета «во рту» – «обол Харона», ее местонахождение «в руке» – это тот же «обол мертвых» и т.д.?

С традицией помещения монет внутри захоронений Е.М. Пигарёв связывает и происхождение поминальной раздачи монет у мусульман, практикующейся и поныне [41, с. 285–286], хотя это предположение ныне оспаривают другие авторы [1, с. 176–177].

Возвращаясь к проблеме микротопографии монет в захоронениях эпохи Золотой Орды, необходимо высказать еще несколько замечаний на этот счет.

1. Ситуация: «Монеты во рту» у погребенного. Действительно, именно такое расположение монет у погребенного, в свое время и привело к обоснованию версии об «оболе Харона». Ситуация, археологически, выявлена давно. Самые ранние примеры традиции фиксируются в погребальной практике разноэтничного населения эллинистического мира еще с «конца V–IV вв. до н.э.»; «с IV в. до н.э.» эта традиция «получает повсеместное распространение на Боспоре» [43, с. 435–439]. Со временем, этот обычай стали атрибутировать как «оболы Харона» – своеобразную «плату», если следовать данным греческой мифологии, этому перевозчику душ умерших через речку Стикс в царство Аида. Нередко этого Харона сопоставляют и с более ранним по времени, «этруссским Хаару – демоном, увлекавшим души мертвых в царство теней» [43, с. 435–439]. Меж-

⁵ Аналогичная роль, вероятно, отводилась и ситуациям, когда захоронение кочевника сопровождала не полная туша лошади, а ее чучело, а со временем – и такие изменения в обряде, когда «присутствие» лошади символизировало лишь наличие в захоронении только деталей конского снаряжения.

ду тем статистика учтенных случаев сопровождения погребенных античными монетами, например, для IV в. до н.э., демонстрирует довольно заметный численный «разброс» в использовании этой традиции. На разных памятниках Боспора таких случаев зафиксировано от 70 до 10% на некрополях различных городов, что демонстрирует, видимо, то, что «среди части населения были распространены иные взгляды на момент «перехода» из жизни после смерти, где места для Харона-перевозчика не было» [43, с. 435–439]. В сравнении с такой точкой зрения, «перенос» идеи на средневековые материалы, выглядит не вполне и не всегда правдоподобно. Несколько «смущает» нас и то, что иноэтничная традиция, несмотря на широкую географию и длительный временной диапазон, смогла не только прочно войти в религиозный обиход кочевников. Однако вновь вернемся к выделенным специалистами вариантам расположения монет внутри средневековых захоронений кочевников.

Ситуация 1 – местонахождение монеты «во рту», как наиболее адекватно соответствующей версии с «оболом Харона», на мой взгляд, по крайней мере в известных случаях золотоордынского времени, не всегда убеждает в реальности именно такого определения первоначального местоположения монет. Ссылаясь на личный раскопачный опыт, хотя неоднократно приходилось сталкиваться с таким положением не монет, а других предметов – крупных бус, раковин каури или различных привесок. Они, являясь составной частью низки украшений, которые, скорее всего, изначально были нанизаны на короткую нить («веревочку»), обеспечивавшую, наверное, весьма высокое расположение всей низки на шее. В конечном итоге, после смещения нижней челюсти погребенного вниз или вбок, часть украшений таких низок, на момент раскопок оказывалась как бы «во рту», хотя на самом деле, речь должна идти об их положении «под нижней челюстью», «под подбородком» и т.п. Наличие отдельных монет или же, сразу нескольких монет без пробитых отверстий примерно в таком же положении, могло означать, что изначально такие монеты вполне могли находиться, например, в матерчатой «сумочке», в «лоскуте ткани», в «шейной повязке», в «кошеле», к моменту исследования погребения полностью истлевших. В других случаях, когда это позволяла сохранность скелета погребенного, монеты фиксировались «на груди погребенной, под халатами», где было отмечено сразу 6 непробитых серебряных монет, находившихся «в матерчатом кисете» [4, с. 105]. Если бы остатки указанных халатов и сумочки не сохранились, положение монет на скелете воспринималось бы совсем по-другому. Таким образом, изначально помещение непробитых монет внутрь матерчатых изделий, после их гниения и смещения нижней челюсти, как правило, вполне может создавать иллюзию нахождения монет «во рту», или же обеспечивая их нахождение в верхней части туловища погребенного.

Аналогичным образом, реально вести речь и о сознательном вложении монеты «в руку» лишь тогда, когда кисть руки с монетой была преднамеренно сжата «в кулак». В остальных случаях остается большая доля сомнения в том, где же на самом деле монета первоначально была положена. Особенно этот вопрос возникает тогда, когда в описании захоронения отсутствует подробное описание положения самой руки (у плеча, на груди, на поясе, вдоль бедра и пр.). Такая информация может дать дополнительные сведения в определении возможного места изначально размещения монеты. Таким образом, в принципе, не исключая возможности трактовки отдельных монет в качестве «оболы мертвых», хотя в таких случаях необходима серьезная аргументация, мы склоняемся к следующему. Находки монет в погребении (как пробитых, так и непробитых), несомненно, наделялись какой-то, вполне конкретной семантикой и семиотикой. Но какой именно, сейчас утверждать сложно. Прежде чем попытаться высказать свои наблюдения на этот счет, рассмотрим еще одну версию атрибуции монет внутри захоронений, которая ныне предлагает воспринимать их не иначе, как «клады».

Выше мы уже указывали на то, что данная версия Г.А. Федорова-Давыдова, несмотря на хронологию ее публикаций, была «реанимирована» А.В. Пачкаловым. Версия касается ситуаций, когда в погребении находят сразу не менее «двух монет». А.В. Пачкалов, сделав подборку таких примеров, весьма резко увеличил количество известных «кладов» золотоордынского времени на территории Восточной Европы [37, с. 178–210]. В числе таких, совершено «новых кладов» оказалось и несколько монетных находок с территории Северного Кавказа, интересующих нас в первую очередь. Один из таких «кладов», состоявший, якобы, из «трех золотоордынских дирхемов Пулада», битых в Хаджи-Тархане, А.В. Пачкалов локализует близ сел. Верхний Алкун [37, с. 178, №5, 55]. В этом случае он подразумевает разрушенное воинское захоронение, в котором, на са-

мом деле, было не три, а только две монеты [46, с. 131], которые, в первую очередь являлись остатками сопроводительного погребального инвентаря.

В еще одном случае А.В. Пачкалов указывает на другой «клад» из высокогорной Ингушетии – из склепа №128 Шуанского могильника «Мохде», в котором, действительно, было выявлено сразу пять медных монет [37, с. 178, №5, 56]. Следуя его логике такого «определения» статуса находок монет, речь можно было бы вести не об одном, а сразу о двух «кладах», поскольку монеты отсюда были сосредоточены двумя группами на разных уровнях (в разных «слоях») склепового заполнения. Все пять монет были пробитые, т.е., с отверстиями для привешивания [13, с. 15–71]. А это позволяет воспринимать монеты, в большей степени, как «украшения», «талисманы», «обереги» или «амулеты».

Не менее спорно и сопоставление с «кладом» нескольких золотоордынских монет из Верхнего Чегема, в Кабардино-Балкарии [37, с. 178, №6, 57]. Как известно, данный «клад» представлял собой монисто, долгое время хранившееся в частной коллекции и включавшее в себя, в основном, монеты XVIII в., среди которых было и несколько джучидских [7, с. 75–85; 8]. Как, откуда и когда золотоордынские монеты попали в состав данного монисто, неизвестно, хотя подобная практика включения в украшение-монисто монет более раннего времени, не редкость [20, с. 32–34]. Но в любом случае, и эти пробитые монеты, вряд ли можно рассматривать только как «клад». Аналогичным образом несколько захоронений из высокогорной Чечни, в инвентаре содержали по две монеты, были включены в число таких же «кладов» Г.А. Федоровым-Давыдовым – монеты из склепа у сел. Бугарой [45, с. 90, № 118б], ныне уже не «Советского», как указано, а Шатойского района Чечни. Там же упомянуты по две серебряные монеты из захоронений могильников Ватан-Корт и Ушкалой, [45, с. 90, №118в–118г], хотя этот перечень далеко не исчерпывает всех других, аналогичных случаев фиксации пробитых монеты в горной зоне Чечни и Ингушетии, оказавшихся вне поля зрения указанных авторов. Идея с «кладами», в принципе понятна, поскольку Г.А. Федоров-Давыдов, скорее всего, под такими «кладами» подразумевал лишь возможности информационного содержания, не больше.

А.В. Пачкалов, называя такие ситуации «кладами», также ничего не объясняет, хотя, как представляется, он также не подразумевает возможность «сокрытия» большей части перечисленных им «кладов» в захоронениях, что выглядело бы абсурдом. Если брать в расчет механизм «образования» многих монетных кладов, которые специалистами-нумизматами связываются с возникновением каких-то экстремальных ситуаций, перед лицом опасности и пр. Именно в таких условиях владельцы тех или иных денежных средств стремятся их спрятать (уберечь) в надежде на последующее возвращение к месту спрятанного клада, чтобы извлечь его из земли и вновь воспользоваться теми денежными средствами. Сама идея возможности сокрытия таких «кладов» внутри захоронений, мягко говоря, сомнительна. Это заставляет думать, что и А.В. Пачкалов под выделяемыми им «кладами» подразумевает также, лишь информационные возможности монет из погребений, как полноценных нумизматических источников, прежде чем попасть в погребение, изъятых из непосредственного торгово-денежного оборота.

На выше представленном фоне закономерно возникает вопрос: насколько реально такое сопоставление монет из погребений с «кладами»?

Пытаясь найти приемлемые ответы на поставленные выше вопросы, связанные с трактовками монет из погребальных комплексов, наверное, стоит напомнить давнюю точку зрения нумизматов, еще в 1960-х гг. споривших о статусе монетных находок из археологических раскопок. Среди них была и точка зрения польского нумизмата Р. Керсновского. Касаясь, правда, монетных находок эпохи раннего средневековья, нумизмат еще в 1965 г., подчеркивал необходимость тесной кооперации усилий археологов и нумизматов, предлагая рассматривать археологические находки монет, прежде всего, как *вещественного источника* и только после этого, как источника нумизматического [42, с. 73].

Действительно, если относиться к любому закрытому погребальному комплексу, в т.ч. и с монетами, как отражению комплекса религиозных взглядов, воззрений и традиций населения, совершившего то или иное захоронение, все предметы из них, включая и монеты, помещались в захоронение, отнюдь не случайно и не хаотично, располагая их в какой-то определенной последовательности и строго отведенном месте и пр. Каждый из таких предметов погребального инвентаря нес какую-то, строго определенную смысловую и, как правило, понятную всем, присутствовавшим при погребении, нагрузку, преследуя одну цель – не только сопровождения умершего в мир

иной, но и для служения ему в загробном мире. В этом смысле и монеты, после того, как умерший будет перенесен в загробный мир его лошастью или на предназначенной для этого повозке, мог воспользоваться и сопровождающими его «деньгами» - одной или несколькими монетами? Другими словами, как и в реальном мире, использовать монеты для повседневных нужд и запросов.

Таким образом, ставя под определенные сомнения возможность восприятия монетных находок в погребальных комплексах золотоордынского времени только как «оболов Харона» или как «кладов», нам представляется, что такие монеты помещались в захоронения, как и другие предметы повседневного обихода в прямой зависимости от этнических традиций, прижизненного социального статуса и экономических возможностей погребаемого. В этом смысле монеты, сопровождавшие умершего, как и при его жизни, должны были играть ту же самую роль и в загробном мире. Помещение монет в «шейный платок», просто в лоскут ткани, «кошель», «сумочку», а иногда, в «шкатулку» или в «сапог», как это зафиксировал В.А. Городцов на Маджарах, зависело от множества факторов, не исключавших к тому же и убеждения в «надежном укрытии» таких монет. По крайней мере, сегодня есть все основания полагать: версия с «оболом Харона» по отношению к монетам эпохи Золотой Орды, вряд ли исчерпывающая, хотя как реминисценция давних и изначально чуждых, когда то заимствованных элементов обрядов, со временем, могла существовать, причем, как «наслоиться» на другие элементы погребальных обрядов. Однако это могло быть связано и с изначальным прагматизмом, предусматривавшим возможность использования утилитарных функций монет и в системах погребальных обрядов, направленных на «подготовку» погребаемых сородичей к условиям «второй» их «жизни», но уже в условиях загробного мира. С течением длительного времени, сама традиция продолжала сохраняться и проявляется и в настоящее время. На примере Казахстана это отмечали М.К. Кадарбаев и А.З. Бурнашева; на примере современного Дона – это отмечает И.Н. Парусимов. Эта же традиция является характерной и для других регионов Юга Восточной Европы⁶.

Таким образом, по-прежнему рассматривая затронутую проблему в качестве открытой. Все-таки, мы считаем: в основе этой традиции кочевников Золотой Орды был мог быть заложен не столько принцип «обола Харона», сколько то, что монеты в системе погребального обряда играли свою прямые и непосредственные функции «денег», которые, как и иные предметы погребального инвентаря. В совокупности с ними, монеты могли бы способствовать не только привычному, по прижизненным меркам, «обустройству» в мире ином, но и «продолжению» там этой жизни в «привычном» (как при жизни земной) статусе. Конечно же, затронутая вновь проблема требует дальнейшего расширения исходной (источниковой) базы и новых, вероятно, коллективных обсуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимовский С.Ю.* Золотоордынские погребения с монетами // XXXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (Пермь, ПГПУ 31 января – 4 февраля 2007 г.). Пермь: ПГПУ, 2007. С. 176–177.
2. *Бабенко В.А., Обухов Ю.Д.* Монеты в погребениях Маджара и его округа // Материалы III международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: АГУ, 2010. С. 325–328.
3. *Бабенко В.А., Обухов Ю.Д.* Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного населения Северного Кавказа. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: «Памятники исторической мысли», 2013. С. 291–310.
4. *Васильев Д.В.* Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Отв. ред. В.И. Мамонтов-Волгоград: ВолГПИ, 1998. С. 101–112.

⁶ Еще в конце 1980- нач.1990-х гг. мы сталкивались с проявлением этой традиции в погребальной практике современных потомков терско-гребенского казачества на Тереке. Там, в нескольких казачьих станицах, при совершении захоронений, пожилые женщины, отвечавшие за подготовку всего церемониала похорон, в обязательном порядке рекомендовали помещение в гроб (вариант: в карман брюк усопшего), медную монету, как правило – 3-х или 5-ти копеечного достоинства. На вопрос о причинах такой потребности и ее семантике, ответ всегда был один и тот же: «потому, что так делали еще наши прабабушки!».

5. *Виноградов В.Б.* Нумизматические материалы в проблеме хронологии периодизации в позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / Отв. ред. М.М. Блиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1985б. С. 112–125.
6. *Виноградов В.Б.* Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982. 98 с.
7. *Виноградов В.Б., Денпуева А.Б.* Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1987. С. 75–85.
8. *Виноградов В.Б., Денпуева А.Б.* Старинные монеты-свидетели прошлого. Нальчик: «Эльбрус», 1990. 80 с.
9. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных)» / Под ред. В.В. Джапаридзе. Тбилиси: «Мецниереба». 1988. С. 44–46.
10. *Гайдуков П.Г.* Псковские монеты XV в. // Десятая ВНК: Москва, 15–20 апреля 2002 года. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 169–173.
11. *Городцов В.А.* Результаты археологических на месте развалин Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове. Т. III. М., 1911. С. 163–208.
12. *Даутова Р.А.* Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1974. С. 75–78.
13. *Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По раскопкам Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИНИИИСФ, 1989. С. 15–71.
14. *Кадырбаев М.К., Бурнашева А.З.* Погребение кипчака первой половины X I V в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, отделение Каз ССР, 1970. С.42–53.
15. *Ковычев Е.В.* Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. С. 73–79.
16. *Маргулан А.К.* Раскопки погребения воина X I V века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т.7–Археология / Отв. ред. М.Е. Масон. Алма-Ата, 1959. С. 248–261.
17. *Масон М.Е.* Серебряные монеты XIV в. из погребений могильника в бассейне р. Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т. 7 – Археология / Отв. ред. М.Е. Масон. Алма-Ата, 1959. С. 262–265.
18. *Мамонтов В.И., Ситников А.В.* Курганный могильник у хут. Степной // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГПИ, 1998. С. 113–124.
19. *Марковин В.И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 250–274.
20. *Нарожная Ф.Б.* Еще раз о находках монет XIII–XVI вв. в погребальных комплексах Северного Кавказа // Шестые чтения по археологии Средней Кубани. Тезисы конференции / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 1999. С. 32–34.
21. *Нарожная Ф.Б.* Нумизматические находки Северного Кавказа и христианство // Христианству-2000 лет. Тезисы региональной конференции / Отв. ред. С.Л. Дударев. Армавир: АГПИ, 2000. С.42–43.
22. *Нарожная Ф.Б.* Монеты Ильханов XIII–XIV вв. в горах Чечни и Ингушетии // На стыке гор и равнин: проблемы взаимодействия. Материалы преподавательско-студенческого заседания / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 2000. С. 5–7.
23. *Нарожная Ф.Б.* О монете Владимира Ольгердовича из состава «Петровского» клада монет на Кубани // Седьмые чтения по археологии средней Кубани (Краткое изложение материалов) / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 2000. С. 25–26.
24. *Нарожный Е.И.* Монеты грузинской царицы Русудан на Северном Кавказе в контексте событий пер. пол. XIII в // Историческое регионоведение – вузу и школе. Материалы V Региональной конференции / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Славянск-на-Кубани. СФ. АГПИ, 1997. С. 23–25.
25. *Нарожный Е.И.* О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ, 2005. С. 226–243.
26. *Нарожный Е.И.* О специфике денежного обращения на Северном Кавказе в первой трети XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург-Гатчина 16–21 апреля 2007 года. Тезисы докладов и сообщений. СПб: ГЭ. 2007. С. 78–80.
27. *Нарожный Е.И.* О находках китайских монет XIII века на территории Северного Кавказа // Вестник АН ЧР. 2015. № 4 (29). С. 64–58.

28. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию. Б.Н. Воронова. (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 190–196.
29. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Нумизматические материалы XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань. «ФАН», 2012. С. 66–73.
30. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* О «Петровском кладе» на Кубани // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету. Вип. 20: Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи, 2014. С. 61–66.
31. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* «Петровский» монетный клад на Кубани: некоторые итоги и перспективы изучения // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №5. С. 105–115.
32. *Нарожный Е.И., Охонько Н.А.* Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (Серия: МИА Северного Кавказа. Вып. 7). Армавир-Ставрополь: РИЦ АГПИ, 2007. 228 с.
33. *Нарожный Е.И., Цуциев А.А.* Северный Кавказ в период с 1222 года по конец 1230-х гг. (по грузинским монетным находкам) // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2016. № 6. С. 247–268.
34. *Новичихин А.М.* Находка русской монеты XV века на Северо-Западном Кавказе // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко. Вып. 4 / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир – Отрадная, 2016. С.41–44.
35. *Нестеров С.П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1990. 143 с.
36. *Парусимов И.Н.* Еще раз об «оболе Харона» // Античные цивилизации и варварский мир. в Подонье-Приазовье (Тезисы докладов) / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск. 1987. С. 60–61.
37. *Пачкалов А.В.* Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV: Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород (Москва): «Информэлектрон». 2002. С. 178–210.
38. *Пачкалов А.В.* Иноземные монеты на Маджарском городище // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Тезисы докладов. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 283–286.
39. *Петров П.Н.* Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (1) // Золотоордынское обозрение. 2013. №1. С. 177–206.
40. *Петров П.Н.* Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (2) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 191–216.
41. *Пигарёв Е.М.* Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДГУ, 2000. С. 283–301.
42. *Потин В.М.* Введение в нумизматику // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXVI: Нумизматика. Вып.6 / Отв. ред. В.М. Потин. Санкт-Петербург: «Искусство», Ленинградское отделение, 1986. С. 69–162.
43. *Сударев Н.И., Болдырев С.И.,* 2009. «Обол Харона» как археологический термин // Боспорские чтения. Вып. X: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 435–439.
44. *Тменов В.Х., Цуциев А.А.* Некоторые дополнительные данные об алано-грузинских связях XIII–XIV вв. (Грузинские монеты в склепах Дзивгиса) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24–26 апреля 2003 г.) / Отв. ред. А.А. Кудрявцев. Ставрополь: СГУ, 2003. С. 86–89.
45. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: «ПАЛЕОГРАФ», 2003. 352 с.
46. *Чаккиев Д.Ю., Нарожный Е.И.* Погребение знатного горского воина нач. XV в. из с. Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худякова и Ю.А.Плотникова. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1990. С. 129–140.
47. *Чаидзе В.Н.* Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из степного Прикубанья // МИА Северного Кавказа. Вып.10 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир, 2008. С. 118–138.

Информация об авторе:

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист Непубличного акционерного общества «Наследие Кубани» (Краснодар, Российская Федерация); zai_ein@mail.ru

About the Author:

Narozhnyi Evgeny I., Doctor of Historical Sciences, Honoured Cultural Worker of Kuban, Chief Specialist of Non-Public Joint-Stock Company “Nasledie Kubani” (Krasnodar, Russian Federation); zai_ein@mail.ru

МОНЕТЫ ХАДЖИ-ТАРХАНА И САРАЯ КОНЦА XIV ВЕКА

Р.Ю. Савоста

LATE 14TH CENTURY XACITARXAN AND SARAI COINS

Исторический музей «Изначалье»

Статья посвящена изучению джучидских серебряных монет Хаджи-Тархана конца XIV вв. с помощью поштемпельного анализа. Собранный нумизматический материал рассмотрен в хронологической последовательности. Построены схемы штемпельных связей серебряных монет султана Махмуда с амиром Тимуром чеканки Хаджи-Тархана, дангов хана Тимур-Кутлуга, выпущенных в Сарае, Хаджи-Тархане и без указания МД (монеты без выпускных сведений, с калимой), в том числе, проведен анализ группы монет конца XIV века с «неясным именем». Обнаружены именные данги хана Токтамыша, выпущенные в 799–800 гг.х. после второго похода амира Тимура на Орду, и штемпельные связи между этими дангами и монетами Тимур-Кутлуга. Кроме того, выявленные штемпельные связи между дангами и медными монетами позволили установить датировку нескольких выпусков пулов Хаджи-Тархана. Изучена метрология рассматриваемых монет. Нумизматические данные подтвердили, что Хаджи-Тархан находился под властью амира Тимура, а Тимур-Кутлуг овладел Сараем и Хаджи-Тарханом вскоре после ухода амира Тимура из Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, Джучиды, Сарай ал-Джадида, Хаджи-Тархан, XIV век, нумизматика, данг, пул, хан Токтамыш, Тимур-Кутлуг, амир Тимур, штемпельные разновидности, монетный двор.

The article considers a study of Juchid silver coins from Xacitarxan dated late 14th century conducted with the use of stamp analysis. The collected numismatic material is considered in chronological order. Diagrams of stamp relationships between the silver coins of sultan Mahmud and amir Timur of Xacitarxan coinage, dangs of khan Timur-Kutlug issued in Sarai, Xacitarxan and those with no place and date indication (coins without issuing data with a kalimah) were plotted, and an analysis of coins with an "unclear name" dated late 14th century was conducted. Dangs bearing the name of khan Toktamish issued in 799–800 A.H. after the second campaign of Amir Timur against the Horde have been discovered, and the stamp relationships between these dangs and the coins of Timur-Kutlug were determined. In addition, the identified stamps relationships between dangs and copper coins allowed to date several issues of Xacitarxan pul. The metrology of the coins in question was studied. The numismatic data confirmed that Xacitarxan was under the rule of amir Timur, and Timur-Kutlug gained control over Sarai and Xacitarxan shortly after the departure of amir Timur from the Horde.

Keywords: Golden Horde, Juchids, Sarai al-Jadid, Xacitarxan, 14th century, numismatics, dang, pul, khan Toktamish, Timur-Kutlug, amir Timur, stamp varieties, mint.

Второй поход амира Тимура на Золотую Орду, безусловно, имел тяжелые последствия для территорий, которые подверглись разграблению и разрушению. Некоторые города отстраивались на новом месте. Восстановление хозяйства происходило медленно. Нарушилось движение по торговому пути на Восток и обратно. Не было в это время денежного выхода и из русских княжеств. Как обстояло дело с выпуском новых монет в Нижнем Поволжье, и был ли кто-то нуждающийся в этих выпусках в то время? Изучение нумизматического материала последних лет XIV века очень непростая задача. Клады этого времени содержат монеты, выпущенные до прихода Тимура в Золотую Орду – монеты Токтамыша до 797 г.х. включительно, в том числе, спрятанные населением во время наступления войск Тимура.

Опираясь в изучении на одиночные находки монет, тем не менее, открывается значительная картина быстро восстанавливающегося монетного производства в 798–799 гг.х. С помощью метода штемпельного анализа определяется последовательность монетных выпусков, а также может уточняться ход некоторых исторических событий. В этой работе мы постарались изложить информацию обо всех штемпельных парах монет, выпущенных в Нижнем Поволжье в период второй половины 797–799 гг.х., и последующих выпусков Сарая и Хаджи-Тархана 800–801 г.х., которые нам удалось зафиксировать на настоящий момент.

I. Хаджитарханские монеты султана Махмуда и амира Тимура

Выпуск монет амира Тимура в Хаджи-Тархане – единственный случай чеканки монет в Хаджи-Тархане не от имени Джучидских ханов. Впервые такая серебряная монета опубликована В.П. Лебедевым в 2000 году [7, с. 12]. Изучение 12 экземпляров монет дало возможность сделать прорисовки штемпелей и построить схему штемпельных связей¹, представленную на рис. 1. Все монеты имеют одинаковую легенду и отличаются незначительными деталями в ее компоновке и картушах.

Легенды штемпелей лицевой (Л.с.) и оборотной сторон (О.с.) монет султана Махмуда и амира Тимура:

№ штемпеля	Сторона монеты	Монетная легенда
A1 – A3	Л.с.	سلطان/محمود يرلغی/امیر تیمور/کورکان
A4	Л.с.	[سلطان]/محمود ير/لغی امیر تیمور[/کورکان]
P1-P2, P4-P6	О.с.	В центре поля: عادل Кругом: ضرب فی حاجی ترخان
P3	О.с.	В центре поля: عادل Кругом: ضرب فی حاجی خان (!)

Сведения о количестве учтенных монет и их метрология приведены в таблице 1. Порядковый номер в табл. 1 совпадает с номером монеты в фототаблице 25/1–7.

Таблица 1

Метрология монет султана Махмуда с амир Тимуром в Хаджи-Тархане

№	Штемпельная пара	Учтенное кол-во, экз.	Вес, г	Диаметр, мм	Источник информации
1	A1–P1	1	1,00	15	Z/93835
2	A1–P2	1	1,06	–	Личный архив фотоизображений
3	A1–P3	3	0,98 1,01 1,03	– 16	Личный архив фотоизображений
4	A2–P4	1	1,09	–	Личный архив фотоизображений
5	A2–P5	1	–	–	[7, с.18]
6	A3–P5	1	1,06	14–15	Z/47615
7	A4–P6	4	1,01 1,01 1,05 1,2	–	Личный архив фотоизображений Z/165975 Z/167812

¹ Схема штемпельных связей – это несколько разрозненных штемпельных сеток и отдельных монет, объединенных сразу по нескольким признакам: общее место выпуска; ограниченный период времени, в течение которого этот выпуск осуществлен; один и тот же эмитент, указанный на монетах. Часто монеты, отвечающие перечисленным признакам, имеют одинаковую стилистику исполнения, общность монетных легенд, или имеют признаки постепенного перехода в смене от одного типа монет к другому.

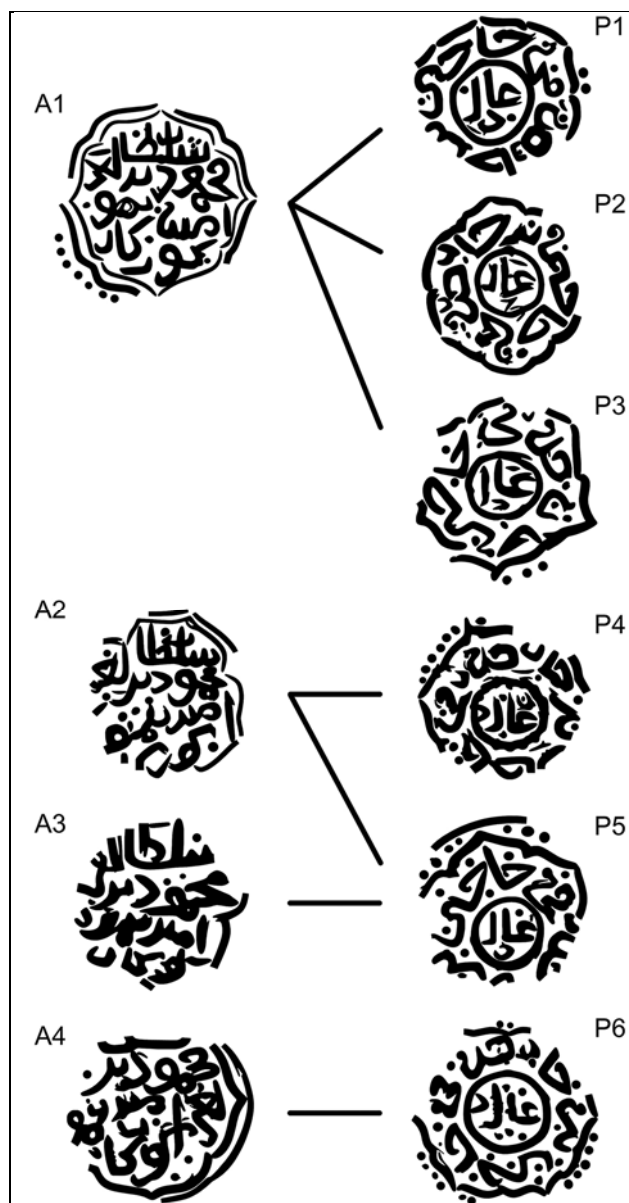

Рис. 1. Реконструкции² штемпелей серебряных монет (с именами султана Махмуда и амира Тимура), битых в Хаджи-Тархане

Средний вес 11 экземпляров 1,045 г. Средний вес 9 экз. (без двух крайних значений 0,98 и 1,2) составляет 1,036 г. По количеству преобладают монеты с весом 1,01 и 1,05–1,06 г. Вес монет амира Тимура примерно на 10% ниже веса дангов, выпущенных в Хаджи-Тархане от имени хана Тимур-Кутлуга. Время выпуска этих монет определяется интервалом: вторая половина 797 – начало 798 г.х. Амир Тимур занял Хаджи-Тархан еще в начале похода: «Из более раннего списка «Повести о нашествии Тимура булгарам», каким является список британского музея (XVII в.), видно, что Тимур, прежде чем идти на Булгар, «захватил после боя город Ашдрахан (т.е. Астрахань) и стал держать дорогу на север, на Булгары»» [13, с. 165]. Разрушив Булгарские города, войска Тимура остановились в столичном Сарае. Здесь, по указанию Тимура, царевич Куюрчак-оглан (сын Урус хана) был провозглашен ханом Золотой Орды [13, с. 166].

Монеты, выпущенные от имени хана Куюрчака, не известны. В это время в Сарае выпущен анонимный данг, а штемпель лицевой стороны этого данга также использовался для чеканки пулов Хаджи-Тархана (подробнее см. VI раздел статьи). Зимой 798 г.х. город Хаджи-Тархан уже отказывается подчиняться указаниям амира Тимура: «Когда Омар-и-Табан, один из слуг Тимура,

² Все рисованные реконструкции в этой работе выполнены со штемпельной точностью.

который согласно приказу занимался управлением Хаджи-Тархана, заметил проявления враждебности со стороны тамошнего старшины (калантар) Мухаммеда и доложил об этом у подножия высочайшего трона, то Тимур обратил высокое внимание на разрушение и уничтожение Хаджи-Тархана и Сарая <...> Выселив всех жителей Хаджи-Тархана, город зажгли, и Тимур с войском вернулся на зимовье» [15, с. 184]. У Шереф ад-Дина Йезди нет описания того, как горели ледяные крепости и глиняные землянки, покрытые снегом. О необходимости критического подхода при использовании текстов восточных авторов предупреждает Е.Ю. Гончаров [3, с. 190]. По мнению М.Г. Сафаргалиева «разрушения были настолько велики, что восстановить город на старом месте оказалось невозможным. Оставив старый город в развалинах, жители построили город на другом месте – на левом берегу Волги, недалеко от нынешней Астрахани» [13, с. 169]. Иосафат Барбаро говорит о Хаджи-Тархане 40-х годов XV века, как о полуразрушенном городе, который пришел в упадок из-за потери торговых связей [14, с. 157]. Утрата важного торгового пути из Востока на Запад была тяжела для города, но, вместе с тем, нам известно, что в течение первых десятилетий XV в. город вел активную экономическую жизнь. Монетное производство в Хаджи-Тархане не уступало по объемам другим золотоордынским монетным центрам. Известно, что монеты этих десятилетий многочисленны и разнообразны [11]. Вопрос же о местонахождении города Хаджи-Тархана в XV в. не может быть решен в рамках этой статьи, поскольку это самостоятельная и требующая специального исследования тема.

Вернемся ко второй половине 797 – началу 798 гг.х. После ухода войска амира Тимура из Золотой Орды в Сарай и Хаджи-Тархане возобновился выпуск монет, теперь уже от имени хана Тимур-Кутлуга.

II. Данги хана Тимур-Кутлуга чекана Сарая ал-Джадида

Группа монет с «неясным именем» была представлена Е.Ю. Гончаровым на 9-й ВНК [2, с. 73]. Автор доклада оставил нерешенными следующие вопросы: прочтение легенды на монетах, датировка, нахождение возможных связей этой группы монет с другими монетными выпусками. Для решения этих задач нами сделаны прорисовки всех штемпелей, обнаруженных на монетах данной типологической группы. Оказалось, что похожие штемпеля лицевых сторон использовались в работе со штемпелями оборотных сторон, помеченных наименованиями двух монетных дворов и без указания монетного двора. В чеканке Сарая ал-Джадида выявлено 2 штемпеля Л.с. и 1 штемпель О.с. (прорисовка штемпелей выполнена на основе изучения 11 экз. монет); чеканка Хаджи-Тархана – 2 штемпеля Л.с. и 3 штемпеля О.с. (16 экз. монет); а также 8 штемпелей Л.с. и 10 штемпелей О.с. для чеканки монет с калимой и без выпускных сведений – назовем их продукцией б/МД (без монетного двора) (55 экз. монет) (см. фототабл. 25/8–12; 26/13–18).

Восстановленные рисунки штемпелей лицевой и оборотной сторон монет, представленные на рис. 2 облегчают прочтение монетных легенд.

Монетные легенды написаны небрежно, харфы переданы в значительной части искаженно. Каждая из трех строк легенды Л.с. имеет свои особенности, затрудняющие чтение. Особенность первой строки – перед словом *ас-султан* стоит лигатура из двух букв – (؟) يا³.

Вторая строка содержит имя эмитента Тимур-Кутлуга, в котором первое слово имени Тимур приведено без харфа *вав* (=Тимур). Во второй части имени харф *та* в конце поднимается вверх так, что напоминает лигатуру с харфом *алиф* и формально может быть передано так: (!) قتالغ . Тем не менее, на штемпеле с наименее искаженной надписью (рис. 2/№5) эта вторая часть имени написана – قتالغ . Такие искажения в написании имени на штемпелях рассматриваемой группы монет обнаружены на продукции трех монетных дворов. На монетах других монетных дворов такая форма написания имени не зафиксирована.

³ Возможно, резчиком штемпелей использован такой графический прием: «лигатура» в начале строки является зеркальным отражением харфа *лям* (находящегося в конце строки) и помещается в начале строки для симметрии (часто применявшийся в оформлении монетных легенд прием средневековых монетных мастеров-резчиков).

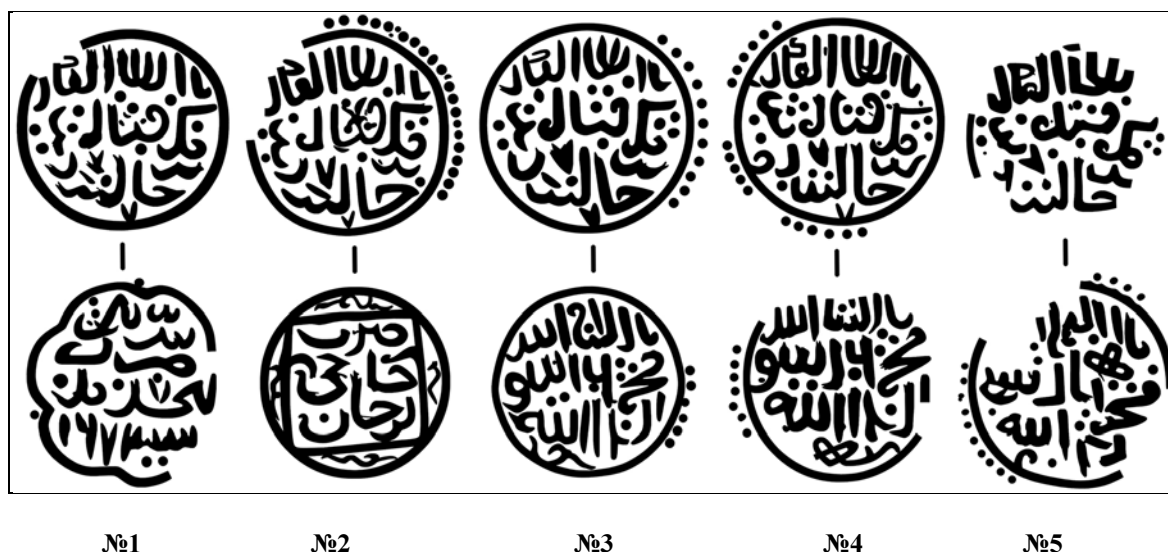

Рис. 2. Реконструкции штемпелей дангов выпусков: Сарая ал-Джадида, Хаджи-Тархана и б/МД.

Известны данги с именем хана Тимур-Кутлуга 794 г.х., битые в Сарае после первого похода амира Тимура на Золотую Орду⁴. Во время этого похода амир Тимур и Тимур-Кутлуг были союзниками⁵. На монетах 794 г.х. имя Тимур-Кутлуга зафиксировано без искажений. На дангах Тимур-Кутлуга, выпущенных в Азаке, имя Тимур также изображено без *вав* (=Тимур) [4; 10, с. 356] (см. рис. 3).

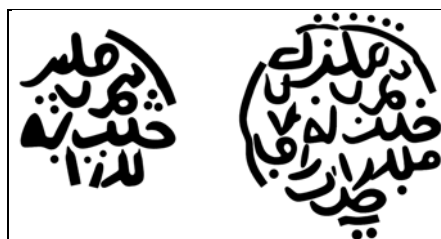

Рис. 3. Штемпели Л.с. азацких дангов хана Тимур-Кутлуга

Надписи сильно искажены. После изучения всех штемпелей Л.с. группы монет с «неясным» именем, можно сделать следующие выводы: 1. компоновка легенды на всех штемпелях одинакова; 2. не наблюдается постепенной деградации в написании легенды и, в частности, в написании «неясного» имени; 3. легенда читаема; 4. качество изготовления штемпелей не дает возможности сомневаться в достаточной квалификации их изготовителя.

Подобная ситуация повторяется через 20 лет, группа монет чекана Бик-Базари с искаженными и трудно читаемыми легендами имеет штемпельную связь с монетами чекана Сарайчука хана Дервиша [11, с. 44]⁶.

Монеты, выпущенные в Сарае, входят в штемпельную сетку с дангами хана Тимур-Кутлуга (см. рис. 4).

⁴ См., например, монету № 1256 (инв. каталог А.К. Маркова) из собрания ГЭ.

⁵ «Когда Тимур-Кутлук, отправившийся искать свой иль, собрал свой народ, обоняние запахов благоденствия породило в нем желание ханствовать над улусом Джучи, и он, проведя черту забвения по обязательствам своим Тимуру, не выполнил их и со своими приверженцами ушел в степь» [15, с. 172].

⁶ Монеты чекана Бик-Базари, входящие в общую штемпельную сетку, были выпущены от имени ханов Чекре, Сайид-Ахмада I и Дервиша. Все три хана были ставленниками амира Едигея. Штемпельная сетка показывает, что работа этого монетного двора начинается выпуском монет с искаженными легендами и продолжается с использованием нормальных штемпелей. В публикации [11] не отмечен важный факт, указывающий на то, что последний в сетке штемпель Л.с. хана Дервиша использовался также для чеканки дангов хана Дервиша в Сарайчуке. См. изображение монеты хана Дервиша чекана Сарайчука (штемпель Л.с. А2 [11, с. 44]).

Легенды штемпелей лицевой и оборотной сторон:

№ штемпеля	Сторона монеты	Монетная легенда
A1 – A2	Л.с.	Надпись сильно искажена: يا (?) السلطا (!) العادل / تيمر قتالغ / ... / ۷
A3 – A5	Л.с.	السلطان / العادل / تيمور قتلوغ / خان
A6	Л.с.	السلطان [ن] العا [د] / ل تمور قوتلق / خان خلد له
A7	Л.с.	[ا] لسلطان / العادل / تمر قتلغ خان
A8	Л.с.	السلطان / العادل / تمر / قتلغ خان / خلد ملكه / .؟.
P1	О.с.	سرای / ضرب / الجديد / سنة ۹۶۷ (?)
P2	О.с.	Надпись искажена: ضرب / سراي / الجديد / ... / ۸۰۰
P3	О.с.	Надпись искажена (слово (?) سنة перевернуто): ضرب / سراي / ۸ سنة (?)
P4	О.с.	ضرب / سراي / الجديد / سنة ۸۱
P5	О.с.	ضرب / سراي الجد / يده في شهر / ۸۰۱ / سنة

На штемпеле О.с. P1 указан год, но его трудно интерпретировать. Тем не менее, рисунок этого штемпеля восстановлен в полном виде, и мы можем привести несколько наблюдений. Дата складывается из трех цифр, наиболее вероятное прочтение которых – ۹۶۷. При перестановке последней цифры в начало, дает число 796. Однако этот год нельзя принять за дату фактического выпуска этих монет. Есть мнения, что Тимур-Кутлуг вытеснил хана Куюрчака из Сарая еще до ухода амира Тимура из Орды [9, с. 704]. Но даже с учетом этого выпуск монет на монетном дворе Сарай ал-Джадида от имени хана Тимур-Кутлуга не мог начаться ранее конца 797 г.х. Вероятнее же, что этот выпуск начался после ухода амира Тимура с территории Золотой Орды – во второй половине 798 г.х.

Таблица 2

Метрология дангов хана Тимур-Кутлуга в Сарая

№	Штемпельная пара	Учтенное кол-во, экз.	Вес, г	Диаметр, мм	Источник информации
8	A1–P1	8	1,11 1,11 1,15 1,18 – –	15–16	Z/165229 Z/74916 Личный архив фотоизображений Z/4628 Z/66819
9	A2–P1п	3	1,14	–	Личный архив фотоизображений
10	A3–P1п	2	1,15	15–16	Z/126558
11	A4–P1п	2	1,08	16	Z/30017* ⁷
12	A5–P2	3	1,12	14–16	Z/126557*
13	A5–P3	1	1,10	–	Личный архив фотоизображений
14	A5п ⁸ –P3	1	–	–	Личный архив фотоизображений

⁷ Символом * отмечены номера монет в базе Zeno, атрибуция которых нуждается в исправлении.

⁸ Штемпель A5п – правленный вариант штемпеля A5, имеет незначительные отличия от исходного штемпеля, поэтому он не добавлен в схему, но представлен в фототабл. 26/14.

15	A6-P3	3	1,02	–	Личный архив фотоизображений
16	A6-P4	1	1,13	15,5	Z/7820
17	A7-P4	2	1,07	14–17	Z/162738*
			1,10	15–15,5	Z/168312*
18	A8-P5	2	1,10	–	Личный архив фотоизображений

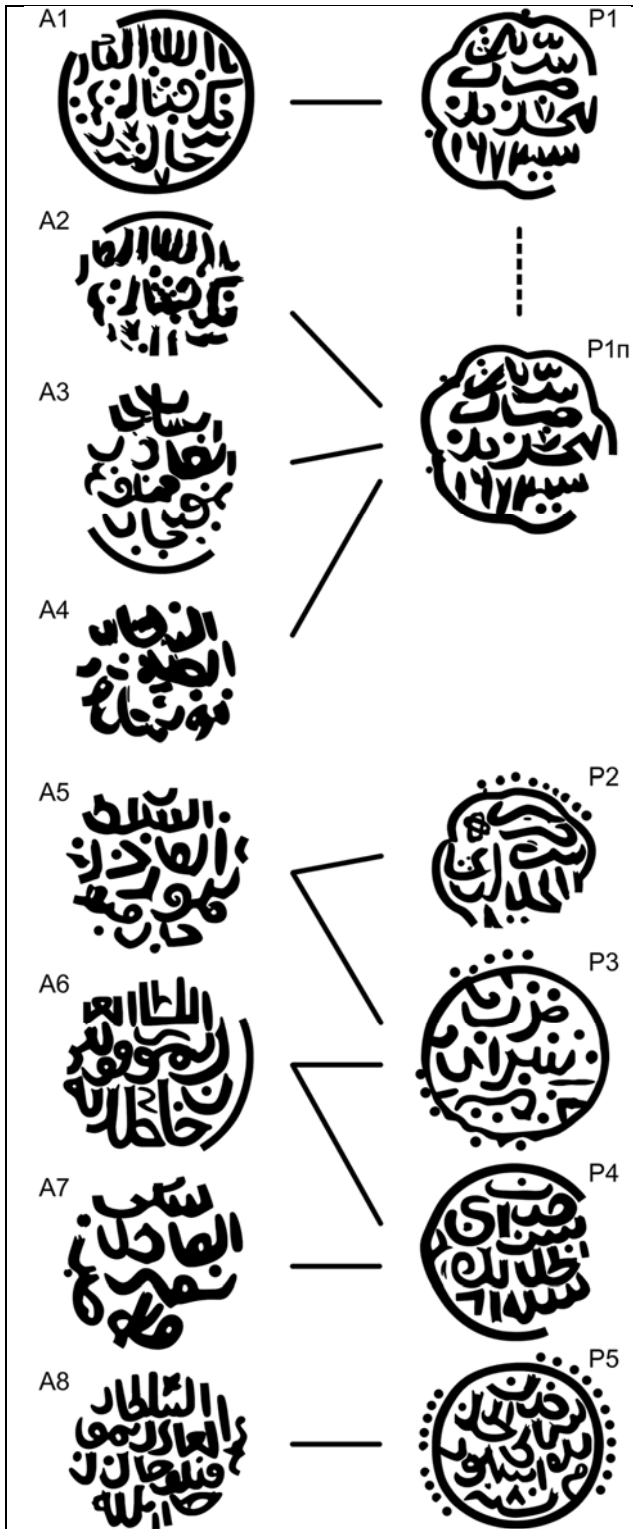

Рис. 4. Данги хана Тимур-Кутлуга, Сарай ал-Джадида

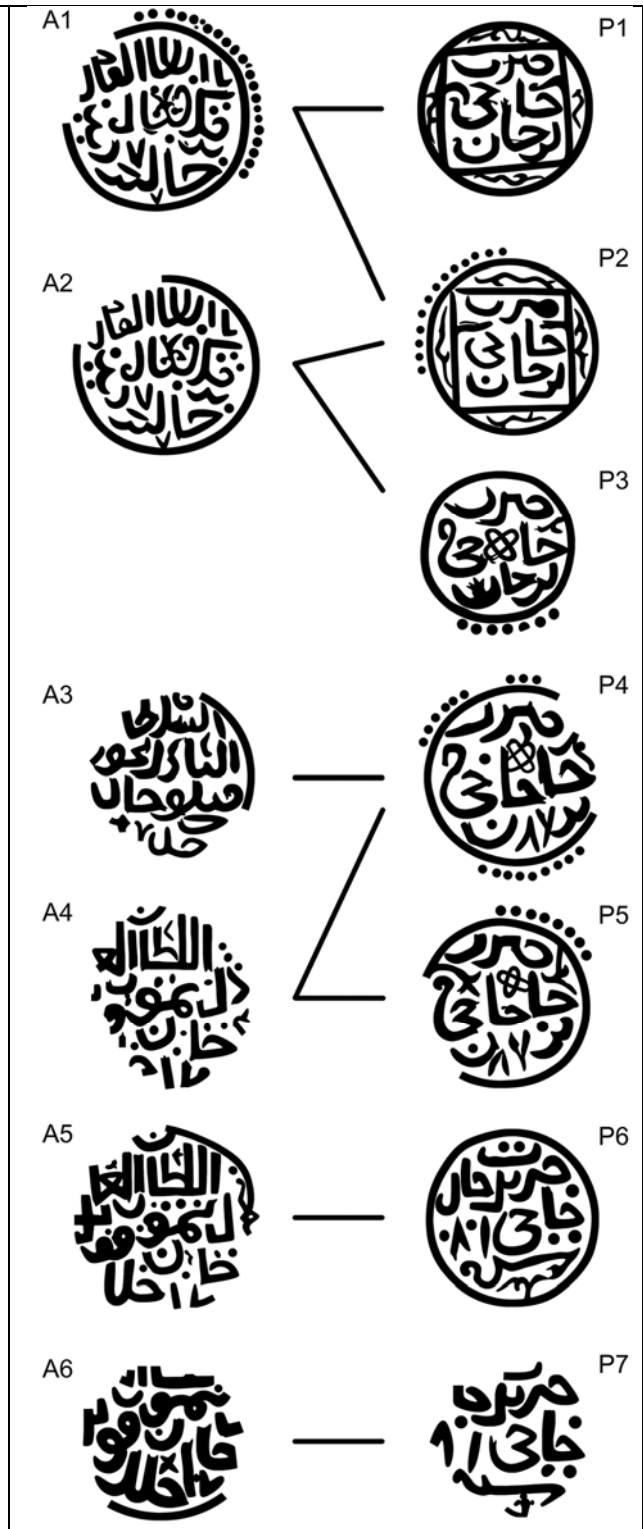

Рис. 5. Данги хана Тимур-Кутлуга, Хаджи-Тархан

Средний вес 14 экз. составляет 1,11 г. Сарайская чеканка Тимур-Кутлуга слабо представлена в публикациях. В «Инвентарном каталоге» А.К. Маркова указаны 3 монеты [8, с. 492], но, не имея изображений этих монет, нельзя было бы подобрать им точных соответствий из этой статьи. Благодаря помощи заведующего сектором монет Античного мира и стран Азии и Африки Государственного Эрмитажа К.В. Кравцова были выяснены штемпельные особенности интересующих нас монет из коллекции Эрмитажа⁹:

№ 1253 "Сарай, 800" – это шт. пара А6–Р3 (монета точно соответствует предоставленной автором статьи прорисовке штемпелей).

№ 1256 "Сарай ал-Джадида, 800" – вместо этой монеты под этим номером находится данг Тимур-Кутлуга, Сарай ал-Джадида, 794 г.х.;

№ 1261 "Сарай ал-Джадида, 801" – это шт. пара А8–Р5.

Мы видим, что в одной штемпельной сетке (нижняя часть схемы рис. 4) находятся штемпели с выпускными сведениями Сарай и Сарай ал-Джадида. В данном случае нет достаточных оснований считать, что эти монеты выпущены двумя разными монетными дворами. Монетные выпуски хана Тимур-Кутлуга в Сарае ал-Джадида, судя по частоте встречаемости по сравнению с монетами других эмитентов, были незначительны по объему.

III. Данги хана Тимур-Кутлуга чекана Хаджи-Тархана

Хаджитарханский выпуск дангов Тимур-Кутлуга также начинается с группы монет с «неясным именем» (фототабл. 26/19-24; 27/25-28). Монеты, изображение которых приведено на рис. 5, не объединяются в общую штемпельную сетку. Но на этой схеме хорошо видны общие стилистические связи между теми монетами, которые не имеют между собой штемпельных связей (или между которыми нами пока не обнаружены штемпельные связи).

Легенды штемпелей лицевой и оборотной сторон дангов Тимур-Кутлуга в Хаджи-Тархане:

№ штемпеля	Сторона монеты	Монетная легенда
A1 – A2	Л.с.	Надпись сильно искажена: يا (؟) السلطان (!) العادل / تيمر قتالغ / ... /
A3	Л.с.	السلطان / العادل تيمور / قتلق خان / (خلد ملكه) ؟
A4	Л.с.	السلطان العادل / دل تيمور / قوتلق ؟ / خان خلد / [م]لكه
A5	Л.с.	السلطان العادل / ل تيمور / قوتلق ؟ / خان خلد / [م]لكه
A6	Л.с.	[السلطان العادل] / تيمور قوتلق ؟ / خان / ؟. خلد (!)
P1 – P3	О.с.	ضرب / حاجي / ترخان
P4 – P5	О.с.	ضرب / حا خا جي (!) / تر ٨٠١ ن (!)
P6 – P7	О.с.	ب / ضرب (!) / ترخان / حاجي ٨٠١ / سنة

На штемпелях О.с. P4 и P5 год ٨٠١ вырезан с искажением – две цифры ٠١ соединены линией, делающей единицу похожей на ٢ или ٧.

⁹ Автор выражает благодарность Константину Валерьевичу Кравцову за оказанную помощь.

Таблица 3

Метрология дангов хана Тимур-Кутлуга, Хаджи-Тархан

№	Штемпельная пара	Учтенное кол-во, экз.	Вес, г	Диаметр, мм	Источник информации
19	A1-P1	6	1,17	–	Личный архив фотоизображений
20	A1-P2	4	1,10 1,19–	14–16	Z/86435
21	A1 (брокаж) ¹⁰	2	1,12 1,16	–	Личный архив фотоизображений
22	A2-P2	2	1,14	15,7–17	Z/4626
23	A2-P3	2	1,09		Личный архив фотоизображений
24	A3-P4	3	1,11 1,15	15–16	Z/74733 Z/151697
25	A4-P4	1	–	–	Z/139003
26	A4-P5	3	0,91 1,13 1,14	–	Личный архив фотоизображений
27	A5-P6	6	1,12 1,14 1,16 1,22–	–	Z/69084
28	A6-P7	1	1,09	–	Личный архив фотоизображений

Средний вес 15 экз. (без двух крайних значений веса 0,91 и 1,22 г) составляет 1,134 г. Хаджитарханские монеты хана Тимура-Кутлуга изучены впервые в этой статье. Крайняя немногочисленность дошедших до нас экземпляров этих монет соответствует и малой их доли в денежном обращении Золотой Орды, а также служит дополнительным подтверждением процесса возрождения Хаджи-Тархана.

IV. Группа дангов хана Тимур-Кутлуга с калимой (без выходных данных)

В результате изучения 55 экз. дангов Тимур-Кутлуга с символом веры построены две штемпельные сетки и установлена последовательность смены штемпелей во время работы монетного двора (см. фототабл. 27/29-36; 28/37-48 и рис. 6).

Легенды штемпелей лицевой и оборотной сторон дангов Тимур-Кутлуга с калимой и без выпускных сведений:

№ штемпеля	Сторона монеты	Монетная легенда
A1 – A5	Л.с.	Надпись сильно искажена: يا (?) السلطا (!) العادل / تيمر قتالغ / ...
A6 – A7	Л.с.	يا (?) السلطا (!) العادل / تيمر قتالغ / ...
P1 и P9	О.с.	Грубо и с искажениями в 3 строки – калима таййиба
P2-P6, P8, P10	О.с.	Грубо и с искажениями в 3 строки – калима таййиба и цифры(?) - (?) ٩٨
P7	О.с.	Грубо и с искажениями в 3 строки – калима таййиба

¹⁰ Два экз. монет с инкузным браком свидетельствуют о том, что штемпель Л.с. был нижним штемпелем.

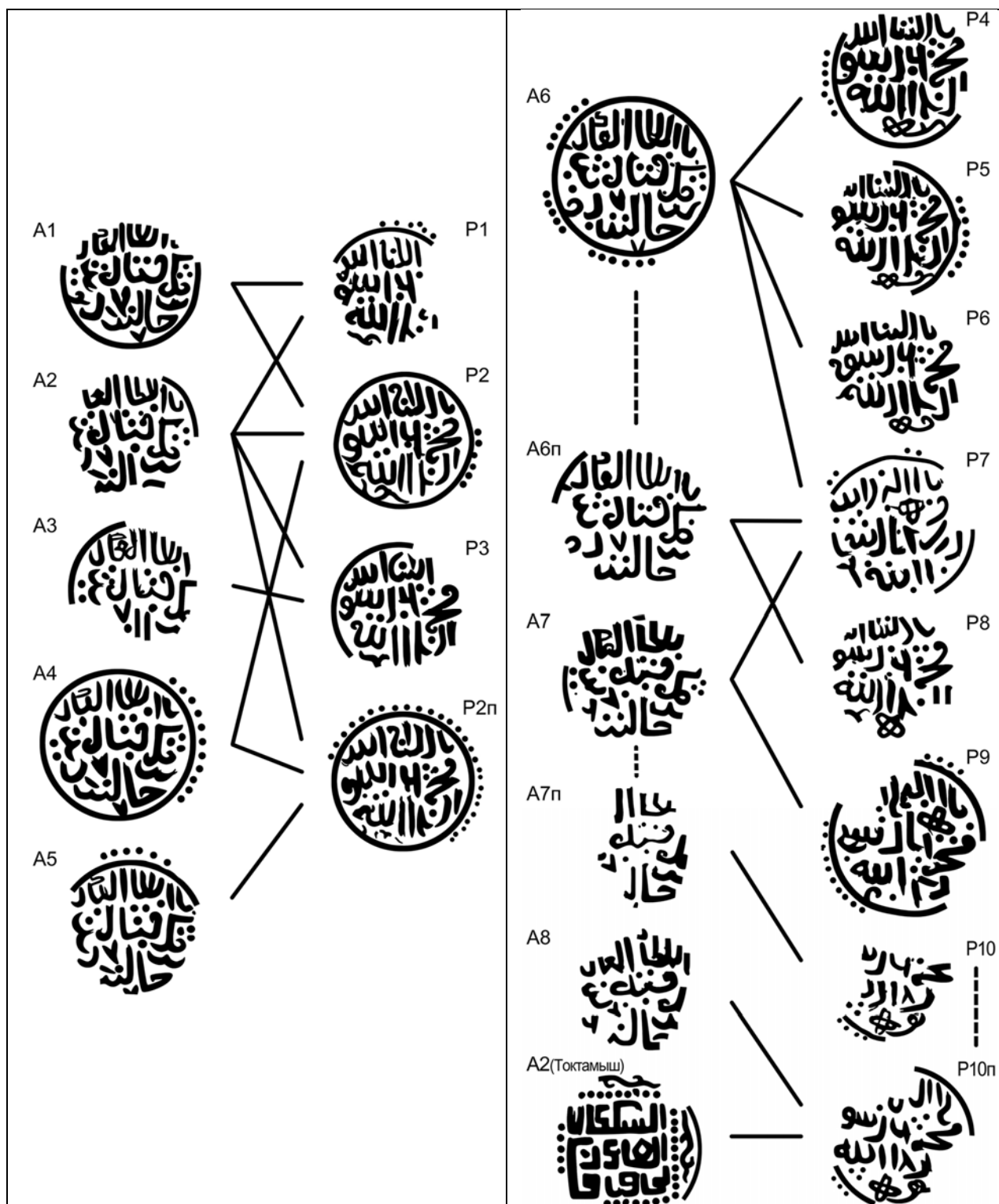

Рис. 6. Данги хана Тимур-Кутлуга с калимой.

На всех штемпелях О.с. нижняя строка легенды содержит дополнительные символы, они разделяют нижнюю строку пополам. На большинстве штемпелей это два символа, напоминающие искаженные цифры ۹۸, что может указывать на год выпуска – 798 г.х.

Одним из наиболее непростых и важных вопросов изучения сеток штемпельных связей является вопрос, связанный с выяснением очередности использования штемпелей в сетке – где начало сетки, а где ее конец. Начнем с того, что выполненные прорисовки штемпелей позволяют

сделать предположение об их изготовлении двумя разными мастерами. Штемпели лицевой стороны А1–А6 и оборотной стороны Р1–Р6 вырезаны одним почерком и одним мастером. На штемпелях А7–А8 и Р7–Р10 почерк другой, что можно рассматривать как результат работы второго мастера. Между двумя частями схемы пока не обнаружено штемпельных связей. Одна часть схемы включает в себя штемпели, изготовленные только одним мастером (А1–А5 и Р1–Р2). А вторая часть схемы – штемпели, изготовленные двумя мастерами (и первым, и вторым). Для установления очередности использования в работе штемпелей особое внимание уделено их изучению, и в первую очередь тех штемпелей, которые были правлены резчиком после некоторого периода работы. Прорисовки правленных вариантов штемпелей также добавлены в схему: во второй части схемы это штемпели А6п, А7п и Р10п.

До правки штемпель А6 работал как с реверсами Р4–Р6, так и с Р7 (работы второго мастера), а правленный штемпель А6п работал с реверсами Р7 и Р8. Штемпели реверсов, изготовленные первым мастером (Р4–Р6) были в работе раньше штемпелей, изготовленных вторым мастером (Р7–Р10). Штемпели Р7–Р10 имеют значительные искажения в написании легенды (например, искаженное написание имени *Мухаммад*). Качество изготовления штемпелей второго мастера уступает качеству работы первого мастера. Далее порядок работы штемпелей определяется по штемпелю Л.с. А7. Штемпель А7 сначала использовался с реверсами Р7 и Р9, а после правки штемпель А7п работал с реверсом Р10, а потом уже правленный Р10п работал с аверсом Токтамышша, и этот же аверс Токтамышша работал с реверсом Хаджи-Тархана с указанным годом 799 г.х. Таким образом, нами была установлена хронологическая очередность использования изучаемых штемпелей.

Таблица 4

Метрология дангов хана Тимур-Кутлуга с калимой

№	Штемпельная пара	Учтенное кол-во, экз.	Вес, г	Диаметр, мм	Источник информации
29	А1–Р1	1	–	15–16	Личный архив фотоизображений
30	А1–Р2	2	1,10 1,1	–	Z/77651
31	А2–Р1	1	1,09	15–16	Z/161865
32	А2 ¹¹ –Р2	5	1,12	15–16	Личный архив фотоизображений
33	А2–Р3	1	–	–	Личный архив фотоизображений
34	А2–Р2п	1	–	–	Личный архив фотоизображений
35	А3–Р3	1	1,15	–	Личный архив фотоизображений
36	А4–Р2	3	1,04	–	Личный архив фотоизображений
			1,08 1,11	17–18 15–15,5	Z/159347 Z/90799
37	А4–Р2п	13	1,08	–	Z/57629
			1,12	–	Личный архив фотоизображений
			1,13	15,8	Z/126050
			1,15	–	Личный архив фотоизображений
			1,3	15	Z/97362
			1,35	15–17	Z/111711
			–	–	Z/4627
–	15–17	Z/105255			
38	А5–Р2п	3	1,17	15–17	Z/123860
			1,22	–	Личный архив фотоизображений
39	А6–Р4	4	1,11	–	Личный архив фотоизображений
			1,13 –	15–16 15–16	
40	А6–Р5	2	–	16–17	Личный архив фотоизображений
41	А6–Р6	2	1,16	–	Личный архив фотоизображений
42	А6–Р7	4	1,07	–	Z/76315

¹¹ Штемпель Л.с. А2 неоднократно подвергался правке, на Рис. 6 показан только один вариант.

			1,12 1,03(обл.) –	14–16,5 – 15–16	Z/165549 Z/96830 Личный архив фотоизображений
43	A6п–P7	5	1,04 1,15 1,15	14–16 15,3–16,5 –	Z/154652 Z/120178 Личный архив фотоизображений
44	A6п–P8	1	1,17	16–17	Z/160464
45	A7–P7	1	–	–	Личный архив фотоизображений
46	A7–P9	3	1,15 –	– –	Личный архив фотоизображений Z/69083
47	A7п–P10	1	–	–	Личный архив фотоизображений
48	A8–P10п	1	–	–	Личный архив фотоизображений

Средний вес 22 экз. (без четырех крайних значений 1,04; 1,04; 1,3; 1,35 г и одной обломанной монеты) составляет 1,13 г. Монеты с калимой составили две штемпельные сетки, связь между которыми пока не обнаружена. Одна из штемпельных сеток этих дангов соединяется с дангами хана Токтамыша чеканки Хаджи-Тархана 799 г.х. Выпуск дангов с калимой завершился около 799 г.х. А в следующем 800 г.х. началась чеканка дангов Тимур-Кутлуга с указанным местом выпуска *Орда ал-Джадида*. Этот выпуск продолжился до 802 г.х. и был массовым (две такие монеты, имеющие штемпельные связи с монетами Токтамыша 800 г.х., представлены в следующем разделе статьи).

В кладках зафиксировано крайне малое содержание монет хана Тимур-Кутлуга чеканки Сарая и Хаджи-Тархана. В работе Г.А. Федорова-Давыдова таких кладов всего два:

- № 188 (с. Шареный Бугор, Астраханского у., 1867) из 4009 серебряных монет определено 469 монет. Тимур-Кутлуг: Сарай (?), 801 г.х. – 1 экз.; Хаджи-Тархан, 801 г.х. – 1 экз. [16, с. 167];

- № 200 (Христофоровка, Спасского у., 1873) – общее количество монет не известно, 300 монет отобрано для Эрмитажа. Тимур-Кутлуг: Сарай (?), год (?) – 1 экз.; Хаджи-Тархан, год (?) – 1 экз. [16, с. 169].

Кроме того, в одном из кладов с тезаврацией в XV веке (№ 205 из Малого Мересьева 1884, Саранского у.) было 435 серебряных монет. Из них 126 монет было отобрано для Эрмитажа и атрибутировано В.Г. Тизенгаузенем. Лишь один данг Токтамыша чеканки Хаджи-Тархана 799 г.х. был обнаружен среди выборки [16, с.171]. В кладках, скрытых ранее 799 г.х., такая монета до сих пор не была обнаружена. Один данг Тимур-Кутлуга с калимой (шт. пара A2–P2) обнаружен в кладе из п. Чернь, Тульской обл. в 2008 г. (всего клад содержал 69 серебряных монет, определено 58 монет) [1, с. 77].

Изученная продукция монетных дворов Сарая, Хаджи-Тархана и Орды, позволяет сделать вывод, что эти три монетных двора управлялись централизованно в рассматриваемый период времени. Установившийся в 798–799 гг.х. единый тип лицевой стороны монет, затем одновременно был заменен в 800–801 гг.х. на новый.

V. Данги хана Токтамыша, выпущенные после 798 г.х.

Хотя нам не известно, читали ли в 799–800 годах хиджры в мечетях хутбу с именем Токтамыша, но однозначно фиксируется факт обнаружения монет с именем Токтамыша в трех эмиссионных центрах. К сожалению, нумизматический источник не может однозначно ответить на вопрос о причине появления таких именных выпусков Токтамыша в указанные годы, а причин может быть несколько, в том числе и возвращение престола к Токтамышу.

Хаджитарханская монета хана Токтамыша 799 г.х. в инвентарном каталоге А.К. Маркова имеет № 1179 [8, с. 489]. А.К. Марков определяет правление Токтамыша периодом 781–799 гг.х. Многие нумизматы ошибочно рассматривают эту монету, как имеющую «испорченный» год. Рассмотрим далее, почему год на монете соответствует реальному году выпуска (см. фототабл. 29/49-51).

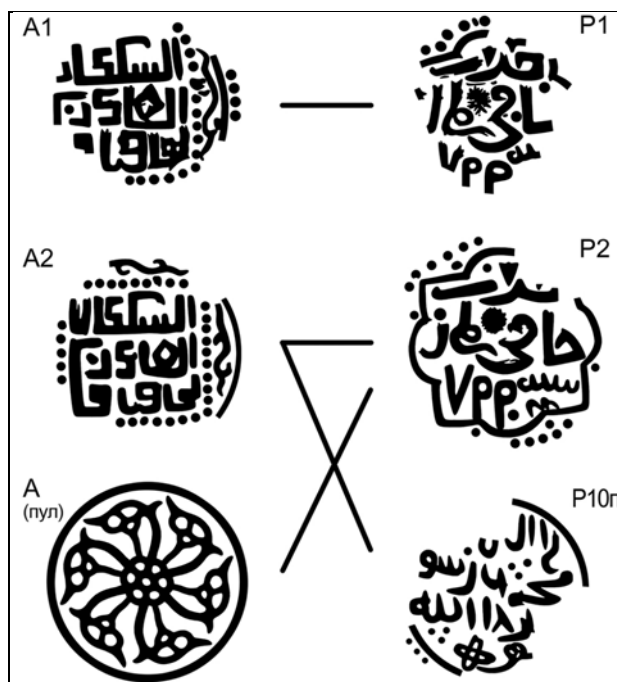

Рис. 7. Монеты хана Токтамыша, Хаджи-Тархан, 799 г.х., и данг с калимой, одноштемпельной монете Тимур-Кутлуга

Легенды штемпелей лицевой и оборотной сторон:

№ штемпеля	Сторона монеты	Монетная легенда
A1 – A2	Л.с.	السلطان/العادل/ توقتامش
P1 – P2	О.с.	ضرب/ حاجی ترخان/ سنة ٧٩٩ (цифры года приведены зеркально)
P10п	О.с.	Грубо и с искажениями в 3 строки – калима и цифры(?) - (؟) ٩٨

Для чеканки пулов Хаджи-Тархана 799 г.х. использовался один из этих штемпелей и еще три штемпеля, отличающихся картушами, но имеющих такую же компоновку и содержание легенд. Цифры 99 на пулах не в зеркальном, а в правильном положении. Наличие пяти штемпелей с годом 799 и два варианта его написания укрепляют уверенность в том, что год на монете указан без ошибки. Дополнительные подтверждения того, что эти пулы выпущены в 799 г.х. см. в VI разделе статьи.

Факт обнаружения монеты Токтамыша (Монета 51 A2–P10п) выбитой штемпелем, использовавшимся ранее для чеканки монет Тимур-Кутлуга (Монета 48 A8–P10п), может свидетельствовать об активной борьбе за власть между этими ханами, и неоднократном переходе власти от одного хана к другому.

Таблица 5

Метрология дангов хана Токтамыша

№	Штемпельная пара	Учетное кол-во, экз.	Вес, г	Диаметр, мм	Источник информации
49	A1–P1	2	1,24 1,31	– –	Личный архив фотоизображений Z/139434
50	A2–P2	3	1,20 1,26 1,28	16 – 16–17	Z/139433 Z/155330 Z/162502
51	A2–P10п	1	–	–	Z/163342

Средний вес 5 экз. составляет 1,26 г. Вес дангов Токтамыша на 10% больше веса дангов Тимур-Кутлуга чекана Хаджи-Гархана.

Среди монет клада из Тульской области («Шевелевка–Л») [1] обнаружена монета, не получившая у авторов указанной публикации достойной атрибуции. Это монета № 125 (вес 0,72 г). Эта монета и данг хана Тимур-Кутлуга с одноштемпельной оборотной стороной представлены на Рис. 8. Одноштемпельность оборотных сторон монет определяется уверенно, на обеих монетах совпадают также такие детали, как следы холостого соударения штемпелей.

Рис. 8. Данги Токтамыша (8.1) и Тимур-Кутлуга (8.2) с одноштемпельной оборотной стороной монетного двора Орда ал-Джадида, 800 г.х.

Легенды штемпелей лицевой и оборотной сторон:

Эмитент	Монетная легенда	
	Л.с.	О.с.
Токтамыш	السلطان/العادل / توكتامش	ضرب [قاي/اوردوى (!)/الجديد سنة]
Тимур-Кутлуг	السلطان العادل/[ل] / تمور قتل... / خلد ملكه	٨٠٠ /

Двухаверсная монета Токтамыша, один из штемпелей которой тот же, что и у данга на Рис. 8, показана на Рис. 9. Вес монеты 1,35 г.

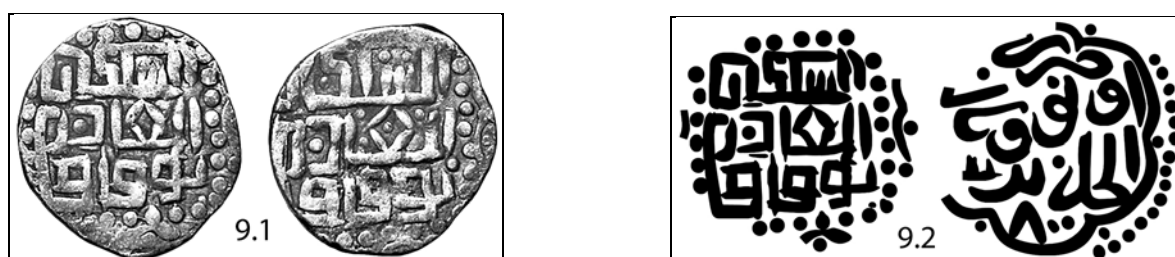

Рис. 9. Данг Токтамыша, выбитый двумя штемпелями лицевых сторон (9.1), прорисовка данга Токтамыша, чекан Орды ал-Джадида, 800 г.х. (9.2).

Известна анонимная монета, выбитая двумя штемпелями оборотной стороны – Рис. 10 (Z/66817). На одной стороне монеты указаны выпускные сведения *бито [в] Сарай ал-Джадида*, на другой стороне *Орда ал-Джадида* и год 800 г.х. Компонировка легенды и стиль ее исполнения на штемпеле *Орды* полностью совпадает с монетами, представленными на Рис. 8.

Рис. 10. Анонимный данг, выбитый двумя штемпелями оборотной стороны Сарай ал-Джадида и Орда ал-Джадида, 800 г.х. (10.1). Реконструкция оттиска штемпеля Орду ал-Джадида 800 г.х. (10.2).

Еще одна монета с именем Токтамыша (но с искаженным написанием имени) повторяет тип крымских аверсов выпуска 796 г.х. $v=1,50 \text{ г}^{12}$ (рис. 11.1). Реверс этой монеты оказался одноштемпельным с анонимным дангом, показанным на Рис. 10.2. Также известны монеты хана Тимур-Кутлуга $v=1,1 \text{ г}$ выбитые этим же штемпелем реверса (рис. 11.2).

Рис. 11. Данги Токтамыша (11.1) и Тимур-Кутлуга (11.2, Z/62545) с одноштемпельной оборотной стороной, монетный двор *Орда ал-Джадид*, 800 г.х.

Р.Ю. Рева уже высказывал предположение о том, что «сторонники Токтамыша также осуществляли чекан монет, но, похоже, этот чекан производился либо старыми, либо анахронистичными, либо подражательно вырезанными штемпелями» [9, с. 706]. Таким образом, монеты Токтамыша выпуска 799–800 гг.х. становятся важной частью исторического обсуждения.

VI. Пулы Хаджи-Тархана 796–802 гг.х. и их штемпельная связь с дангами

Так как годы выпуска на монетах представленных в таблице 6 не указаны или указаны в таком виде, который требует дополнительного изучения, нами предлагаются некоторые аргументы в пользу предлагаемой датировки этих пулов. Фотоизображения пулов см. фототабл. 29/52–57.

Таблица 6

Реконструкция пулов Хаджи–Тархана 796–802 гг.х.

№	Реконструкция монеты	Легенды лицевой и оборотной сторон	Год выпуска, гг.х.
52		Л.с.: السلطان/العادل/توقتامش Султан/ справедливый / Токтамыш О.с.: ضرب في / حاجي / ترخان Бито в / Хаджи- / Тархане	ок. 796–797

¹² Столь высокий вес для монеты рассматриваемого периода времени является исключительным и экстраординарным.

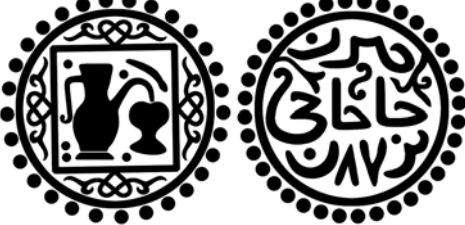
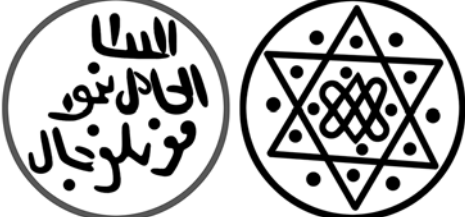
53		Л.с.: السلطان/العادل/خلد ملكه Султан/справедливый/ да продлится его правление О.с.: ضرب في / حاجي ترخان [ن] Бито в / Хаджи-Тархане искаженно.	ок. 797–798
54		Л.с.: 6-лепестковый цветочный орнамент О.с.: ضرب / حاجي ترخان / سنة ٧٩٩ Бито [в] / Хаджи-Тархан / год 799	799
55		Л.с.: 6-лепестковый цветочный орнамент (др. вариант) О.с.: ضرب / حاجي ترخان / سنة ٧٩٩ Бито [в] / Хаджи-Тархан / год 799	799
56		Л.с.: Кувшин с чаркой О.с.: ضرب / خا (!) / حاجي / تر ٨٠١ ن Бито [в] / Хаджи-Тархан 801 (или 802)	801– 802
57		Л.с.: السلطان/العادل/خلد ملكه Султан/справедливый Тимур/ Кутлук хан О.с.: в 6-угольной звезде – плетенка (узел счастья)	ок. 798–802

Таблица 7

Метрология пулов Хаджи-Тархана

№	Учетное кол-во, экз.	Вес, г	Диаметр, мм	Источник информации
52	4	1,47 1,7	18–20 18	Z/140420 Z/51350
53	3	–	–	Личный архив фотоизображений
54	2	1,89	19	Личный архив фотоизображений
55	4	1,59 2,21 2,51	17–19 18 17–20	Z/154460 Z/114660 Личный архив фотоизображений
56	5	2,26 2,4	19 18	Z/80702 Z/114680
57	12	1,66 1,7 1,79 –	15–16 13–20 15–17 –	Z/125395 Личный архив фотоизображений Z/125396 Z/162041

Пул №52 – известна одна пара штемпелей. Штемпель Л.с. очень близок по стилистике штемпелю дангов Токтамыша 796¹³ и 797 гг.х. – Рис. 12 (12.1, Z/139392 и 12.2, Z/164040).

Рис. 12. Данги Токтамыша, Сарай ал-Джадида, 796 и 797 гг.х., с одноштемпельной Л.с.

Пул №53 – при чеканке работал штемпель Л.с., использовавшийся также для выпуска анонимного данга Сарая ал-Джадида¹⁴ – Рис. 13 (Z/139393). На этом данге надписи выполнены с теми же палеографическими особенностями при одном и том же дукте, что и на монетах на рис. 12. На лицевой стороне монеты вместо имени Токтамыша приведено благопожелание.

Рис. 13. Анонимный данг, Сарай ал-Джадида, 797 г.х.

Для этого выпуска пулов использовалось еще 5 штемпелей Л.с. и 10 штемпелей О.с. (См. прорисовки нескольких штемпелей в публикации В.Б. Клокова, В.П. Лебедева [6, с. 135] Вес монет из этой публикации 1,61; 1,56; 1,93; 2,12 г [6, с. 165]). Нам известен вес еще четырех монет: 1,46; 1,55; 1,58; 1,79 г.

Пул №54 – для чеканки использован штемпель О.с. данга Токтамыша, рассмотренного в V разделе этой статьи.

Пул №55 – известно еще два штемпеля О.с., кроме штемпеля, показанного на прорисовке. Штемпели имеют незначительные отличия. В публикации В.Б. Клокова, В.П. Лебедева указан вес монеты 2,16 г [5, с. 113].

Пул №56 – в фототаблице 29/56 показана другая пара штемпелей, изображение монеты, соответствующее нашей прорисовке см. в работе К.К. Хромова [18, с. 66]. Для этого выпуска пулов использовалось 5 штемпелей Л.с. и 7 штемпелей О.с. Легенда на штемпелях О.с. полностью повторяет особенности исполнения легенды на штемпеле данга Тимур-Кутлуга – см. штемпель Р5 на рис. 5. Год $\Lambda \cdot \backslash$ на этих штемпелях вырезан с искажением – две цифры $\cdot \backslash$ соединены линией, делающей единицу похожей на цифры семь или шесть.

Данные таблицы 7 показывают насколько близкий вес имеют монеты выпуска 799 и 801 гг.х. – средний вес этих пулов ок. 2,3 г. В то время как средний вес пулов 796–798 гг.х. – ок. 1,7 г (такой же средний вес имеет пул 57).

¹³ Монета с таким штемпелем О.с. у Х.М. Френа имеет номер 234, Таблица VI, СХСІ [17, с.27]

¹⁴ Это не единственный случай использования общего штемпеля для чеканки пулов Сарая и Хаджи-Тархана. При хане Шадибеке в 805 г.х. использовалось два общих штемпеля аверсов для чеканки пулов обеих монетных дворов. Кроме того, эти пулы входят в штемпельную сетку с дангами, которые также имеют один общий штемпель аверса и реверсы с выходными сведениями *Бит [в] Сарая ал-Джадида 805 год и Бит [в] Хаджи-Тархане ал-Джадида 805 год* [12].

Пул №57 – единственный именной выпуск пулов хана Тимур-Кутлуга. На монете не указаны выпускные сведения. Известны находки на Северном Кавказе, в частности в Моздокском районе Северной Осетии. Все известные экземпляры этих пулов биты одной парой штемпелей.

Разнообразие выявленных медных монет Хаджи-Тархана в 798–802 г.г. ясно говорит о том, что жизнь Хаджи-Тархана продолжалась и в эти годы. Товарные рынки требовали средств также и для мелких денежных расчетов.

Нумизматический источник подтверждает, что: 1. Хаджи-Тархан находился под властью амира Тимура в течение некоторого времени; 2. Тимур-Кутлуг овладел Сараем и Хаджи-Тарханом вскоре после ухода амира Тимура из Золотой Орды; 3. Можно полагать, что шла упорная борьба за власть между Токтамышем и Тимур-Кутлугом, в которой перевес был то на одной, то на другой стороне. Изучение монетных выпусков Нижнего Поволжья конца XIV века дало возможность заключить, что разрушенные амиром Тимуром города Сарай и Хаджи-Тархан начали восстанавливаться сразу же после ухода войск Тимура из пределов Золотой Орды. Восстановление фиксируется еще в начале второго правления хана Тимур-Кутлуга в 798 г.г. Выпущенные от имени Токтамыша монеты Хаджи-Тархана и Орды 799–800 г.г. подтверждают исторические сведения о борьбе за власть между Токтамышем и Тимур-Кутлугом в эти годы.

Автор благодарен всем коллегам, кто принял участие и оказал помощь в работе над этой не простой, но интересной темой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов Р.А., Казаров А.А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах (по результатам предварительного исследования) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Тула, 2013. С. 72–86.
2. Гончаров Е.Ю. Неясное имя на дирхамах Золотой Орды конца XIV в. // Девятая ВНК (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 73–75.
3. Гончаров Е.Ю. Поход Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 6. М., 2004. С. 187–195.
4. Зайончковский Ю.В., Петров П.Н., Добромыслов Л.Б., Брагин А.О. Серебряные данги Тимур-Кутлуга, битые на монетном дворе Азак ал-Махруса // Нумизматика Золотой Орды. 2013. № 3. С. 76–91.
5. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–147.
6. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: ИПР «Информэлектро», 2002. С. 73–165.
7. Лебедев В.П. Нумизматические этюды саратовского краеведа и нумизмата Ю.Е. Пырсова (1930–1997) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Том 2. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 9–18.
8. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 879 с.
9. Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2016. С. 704–729.
10. Савоста Р.Ю. Азакские данги хана Тимура Кутлуга // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 22–24 апреля 2016 г.). СПб.: Изд-во «Знак», 2016. С. 352–360.
11. Савоста Р.Ю. Монеты Хаджи-Тархана 813–831 годов хиджры. Серебряные и медные монеты Золотой Орды. Каталог. Николаев: Шамрай П.М., 2016. 112 с.
12. Савоста Р.Ю. Монеты хана Шадибека чекана Сарая и Хаджи-Тархана 805 г.г. // IV Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 14–16 апреля 2017 г.). (в печати).
13. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 278 с.
14. Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. Л.: «Наука», 1971. 275 с.
15. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 308 с.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 94–192.

17. *Френ Х.М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832. 80 с.

18. *Хромов К.К.* Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в Нижнеднепровском регионе // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Ч. 1. Монеты Джучидов XIII–XV веков. Киев, 2004. С. 34–66.

Z/№ – номер монеты в интернет-базе. URL: www.zeno.ru

Информация об авторе:

Савоста Роман Юрьевич, научный консультант по вопросам джучидской нумизматики Исторического музея «Изначалье» (Донецк, Украина); savosta@gmail.com

About the Author:

Savosta Roman Yu., Scientific Adviser in the field of Juchid numismatics, Iznachalie Historical Museum (Donetsk, Ukraine); savosta@gmail.com

УДК 930.2

**КАТАЛОГ ИЗ ПРОШЛОГО: ОПИСАНИЕ СОБРАНИЯ МОНЕТ
ПРОФЕССОРА Н.А. ТОЛМАЧЕВА**

И.М. Миргалеев, Х.З. Багаутдинова

**CATALOGUE FROM THE PAST: DESCRIPTION
OF PROFESSOR N.A. TOLMACHEV'S COLLECTION OF COINS**

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В предложенной заметке дается информация и приводится фотоизображение рукописи каталога профессора Н.А. Толмачева, известного врача-педиатра Казанского университета середины XIX века, который коллекционировал древние монеты в Среднем Поволжье и интересовался историей. В его каталоге, состоящем из описания 1240 монет, оказались монеты золотоордынских ханов, таких как Узбек, Джанибек, Бердибек, Токтамыш и других.

Ключевые слова: Н.А.Толмачев, коллекция, каталог, монеты, Казань, Золотая Орда.

The article features information and a photographic image of a handwritten catalogue by Professor N.A. Tolmachev, a renowned pediatrician of Kazan University living in the mid-19th century who collected ancient coins in the Middle Volga region and was interested in history. His catalogue comprising the descriptions of 1240 coins featured the coins of such Golden Horde khans as Uzbek, Janibek, Berdibek, Toktamysh, and others.

Keywords: N.A. Tolmachev, collection, catalogue, coins, Kazan, Golden Horde.

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета хранится архив профессора Н.А. Толмачева [2]¹. Как известно, Среднее Поволжье богато на исторические памятники. Здесь располагался центр Волж-

¹ Толмачев Николай Александрович (19.11.1823, г. Кунгур – 21.01.1901, Казань), педиатр, доктор медицины (1875 г.). Воспитанник 1-й казанской гимназии (1835–1840) и Казанского университета (1840–1845). С 1846 г. уездный врач г. Козьмодемьянска, с 1848 г. г. Мамадыша, с 1849 г. городской врач Казани и одновременно врач в учреждениях Казанского приказа общественного призрения. В 1870–95 гг. в Казанском университете (в 1875–93 гг. заведующий кафедрой детских болезней), профессор (1881 г.). Труды о холере, лепре, эндемическому зобу в Казанской губернии, расстройствам мочеиспускания у детей, искусственному вскармливанию грудных детей, профилактике рахита [Более подробно см.: 1; 4].

ской Булгарии, а затем один из важнейших регионов золотоордынского государства. На этой территории процветало много городов, велась развитая для своего времени оседлая жизнь, и, конечно же, расположился город Болгар, уникальное место, важнейший город Золотой Орды, где чеканились монеты, осуществлялась бойкая торговля с иноземными купцами. Болгар был важнейшим перевалочным пунктом, центром сбыта пушнины. Любители старины издавна собирали исторические находки, в том числе и монеты, которые, кстати, в дореволюционный период в огромных количествах отправляли на переплавку [3]. Но с открытием в Казани университета ситуация начала меняться. Изучение прошлого региона, татарской истории переходило в руки образованных людей. Одним из таких и был автор предлагаемого каталога монет – Толмачев Николай Александрович, который в середине XIX века состоял на медицинской службе в ведомстве Казанской врачебной управе. Проявляя большой интерес к истории региона, он во время командировок в селения разных уездов Казанской губернии вел «Путевые заметки».

В фототаблицах 30–36 приведен подлинный краткий каталог коллекции энтузиаста. Рукопись сохранилась в архиве профессора Н.А. Толмачева КФУ НБЛ ОРПК под шифром 2566 «Материалы для истории города Казани и Казанской губернии. 1891 год». Каталог представляет собой текст, написанный черными чернилами на твердой бумаге в клетку. Размеры листов 224x180 мм. Всего 7 листов без оборота.

Как видим в таблицах, составленных Н.А. Толмачевым достаточно профессионально, представлены монеты золотоордынских правителей, начиная от Батыя и Берке (монеты ан-Насир ли-Дина, Мунгке каана и Арыг-Буги) и далее – Токты, Узбека, Джанибека, Бердибека, Кульпы, Навруза, Хизра, Тимура-Ходжы, Мурида, Хайр-Пулада, Абдаллаха, Азиза, Тулунбек ханум, Токтамышша, Пулада и Мухаммада. В основном медные монеты (серебряных всего 71), битые на монетных дворах: Болгар, Сарай, Мохша, Гулистан, Хаварезм, Орда и Хаджи-Тархан. Составитель перечня некоторые экземпляры помечает как редкие и неопределенные. Кроме джучидских дангов и пулов его коллекция содержала монеты и других династий, всего в его каталоге зафиксировано 1240 экземпляров монет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь / В.Ю. Альбицкий, М.Э. Гурылева, Н.Х. Амиров и др. / Под ред. В.Ю. Альбицкого, Н.Х. Амирова. Казань: Магариф, 2004. 472 с.
2. Материалы для истории города Казани и Казанской губ. 1891 г. КФУ НБЛ ОРПК, ед.хр. 2566, л.1–7. Архив Н.А. Толмачева. Рукопись. Л. 1–7.
3. *Миргалеев И.М.* «Добыча» мусульманских монет в Болгаре в середине XVIII века // Нумизматика Золотой Орды. Выпуск 6. 2016. С. 106–108.
4. Татарский энциклопедический словарь. Казань, Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1998.

Информация об авторах:

Миргалеев Ильнур Мидхатович, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

Багаутдинова Халида Зиннатовна, научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); halida12_61@mail.ru

About the Authors:

Mirgaleev Il'nur M., Candidate of Historical Sciences, Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

Bagautdinova Khalida Z., Researcher Associate, Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Republic of Tatarstan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); halida12_61@mail.ru

УДК 737(575.3)"12/13"

НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ И ЧАГАТАИДСКИХ МОНЕТ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Д. Довуди

JUCHID AND CHAGATAI COINS DISCOVERED IN TAJIKISTAN

Национальный музей Таджикистана

Статья посвящена находкам джучидских и чагатаидских монет на территории Таджикистана. На основе топографии находок установлена разная степень распространения этих двух категорий монет на севере и юге республики, отмечается возможная связь этого явления с местонахождением чагатаидских монетных дворов, которые в большей степени были сосредоточены на севере Средней Азии, указаны торговые маршруты по которым джучидские монеты из Хорезма поступали на юго-восток Мавераннахра, установлены хронологические рамки распространения джучидских монет, определен состав монет по металлу, по эмитентам и монетным дворам. В Таблице приведен перечень джучидских и чагатаидских монет, найденных в Таджикистане.

Ключевые слова: Таджикистан, государство Чагатаидов, государство Джучидов, нумизматика, монеты, XIII–XIV вв., клады, топография находок.

The article is dedicated to Juchid and Chagatai coins discovered in the territory of Tajikistan. On the basis of the topography of findings, the authors determined the various degrees of the distribution of these two categories of coins across the northern and southern areas of the republic, noting a possible connection between this phenomenon and the location of Chagatai mints, primarily concentrated in the northern part of Central Asia, and determined the trade routes along which the Juchid coins from Khwarezm were brought to the southeast of Maverannahr, a chronological framework for the distribution of Juchid coins, and the composition of the coins with a breakdown into metals, issuers and mints. The Table features a list of Juchid and Chagatai coins discovered in Tajikistan.

Keywords: Tajikistan, Chaghatai state, Juchid state, numismatics, coins, 13th-14th centuries, hoards, topography of findings.

Территория Таджикистана в XIII–XIV вв. входила в состав Чагатаидского государства. О денежном обращении на этой территории мы можем судить только по монетным находкам, поскольку других источников по данному вопросу нет. Целью данной статьи является краткая характеристика монет чагатаидского периода, найденных на территории Таджикистана. При этом главное внимание уделено топографии монетных находок, т.е. территориальному их распределению, вопросы денежного обращения затронуты частично в зависимости от материала и по мере необходимости.

На территории Таджикистана к этому периоду относятся две группы монет – собственно Чагатаидского и Джучидского государств. Первая группа представлена в основном серебряными монетами (медные фалсы встречаются в небольшом количестве), а находки золотых динаров единичны. Вторая группа представлена серебряными дирхамами и медными пулами. Монеты обеих групп встречаются как в виде кладов, так и отдельными экземплярами.

Монеты Чагатаидского государства

В Таджикистане найдено 9 кладов чагатаидских монет, 4 смешанных клада джучидских и чагатаидских монет и 15 монет по отдельности. Клады небольшие, самые крупные два состоят из 437 монет и 79 монет соответственно, а остальные – по 9–21 экземпляров. Часть кладов сохранились не полностью и поэтому их информативность тоже не может претендовать на полноту, что следует учесть при их использовании для характеристики вопросов денежного обращения.

Из 9 кладов чагатаидских монет два являются золотыми, один состоит из посеребренных монет, остальные шесть – серебряными. При этом: золотые клады содержат 26 целых экземпляра

и 2 фрагмента; клад посеребренных монет – 10 экземпляров; а серебряные содержат 552 целых экземпляра и 2 фрагмента. Из 15 единичных находок одна серебряная, одна медная посеребренная, а остальные 13 – медные. Отсюда можно заключить, что основу денежного обращения составляли серебряные чагатаидские монеты. В то же время, большинство единичных находок составляют именно медные монеты, что свидетельствует о большей частоте их использования, а также их дешевизне (по сравнению с серебряными монетами) в повседневной розничной торговле. Судя по наличию фрагментов в одном из золотых кладов, золотые монеты тоже участвовали в повседневной торговле.

Следует отметить, что южные районы Таджикистана составляли юго-восточную окраину Мавераннахра, центральные районы тяготели к Самарканду, а северные районы располагались в северо-восточной части Мавераннахра, по соседству с Ферганой. В зависимости от месторасположения северные и южные районы Таджикистана в XIII–XIV вв. в торговом плане тяготели к разным экономическим центрам, поэтому их денежное обращение могло отличаться друг от друга. Проанализируем распространение и обращение чагатаидских и джучидских монет на юге и севере Таджикистана раздельно в каждом из этих регионов.

Северный Таджикистан

Из 9 кладов чагатаидских монет семь обнаружены в северном Таджикистане (Согдийская область). Из них четыре найдены в г. Худжанде, один в северной части этой области и один в Шахристанском районе, расположенном в 95 км к востоку от г. Худжанда.

В найденных в северном Таджикистане кладах и отдельных находках представлена продукция почти всех чагатаидских монетных дворов. Это, прежде всего, один большой клад (437 экз.), обнаруженный в северной части Ленинабадской области (ныне Согдийской), в которой представлены монеты 12 монетных дворов, в том числе: Алмалык, Отрар, Тараз, Кендже, Худжанд, Шаш, Андиган, Бинкет, Кашгар, Бухара, Самарканд, Термез. В другом кладе, обнаруженном в окрестностях г. Худжанда представлена продукция восьми монетных дворов. На основе этого можно заключить, что чагатаидские серебряные и отчасти медные монеты независимо от места их чекана свободно обращались по всему государству. Это происходило, главным образом, благодаря торговым связям между различными городами и областями.

В г. Худжанде найдено 4 небольших клада чагатаидских монет. Из них один небольшой клад (10 экз.) полностью состоит из монет Худжанда, а второй состоит из монет Худжанда (19 экз.) и одной монеты Бухары, а два других клада, дошедших, к сожалению, в неполном составе, состоят из иногородних монет – Шаш, Отрар, Тараз, Самарканд. Следовательно, наряду с собственным чеканом в денежном обращении города Худжанда определенное место занимали иногородние монеты. С другой стороны, монеты, чеканенные в г. Худжанде присутствуют во многих кладах, обнаруженных за пределами этого города. Следовательно, они выходили за пределы города и участвовали в денежном обращении других городов и областей.

Большинство (шесть из семи) кладов чагатаидских монет, обнаруженных в северном Таджикистане, относятся к середине XIII – нач. XIV вв. и лишь один клад относится к середине XIV в. Свидетельствует ли это о большем развитии товарно-денежного обращения в северном Таджикистане в середине XIII – нач. XIV вв. пока трудно судить.

Южный Таджикистан

На юге Таджикистана всего найдено 72 чагатаидские монеты. Они происходят из двух однородных (табл. 2. № 8-9) и четырех смешанных с джучидскими монетами кладов (табл. 2. № 3–6), а также 5 единичных находок (табл. 2, № 11–15). Клады и отдельные находки зафиксированы в семи районах: Шартузском, Курган-Тюбинском, Муминабадском, Хисарском, Дангаринском, Ховалингском, а также в г. Душанбе. Следовательно, чагатаидские монеты были распространены почти по всей территории южного Таджикистана, за исключением некоторых высокогорных районов.

Большинство чагатаидских монет, найденных на юге Таджикистана, относятся к первой половине XIV в. Это два небольших клада, три смешанные клады и одна отдельная находка. Лишь в

одном смешанном кладе представлены монеты 1358–1360 гг. К середине XIII в. относятся лишь две единичные находки – одна медная и одна медная посеребренная.

По металлу чагатаидские монеты с юга Таджикистана распределяются следующим образом: из 72 монет 55 экз. или 77,4 % являются серебряными, 16 экз. или 21,1 % медными и 1 экз. медный посеребренный. Серебряные монеты представлены двумя номиналами – крупными серебряными динарами (18 экз.) и серебряными дирхамами (36 экз.). Все серебряные динары и дирхамы относятся к XIV в., следовательно, чеканились и обращались одновременно. Большинство дирхамов являются анонимными, а крупные серебряные динары – именными. Представлены серебряные динары Кепека, Тармаширина, Йесун-Тимура, Казан-Тимура, Халилаллаха, Кабул хана и дирхамы Али-Султана.

Найденные на юге Таджикистана чагатаидские монеты чеканены на пяти монетных дворах, при этом преобладают монеты Бухары, за ними следуют монеты Отрара, Термеза, Аму и Самарканда. Нужно полагать, что большинство чагатаидских монет поступали на юг Таджикистана по торговым путям из Бухары через Самарканд или Карши, Шахрисабз и Термез. Монеты Отрара, скорее всего, поступали тоже через Бухару. Клады Таджикистана открыли новый монетный двор Чагатаидов – Аму, о чем нам уже приходилось писать [11, с. 114–115].

Археологическую привязку имеют лишь две чагатаидские монеты. Одна из них медная XIII в., найдена на городище Золи Зард Дангаринского района, а вторая – серебряная XIV в. с городища Шахри Мунк Ховалингского района (табл. 2, № 8–9). Согласно сведениям Шараф ад-дина Йазди [1, с. 495] амир Казаган, пришедший к власти в 1343 г. после смерти Казан хана летом жил у города Мунка, а зимой в Сали-Сарае на берегу реки Пяндж. Сарайская долина находится в самой южной границе Таджикистана в Пянджском районе. Здесь до Октябрьской революции существовало селение под названием Сарай Камар, который в советское время стал районным центром и получил новое название – Пяндж. По всей вероятности, это селение являлся остатком города, который существовал здесь при Чагатаидах и в котором жил зимой эмир Казаган. В этой связи следует отметить, что в Файзабадском районе, расположенном к северу от Хисарской долины, имеется селение под названием Сарой, которое, возможно, тоже исторически связано с государством Чагатаидов. Хотя другие находки чагатаидских монет не имеют археологическую привязку, но, тем не менее, свидетельствуют о существовании и других городов этого периода на территории юга Таджикистана, где существовало денежное обращение и торговля.

Всего в Таджикистане в кладах и отдельными экземплярами найдено 651 целых и 9 фрагментов чагатаидских монет. Из этого числа 580 монет или 89,0 % от общего количества найдены в северном Таджикистане, 71 экз. или 10,9 % на юге Таджикистана и 2 экз. в центральном Таджикистане. Таким образом, при всей относительности этих цифр они свидетельствуют о том, что чагатаидские монеты были больше распространены в северном Таджикистане, особенно в городе Худжанде. Это, по всей вероятности, было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в г. Худжанде функционировал монетный двор, где выпускались монеты, присутствующие в многих кладах [2, с. 59; 11, с. 36]. Во-вторых, г. Худжанд был в XIII в. резиденцией наместника монголов в Мавераннахре купца Махмуда Йалавача, что должно было способствовать его экономическому росту и развитию денежного обращения. В третьих, большинство чагатаидских монетных дворов находились в северной части Средней Азии, т.е. в близлежащих к г. Худжанду территориях – Ош, Андиган, Шаш и другие. В центральном Мавераннахре функционировали лишь два монетных двора – Самарканд и Бухара, а на юго-востоке Мавераннахра, т.е. на территории близкой к Таджикистану три монетных двора – Термез, Бадахшан и Хост. Представляется, что место расположения монетных дворов в первую очередь связано с потребностью местных рынков в монете, т.е. с раскрытием экономического потенциала региона (перекрестие торговых дорог, добыча и производство полезных ископаемых и др.). Следовательно, можно утверждать, что в нашем случае различный характер денежного обращения, а также отсутствие на юге и присутствие на северо-востоке монетного производства (в Ходженте) свидетельствуют о востребованности в XIII–XIV вв. экономических возможностей северных территорий и слабым развитием торгового потенциала в южных регионах современного Таджикистана. Возможно, были и другие причины, которые предстоит выявить.

Монеты Золотой Орды

Северный Таджикистан

В северном Таджикистане (Согдийская область) найдено всего 3 экз. джучидских монет. Они происходят из трех разных районов (табл. 3, № 1–3). Все они медные, анонимные и чеканены в Хорезме в XIV в. Эти данные, даже если являются неполными, то свидетельствуют о том, что джучидские монеты были мало распространены на территории северного Таджикистана. Возможно, это было связано с тем, что рынок здесь был в достаточной степени насыщен чагатаидскими монетами.

Южный Таджикистан

Абсолютное большинство джучидских монет, найденных в Таджикистане, происходят из южных районов. Это два однородных и четыре смешанных кладов джучидских и чагатаидских монет, а также 28 единичных находок (табл. 3). При этом следует учесть, что часть кладов после находки разошлись по рукам и дошли до нас в неполном составе. Джучидские монеты найдены в 11 районах: Хисар, Вахдат, г. Душанбе, Кубадан, Шартуз, Курган-Тюбе, Дангара, Ховалинг, Муминабад, Шурабад, Восе.

В кладах представлены монеты джучидских ханов, начиная с Токты с 707 /1307–1308 г. Отсутствие в находках с территории Таджикистана монет Хорезма второй половины XIII в., скорее всего, было связано с низким уровнем товарно-денежных отношений в этих регионах. С другой стороны, это могло быть связано и с небольшим объемом выпуска монет в Хорезме в XIII в. и слабым их участием в торговле с Мавераннахром. П.Н. Петров XIII в. называет периодом наибольшей изолированности денежного обращения Хорезма [18, с. 126]. Этим же автором установлено начало чеканки джучидских серебряных монет в Хорезме, которое относится к 1260-м г. [18, с. 135]. Однако эти монеты в значимых масштабах не выходили за пределы исторической области Хорезма.

Экономическое усиление Хорезма, судя по монетам, начинается с начала XIV в. с правления Токта хана. В находках с юга Таджикистана представлены монеты Узбека, Джанибека, Бердибека, Кулпы, Навруза, Хызра, Токтамышша, Килдибека, Хайр-Пулад хана, Азиз-Шайх хана. В серебряных кладах преобладают монеты Джанибека (1341–1357 гг.), Узбека (1312–1341 гг.) и Бердибека (1357–1359 г.). Преобладание монет этих же правителей для медных пулов отмечено П.Н. Петровым по комплексу единичных находок из Дев-кескен-калы и Шахерлика [19, с. 241, графики 1 и 2]. Монеты последующих ханов представлены единицами. Что касается медных пулов Хорезма, то большинство из них в кладе № 1 чеканены между 765/1363–64 и 777/1375–76 годами, следовательно, интенсивное их поступление относится к этим годам.

Как известно, амир Тимур в 1372 г., 1373–74 и в последующие годы совершил несколько походов в Хорезм. В связи с этим интересен вопрос о том, как повлияли эти походы на поступление джучидских монет в юго-восточный Мавераннахр. Для выяснения этого вопроса обратимся к монетным находкам и сравним количество монет за два одинаковых отрезка времени до и после первого похода Тимура в Хорезм. Если учесть, что самой поздней датой на джучидских монетах, найденных в Таджикистане, является 785/1383–84 г., то с 1372 г. до этой даты получается 13 лет. А 13 предыдущих лет приходятся на 1359–1371 гг.

Так, в кладе № 1 из 84 джучидских монет год сохранился на 71 экз. Из этого количества лишь 7 монет (9,8 %) чеканены после 1372 г., в 777/1375–76 г., а 55 экз. (77,4 %) за 13 лет до 1372 г. В кладе № 3 из 18 монет лишь одна чеканена после 1372 г. – в 783/1381–82 г. В кладе № 4 из 120 монет тоже только один экземпляр чеканен после 1372 г. – в 785/1383–84 г. В кладе № 5 из 35 джучидских монет лишь одна чеканена после 1372 г. в – 775/1373–74 г. В целом, из 257 джучидских монет упомянутых четырех кладов лишь 12 экз. или 4,6 % чеканены после 1372 г. При всей относительности эти цифры свидетельствуют о значительном сокращении объема выпуска джучидских монет Хорезма после походов Тимура.

Следует отметить, шесть упомянутых кладов джучидских монет с юга Таджикистана выпали из обращения в разные годы, при этом два из них выпали до похода Тимура 1372 г., а четыре во время и после его походов (Таблица 1). Это указывает на то, что джучидские монеты Хорезма и

некоторых других городов Золотой Орды поступали и обращались на юго-востоке Мавераннахра как до, так и после походов Тимура вплоть до 1384 г. Для этого периода выявлены пять годов выпуска: 773, 775, 777, 783 и 785 гг.х.

Как известно, монголы разделили Хорезм на две части, северная часть со столицей в Ургенче была включена в состав джучидских владений, а южная с городом Кят и Хива вошли в состав чагатайского улуса [16, с. 352–353]. Очевидно, что это разделение было искусственным, так как Хорезм издревле был единой историко-культурной и политической областью. Поэтому это разделение не могло быть препятствием для развития торгово-экономических связей между двумя частями этой области. С другой стороны Хорезм, хотя и находился несколько в стороне от Мавераннахра, но торгово-экономически был тесно с ним связан. Эти связи были особенно развиты в предшествующем периоде, когда Хорезмшах Мухаммад б. Текеш в начале XIII в. захватил Мавераннахр и включил его в состав своего обширного государства, объединявшего также Хорасан и значительную часть Ирана. Поступление и обращение джучидских монет Хорезма в юго-восточный Мавераннахр был результатом традиционных торговых связей. Нужно полагать, что серебряные и медные монеты Хорезма поступали на юго-восток Мавераннахра через южный Хорезм, Бухару, Самарканд и Термез.

Таблица 1

Клады джучидских монет с юга Таджикистана

Дата тезаврации клада	№ клада	Кол-во монет, шт.	Металл
1340-е годы	6	8	AR
1369	2	12	AR
1374	5	64	AR
1376	1	97	AE
1382	3	18	AE
1385	4	120	AR

Из 356 монет XIV в., найденных на юге Таджикистана, в составе кладов и отдельными экземплярами 284 экз. или 79,7% составляют джучидские монеты, а 72 или 20,2% чагатайские. В двух смешанных кладах, как выше было отмечено, тоже преобладают джучидские монеты. Отсюда можно заключить, что джучидские монеты Хорезма играли большую роль в денежном обращении юго-востока Мавераннахра при Чагатаидах в XIV в. Это при том, что этот регион входил в состав Чагатайского государства и здесь находилась резиденция некоторых могущественных чагатайских правителей, например, Казагана в г. Сали-Сарае у берегов Пянджа. К тому же, этот регион был достаточно далеко расположен от Хорезма. Объясняется это на наш взгляд двумя основными факторами: 1. Один из основных торговых маршрутов в XIV в. из южных приамударьинских районов и Хисарской долины проходил через Термез, Шахрисабз и Карши в Бухару, а торговые связи Хорезма с Мавераннахром осуществлялись через этот город. Представляется, что именно по этому маршруту товары и монеты Хорезма попадали на юго-восток Мавераннахра. 2. Недостаточность чагатайских монет на местном денежном рынке. Эту недостачу восполняли хорезмийские монеты. Нужно полагать, что в этом процессе активную роль играли хорезмийские и бухарские купцы.

Таблица 2

Топография находок чагатаидских монет в Таджикистане

№	Кол-во монет, шт.	Эмитент	Монетный двор*	Датировка, г.х. и/или г.н.э.	Металл	Место находки	Год находки	Литература
Клады								
1	19	Анонимный (с именем ан-Насир ли-дина)	Худжанд (18), Бухара (1).	1250-е гг.	AV	г.Ленинабад	1954	[4, с. 99–100; 3, с. 235–237].
2	10	Анонимный (с именем ан-Насир ли-дина)	Худжанд	663/1264–65	AR/AE	г.Ленинабад	1958	[3, с. 238–240].
3	437	Анонимный (с именем ан-Насир ли-дина)	Алмалик(18), Андиган (4), Бинкет (1), Бухара (21) Кашгар (1), Кендже (36), Отрар (69), Самарканд (6), Тараз (133), Термез (27), Худжанд (12), Шаш (22).	671–706 /1272–1306	AR	Ленинабадская обл., северная часть.	1954	[4, с. 100–101; 2, с. 152–174].
4	21	–	Шаш, Тараз	1271–нач. XIVв	AR	г.Ленинабад крепость	1936	[3, с. 259–260].
5	2, часть клада	Буйан-Кули	Отрар, Самарканд	751/1350	AR	г.Ленинабад	–	[3, с. 263–264].
6	79	Анонимные	Алмалик (2), Андиган (7), Кундже (1), Ош (6), Тараз (13), Тошканд (5), Худжанд (13), Шаш (6).	676–689/1277–1290 г.	AR	Окрестно-сти г.Худжанд	2008	[12, с. 20–51].
7	2 +7фр. часть клада	Менгу каан, ан-Насир ли-дин	Шафуркан (1) Бухара (1)	1258–59 г.	AV	Шахристан	1957	[5, с. 158].
8	7+2 фр. (часть клада)	Йэсун-Тимур Халиаллах Казан	Самарканд Бухара Термез	1338–1342 1343–1346	AR, крупные	п. Микаянабад Шартузского р-на	1952	[3, с. 261–262].

9	6	Тармаширин(2) Йесун-Тимур (2) Казан-Тимур(2)	Термез (4), Бухара (1)	729/1328– 29 г.;73[9] /1338–39 гг.;1343– 46 г.	AR, крупные динары	Дангарин- ский р-н	1970– 80 гг.	Фототабл. 37/7–9. [8, с. 254].
<i>Отдельные находки</i>								
1	1	Насир ли-дин	Худжанд?	XIII в.	AE	г.Худжанд	1999	[15, с. 381].
2	1	Насир ли-дин	–	XIII в.	AE	г.Худжанд	1999	[15, с. 381].
3	1	–	–	XIII в.	AE	г.Худжанд	1998	[15, с. 381].
4	1	–	–	XIII в.	AE	г.Худжанд	1999	[15, с. 381].
5	1	ал-Имам ал- А'зам (титул халифа ан-Насир ли-дина)	Худжанд	692 г.х.	AE	г.Худжанд	1951	[7, с. 80; 2, с. 110].
6	1	–	–	686 г.х.	AE	г.Худжанд	1951	[7, с. 81].
7	1	–	–	третья четверть XIII в.	AE	г.Худжанд	1951	[7, с. 81].
8	1	–	–	третья четверть XIII в.	AE	г.Худжанд	1951	[7, с.81].
9	1	Менгу каани, ан-Насир ли- дин		третья четверть XIII в.	AE	Айнинский р н, к.Пашкаги Поен	1988	[10, с. 341].
10	1	–	Самаркан	–	AE	Пенджикент, к-з. Зарафшан		[13, с. 374].
11	1	–	Бухара (?)	XIV в.	AR, крупная	Хавалинг- ский р-н., городище Шахри Мунк	1970 гг.	[14, с. 250].
12	1	Дженкши	Маргинан ?	737/1336– 37 г.	AR, крупная	Хавалинг- ский р-н., городище Шахри Мунк	до 1989	[8, с. 255].
13	1	–	–	XIII в.(?).	AE	Дангара, городище Золи Зард	1987	[8, с. 256; 10, с. 336].
14	1	ан-Насир ли-дин	Отрар	656/1258	AE	Курган- Тюбин-ский р-н	1989	[8, с. 257].
15	1	ан-Насир ли-дин	Отрар?	XIII в	AR/AE	г.Душанбе	1983	[14, с. 256].

*В скобках указано количество монет.

Таблица 3

Топография находок джучидских монет в Таджикистане

№	Кол-во монет, шт.	Эмитент	Монетный двор	Датировка, г.х. и/или г.н.э.	Металл	Место находки	Год находки	Литература
<i>Клады</i>								
1	84 Джучиды	Анонимные – 64 экз., Джанибек – 3 экз., Навруз – 2 экз., Кулла – 1 экз., Хызр – 3 экз., Килдибек – 1 экз., Хайр-Пулад хан – 2 экз., Азиз-Шайх хан – 1 экз.	Хваризм – 81 экз. Сарай ал-Джадида – 7 экз. Гулистан – 2 экз.	708–777/ 1307–1376	АЕ	г. Душанбе или Хисарский р-н?	1961	[11, с.108–115].
	13 Чагатаиды	Анонимные	Бухара – 6 экз., Самарканд – 1 экз., Аму – 3 экз.	760,761/ 1358–60				
2	4 Джучиды	Узбек – 1 экз., Хызр – 1 экз., Джанибек – 1 экз., Бердибек – 1 экз.	Хваризм	720–[75]8	АР, дирхамы	г. Душанбе или Хисарский район?	1961	[11, с.115–117].
	8 Чагатаиды	Кабул хан – 1 экз., Дженкши – 1 экз., [Иесун-Тимур хан] – 1 экз., Анонимные – 4 экз.	(Хост) – 1 экз. Бухара – 1 экз. Отрар – 3 экз.	1320–1369				
3	18 Джучиды	Анонимные – 17 экз., Азиз-Шейх хан – 1 экз.	Хваризм – 16 экз. Сарай ал-Джадида – 1 экз. Гулистан – 1 экз.	764–783/ 1363–1382	АЕ	Юг Таджикистана	2003	[11, с.118–120].
4	120 Джучиды	Токта – 5 экз., Узбек – 27 экз., Джанибек – 55 экз., Бердибек – 18 экз., Кулла – 6 экз., Навруз? – 1 экз., Хызр? – 1 экз., Анонимные – 4 экз., Ток-гамыш – 2 экз., Гийас ад-дин – 1 экз., неопр-е – 1 экз.	Хваризм – 117 экз. Гулистан – 1 экз. Сарай ал-Махруса – 1 экз.	707–785	АР	Хисарский р-н., к.Гуйрот	1987	Фотогабл. 37/1–6. [9, с. 179–191].
5	35 Джучиды	Токта – 5 экз., Узбек – 5 экз., Джанибек – 7 экз., Бердибек – 2 экз., Кулла – 1 экз., Навруз – 1 экз., Хызр – 2 экз., анонимные – 6 экз.	Хваризм	706–775/ 1306–1374	АР, +2 экз. АЕ	Окрестности г.Курган-Тюбе	2000	[9, с. 175–177].
	29 Чагатаиды	Анонимные – 60 экз., Али-Султан – 1 экз., Кепек – 1 экз.	Бухара – 11 экз. Отрар – 1 экз.	707–722/ 1307–1322				
6	4 Джучиды	–	Хваризм		АР, дирхамы	Муминабадский р-н., к. Барбар	2007	[9, с. 178].

	4	–	–	727г.х. /1327г.	AR, крупные			
<i>Отдельные находки</i>								
1	1	Анонимный	Хваризм,	XIV в.	AE	Шахристан.	–	[6, с. 276].
2	1	Анонимный	Хваризм	XIV в.	AE	г.Ленинабад	1976	[14, с. 262].
3	1	Анонимный	Хваризм	XIV в.	AE	Северный Таджикистан	–	[6, с. 276].
4	3	Анонимный	Хваризм	XIV в.	AE	Кобадиянский р-н., райцентр	1985	[14, с. 248].
5	1	Анонимный	Хваризм	771 г. х./1369–70 г.	AE	Ховалингский р-н., Шахри Мунк	1980	[14, с. 250].
6	1	Анонимный	Хваризм	XIV в	AE	Ховалингский р-н., Шахри Мунк	1980	[14, с. 250].
7	1	Анонимный	Хваризм	737/1336–37	AE	Ховалингский р-н., Шахри Мунк	До 1989	[8, с. 256].
8	1	Навруз хан	Хваризм	1360 гг.	AE	Ховалингский р-н, Шахри Мунк	1990	[8, с. 256].
9	1	Анонимный	Хваризм	Третья четверть XIV в.	AE	Шураабадский р-н., к. Дагистан.	1990	[8, с. 257].
10	1	Анонимный	Хваризм	Третья четверть XIV в.	AE	Шураабадский р-н., к. Дагистан.	1990	[8, с. 257].
11	1	Анонимный	Хваризм	765г.х./1363–64 г.	AE	Дангаринский р-н., г-ще Золи Зард	1987	Довуди Д., 2010, с. 336.
12	1	Анонимный	Хваризм	XIV в.	AE	Дангаринский р-н., г-ще Золи Зард	1987	[10, с. 336].
13	1	Анонимный	Хваризм	702/1302г	AE	Восейский р-н., к. Гелот	2005	[8, с. 257].
14	13	Анонимный	Хваризм	751 г.х. /1350–51г., 765 г.х. /1363–64	AE – 12экз. AR-1 экз.	Вахдат, к. Сими-ганч и его окрестности.	1970–1987	[10, с. 339].
15	1	Анонимный	Хваризм	XIV в.	AE	Яванский р-н., местность Горбулак	1989	[8, с. 257].
16	1	Анонимный	Хваризм	60–70 гг. XIV в.	AE	г.Душанбе	1985	[14, с. 256].
17	1	Анонимный	Хваризм	XIV в.	AE	г.Душанбе, ул. Истаравшан	–	[15, с. 168].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963. С. 39–760.
2. *Давидович Е.А.* Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М.: «Наука», 1972. 183 с.
3. *Давидович Е.А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: «Наука», 1979. 462 с.
4. *Давидович Е.А.* Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. // Труды АН Тадж. ССР. Т. XXXVII. Сталинабад, 1956. С. 95–103.
5. *Давидович Е.А.* Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. // АРТ. Вып. V. Труды АН Тадж. ССР. Т. 103. Сталинабад, 1959. С. 158.
6. *Давидович Е.А.* Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г. // АРТ. Вып. 10 (1970). М., 1973. С. 249–281.
7. *Давидович Е.А.* Нумизматическая коллекция Ленинабадского областного историко-краеведческого музея // Известия АН Тадж. ССР. Отд. общественных наук. Вып. 2. Сталинабад, 1952. С. 65–85.
8. *Довуди Д.* Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (V в. до н.э.– нач. XX в). Душанбе, 2006.
9. *Довуди Д.* Монетные клады Таджикистана. Душанбе, 2009.
10. *Довуди Д.* Монетные находки в Таджикистане в 1987 г. // АРТ. Вып. 34. Душанбе, 2010.
11. *Довуди Д., Шарипов А.* Три клада джучидских и чагатаидских монет из Таджикистана // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1, Казань, 2011. С. 108–120.
12. *Довуди Д., Шарипов А.* Клады средневековых монет. Душанбе, 2011. 67 с.
13. *Довуди Д.* Древние и средневековые монеты, найденные на территории г. Душанбе. // История города Душанбе. Душанбе, 2004.
14. *Довутов Д.* Монетные находки в Таджикистане в 1980–85 гг. АРТ. Вып. 25 (1985), Душанбе, 1994.
15. *Довутов Д., Юсунов А.* Монеты из раскопок на территории г. Худжанда в 1998–99 гг. АРТ. Вып. 29. Душанбе, 2004.
16. История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1953.
17. *Массон М.Е.* Исторический этюд по нумизматике джагатаидов. // Труды Среднеазиатского Государственного Университета им. В.И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. IV. Ташкент, 1957. С. 41–107.
18. *Петров П.Н.* Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 121–149.
19. *Петров П.Н., Бугарчев А.И.* Медные монеты из Дев-кескен-кала // Золотоордынская цивилизация. 2012. Вып. 5. С. 237–245.

Информация об авторе:

Довуди Давлатходжа, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии и нумизматики Национального музея Таджикистана (Душанбе, Таджикистан); Dovutov@mail.ru

About the Author:

Dovudi Davlathoja, Doctor of Historical Sciences, Head of the Archaeology and Numismatics Department, National Museum of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan); Dovutov@mail.ru

УДК 737(575.4)"14"

TIMURID COINS DISCOVERED IN DEV-KESKEN-QALA

A.O. Bragin, P.N. Petrov

Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences

This article continues the series of works dedicated to the numismatic findings discovered at the archaeological site of Dev-Kesken-Qala (the historical region of Khwarezm). The work considers 75 copper and silver coins of amir Timur and other Timurids. The study of these coins conducted after their chronological classification demonstrated that 60 % of the coins correspond to the period of Shahrukh, and 29.4 % to the period of Timur. Nearly half of the coins were produced at the Khwarezm mint, and another 24 % at the mint of Samarqand. The circulation of copper coins is characterized by a certain degree of regionality – they are the products of the local mint, and are rarely discovered outside of the region of their coinage. The situation with the silver coins is totally opposite. Khwarezm silver coins have been discovered in the central part of the Timurid state. The authors registered silver coins with a small denomination of one-sixth of a tanga. By the end of Shahrukh reign the retail trade in the area of Dev-Kesken-Qala began to decline, and probably ceased after a certain period of time.

Keywords: Khwarezm, coin, tanga, miri, Shahrukh, amir Timur, Dev-Kesken-Qala, archaeological site, Turkmenistan.

This article continues the series of articles on numismatic findings from the archaeological site of Dev-Kesken-Qala [11, 12, 13]. Here are presented the materials on the individual findings of the Tīmūrid coins of fourteenth-fifteenth centuries, accidentally discovered by local residents in the area of Sarykamyş lake (in the territory of Dev-Kesken-Qala and its suburbs) in 2009. Ca. 500 images of coins of different dynasties were sent to the authors. Among them, there were 36 silver and 39 copper coins of the Tīmūrid period. It is worth noting the lack of information about the numismatic findings of the Tīmūrid dynasty from the territory of Turkmenistan, which the experts are now able to explore. Few publications are devoted to the problems of monetary circulation under Tīmūrids in the territory of the historical region of Khwārizm. This is partly explained by the objective reasons, but mostly by the fact that the numismatists show low interest in this issue. Such attitude prevents from systematic study of the commodity-monetary relations and monetary circulation at the end of fourteenth and fifteenth centuries. Modern numismatic findings in these areas and their registration are of particular scientific value. It should be specially noted that the analyzed material is not the selection of the most interesting findings of the Tīmūrid coins, but a complete collection of coins from all the findings of 2009, made in the region of Dev-Kesken-Qala. Therefore, the obtained information is statistically suitable for analyzing the dynamics of the relative activity of monetary circulation in the area. In terms of numismatic findings, the Khwārizm region gives the most comprehensive information due to the continuous operation of Khwārizm mints for many centuries.

It is necessary to emphasize the difficulties, which occur during the attribution of the coins, usually complicated by the poor condition of the coins found in the soil. The thick lay of the different oxides and mechanical damage of the coins themselves (effacement, countermarks, etc.) often do not allow to fully read the final data. The removal of dirt and oxides often leads to the loss of important parts of the coin legends. All coins which were available for the analysis, had the signs of long circulation, some were holed, while part of the coins has the fire marks.

Let us consider the analyzed information on the findings of the Tīmūrid coins from Dev-Kesken-Qala (see photo tables 38–42).

Table 1

List of fixed findings of Tīmūrid coins

No.	Mint	AH	Weight W, g	Diameter, mm	Note
Silver coins					
<i>Sultān Suyūrghatmish Khān and Amīr Tīmūr</i>					
1	[Samarqand]	[78]4	1,36	16	
2	Samarqand	785	1,48	16	
3	Samarqand	785	1,46	16	
4	[Samarqand]	785	1,54	17	
<i>Maḥmūd Khān and Amīr Tīmūr</i>					
5	[Samarqand]	79[0]	1,45	15-19,5	
6	Samarqand	794	1,4	17	
7	Samarqand	800	1,43	15-17	
8	Samarqand	800	–	–	
9	[Samarqand]	801	1,45	15,5-16,5	Mule, obv. 801 AH, rev. 800 AH
10	Samarqand	802	–	–	
11	Samarqand	missed	1,47	15	
12	Khwārizm	897! (798)	1,4	17,5	Same as Z/4673
13	Khwārizm	missed	1,45	15-16	
14	Khwārizm	missed	1,03	15,5	¹ / ₆ tanga
15	[Qazwīn]	missed	–	–	Tanga
16	missed	missed	1,41	18	One-side coin
17	missed	missed	4,93	25	Tanga with two countermarks: 1: in a heart-shaped cartouche <i>Shāhrukh Bahādur, Shāhrukhīyya</i> , 2: in a square cartouche <i>Shāhrukh Bahādur, Herāt</i> . Holed.
<i>Maḥmūd Khān, Amīr Tīmūr and Muḥammad-Sultān</i>					
18	Samarqand	[8]05	1,39	15,5	
19	Samarqand	[80]5	1,43	16	
<i>Muḥammad Jahangīr and Khalīl-Sultān</i>					
20	Samarqand	707! (808)	1,54	15	
21	Samarqand	[80]7 or [70]7	1,38	16	
22	Samarqand	missed?	–	–	
23	Samarqand	missed?	1	12,5-15	¹ / ₆ tanga
<i>Shāhrukh</i>					
24	no mint	[81]6	1,2	16-17	Same as Z/154526
25	Khwārizm	[816]	1,09	16	
26	Khwārizm	824	1,21	16	
27	Khwārizm	[8]2(9?)	1,21	15,5	
28	Khwārizm	[8]38	1,23	15	
29	Khwārizm	[8]38	1,27	14-15	
30	Khwārizm	missed	1,21	14-15	
31	Khwārizm	missed	–	–	Tanga
32	Iṣfahān	82(0/ 5)	5,22	23-26	Tanga
33	Kāshān	not dated	–	–	Tanga
34	Sultāniyya	missed	4,91	20,5	Tanga
<i>Abū Sa'īd</i>					
35	Khwārizm?	missed	0,98	15	
<i>Sultān-Husayn</i>					
36	missed?	missed?	0,79	15	Mīrī (with laqab <i>Abū- 'l-Ghāzī</i>). The same as Z/76827, 114846.
Copper coins					
<i>Amīr Tīmūr</i>					
37	Samarqand	missed	–	–	
38	Khwārizm	missed	–	–	[9, p. 29, type 2;

					the same as Z/29407]
39	no mint	no	–	–	[9, p. 30, type 3; the same as Z/117705]
<i>Shāhrukh</i>					
40	Khwārizm	816	–	–	[9, p. 31, type 5; the same as Z/4681]
41	Khwārizm	[816]	–	–	[9, p. 31, type 5; the same as Z/4681]
42	[Khwārizm]	[816]	–	–	[9, p. 31, type 5; the same as Z/4681]
43	[Khwārizm]	[816]	–	–	[9, p. 31, type 5; the same as Z/4681]
44	[Khwārizm]	[818]	–	–	[9, p. 31, type 6; the same as Z/119403]
45	[Khwārizm]	[818]	–	–	[9, p. 31, type 6; the same as Z/119403]
46	Khwārizm	82x	–	–	[9, p. 32, type 10; the same as Z/105690]
47	Khwārizm	832	–	–	[9, p. 35, type 20; the same as Z/119529]
48	Khwārizm	[8]3[2]	–	–	[9, p. 35, type 20; the same as Z/119529]
49	Khwārizm	[8]3[2]	–	–	[9, p. 35, type 20; the same as Z/119529]
50	Khwārizm	833	–	–	[9, p. 35, type 21; the same as Z/99672]
51	Khwārizm	837	–	–	[9, p. 36, type 24; the same as Z/114685]
52	Khwārizm	[837]	–	–	[9, p. 36, type 24; the same as Z/114685]
53	[Khwārizm]	[837]	–	–	[9, p. 36, type 24; the same as Z/114685]
54	[Khwārizm]	838	–	–	[9, p. 36, type 25; the same as Z/117561]
55	[Khwārizm]	[8]38	–	–	[9, p. 36, type 25; the same as Z/117561]
56	[Khwārizm]	8(4?)3	–	–	[9, p. 33, type 15; the same as Z/119528]
57	Khwārizm	85[1]	–	–	the same as Z/119477, 6419]
58	Khwārizm	85[1]	–	–	the same as Z/119477, 6419]
59	Khwārizm	not dated	–	–	[9, p. 36, type 26; the same as Z/117442]
60	Khwārizm	not dated	–	–	[9, p. 36, type 26; the same as Z/117442]
61	[Khwārizm]	not dated	–	–	[9, p. 36, type 26; the same as Z/117442]
62	Bukhāra	[8]32	–	–	Countermark in a square cartouche, in- scription irreadible
63–65	missed	823	–	–	
66–69	missed	[8]23	–	–	
69–70	missed	[82]3	–	–	
71–74	missed	[823]	–	–	
75	missed	827	–	–	

Totally 75 Tīmūrid coins were attributed. Unfortunately, we did not have access to the metrological data of all coins. Let us individually consider the peculiarities of the silver and copper coin composition.

Silver coins. We found two countermarks on a silver tanga no. 17 minted during the joint reign of Sulṭān Maḥmūd Khān and Amīr Tīmūr. Both countermarks appeared as a result of Shāhrukh’s reform of the silver coin’s circulation. The earliest of them is a countermark in a heart-shaped cartouche with the

legend *Shāhrukh Bahādur*, *Shāhrukhiyya*. The next countermark in a square cartouche and with inscription *Shāhrukh Bahādur*, *Herāt* overlaps the heart-shaped countermark, which indicates it was made some time later.

We can identify four silver coins that should be given additional attention:

1. Silver *mīrī* no. 9 is an interesting mule coin, which was minted using the obverse die of 801 AH and reverse die of 800 AH;

2. Silver *mīrī* no. 16 is one-sided coin, because during the process of its coinage it struck to the top stamp of the previous coin. This coin clearly defines which stamp was used as the top one and which as the bottom one. In this case a stamp containing the kalima was the top one;

3. Coins nos. 14 (of joint rule of Maḥmūd Khān and Amīr Tīmūr, minted in Khwārizm), as well as no. 23 (minted in the name of Muḥammad Jahangīr and Khalīl-Sulṭān in Samarqand) in terms of weight both coins attributed to the nominal of $\frac{1}{6}$ tanga¹. That is a *dang* of a tanga nominal. This kind of *dang* never described before.

Table 1 shows that 36 coins out of 75 Tīmūrid coins are silver coins, which amounts to 48% (respectively 52% are accounted for the copper coins). Moreover, 30 out of 36 coins form fractions – $\frac{1}{4}$ tanga and $\frac{1}{6}$ tanga. Thus, we can confirm that *the local market was actively served both by copper and silver coins*. Let us try to identify the main patterns of the collected information.

We registered totally 19 silver coins of Amīr Tīmūr, which is about a half of all findings of silver coins (52.8%)². In addition to the name of Tīmūr in the legend, 19 coins mention the names of: Sulṭān Suyūrghatmīsh Khān (4 coins or 11.1%), Sulṭān Maḥmūd Khān (13 coins or 36.1%), while there are 2 coins featuring the names of Sulṭān Maḥmūd Khān and Muḥammad-Sulṭān (5.6%).

11.1% (4 coins) belong to the issues of Muḥammad Jahangīr and Khalīl-Sulṭān. The issues of Shāhrukh is presented by 11 coins (30.5%), as well as there is one coin of Abū Sa'īd (2.8%) and one coin of Sulṭān-Ḥusayn (2.8%). This *chronological structure of the silver coins in the findings indicates a decrease in the silver coin market in the post- Shāhrukh period*. At the same time, we register the increase in the number of silver coins at the market during the reign of Maḥmūd Khān and Amīr Tīmūr and later under Shāhrukh.

The list of mints, which carried out the coinage of the silver coins, is separately provided in the Table 2.

Table 2

List of mintnames from silver coins

	Mintname	Quantity	
		pieces	%
1	Samarqand	17	47,2
2	Sulṭāniyya	1	2,8
3	Iṣfahān	1	2,8
4	Qazwīn	1	2,8
5	Kāshān	1	2,8
6	Khwārizm	11	30,5
7	Mintname missed	3	8,3
8	No mintname	1	2,8
Totally		36	100

¹ According to the personal information received from the Ukrainian researcher Yu. V. Zayonchkovsky, a coin with the similar weight (1,01g) happened to be among the Jūjī coins as a part of the hoard of about 1,500 coins, found in June 2012, in Crimea (near the village of Predushchel'noe). The coin was minted in Iṣfahān with names of Sulṭān Maḥmūd Khān and Amīr Tīmūr in the legend.

² We consider 36 silver coins as 100%.

We discovered a significant prevalence of Samarqand coins (17 coins or 47.2%) and coins of the local Khwārizm mint (11 coins or 30.5%). So, in the region of Dev-Kesken-Qala we registered the fact that the monetary circulation of the fourteenth-fifteenth centuries included a large number of non-local coins from the other mints of Amīr Tīmūr’s empire (Qazwīn, Kāshān, Iṣfahān and Sulṭāniyya), distant from the Khwārizm region.

Among the total amount of the studied silver coins, we discovered three nominals based on their weight characteristics. The nominal classification of the silver coins is presented in the Table 3.

Table 3

List of denominations of silver coins from the single finds from Dev-Kesen-Qala

№	Denomination	Quantity	
		pieces	pieces
1	Tanga	6	16,6
2	¼ tanga (mīrī)	28	77,8
3	⅙ tanga (dangī)	2	5,6
Totally		36	100

77.8% of found silver coin are the fractions of tanga nominal. *This confirms the fact that the silver fractions of ⅙ tanga, which were smaller than mīrī (¼ tanga) circulated in Khwārizm in the Middle Ages.*

Copper coins. Totally 39 copper coins were registered. The coins with the name of Amīr Tīmūr are represented by the three coins (7.7%)³. The number of coins belonging to Shāhrukh coinage is equal to 34 (87.2%) and only 5.1% (2 coins) of 851 AH, which belong to the reign of Shāhrukh’s son, Uluġbek.

The chronological structure of the copper coins in the finding indicates that during the post-Shāhrukh period the replenishment of the market with the copper coins almost stopped.

The area of the copper coin circulation in the region of Dev-Kesken-Qala was supplied mainly by the local Khwārizm mint – 58.9% (23 coins out of 39). The coins minted in Bukhārā, Samarqand, as well as the coins without mint are represented by single samples (2.6% out of the 39 coins). The number of coins with missed mintmark is quite significant and amounts to 33.3% (13 coins), and all of them were issued during 820s AH. This can be explained by several reasons: poor quality of coinage; small size of the coin blank in relation to the dies; centering of the coin blanks during the process of coinage and the omitting of the marginal inscriptions, long stay of the coins in the chemically aggressive (highly salty) soils.

Table 4 contains the chronological order of coins with clearly readable year or a year, which has been already determined according to the typological features.

Table 4

Chronology of copper Tīmūrid coins from finding

		Time of amīr Tīmūr (770-807 AH)	Pre-reform coins of Shāhrukh ⁴ (807-832 AH)	Post-reform coins of Shāhrukh (832-850 AH)	Uluġbek (851-853 AH)	Unaccounted (Shāhrukh)	Total
Quantity	pieces	3	20	11	2	3	39
	%	7,7	51,3	28,2	5,1	7,7	100

³ We consider 39 coins as 100%.

⁴ The reform of copper coins’ circulation in 823 AH not considered here individually. The reason for this approach is that Khwarīzm was annexed by Shāhrukh in 820s AH and was frontier land with Jūjīd Khānate. The consequence of this geographical position might be income of old coins (i. e. after 823 AH might be came coins of 810s AH) in Khwarīzm, which were not in use in the main terriotries of Tīmūrid state.

The analysis of the chronological structure of the copper findings of Tīmūrid coins (see. Table 4) allows us to conclude that the small percentage of copper coins of Amīr Tīmūr indicates a weak incoming of Tīmūrid copper to the region of Dev-Kesken-Qala. It is possible that all of these coins did not come into circulation in the time of Amīr Tīmūr, but after the capture of Khwārizm by Shāhrukh in the fifteenth century. Such scenario could be a result of a very long circulation of a large number of these coins even after the death of Amīr Tīmūr. But it is also necessary to consider that Jūjīds' predatory raids in the territory of Amīr Tīmūr could also be the cause of appearance of the Tīmūrid copper (and of course silver) in Khwārizm.

The main volume of monetary incoming fall to the reign of Shāhrukh, the successor of Amīr Tīmūr – 34 coins (87.2%). 51.3% of Shāhrukh coins are pre-reform (832 AH)⁵ products, which may indicate a more active incoming of these coins before 832 AH in comparison to the post-reform issues (11 coins or 28.2%).

After reviewing the findings of copper and silver coins separately, we can try to collectively analyze the received information. Table 5 provides the list of all the coins classified by the issuers.

Table 5

	Ruler	Quantity, pieces	% from total
1	Amīr Tīmūr	22	29,4
2	Muḥammad Jahangīr and Khalīl-Sultān	4	5,3
3	Shāhrukh	45	60
4	Uluġbek	2	2,7
5	Abū Sa'īd	1	1,3
6	Sultān-Ḥusayn	1	1,3
Total		75	100

Summarizing the information on the individual findings of the Tīmūrid coins in Dev-Kesken-Qala we can notice that the bulk of the minted products belong to the period of the reign of Shāhrukh – 45 coins, 11 of which (60%) are silver coins. The coins of the dynasty founder Amīr Tīmūr amount to 29.4%, and these are basically silver coins (19 coins out of 22). It can be assumed that some of them turned out to be in the monetary circulation in this area as early as during the reign of Shāhrukh. However, it should be noted that among them there are also some coins minted in Khwārizm under Amīr Tīmūr (Table 1, nos. 12–14: silver, no. 38: copper).

During the analysis of the numismatic materials on the mints, we noticed the dominance of the locally produced coins from the Khwārizm mint (*ca.* 45.4%, 34 out of 75 coins). The capital mint of Samarqand is presented by 18 coins (24%), while such mints as Bukhārā, Sultāniyya, Iṣfahān, Qazwīn and Kāshān are presented by single specimens (in the amount of *ca.* 7%). 16 coins (*ca.* 21.3%) lost their mint in the legend, and two coins (2.7%) did not have a specified mint.

Discussion

The Khwārizm region was taken back from the Jūjīds by sultan Shāhrukh in 815 AH / AD 1412 and became the border of the Jūjīds' territories. This could not but affect the circulation of money in the region. Unfortunately, the amount of Tīmūrid coins in the total number of the findings in the Dev-Kesken-Qala turned out to be far less significant, than, for example, Jūjī coins, but it gives quite a relevant picture of the nature and stages of monetary circulation in Khwārizm under Tīmūrids. First, we see that during the reign of Shāhrukh silver coins circulate in retail trade. Shāhrukh's reform of 823 AH in a copper coin circulation in Central Asia did not yet provide the priority of copper coin in the retail sector of commodity-monetary relations. The silver coin held its position here up to 832 AH. After 832 AH, the role of post-reform copper coins in retail trade has gradually and substantially increased, and this coin replaced the minted silver everywhere. But we are not sure the same thing happened in Khorezm. Among

⁵ [10].

the copper coins of 832 AH only one specimen was found with a square countermark placed long after the year indicated on the coin itself. The vast majority of the post-reform copper coins are local Khwārizmian, struck between 816 AH and 832 AH. Consequently, the copper coins produced in 832 AH in the southern and eastern areas did not reach these territories. The presence of coins with years 833 AH, 837 AH and 838 AH indicates the special nature of the copper circulation in Khwārizm region. It should be noted that outside Khwārizm copper coins from the Khwārizm mint can be found very rarely.

Since in the fifteenth century the neighbors (Jūjīds) actively used small value silver dirhams (*akçe*) in the monetary circulation, the frontier Khwārizmian territory could not be served mainly by the Tīmūrid copper coins, as it was in the central regions of the Tīmūrid state. Perhaps mainly for this reason for a long time the retail trade in Khwārizm region could be provided both with the copper and silver coins. We have to admit that the small value coins got lost more often and more easily than big value tangas. Therefore, the disproportion in the amount of individual findings of low value coins compared to the high value ones cannot be explained only by the larger circulation (due to market demand) of the low value coins.

Anyway, by the end of the reign of Shāhrukh the retail trade begins to fade, and apparently, completely stops in the Dev-Kesken-Qala.

Unlike the analysis of the composition of the found hoard the most correct description of the monetary circulation in the studied area or the archaeological site can be given by the analysis of individual findings. The hoards, as an independent unit of historical information, were often formed taking into account the specific preferences of their host. Other hoards were fully formed outside the territory of their subsequent hoarding and can characterize the large income of imported money, which did not directly participate in the monetary circulation of the region.

Considering the studied single findings of Tīmūrid coins from Dev-Kesken-Qala, we can note an interesting fact. From the total of 75 coins, 36 coins are silver and 39 are copper, that is, 48% and 52%, respectively. It indicates the development of the area of circulation of both silver and copper coins in the region. In the findings we discovered two silver $\frac{1}{6}$ tanga coins belonging to the coinage of Sulṭān Maḥmūd Khān with Amīr Tīmūr and Muḥammad Jahāngīr with Khalīl Sulṭān. Their appearance can be explained by the fact that the existing price level in the area of the coin findings required silver fractions smaller than the coins of $\frac{1}{4}$ tanga (*mīrī*) to participate in monetary circulation.

The existence of fractions smaller than *mīrī* was first described by R. Z. Burnasheva [8, p. 39]. In the hoard of 1983 of the Tīmūrid time from the settlement of Quyriq-töbe⁶ she discovered 12 poorly preserved silver coins, which in terms of weight characteristics were equal to $\frac{1}{12}$ tanga⁷. It is noteworthy that these tanga fractions also belonged to the coinage of Sulṭān Maḥmūd Khān with Amīr Tīmūr and Muḥammad Jahāngīr with Khalīl Sulṭān. The discovered $\frac{1}{6}$ tanga coins perfectly complement the established monetary denomination system in the state of Amīr Tīmūr and early Tīmūrids. Looking ahead we can say that in 2015 during the study of museums and private collections of coins in Shīmkent region (Kazakhstan) A.O. Bragin [1, 2, 3] revealed one more nominal of $\frac{1}{24}$ tanga with a weight of 0.26 g [4, p. 214].

The findings from Dev-Kesken-Qala show us the prevalence of low value silver coins and a substantial amount of the copper ones. The largest amount of coins in the findings belongs to the local mint in Khwārizm and the second largest – to the mint in the capital of Samarqand. Copper circulation is characterized by a certain degree of regionality – the coinage is mainly carried out at the local mints and the coins rarely leave their region. There is a large amount of local issues in the region of the findings, but there is little in the central areas and in remote areas of the Timurid state [6, 7, 8]. At the same time, a huge number of copper coins from the capital mint are presented in the district of the studied archaeological site. The situation with the silver is diametrically opposite. Silver coins of Khwārizm are not rare in the findings from the central part of the state. The geography of mints on the silver coins of a large denomination from the findings amazes with its richness (Qazwīn, Kāshān, Iṣfahān and Sulṭāniyya), while small fractions of $\frac{1}{4}$ and $\frac{1}{6}$ tanga are presented by the coins from Samarqand and Khwārizm.

We methodically continue gathering new information about the coin findings of Amīr Tīmūr and his successors in order to identify the peculiarities and perform a more detailed reconstruction of the monetary circulation of the fourteenth-sixteenth centuries.

⁶ Quyriq-töbe settlement is located 6 km to the north-west from Otrar (Republic of Kazakhstan).

⁷ R.Z. Burnasheva figuratively calls this small denomination “tangacha of nīm-dangr” [4, p. 43].

REFERENCES

1. *Baytanaev B.A., Bragin A.O., Petrov P.N.* Sayramskiy klad timuridskikh monet. Book 1: Katalog. Almaty, 2014. 812 p.
2. *Bragin A.O., Baytanaev B.A.* Nakhodki monet amira Timura i timuridov v okruge goroda Shymkent. Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 550-letiyu obrazovaniya Kazakhskogo khanstva. Gl. red. B.A. Baytanaev. Almaty, 2015. P. 111–124
3. *Bragin A.O., Bondarenko A.A.* Nakhodki srednevekovykh monet dinastii timuridov na territorii Respubliki Kazakhstan. RASMIР: SKhIDNA NUMIZMATIKA. II Mizhnarodna naukova konferentsiya: zbirnik naukovikh prats' konferentsii. Kiiv, Al'fa reklama, 2015. P. 40–43.
4. *Bragin A.O.* Melkie fraktsii tanga v denezhnom obrashchenii gosudarstva amira Timura // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «VIII Orazbaevskie chteniya» po teme «Arkheologiya, Etnografiya i Muzeologiya v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniya», priurochenny k 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan 1–2 aprelya 2016 g., Almaty, 2016. P. 214–216.
5. *Burnasheva R.Z.* Klad serebryanykh timuridskikh monet kontsa XIV – nachala XV vv. na gorodishche Kuyruk-tobe (Otrarskiy oasis). Izvestiya AN Kazakhstana. Seriya obshchestvennykh nauk. 1989, No. 2. P. 37–45.
6. *Burnasheva R.Z., Smagulov E.A., Tuyakbaev M.K.* Klady i monety Turkestana. Almaty: «Baur», 2006. 204 p.
7. *Burnasheva R.Z.* Denezhnoe obrashchenie v gorodakh Yuzhnogo Kazakhstana v XV–XVIII vv. Turkestan: Tipografiya Mezhdunarodnogo kazakhsko-turetskogo universiteta im. A. Yasavi, 2006. 255 p.
8. *Burnasheva R.Z.* Otrar, Otrarskiy oasis i yuzhnyy Kazakhstan. Numizmaticheskie issledovaniya po denezhnomu delu yuzhnokazakhstanskikh gorodov VII–XVII vv. Nauchno-analiticheskiy obzor. Alma-Ata: «Nauka» Kazakhskoy SSR, 1989. 78 p.
9. *Goncharov E.Yu.* Mednyy chekan Timuridov v Khorezme: Timur i Shakhrukh. Epigrafika Vostoka. XXVIII. Moscow, 2009. P. 27–38. (ispr. Izd.)
10. *Davidovich E.A.* Istoriya denezhnogo obrashcheniya srednevekovoy Sredney Azii. Moscow, «Nauka», 1983. 360 p.
11. *Petrov P.N.* Klad iz Dev-kesken-kala i voprosy nachala chekanki serebryanykh monet v Dzhuchidskom uluse. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Is. 3. Kazan, 2010. P. 121–149.
12. *Petrov P.N.* Nakhodki dirkhemov kontsa XIII v. iz Dev-kesken-kala. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Is. 4. Kazan, «Foliant», 2011. P. 218–237.
13. *Petrov P.N., Bugarchev A.I.* Mednye monety iz Dev-kesken-kala. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. 2012. Is. 5. P. 237–245.
14. Zeno.ru – Numizmaticheskaya baza vostochnykh monet. (www.zeno.ru)

About the Authors:

Bragin Andrey O., Postgraduate Student, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); rasmir@mail.ru

Petrov Pavel N., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate, Centre for Numismatics and Epigraphy Studies, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Leading Research Associate, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan); ppn@zmail.ru

ЭПИГРАФИКА

УДК 94(47).031

СУДЬБА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ПРИНЦЕССЫ ТУЛУНБАЙ ПО ДАННЫМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Э.Г. Сайфетдинова

THE FATE OF THE GOLDEN HORDE PRINCESS TULUNBAI ACCORDING TO MEDIEVAL ARAB WRITINGS

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В данной статье рассматривается вопрос о судьбе золотоордынской принцессы «высокосановной хатуни» Тулунбай, выданной замуж за мамлюкского султана ан-Насира Калавуна во времена правления хана Узбека. Этот династический брак был одним из ярких в междипломатических отношениях Золотой Орды и Египта. Несмотря на неудачный брак с султаном, Тулунбай не вернулась в Золотую Орду и до конца своей жизни прожила в Египте. В Каире до сих пор сохранилась ее могила, о которой упоминали еще средневековые арабские летописи.

Ключевые слова: Золотая Орда, мамлюкский Египет, династический брак, султан ан-Насир, Тулунбай.

The article considers the fate of a Golden Horde princess – the “highly dignified khatun” Tulunbai given in marriage to Mamluk sultan an-Nasir Kalavun during the reign of khan Uzbek. This dynastic marriage was one of the brightest moments in the interdiplomatic relations between the Golden Horde and Egypt. Despite the unsuccessful marriage with the Sultan, Tulunbai did not return to the Golden Horde and lived in Egypt for the rest of her life. Her grave in Cairo has preserved until today, and has been mentioned by Arab chroniclers as early as in the Middle Ages.

Keywords: Golden Horde, Mamluk Egypt, dynastic marriage, sultan An-Nasir, Tulunbai.

Династические браки играли большую роль в международной политике и заключались с целью объединить две династии и, тем самым, прочными узами связать друг с другом две страны. В истории Золотой Орды также существуют примеры брачных союзов. Но, пожалуй, самым известным считается династический брак между султаном Мухаммедом ан-Насиром и представительницы чингизидского рода по имени Тулунбай, который был красочно описан в средневековых арабских летописях.

Об этом династическом браке знают многие ученые, занимающиеся исследованием золотоордынской истории [1; 2; 3; 4; 7; 8; 10]. Первым на заключение династического брака был настроен ан-Насир «султан, посылал уже (прежде) к Узбеку сватать одну из княжен Чингизханова рода» [9, с. 438]. Золотоордынский хан Узбек долго сомневался в необходимости такого союза, но по совету эмиров дал свое согласие и выдвинул невероятные условия, которые привели к тому, что султан ан-Насир отказался от этого брака и не упоминал его при встрече с послами из Золотой Орды. Но во время одного из визитов египетских послов в Золотую Орду, Узбек хан заявил, что «назначил (султану) упомянутую (княжну)» [9, с. 440]. И в Египет была отправлена, Тулунбай «называемая также Дулунба и Тулубия, дочь Тогаджи, сына Хинду, сына Бертеку, сына Душихана, сына Чингизхана» [9, с. 438]. Исследование родословной цепочки Тулунбай привела нас к мнению, что это была не племянница Узбек хана, а его двоюродная сестра, поскольку отец Узбек хана Тогрул и отец Тулунбай Тогаджи (Такаджу, Таджу) согласно родословным, составленным

Рашид ад-дином, скорее всего являлись родными братьями [6, с. 22–25]. Правда Ибн Халдун называл ее дочерью Бурлюка и сообщал, что первоначально сам Узбек-хан «подослал к нему (султану – С.Э.) Кутлугтемира по поводу одной знатной женщины их (Татар), возбуждая ее жениться на ней, и назначил ему дочь Бурлюка брата Токтая» [9, с. 385]. Однако есть предположение, что после казни отца Тулунбай Тогаджи (Такаджу, Таджу) его дети были переданы Бурлюку и поэтому Тулунбая еще называли дочерью Бурлюка [7].

В Египет Тулунбай прибыла с большим сопровождением «в последний десяток ребиэльэвеля (в первых числах мая 1320 г.) к пределам богохранимого города Александрия» [9, с. 327]. По прибытии процессия разместилась в султанском замке. В Каир они плыли на специально заготовленных шлюпках, а к главному дворцу султана Тулунбай отправилась «на повозке, внутри которой (была устроена) комната, обтянутая алтабазными, атласными и зербафными покрывами; вез ее повозку один (лишь) мерин, которого два невольника вели за повода, по обычаю Татарских стран» [9, с. 327]. Султан с большим почтением отнесся к гостям, подарил около 500 халатов, собрал большой пир, после чего в мечете, был подписан «договор, в котором определена и *немедленная* и *срочная* уплата (приданого), всего 60000 динаров» [9, с. 327].

Таким образом, египетская сторона с большим вниманием и уважением отнеслась к татарской принцессе Тулунбай. Как пишет Ибн Дукмак: «Торжества, подобнаго этому, не было (еще) не с одним, из тюркских царей в Египетских странах» [9, с. 327].

Торжественная свадьба состоялась, и был заключен брачный союз. «В ту же ночь он вступил в брак с нею, но она не понравилась ему» [9, с. 439]. Султан неожиданно рано утром отправился на юг Египта в Саид. Причины, побудившие султана сделать такой шаг не понятны. Так, Амин ал-Холи предполагал, что «жених пренебрежительно отозвался о церемониале переезда татарской принцессы из Сарая в Калат ал-Джебел и вообще о свадебных обрядах и торжества» [1 с. 25]. Но возможно, что здесь свою роль сыграла и первая жена султана ан-Насира, известная под именем Тогай, имевшая большое влияние на султана. По сообщению Мерена Тогай умерла в 724 г.х. (1324 г.) [11, с. 555], похоронена она в отдельном склепе, который сохранен и до наших дней в Египте (Рис.1*).

Тулунбай пробыла в замужестве за султаном около 8 лет и после была выдана замуж за одного из эмиров: «29 шевалля 728 года (= 6 сентября 1328 г.) заключен брачный договор хатуни Тулунбии – прибывшей из владений Узбековых – с эмиром салахдаром Сейфедином Менглибугой, после того как с ней развелся султан и прошел срок ея (установленный для вступления в новый брак. Он женился на ней 8-го дзулкаадда (= 14 сентября 1328 г.) [9, с. 441]. Этот брак был непродолжительным, так как Менгли-буга умер в 731 г.х. (1331) г., о чем сообщает ал-Макризи: «скончался эмир Сейф ад-дин Менгли Буга салахдар, в день 16-ый и захоронен за воротами Насер в Каире и был один из тысячи эмиров, был женат на госпоже Дуланбия дочери Таджи, разведенная султаном и даровал свое имущество Тимербуге» [5, с. 147]. По традиции женщина не могла оставаться вне брака, поэтому Тулунбай снова выходит замуж на этот раз за эмира Сусуна, брата известного мамлюкского эмира Кусуна (ум. 1342 г.), который прибыл в Египет со свадебной процессией Тулунбай и за это время стремительно возвысился до звания эмира и даже породнился с султаном ан-Насиром, женившись на одной из его дочерей [2, с. 16].

После смерти эмира Сусуна (1334 г.) Тулунбай снова становится вдовой. В 1334-1335 г. из Золотой Орды прибывают послы с посланием от Узбек хана, в котором он упрекал ан-Насира в том, что он развелся с царевной и выдал ее замуж за мамлюка: «султан посылал ко мне несколько раз по поводу сватовства на одной из дочерей ханских; я откладывал дело до тех пор пока мне (наконец) стало совестно перед султаном и я отправил к нему одну из лучших дочерей ханских. Затем если она для твоей милости оказалась неудобною, то тебе следовало отослать ее (назад) в то место, из которого она прибыла, а не дарить ее одному из твоих мамлюков» [9, с. 527]. Но тогда султан ан-Насир сказал, что это ложь и прожив с ним год, она заболела и скончалась. Для подтверждения этого, был составлен официальный документ и призваны двое мамлюков, которые засвидетельствовали смерть хатуни. Этот акт и подарки он отправил Узбек-хану [9, с. 184, 528]. Было ли это единоличное решение самого султана, вследствие нежелания усугублять взаимоотношения с Золотой Ордой, либо царевна Тулунбай сама не пожелала вернуться в Золотую Орду остается неизвестным. Именно после этого письма, Тулунбай была выдана замуж в последний

* Цветные рис. 1–4 к статье см. на стр. 254.

четвертый раз за сына египетского наместника Аргуна – Омара, в браке с которым прожила до самой смерти [9, с.269]. Интересен и тот факт, что наместник Аргун был одним из людей, которые встречали свадебное посольство Тулунбай в Александрии и видимо уже тогда познакомился с ней.

Однако Узбек-хан не забывал о Тулунбай. В 739 г. х. (= 1339 г) из Золотой Орды приходит еще одно посольство с письмом от Узбек хана, в котором он просил для Узбека одну из дочерей султана ан-Насира, «которую он мог бы славиться и заключить братство и дружбу. Султан понял, что они намерены поступить так, как он поступил с ними. Через несколько дней пригласил он к себе, пожаловал им халаты и написал следующий ответ «дочери мои (еще) малолетки и старшей из них всего шесть лет, по достижении ею законного срока для вступления в брак, мы снарядим ее и вышлем ее к услугам его (Узбека) если на то будет воля Всевышнего Аллаха» [9, с. 262–263, с. 441]. Неизвестно чем бы закончилась эта история вокруг царевны Тулунбай, если бы главные зачинщики этого династического брака не скончались: в 1341 году умер ан-Насир, а в 1342 году скончался и Узбек-хан.

Что касается смерти самой Тулунбай существуют разные даты: ал-Асади указал дату 1341 г., ал-Мисри 1342–1343 г. В Булакском издании сочинения ал-Макризи, хранящемся в Париже есть отметка переписчика, которая гласит: «Она (Тулунбай) умерла в 14-го ребиэлахыра 765 г. хиджры (=20 января 1364 г.) и похоронена в своей часовне за воротами ал-Багри по соседству от часовни госпожи Тогай, матери Анука [9, с. 440]. Этот надгробный памятник сохранился в Каире до наших дней (Рис. 2, 3, 4), в котором есть надпись с именем Тулубай. Этот эпиграфический памятник дает нам возможность полагать, что Тулунбай прожила в Каире достаточно долгую жизнь и пережила многих правителей, которые сменялись в Египте также часто, как и в Золотой Орде.

По сообщению Мерена (вторая половина XIX в.) сохранился не только сам саркофаг, но и часовня, которые были построены по приказу самой Тулунбай, однако профессор Каирского университета Гамаль Абдель Рехем сообщил нам, что купол часовни был разрушен возможно вследствие одного из землетрясений случившихся в Каире.

Вопрос о судьбе Тулунбай остается еще открытым, необходимы более подробные описания ее жизни в мамлюкском Египте. При этом оценивать судьбу Тулунбай как сугубо трагичную, полагая, что царевна провела в неволе и насильно была выдана замуж за эмиров, требует дальнейшего изучения. Заключение брачных союзов с эмирами было связано прежде с тем, что Тулунбай оставалась вдовой, а по традициям того времени женщина не должна была оставаться вне брака. Ее высокий и уважаемый статус доказывается и тем, что Тулунбай носила титул «хонд», что в переводе с персидского означает **госпожа**, так именовались все жены мамлюкских султанов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аль ал-Холи*. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во Иман, 2002. 49 с.
2. *Зайнуддинов Д.Р.* Биографический сборник ас-Сафад Салах ад-дина как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 767–778. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.767-778
3. *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: «Наука», 1966. 160 с.
4. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
5. *ал-Макризи*. Китаб ас-сулук ли магрифат дувал ал-мамлюк. Каир, 1936. Т. 3. 566 с.
6. *Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И.* Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. Вып 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 22–25.
7. *Сабитов Ж.М.* Улусы Джучидов в 1242–1266 годах [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <https://www.proza.ru/2012/03/20/1068>
8. *Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х.* Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых арабских летописей. *Zolotoordynskoe Obzrenie=Golden Horde Review*. Vol. 5, no. 2 2017, pp. 116-125 DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125
9. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.

10. *Штулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Пер. с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

11. *Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersburg.* Т. I–XVI. St.-Pbg., 1852–1892.

Информация об авторе:

Сайфетдинова Эльмира Гадельзяновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); adulya2@yandex.ru

About the Author:

Sayfedinova Elmira G., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); adulya2@yandex.ru

УДК 930.27(470.41)"18"

ЭПИТАФИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ИСЕНЕЯ ЯУШЕВА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.М. Гайнутдинов

EPITAPHY ON THE MONUMENT TO ISENEI YAUSHEV: SOURCE ANALYSIS

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Статья посвящена источниковедческому анализу эпитафического памятника XVII в., установленного на могиле Исенея сына Семеней сына Багиша сына Яуша. Древние надгробные плиты, тексты которых написаны на арабской графике, играют важную роль в изучении истории, культуры, языка татарского народа. В 2016 г. в Атинском районе РТ нам удалось обнаружить около 1600 татарских эпитафических памятников. Исенеи Яушев был правнуком знаменитого князя Яуша и поэтому его надгробный камень представляет особую ценность и интерес для исторической науки. Этот эпитафический памятник важен не только тем, что установлен известной исторической личности, но и тем, что его изготовил и написал на камне текст мастер Кулмухаммад сын Кильмухаммада.

Ключевые слова: памятник, эпитафический, эпитафия, Яушев, история, Кошар, Атинский район.

The article is dedicated to a source study of a 17th century epigraphic monument erected on the grave of Isenei son Semenei son of Bagish son of Yaush. Ancient tombstones featuring texts written in Arabic script play an important role in study of the history, culture and language of the Tatar people. The authors managed to discover approximately 1600 Tatar epigraphic monuments in the Atninsky district of the Tatarstan Republic in 2016. Isenei Yaushev was a great-grandson of the famous prince Yaush, hence the special value and interest of this gravestone for historical science. This epigraphic monument is significant not only because it was erected in honour of a renowned historical figure, but also due to the fact that it was crated and inscribed by master Kulmuhammad son of Kilmuhammad.

Keywords: monument, epigraphy, epitaph, Yaushev, history, Koshar, Atninsky district.

Татарские эпитафические памятники, безусловно, играют важную роль в изучении истории, культуры, языка татарского народа. Понимая важность эпитафики, несколько лет тому назад Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ начал изучать сохранившиеся арабографические эпитафические памятники. Например, в 2013–2014 гг. нами были исследованы свыше ста старинных надгробных плит на территории Мамадышского района РТ. 2015 году во время научных экспедиций в Арский район мы выявили и тщательно изучили 1288 надгробных камней XV в. – 1939 гг. [1, л. 4]. В 2016 г. в Атинском районе РТ нам удалось обнаружить около 1600 татарских эпитафических памятников. Среди них, относительно, много надгробных камней, установленных в честь видных исторических личностей.

На действующем кладбище села Кошар Атинского района сохранился эпитафический памятник XVII в., установленный на могилу Исенея сына Семеней сына Багиша сына Яуша. Как известно, этот человек был правнуком знаменитого князя Яуша и поэтому его надгробный камень представляет особую ценность и интерес для исторической науки. Особенно важно то, что там указан год смерти Исенея: 1105 год по хиджре, т.е. 1693–1694 года. Текст его надгробного камня написан на арабской графике на арабском и старотатарском языках. Ниже приводим полное описание этого памятника (**цв. фото** памятника см. на стр. 255):

Лицевая сторона (рельефная надпись):

- 1) «Һүвэл-хэййүл-лэзии лэә йәмүүтү вә куллү хэйийн сэйәмүүт каал-
- 2) –ән-нэбии галэйһис-сәлләәм әд-дүнийәә сәәгатүн фәжгальһәә таагаты садак
- 3) каалән-нэбии галэйһис-сәлләәм әд-дүнийәә сижжиинүл-мүъмини

- 4) вэ жәннээтүл-кээфир эд-дүнийээ жиифээтүн вэ таалибүһээ килээб
- 5) тарих меңдэ йөздэ бишдэ дирлэр ирде Исәнэй морза
- 6) Симәнэй бик углы бу билекен куйд ирәнләрдин дога өмүт
- 7) өжүн.

Правая сторона (рельефная надпись): «Кэтэбәһү Килмөхәммәд углы Колмөхәммәд...».

Левая сторона (рельефная надпись): «Дарел-фәнадин дарел-бәкага рихлэт кылды Ходай рәхмәт кылсун».

Перевод на русский язык:

Лицевая сторона:

1) «Он [Аллах] – Живой, который никогда не умирает, а каждая душа вкусит смерть. Пророк, мир

2) ему, сказал: «Этот мир – лишь один час, так проведи же его в подчинении Аллаху. Правильно сказано.

3) Пророк, мир ему, сказал: «Этот мир для верующего тюрьма,

4) а для неверного рай». «Этот мир – падаль, его хотят только собаки».

5) В тысяча сто пятом [году по хиджре] Исеней мурза

6) сын Сименя бека поставил этот знак для того, чтобы люди молились

7) за него.

Правая сторона: «Написал Кулмухаммад сын Кильмухаммада...».

Левая сторона: «Из мира тленного в вечный мир переселился. Пусть Бог помилует».

Размеры камня: 105x47x10.

В эпитафийном тексте памятника указывается и титул умершего Исеня – мурза. Его отец Семеней Багишев грамотой царя Михаила Фёдоровича от 7 июня 1628 г. был пожалован княжеским титулом [7, л. 5], поэтому на надгробном камне он назван уже не мурзой, а беком, т.е. князем.

В документе 1650 г. об Исенее и его родственниках написано, что Яушевым принадлежали владения в деревне Кошар. Представители власти дали им грамоту на их землю: на треть земли данного населенного пункта со всеми угодьями, санными покосами, мельницей и т.д. [5, л. 163–165]. Известно, что сын мурзы Исеня по-имени Богдан тоже владел вотчинами и поместьями в некоторых населенных пунктах. Вообще, про знаменитый татарский род Яушевых написано немало научных статей, наблюдений и поэтому не считаем нужным здесь подробно все это излагать.

Описанный выше надгробный камень важен не только тем, что установлен известной исторической личности, но и тем, что его изготовил и написал на камне текст мастер Кулмухаммад сын Кильмухаммада. По мнению эпиграфистов Р. Марданова и И. Хадиева, этот мастер являлся родным сыном другого известного мастера Кильмухаммада сына Ишмана, который относился к роду Кара бека [6; б. 33]. Если эта версия правильная, то нам станет известна и понятна родословная этих двух мастеров Кулмухаммада: Кулмухаммад сын Кильмухаммада (Кильмака) сын Ишмухаммада (Ишмана) мурзы сын Пайке мурзы сын Бики бека сын Чуаш бека сын Алсуфи бека сын Гали бека сын Кара бека [2, б. 242–243; 3, б. 31–32; 4, б. 29–32].

Надгробный камень, установленный на могиле Ярмухаммада мурзы сына Дускея мурзы на кладбище деревни Верхняя Ошма Мамадышского района РТ, также изготовлен Кулмухаммадом. Таким образом, пока нам известны только две работы этого мастера, в которых прямо указано, кто их изготовлял и делал надписи.

В последние годы вопрос выявления и изучения историко-культурных памятников стал актуален. Поэтому, пока не поздно, необходимо, засучив рукава, усердно трудиться над этой работой, тщательно изучать каждый регион, где проживают татары и выявлять сохранившиеся эпиграфические памятники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайнетдинов А.М.* Арча районы эпитафик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемдәге Тарих институты, 2016. 460 б. + 16 б. цв. вкл.
2. *Әхмәтҗанов М.И.* Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Мәгариф, 2002. 343 б.
3. *Әхмәтҗанов М.И.* Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 351 б.
4. *Әхмәтҗанов М.И.* Татар шәжәрәләре: 1 т. Казан: Татар.кит.нәшр., 2012. 407 б.
5. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.) / Составители: И. П. Ермолаев, Д. А. Мустафина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 206 с.
6. *Мәрданов Р., Гадиев И.* И таш, сөйлә... «Мөселманлардин дога өмид өчен» / Р. Мәрданов, И. Гадиев. Чын мирас. 2013. № 7. Б. 26–35.
7. НА РТ, ф.168, оп.1, д.685.

Информация об авторе:

Гайнутдинов Айдар Марсилевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); aydargm@yandex.ru

About the Author:

Gainutdinov Aidar M., Candidate of Philological Sciences, Senior Research Associate, Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); aydargm@yandex.ru

УДК 930.27(470.57)"15"

**СТАРОКАЛМАШЕВСКАЯ НАДМОГИЛЬНАЯ ПЛИТА И ВОПРОСЫ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬЯ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

И.М. Миргалеев

**STAROKALMASHEVO GRAVESTONE AND THE ISSUES OF THE ETHNIC
INTERPRETATION OF PRE-URAL POPULATION IN THE MIDDLE AGES**

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Малоизученность этнической истории Западного Приуралья, особенно средневекового периода, ставит перед исследователями все новые и новые задачи. Прежде всего, для решения этих задач необходима активизация археологического изучения региона. Изучение и интерпретация надписи Старокалмашевского надмогильного камня показывает сложность этнических процессов на данной территории. В связи с этим, на взгляд автора, весьма далек от изученности изменения в этническом облике региона, прежде всего, период, связанный с монгольскими завоеваниями в XIII веке. Восточные венгры – мадьяры (чияликцы), встреченные Юлианом и подробно описанные им, – были депортированы и раскиданы по обширным территориям Монгольской империи. После бурных событий 30-х годов XIII века этническая карта Приуралья сильно изменилась. Автор ставит вопрос: насколько данная территория оставалась условно угорской в XIII–XIV веках? Кем были археологические «селеукцы», памятники которых до сих пор не изучены? По мнению автора, при археологическом изучении средневекового Приуралья необходимо отталкиваться от исторических фактов и учитывать, что после депортации мадьяров, судя по археологическим находкам, эти территории были заселены мусульманским населением, а судя по многочисленным данным языка эпитафий, их население было татароязычным. Сама территория оказалась включена первоначально в состав Булгарского вилайата Золотой Орды, а затем вошла в состав Казанского ханства.

Ключевые слова: надмогильная плита, чияликская культура, восточные венгры, татары, Западное Приуралье.

The fact that the ethnic history of the Western Urals, especially that of the medieval period, is understudied, poses an increasingly large number of challenges for its researchers. Firstly, the resolution of these problems requires the initiation of the archaeological study of the region. The study and interpretation of the inscriptions on Starokalmashevsky gravestone demonstrate the complexity of ethnic processes in the territory. In this regard, in the opinion of the author, changes in the ethnic composition of the region, particularly in the period associated with the Mongol conquests in the 13th century, are far from being thoroughly studied. The Eastern Hungarians – the Magyars (Chiyaliktsy) encountered and described in detail Julian were deported and scattered across the vast territories of the Mongol Empire. The ethnic map of the Urals significantly changed after the turbulent events of the 1230s. The author raises the question of the extent to which the territory remained conditionally Ugric in the 13th–14th centuries. Another question raised concerns the identity of the archaeological “Seleuktses” who erected the unstudied monuments. According to the author, the archaeological study of the medieval Urals should be conducted on the basis of historical facts with due account of the fact that according to the archaeological findings after the deportation of the Magyars these territories were inhabited by the Muslim population, and considering the scarce information on the language of the epitaphs their population was Tatar-speaking. The territory itself was originally included in the Bolgar vilayet of the Golden Horde, and subsequently became part of Kazan Khanate.

Keywords: gravestone, Chiyalik culture, Eastern Hungarians, Tatars, Western Urals.

История Западного Приуралья в средние века, к большому сожалению, еще далека от полноценного исследования. В связи с тем, что письменные источники не позволяют рассмотреть историю региона детально, большое внимание необходимо уделить изучению археологических культур на территории Западного Приуралья. Надеемся, что в семитомнике «Археология Волго-Уральского региона», подготавливаемом Институтом археологии имени А.Х. Халикова Академии

наук Татарстана, будут прояснены многие малоизученные моменты. Пока же отсутствие постоянных археологических раскопок на территории южной части Западного Приуралья не позволяет проанализировать всю этническую карту региона. Остается практически неизученными изменения в этническом облике региона, прежде всего связанные с монгольскими завоеваниями в XIII веке. Первая попытка рассмотреть целюно этот период относительно истории Приуралья была проведена коллективом авторов из ведущих специалистов в 2016 году [4]. Их труд уже получил положительную оценку специалистов [5; 7].

Известно, что восточные венгры, встреченные Юлианом и описанные им, поддерживаемые волжскими булгарами, на протяжении нескольких лет оказывали сопротивление войскам Джучидов. Безусловно, во время западного похода они также оказали сопротивление, за что их остатки после покорения были распределены по всем улусам Чингизидовичей [8, с. 171–173]. Такая же судьба постигла и многие другие народы, будь то в Центральной Азии или в Восточной Европе. Она коснулась волжских булгар, аланов, кыпчаков и мадьяр. Безусловно, какая-то часть этих племен осталась в своих территориях проживания, но часть завоеванных монголами племен была перемещена на различные территории империи Чингиз-хана. Восточные венгры-мадьяры – баскарды (варианты – бажгарды, паскатиры), соответствующие чияликской археологической культуре, – являются подтверждением этому. Хотя спорными представляются вопросы, существовала ли эта культура в XIII–XIV веках, и насколько она оставалась угорской. Вопрос, к сожалению, исследован крайне недостаточно. Г.Н. Гарустович довел существование чияликской культуры до XIV века, при этом выделив существование и другой археологической культуры – «селеукцев». Но он отметил, что «селеукские памятники до сих пор еще мало изучены и говорить что-либо об истоках плоскодонной керамической традиции и специфике взаимодействия чияликцев и селеукцев пока еще преждевременно» [3, с. 23].

Как видим, данный вопрос требует дальнейшего изучения. К большому сожалению, по определенным причинам уфимские археологи больше изучали древние периоды и раннее средневековье, практически упустив из виду средние века (XIII–XVI века).

При археологическом изучении средневекового Приуралья необходимо отталкиваться от исторических фактов. Как известно, после окончания западного похода земли Приуралья вошли в состав Улуса Джучи. Однако обширность земель, вошедших в состав этого государства, относительная удаленность Западного Приуралья от развитых территорий Золотой Орды и малозаселенность послужили причинами тому, что до нас практически не дошло описаний этой территории. Как известно, Среднее Поволжье – бывшие территории Волжской Булгарии – в Золотой Орде стали Булгарским вилайатом. Вполне возможно, Беловолжский улус был самым восточным уделом Булгарского вилайата. Как известно, в последующем Беловолжский улус стал одним из уделов Казанского ханства.

После походов Батыея произошли колоссальные этнические изменения. Территория Западного Приуралья из угорской превратилась в тюрко-татарскую. Остатки угров, прежде всего на левобережье Камы, постепенно были тюркизированы и стали основой новой этнической группы – иштяков, связанных не только с Уралом, но и с Западной Сибирью. В последующем именно иштяки сыграли ключевую роль в этногенезе современных башкир и части поволжских (пермских) и сибирских татар.

Что из себя представляют условные «чияликцы» после вхождения этих территорий в состав Золотой Орды? На наш взгляд, здесь необходимо обратить внимание на два момента. Первое – это «депортация» мадьяр по улусам Чингизидов. В дальнейшем письменные источники их уже не упоминают. Как пишет финский исследователь Роман Хаутала: «Францисканские миссионеры в Золотой Орде, в значительной степени состоявшие из выходцев из Венгрии, обязательно упомянули бы крупную группу угрозязычного населения, если бы она встретилась им в ходе их прозелитической деятельности» [8, с. 171].

По данным археологии, чияликские погребения совершены «по мусульманскому обряду, т.е. без вещей и с соблюдением соответствующих канонов, однако в чияликских могильниках представлены и многочисленные пережитки языческого угорского обряда» [1, с. 123].

Судя по данным археологии, мусульманское население начало проникать на территорию Приуралья на рубеже XI–XII вв. и было связано с Волжской Булгарией [1, с. 121]. Безусловно, исламизация представителей чияликской культуры – мадьяров – шла из Волжской Булгарии. Об

этом говорят и источники. Гийом де Рубрук сообщает, что «... они были подчинены соседствующими болгарам-сарацинами, и многие из них стали сарацинами» (цитата по [8, с. 169]).

Однако описание и классификация так называемой «чияликской культуры» также требует дальнейших исследований. Выдают ли эти данные единую этническую общность или же перед нами несколько этнических и конфессиональных групп, но схожих по материальной культуре? И до какого периода, по данным археологии, чияликцы хоронили по языческому обряду, и с какого периода перешли на мусульманский обряд? Почему Юлиан в своих упоминаниях о мадьярах не замечает в них влияние мусульманской религии? Пусть даже если какая-то часть чияликцев хоронила своих сородичей по канонам ислама, то они это делали осознанно. Это очень серьезный вопрос, который является маркером, культурным кодом этой этнической общности. Но, судя по данным латинских источников, мадьяры были язычниками. А судя по археологии, как видим, влияние ислама прослеживается четко. Не говорит ли все это о том, что на территории Западного Приуралья кочевали язычники мадьяры и здесь же жили некие другие этнические группы, исповедовавшие ислам, но при этом небулгарского происхождения? Как проникал ислам в среду мадьяр? Все племя переходило в ислам или же только отдельные индивидуумы? И не был ли связан их переход в ислам с принятием подданства Волжской Булгарии? И какова хронология этих событий? Каков был состав институтов золотоордынской администрации?

Мы бы здесь поставили и еще такой большой вопрос, связанный, прежде всего, с «переселением народов», в нашем случае – с тюрками. Какой след оставили в регионе ранние племена, как и более поздние, скажем болгары, печенеги, кимаки-кыпчаки и золотоордынские татары?

Несомненно, племена, проживавшие в Волго-Уральском регионе, тесно контактировали. Но полное смешение населения Приуралья, как и всего Волго-Уральского региона, произошло после включения этих территорий в состав Улуса Джучи. На этой обширной территории шла консолидация средневековых татар и постепенная тюркизация всего населения.

После монгольских завоеваний и установления новых административных единиц в составе золотоордынского государства на всей территории, завоеванной Чингизидами, произошли большие изменения. Именно после западного похода восточные венгры – мадьяры – перестали населять данный регион. Южная часть Западного Приуралья – современные территории Восточного Татарстана и Западного Башкортостана – стали полностью тюрко-татарскими. Южный Урал благодаря своим степям стал местом кочевки золотоордынских кочевников. А вот территория от Пермского Предуралья и до Западной Сибири стала местом формирования новой этнической общности – иштяков, сыгравших большую роль в становлении современных этносов этого региона. Иштяки были тюркизированы. Но в основе своей они сохранили и угорские (остякские) группы, хотя, судя по народной памяти и некоторым источникам, в их состав влились и тюркские группы из Средней Азии.

В связи с этим вызывает большой интерес надмогильный камень 40-х годов XIV века, иногда ошибочно датируемый 1442–1447 годами. Это одна из самых ранних мусульманских надмогильных плит в Приуралье¹. Он был найден 50-х годах XX века местным краеведом Г.К. Воробьевым около татарской деревни Старо-Калмашево Чекмагушевского района РБ, у реки Калмаш. Как известно, там же находится и городище Кала-Тау (Старокалмашевское, Чекмагушевское городище). Надмогильный камень в настоящее время хранится в фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, а его копия – в краеведческом музее Чекмагушевского района².

К сожалению, как этот надмогильный камень, так и другие похожие памятники были сняты с мест находок и увезены в музеи, а часть их – просто утеряна. Практически места находок этих надмогильных камней можно назвать только условно. Эти древние кладбища до сих пор остаются неизученными. Г.Н. Гарустович, основываясь на этих находках, пишет, что они оставлены пришлым населением и отличаются от окружавшего их этнического ареала [2, с. 40]. Учитывая, что Приуралье было местом активной миграции угров и тюрков из Западной Сибири, «пришлость» этого населения является весьма условной. Тем более, как уже было отмечено, мусульманское

¹ Согласно консультации Д.Г. Мухаметшина, самый ранний надмогильный камень в регионе принадлежит шейху Мухаммад Рамазан ал-Ауши, стороннику хана Берке (по дневникам Г.В. Юсупова) 651 г.х. Однако Д.Г. Мухаметшин не уверен, что эта дата соответствует времени установки памятника.

² Хотелось бы поблагодарить старшего научного сотрудника ИЭИ УНЦ РАН, к.и.н. И.М. Габдрафикова за предоставление фотографии этого уникального памятника.

население туда проникало уже с XI века. Однако если «пришлость» и определяется, то ее можно связать, прежде всего, с созданием золотоордынских улусов или же образованием Казанского ханства, когда в этих уделах должны были образоваться административные центры улусов. Несомненно, какая-то группа людей могла быть переселена в эти уделы, прежде всего для обеспечения функционирования институтов власти на местах. Схожесть приуральских надмогильных надписей и мавзолеев со средневожскими показывает, что оставившее эти памятники население было связано с Булгарским вилайатом и в последующем – с Казанью. Учитывая, что язык этой эпитафии татарский, безусловно, это были золотоордынские татары, контролировавшие именно беловолжский улус Булгарского вилайата Золотой Орды.

Как известно, территория Западного Приуралья входила в состав Волжской Булгарии (возможно не в прямое подчинение, а находилось под политическим покровительством), Золотой Орды и Казанского ханства. Однако в историографии практически не рассмотрены ни административные единицы вышеназванных государств на данной территории, ни их функционирование. Практически в угоду ненаучным соображениям в лучшем случае этот факт просто констатируется, однако конкретно история государственных институтов на данной территории не рассмотрена.

Как отметил С.Г. Кляшторный, изучивший этот камень и написавший небольшую справку к заметке Э.Ф. Ишбердина [6, с. 67], на камень нанесено множество знаков, большинство из которых аналогично буквам древнетюркской рунической письменности. С.Г. Кляшторный считает, что значительно позже, в XIV в., поверх этих знаков арабским письмом выполнена обычная эпитафия³. Безусловно, могила была почитаема населением, проживающим в данном регионе. Изучив тамги и надпись на камне, мы пришли к выводу, что знаки были нанесены позже надписи на арабице. На наш взгляд, это обычные родовые тамги, которые до сих пор используются в деревнях для клеймирования домашних животных. Возможно, в какие-то трудные (неурожайные?) годы население, проживавшее рядом, могло прибегать к специальным молитвам, взывая к покровительству «святого предка», и «фиксировать» данное событие вырезанием родового или личного знака.

Камень-песчаник, правая часть отколота, нижняя часть, к сожалению, утеряна, возможно, осталась в земле. Параметры камня: высота 89 см., ширина 45–50 см., толщина 10–12 см., на лицевой и левой боковой части нанесены тамги, иногда и «наложены» друг на друга, что указывает, что тамги наносились в разное время. Арабский текст написан четко, красиво, несмотря на неполную сохранность (не сохранились нижние строки, 3-я и 7-я строки отколоты): он достаточно легко читается. Язык татарский.

На камне указан 747-й год хиджры, соответствующий 24.04.1346 – 12.04.1347 гг. Это период правления в Золотой Орде хана Джанибека, так называемый период расцвета Улуса Джучи.

Мы предлагаем свое чтение надписи этого камня (см. **цв. фото** на стр. 255–256).

Арабица

اغوذ بالله من الشيطان الرجيم
 بسم الله الرحمن الرحيم
 ز الله ن
 بوغا اوغلى كوكلار بلکسي
 قوتلوع مبارك بولسون
 تاريخ يتى يوز قرق يتيدا
 ننگ اون اوچم

Транскрипция

1. Әгузе билләһи мин әш-шайтан-ир-ражим

³ Д.Г. Мухаметшин считает, что тамги на этом камне сделаны намного позднее надписи. Похожие тамги известны в Азнакаевском и Альметьевском районах Татарстана. По его датировке, они оставлены пришедшими на поклонение к могилам предков не ранее середины XVIII в. Тамги здесь могли быть общеродовыми, семейными и личными.

2. Бисмиллаһ-ир-Рахман-ир-Рахим
3. з(?) Аллаһу н(?) к(г)(?)
4. Буга углы Күкләр билгесе
5. Кутлуг мөбәрәк булсун
6. Тарих йити йүз к(ы)р(ы)к йитидә
7. ... (айы)ның ун өчендә ...

Перевод

1. Я прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана
2. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!
3. Аллаһу
4. Надмогильный знак Кукляра, сына Буги
5. Пусть будет благословенным и чистым
6. По летоисчислению семьсот сорок седьмого (года)
7. ... месяца тринадцатого (дня) ...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А., Иванов В.* Население Западного Приуралья в X–XIV вв. // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 118–127.
2. *Гарустович Г.Н.* К вопросу об особом типе памятников археологии XIV века на территории Исторического Башкортостана (кладбища с каменными надгробиями с исламскими эпитафиями) // Проблемы востоковедения. 2012/2(56). С. 39–45.
3. *Гарустович Г.Н.* Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 26 с.
4. История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 464 с. + 4 с. цв. вкл.
5. *Имре Пачаи.* О книге «История татар Западного Приуралья» глазами венгерского читателя // Золотоордынская цивилизация. Вып. 10. Казань, 2017. С. 440–444.
6. *Ишбердин Э.Ф.* Камень с «загадочными» знаками // Советская тюркология. № 2. 1980. С. 64–67.
7. *Тычинских З.А., Габдрахманова Г.Ф.* «История и культура татар Западной Сибири»: некоторые заметки о книге // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 239–243.
8. *Хаутала Р.* Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XV веков // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 156–177.

Благодарности

Автор выражает благодарность за помощь в написании данной статьи Д.Г. Мухаметшину, И.М. Габдрафикову.

Thanks

The author expresses gratitude to D.G. Mukhametshin and I.M. Gabdrifkov for the aid in the writing of this article.

Информация об авторе:

Миргалеев Ильнур Мидхатович, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

About the Author:

Mirgaleev Il'nur M., Candidate of Historical Sciences, Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

УДК 930.27(091)

**НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ СВЯТЫНИ МИР-И ДЖАНДИ АТА
(ГУЗАРСКИЙ РАЙОН КАШКАДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)**

Б.Б. Аминов

**GRAVESTONE INSCRIPTIONS OF THE MIR-I JANDI ATA SHRINE
(GUZAR DISTRICT IN THE KASHQADARYO REGION
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)**

Академия наук Республики Узбекистан

С целью проведения системных и комплексных исследований памятников эпиграфики юга Узбекистана было обследовано намогильные плиты святыни Гузара – Мир-и Джанди Ата. Единственная в святыне мраморная плита тумбообразной формы принадлежит великому амиру эпохи Тимуридов – Султāну ‘Али Курчи б. амир Мухаммад Илчи Буга (ум.912/1506 г.) который умер в эпоху Шайбанидов. Остальные надгробия имеющие продолговатой формы принадлежат более позднего времени (XVIII–XIX) и в основном поставлены преподавателям и религиозным деятелям. Среди них персоны с титулом бек, местные потомственные духовные лица с высшими титулами духовенства (муллы, ахунды, садры). Вся информация полученная из материалов погребальной эпиграфики свидетельствует о том что, святыня в поздние времена стало местом упокоения главным образом духовных лиц Мавераннахра.

Ключевые слова: Надгробные надписи, Юга Узбекистана, Гузар, Мир Джанди Ата, Тимуриды, Шайбаниды, XVIII–XIX вв., духовные лица, Мавераннахр.

In order to conduct systematic and complex studies of the epigraphic monuments located in the southern part of Uzbekistan, the researchers inspected the gravestones of the Guzar shrine Mir-i Jandi Ata. The only bollard-shaped marble slab in the sanctuary belongs to the great amir of the Timurid epoch Sultan Ali Curci bin amir Muhammad Ichi Buga (died 912/1506) whose life ended during the Shaibanid period. The remaining oblong gravestones correspond to a later period (18th–19th centuries) and were primarily erected in honour of teachers and religious figures. They include persons with the title of a bek, and local hereditary clerics with the highest clergy titles (mullahs, akhunds, sadry). All information obtained on the basis of funerary epigraphy materials indicates that in the latest period the shrine was used as a burial ground for Maverannahr clergy.

Keywords: Gravestone inscriptions, Southern Uzbekistan, Guzar, Mir Jandi Ata, Timurids, Shaibanids, 18th–19th centuries, clergy, Maverannahr.

Известно, что долина Кашкадарьи исторически разделена на два сельскохозяйственных района – Карши и Кеша. Условная граница двух областей проходит по Гузару. Как один из агроклиматических районов Кашкадарьинской области, Гузар вместе с Карши представляет собой Карши-Гузарскую равнинную поверхность, переходящую в предгорья – Гузарские адыри (Лунина, 1984).

Гузар расположен в долине Гузардарьи в принципиально важном пункте, где в прошлом шли торговые караваны, связывавшие Согдиану и Тохаристан. Гузар вошло в арабо-персидские источники под названием «Хузар». В книге «Худуд ал-олам» упомянут расположенный недалеко от Гузара городок Сунах (Субах, Сунадж), входивший в состав Нахшаба (Худуд ул-олам...2008). По сведениям Ибна Хаукаля Гузар считался одной из областей Кеша (Бартольд, 1963). Как пишет В. Бартольд средневековые Субах, Наукад-Курайш и Искифагн принадлежали Гузарскому туману (Бартольд, 1963).

В результате исследований последних лет определены два маузе под названием Наукад на периферии Карши, один из которых находился на дороге от Насафа в Гузар (Жуманазар, 2007).

На территории Гузара расположено курган Мардтепа, хронологически относящийся к I в. до н.э. до VIII века н.э. Эта была резиденция храбрых и справедливых местных правителей – мардов. Предполагается, что в кургане жил вышеупомянутый правитель из числа тюрков - Сабукра (Камолиддинов, 1996). В VIII веке оно как отдельное владение правителя Сабукры. Существует версия о том, что основателем Гузара является тюркский правитель Афрасияб.

Курган Гузартепа расположено на левом берегу Гузардарьи и его население переселилось сюда из разрушенного арабами домусульманского центра Хузара. Ас-Сам'ани пишет о селении Сурхакат в XII веке в составе рустака Хузар (Камолиддинов, 1996).

Возможно, на территории Гузара находились античный город Габаза, и средневековые города такие как Субах ва Искифагн. Из них Субах считался важным центром на торговом пути Самарканд-Термез (Мавлонов, 2008).

Медресе в центре Гузара было основано сто лет назад представителями мангитской династии. Инициатором ее строительства был тюре Гузара Саййид Акрамхан, по приказу которого строили местные мастера¹.

На территории Гузара существуют археологические и эпиграфические памятники. Памятники эпиграфики обнаружены на мазаре Мир-и Жанди Ата в центре города Гузара и на кладбище Мусафир ата ота, расположенного приблизительно в 4–5 км от Мири-Джанди Ата недалеко от магистральной дороги Карши-Термиз и Шахрисабз-Термиз. Погребальная эпиграфика этих объектов представляют новые данные о прошлом Гузара.

Мири Джанди Ата. Под именем Мири Джанди Ата, прежде всего, подразумевается ас-Сухраварди (1145–1234 йй.). На этой территории расположен его символический мавзолей. Он был известным представителем тариката сухравардийя. Его настоящее имя Шихобиддин (Шахобиддин) Абу Хафс ас-Сухраварди. Основателем тариката является его дядя Зийуддин Абу Нажиб ас-Сухраварди (1097–1168 йй.) (Тримингем, 1989). Его деятельность проходила в таких городах как Багдад, Дамашк, Халаб. Среди представителей тариката Сухравардийя упомянут также Са'ид бин Абдуллах ал-Фаргани (ум. в 1300 й.) (Тримингем, 1989).

Мавзолей Мир-и Жанди Ата в виде землянки расположено на северо-западной части культового объекта. В настоящее время мавзолей отремонтирован. В землянке-мавзолее установлена символическая гробница шейха. Надгробная плита с надписью отсутствует. Фрагмент стелы маленьких размеров на гробнице перенесена из другой части кладбища. На право от главной дороги в макбарат – дахма и на ней несколько сагана отстроенный из жженого кирпича. Среди них надгробие сундук и несколько плит продолговатой формы, перенесенные из разных точек территории кладбища. В культовом центре находится также мазар святого Гулама Накшбанда.

MR-1. (165X37X40) Плита надгробная сундукообразной формы, изготовленная из светлого серого мрамора. Верхние части боковых поверхностей украшены сталактитой. На верхней плоскости выполнено фестончатое михрабообразное начертание. Края плиты вмяты и выветрены. Надписи граней верхней плоскости утеряны. Трещины на краях и углах плиты. Отбит и выветрен низ юго-западного угла. Эпитафия на южном торце. Почерк насх с элементами сульс. На полосе верхней части боковых плоскостей марсия (рис. 1).

Текст южного торца.

۱. هذا مرقد امير الكبير المرحوم
۲. امير سلطان على قورچی ابن امير محمد ایلچی
۳. بوغه فی شهر محرم اثنی عشر و تسعمائة

1. Эта усыпальница великого амира помилованного [Аллахом]
2. амира Султана 'Али Курчи сына амира Мухаммада Илчи
3. Буга, [умер] в месяце мухаррам девятьсот двенадцатого года (912/1506)

MR-2. (149X14-17X17). Плита надгробная продолговатой формы трапециевидного сечения. Надписи помещены в декоративную раму. Текст:

۱. یک هزار سی صد نه بود که ملا رحمت الله
۲. ابن عبدالظاهر بای مرحوم شده مدفون برید

¹ Информация записана 12 ноября 1993 г. от 90 летнего старца Ахмадова Салама.

1. Было тысяча девятый год [когда] Мулла Рахматуллах
2. сын 'Абд ул-Зāхир бāй, скончавшийся удалялся под землю.

(1309/1890)

MR-3.(134X15X15). Плита надгробная продолговатой формы трапециевидного сечения, изготовленная из темно-серого мрамора. Надписи помещены в один ряд (рис. 2).

رحمن ولد اوزاق باى سنه ۱۳۱۲

Рахмон валади Узāк Бāй, 1312/1893

MR-J.(112X18X14). Плита надгробная продолговатой формы трапециевидного сечения, изготовленная из темно-серого мрамора. На верхней плоскости высечена «Калима-и таухид». Фраза «Басмалла» выполнена в стиле сульс на высоком художественном уровне.

صاحبه ملا مؤمن جان باى ابن ملا ايش محمد

Владелец [надгробия] Мулла Му'мин Джāн Бāй ибн Мулла Эш (Иш) Мухаммад

MR-P. (135X14X20) Плита надгробная продолговатой формы трапециевидного сечения, изготовленная из темно-серого мрамора. На камне высечены святые фразы и эпитафия (рис. 3).

هذا الميت المسمى اخوندجان خواجه
صدر اسروشنى الاصل ولد اخوند
سيد شاه خواجه صدر نور مرقد هما
وغفرهما و اهل اسلام فى جوار
و صلا الله على خير خلقه محمد و اله اجمين

1. Этот покойник именуемый Ахунд Джāн Х'āджа
2. Садр Усрушони ал-асли² [он] сын Ахунда
3. Сайида Шāха Х'āджа Садра, да озарит [Аллах] могилы их обоих
4. Да простит [Аллах] их обоих и всех мусульман [которые находятся] в соседстве [Аллахом]
5. и наилучшие благословения народу Мухаммада, его семьи и всем

MR-S. Два фрагмента одной стелы, находящейся в усыпальнице. Плита изготовлена из темно-серого мрамора. Размеры первого фрагмента стелы: высота 34, ширина 29, толщина 6 см. Размеры другого фрагмента: 13X11X6. Надписи помещены в картуши. На полосе края каменной плиты высечена марсийа (рис. 4).

۱. هذا مرقد مرحوم
۲. حضر بيك على ولد
۳. عاليمقدار على بيك محمد بيك
۴. توفى (وفات) فى سنه ۱۱۹۹

1. Эта усыпальница помилованного [Аллахом]
2. Хидр Бика 'Али сына
3. Глубокоуважаемого (О'ли микдāра) 'Али бика Мухаммада
4. умер в 1199/1785 г.

Заканчивая, следует сказать, что приводимые выше материалы погребальной эпитафики интересны с разных точек зрения. Они дают представления о неизвестных в исторических сочинениях исторических лиц занимавших государственные и религиозные должности в разные столетия. Надгробные надписи проливают свет на историю местности, уровень грамотности интеллектуальной среды.

² По происхождению из Усрушаны.

Иллюстрации

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 1. М.: Наука, 1963. С. 189.
2. *Жуманазар Абдусаттор.* Насаф. Ташкент: Изд. Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои, 2007. С. 34.
3. *Камолитдинов Ш.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Т.: Узбекистон, 1996. С. 27.
4. *Лунина С.Б.* Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент: Фан, 1984. С. 9.
5. *Мавлонов Ў.* Марказий Осиёнинг қадимги йўллари: шаклланиши ва ривожланиш босқичлари. Монография. Ташкент: Академия, 2008. 284 с.
6. *Тримингем Дж.С.* Суфийские ордена в исламе / Пер. с англ. под ред. и с предисл. О.Ф. Акимущкина. М.: Наука, 1989. С. 25, 41.
7. *Худуд ул-олам* (Мовароуннахр тавсифи) / Пер. с перс. на узбекск., предисл., коммент. и указ. геогр. назв. Амануллы Буриева, О‘ZBEKISTON. 2008. С. 13.

Информация об авторе:

Аминов Бобур Бомурадович, кандидат исторических наук, заведующий отделом координационно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан); sitmihr@yahoo.com

About the Author:

Aminov Bobur B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of the Coordination and Methodological Centre on the Issues of the Modern History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); sitmihr@yahoo.com

УДК 930.2

**ХРОНОЛОГИЗАЦИЯ И РАЙОНИРОВАНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА:
ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ**

Н.Г. Гариф

**CHRONOLOGY AND REGIONALIZATION OF THE EPIGRAPHIC MONUMENTS
OF KAZAN KHANATE: ISSUES AND PRELIMINARY RESULTS**

Статья посвящена проблемам хронологизации и районирования эпиграфических памятников периода Казанского ханства как известно, источников по истории Казанского ханства крайне мало. По последним данным, в центральной части Казанского ханства к сегодняшнему дню известно 290 надгробных камня (всего 296). Эти памятники расположены на территории 93 деревень и занимают территорию 16 района, расположенных вокруг города Казани. Эпиграфические памятники периода Казанского ханства сохранились и в дали от центральных земель. Это прежде всего Кировская область и Чувашия.

Ключевые слова: Казанское ханство, эпиграфика, памятники, хронологизация, районы.

The article is dedicated to the issues of chronology and zoning of epigraphic monuments dating back to the Kazan Khanate period. As is known, the sources on the history of the Kazan Khanate are very scarce. According to the most recent information, a total of 290 gravestones (out of 296) are located in the central part of Kazan Khanate. The monuments are located in 93 villages and occupy the territory of the 16th district encircling the town of Kazan. Epigraphic monuments of the Kazan Khanate period have also preserved in regions away from the central lands. These are primarily the Kirov region and Chuvashia.

Keywords: Kazan Khanate, epigraphy, monuments, chronologization, districts.

Документальных источников по истории Казанского ханства мало. Этот пробел частично восполняется эпиграфическими памятниками.

Изучение эпиграфических памятников отнесшихся ханскому времени началось в середине XIX в. Этому способствовало образование в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете, активными членами которого были И.А.Износков, С.М. Шпилевский, К.И. Невоструев, Н.А. Толмачев и др. Ими было начато изучение и учет эпиграфических памятников. В изучении болгаро-татарских древностей активно участвовали и первые представители зарождающейся национальной исторической науки Ш.Марджани, Г. Ахмеров, К. Насыри, Р. Фахретдин.

В советское время исследованиями истории с изучением эпиграфических памятников Казанского ханства занимались такие известные историки, как Н.И. Воробьев, Н.Ф. Калинин, Х.Г. Гимади, Г.М. Рахим, Ш.Ф. Мухамедьяров, Г.В. Юсупов, А.Х. Халиков, Ф.С. Хакимянов, Р.Г. Фахрутдинов.

В последние годы изучению эпиграфических памятников посвящены работы М.И. Ахметзянова, Д.Г. Мухаметшина, Н.И. Наккаша, Р.Ф. Марданова, И.Г. Хадиева и др.

В центральной части Казанского ханства, где в основном проживала татарская часть населения, к сегодняшнему дню известно 292 надгробных камня (всего 299). Эти памятники расположены на территории 94 деревень (Высокогорский район, в 21 деревнях – 77 памятника; Арский, 16–60; Атнинский, 8–52; Зеленодольский, 13–25; Пестречинский, 8–17; Сабинский, 7–10; Рыбно-Слободский, 4–8; Тюлячинский, 4–9; Кайбицкий, 2–6; Балтасинский, 2–3; Верхнеуслонский, 2–3; Тетюшский, 2–2; Лаишевский, 1–1; Мамадышский, 2–3; Апастовский, 1–1. В городе Казане – 12. Эпиграфические памятники занимают территорию 16 района, расположенные вокруг города Казани.

Два надгробных камня, времени ханского периода, находятся на расстоянии 120 км к северу от Казани (дер. Смаиль, Балтасинского района). Расстояние от Казани до самого восточного памятника 115–120 км (Мамадышский район, дер. Берсут-Сукачы и Верхний Сунь), до самого юго-западного – 110 км (Кайбицкий район, дер. Старые Тябердино), до самого южного 50 км (Лаишевский район, бывшая деревня Япончы – зона Куйбышевского затопления). До самого западного памятника времени Казанского ханства – 160 км, расположенный на территории села Чебаково, Ядринского района, Республики Чувашии.

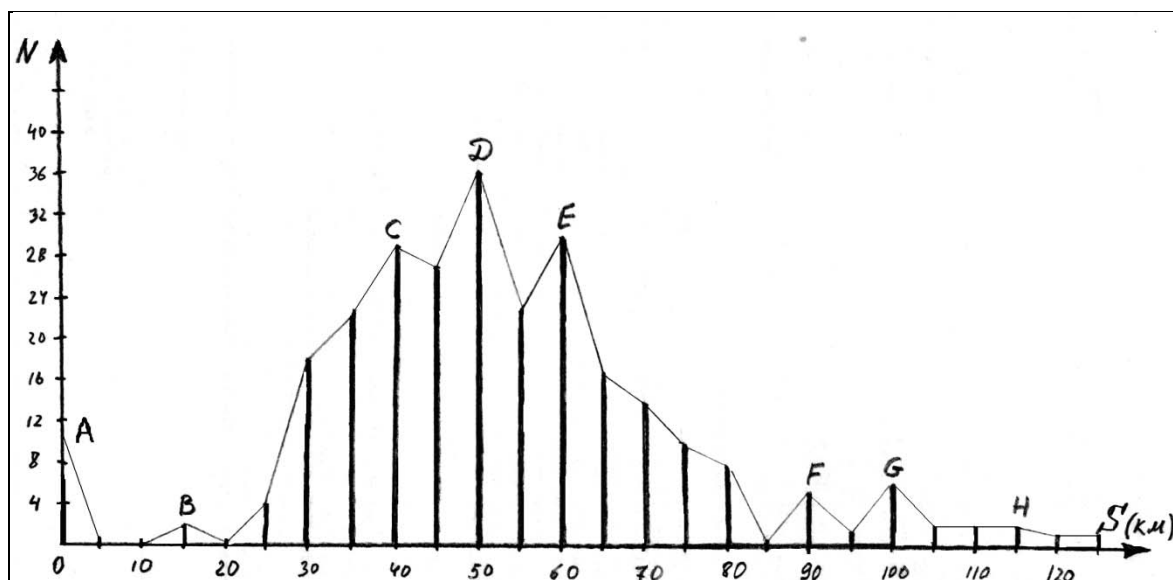

Рис. 1. Удаленность эпитафических памятников от Казани и их количественное соотношение.

А – Казань; В – Шигалиево; С – Алат; Д – Ставка ханской регулярной гвардии; Е – Арск;
F – «Мешинский городок» – Утернясьское городище (Изминское); G – Чалыньское городище;
H – Северная граница центральной части Казанского ханства

По писцовым книгам, в центральной части Казанского ханства, известно 700 селений (здесь не учтены селения, которые были уничтожены и чьи остатки сохранились в виде археологических памятников и «пустошей» в писцовых книгах). Основная часть деревень удаленных от Казани на расстоянии 25–30 км, в основном соответствуют расположению современных татарских деревень. Примечательно то, что каменные надгробия в основном сохранились только в ареале проживания татарской части населения. Например во времена ханства на территории современного Лаишевского района по подсчетам было 93 татарских селений (к 1992 году 70 селений из которых только 8 татарских) [3. с. 63–82]. На данный момент в Лаишевском районе известно лишь один памятник ханской времени (бывш. дер. Япончы). Известно что, после завоевания Казани татарское население практически было изгнано с территории города и от его подступов на 30, а от больших рек на 15–20 км. Этот процесс отложил свой отпечаток и в сохранности эпитафических памятников на данных территориях. Например, в Высокогорском районе ближайшее местонахождение надгробных памятников сохранились на расстоянии 15–25, Зеленодольском районе 30, в Пестречинском районе – 45 км от города Казани. В самом городе Казани, до масштабных археологических исследований в кремле и на прилежающей к ней территории было известно лишь один надгробный камень ханского периода, найденный в 1814 г. при строительстве торговых рядов («Казанском гостином ряду» – совр. ул. Кремлевская) [1. №12]. Этот памятник ханского времени датированный 1530 г., сохранился в хорошем состоянии благодаря тому что, татары установили его в стене мечети Марджани.

Как видно из графика (рис. 1) изгнание татарского населения от города и близ лежащих селений, в результате колониальной политики Москвы, отразилось в количестве и сохранности исторических памятников прошлого. Пришлое население и церковно-монастырское землевладение, внедрявшееся вокруг города Казани, пренебрежительно относился памятником татарского населения. По преданиям надмогильные камни использовались при строительстве церквей, каменных

зданий и на другие хозяйственные цели (*Последний пример: 1996 году найдена мусульманская надмогильная плита в стене Благовещенского собора*) [6. с. 14].

При хронологическом анализе работ исследователей прошлого века, видно что, исчезновение и разрушение эпитафических памятников происходили и в XX в. Памятники с каждым годом подвергаются разрушению не только от природных атмосферных причин, но также и человеческими руками. Почитание и страх, в силу религиозности татарского населения служили в течение столетий надежной охраной памятников. Развитие антирелигиозной пропаганды, насильственная коллективизация сыграли отрицательную роль в сохранности памятников.

Эпитафические памятники Казанского ханства частично сохранились и в дали от центральных земель. Один из таких островков, расположенный на северных границах ханства, является современное село Нукрат (Карино-Кариле) Слободского района Кировской области. Расстояние от села до Казани 330 км.

Эпитафические памятники времен Казанского ханства имеются и на территории современной Чувашии. Кладбища, на которых были установлены надгробные камни с эпитафиями, выполнены обычно арабским шрифтом, редко – руническими знаками: в Чебоксарском районе – Яушский, в Моргаушском – Ирхасинский, в Цивильском – Тойсинский могильники. Основная масса могильников с каменными надгробиями и эпитафиями сохранилась в восточных и южных районах Чувашии (*в Козловском, Урмарском, Янтиковском, Яльчикском, Батыревском районах*) [2. с. 38–39]. В нашем случае эти памятники остаются вне зоны наших исследований.

Из 283 камней, около 80 надгробий имеет информацию (80-100%) о дате установления камня, имена и титулы умерших (погибших). Примечательно то что, из 16 случаев (свыше 20%), упоминается что похороненные «погибли от рук неверных» или «погибли при приходе московского воинства». По количественным и качественным отношениям, сохранившихся надгробных памятников, хорошо прослеживается экономическое развитие государства в мирные времена и его упадок в периоды войны (рис. 2).

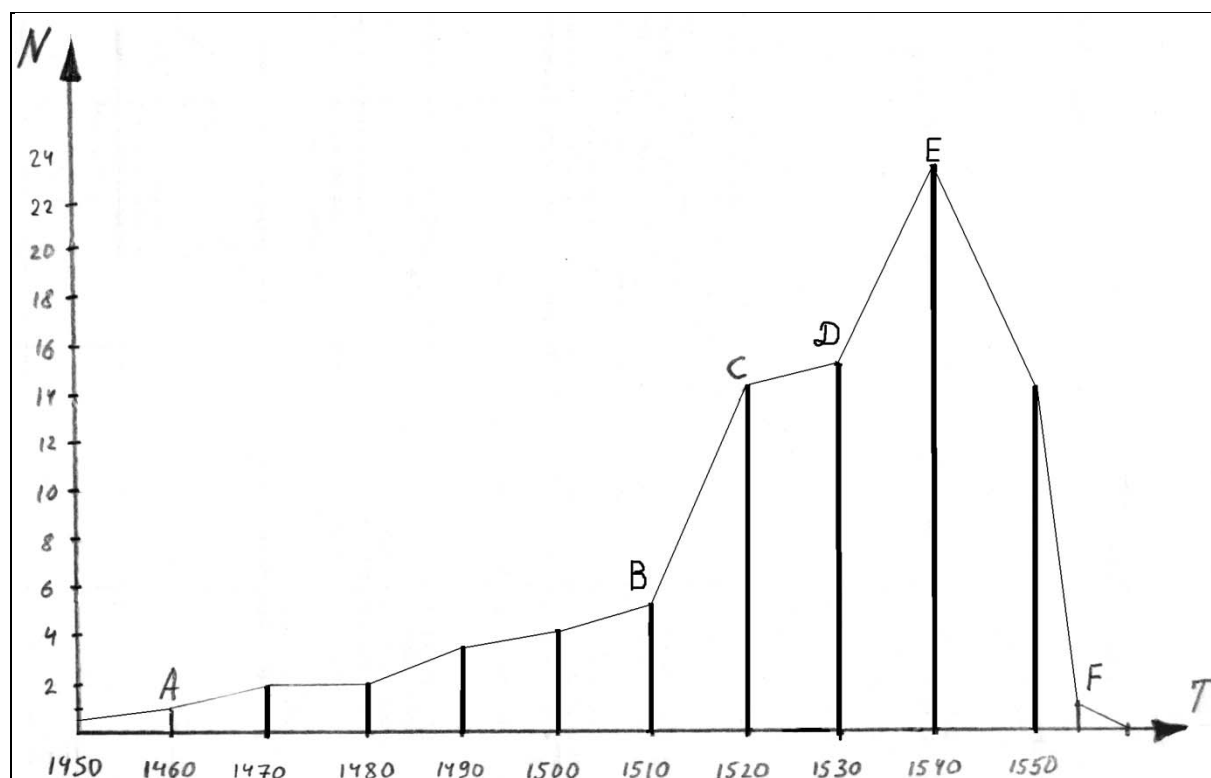

Рис. 2. Количество установленных памятников по годам.

А-В – Иван III организовал семь походов на Казань: в 1467, 1469, 1478, 1482, 1484, 1485 и 1487, годах;
В-С – Мирная жизнь между 1508–1523 годами; **С-Д** – Походы на Казань в 1523–1530 годы; **Д-Е** – Мирная жизнь между 1530–1547 годами; **Е-Ф** – С конца 1540-х годов начались общеизвестные в истории «казанские походы Ивана Грозного».

В терминологии эпиграфических памятников отражается социальный слой феодалов и места расположения их вотчин [4. с. 12–28]. Это иерархическая структура феодального образования, в некоторых случаях, прослеживается и в названиях деревен, и в местах их расположения.

Казанское ханство в административном отношении делилось на даруги (территория, с которой собирался ясак для жизнеобеспечения государственной системы) и улусы (вотчины беков, мирз и т.д.). Система управления в этих административных территориях имела свои особенности. Право управления в улусах (вотчинных землях) принадлежало его владельцам [5, с. 115–117].

Города Казанского ханства являлись и центрами улусных образований. Некоторые укрепленные поселения играли роль военных укреплений и феодальных замков. Это тенденция прослеживается и по расположению, и по количеству установленных эпиграфических памятников. Судя по сохранившимся надписям, среди них были беки и мирзы, духовные деятели и военные. На основе изучения и анализа эпиграфических памятников появляется возможность освещения узловых вопросов феодально-вассальных взаимоотношений между центром и регионами (улусами).

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив КФАН СССР. Ф. 8, оп. 1, ед.хр. 62–64.
2. Воробьев Н.И., Львова А.Н. Романова Н.П., Симонова А.Р. Чуваш. Ч. 1. Чебоксары, 1956. С. 38–39.
3. Галлямов Р.Ф. Селения Лаишевской стороны в XVI – в начале XVII вв. // История Лаишевского края, 1997. С. 63–82.
4. Гариф Н.Г. Казан ханлыгы чоры ташъязмалары. Казань, ТФА, Тарих Институты басмаханәсе, 2010. 128 б.
5. Гариф Н.Г. Казан ханлыгы. (Оешу тарихы, идарә системасы, административ бүленеше һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре.). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2006. 175 б.
6. *Нәжип НӘККАШ-ИСМӘГЫЙЛ*. Христиан чиркәвендә мөселман ядкәрләре. «Мәдәни Жомга», 1997. №18. 14 б.

Информация об авторе:

Гариф Нурулла Гиматдинович, кандидат исторических наук, краевед (Казань, Российская Федерация); nur-garif@yandex.ru

About the Author:

Garif Nurulla G., Candidate of Historical Sciences, Local Historian (Kazan, Russian Federation); nur-garif@yandex.ru

УДК 930.27(470)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТРАДИЦИИ УСТАНОВЛЕНИЯ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ НАМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ. ДРОЖЖАНОВСКИЙ РАЙОН РТ

Д.Г. Мухаметшин

EMERGENCE OF A TRADITION TO ERECT BOLGAR-TATAR GRAVE MONUMENTS. DROZHZHANOVSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

В статье рассматриваются результаты исследований по комплексному изучению намогильных камней, включая памятники без надписи и намогильные сооружения Дрожжановского района Республики Татарстан.

Ключевые слова: надмогильные камни, эпитафии, экспедиция Института археологии, намогильные памятники Дрожжановского района РТ.

The article considers the results of complex studies of gravestones, including monuments with no inscriptions and grave structures of the Drozhzhanovsky district in the Republic of Tatarstan.

Keywords: gravestones, epitaphs, expedition of the Institute of Archaeology, gravestones from the Drozhzhanovsky district of the Republic of Tatarstan.

Эпиграфические памятники представляют собой уникальные источники по истории болгарского и татарского народов. Они воплотили в себе ряд преимуществ письменных и вещественных источников. Как вещественные (археологические) они оригинальны и не имеют в себе позднейших наслоений, как письменные дают разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера, что в археологических памятниках отражается весьма слабо.

Эпиграфические памятники связаны с конкретным историческим населенным пунктом и являются составной частью историко-культурного комплекса. В этом плане интересные результаты может дать комплексное изучение болгарских памятников в связи с археологическими памятниками-городищами и селищами, а также административными единицами и крупными населенными пунктами в более поздний период. Концентрация эпиграфических памятников явно указывает на значимость данного населенного пункта.

Установление намогильных памятников для мусульман не входит в число обязательных элементов похоронно-поминального комплекса, который включает обмывание, обряжение умершего, рытье могилы, отдельные требования к поведению живых в данной ситуации. Все остальные обряды похоронно-поминального комплекса, в том числе установление намогильного памятника, связано с этнической историей народа и в целом воспринимается как мусульманская. Об этом пишут и С.П. Поляков, и А.И. Черемных «Ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой какого-либо надгробия. Тем не менее, население долины Заравшана в течение веков существования здесь ислама продолжало сооружать надгробные памятники. Это закономерность, свойственная всему исламскому миру. Возникший в глубокой древности обычай, отмечать каким – либо образом могилу родственника или соплеменника сохранился до наших дней» [6, с. 277].

Возникновение традиции установления камней в Среднем Поволжье и Приуралье исследователи единодушно связывают с проникновением и распространением мусульманской религии. Многочисленные факты материалов Аравии, Кавказа, Средней Азии, где имеются эпитафии более раннего периода, позволяют говорить в пользу такого мнения.

Происхождение эпитафических камней-надгробий определенного архитектурного типа (вертикально поставленная каменная стела с остроконечным, стесанным в форме арки или обретающем стилизованную фигурную форму завершения) С.М. Червонная связывает не столько с исламским культом, сколько с художественными традициями тюркского мира, особенно интенсивно распространявшимися в Восточной Европе в период монгольских завоеваний [8, с.111].

Татарский археолог и эпитафист М.И. Ахметзянов происхождение традиции установления эпитафических памятников у татар связывает с древними тюрками. Традиция установления надгробных камней у болгар «идет от древних тюрков, через более поздних караханидских татар. Эти татары, пришедшие с войсками Бату хана, распространяли данный обычай на Волге, Кавказе, в Крыму, где и ныне частично сохранились эпитафические памятники» [1, с. 118].

Распространение ислама является одним из факторов возникновения традиций установления надгробных камней, однако между этими двумя явлениями нет прямой связи. Массовая установка эпитафических памятников возникает намного позднее принятия ислама. Ибо ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой мусульманина какого-либо памятника. Материалы Северного Кавказа показывают, что между проникновением ислама и появлением мусульманских эпитафических памятников существует хронологический разрыв, достигающий до 200–300 лет. В домонгольский период археологи не наблюдают надгробные памятники в Волжской Булгарии. Е.А. Халикова, исследовавшая мусульманские памятники XI–XII вв., отмечает, что «ни в одном случае каких-либо остатков надгробных сооружений, кроме западин, у нас не найдено» [7, с. 123].

Эпитафические памятники с изящным каллиграфическим письмом, своеобразной орнаментацией не только последняя дань умершему человеку. Эпитафии в первую очередь служили живым людям. «Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану беков и народа, подчинение народа бекам – таков лейтмотив идей в рунических надгробиях», – пишет известный тюрколог С.Г. Кляшторный, исследуя рунические надгробия [2, с. 62]. Только так можно объяснить живучесть возникшего где-то в древности обычая отметить каким-либо значком могилу соплеменника. Надгробные памятники, пусть это будет пышно оформленное надгробие, небольшой памятник с именем покойного или просто необработанный камень с именем покойного, могли ставить только состоятельные люди – правящая верхушка, военная и торговая аристократия, служители культа. Эпитафии являлись самовыражением привилегированности сливок феодального общества, и демонстрацией своей знаменитости. Недаром на некоторых болгарских эпитафиях перечисляются предки до девятого поколения, а, начиная с 20-ых гг. XVI столетия, на обороте всех эпитафий вырезано имя человека, поставившего, т.е. заказавшего эпитафию. Это делается, несмотря на то, что на эпитафиях разрешалось приводить только цитату из Корана, благочестивые изречения и имя погребенного. «Памятники эти с их непонятными для широких масс народа арабизмами, пишет этнограф и эпитафист Г.В. Юсупов, были для них своего рода символами, обожествляющими личность представителей правящей феодальной верхушки» [9, с. 48].

Социально-политический смысл проявляется в устройстве самих кладбищ. Многие из них огорожены небольшим валом и рвом, а Большеатряское кладбище в Тетюшском районе РТ имеет 4 площадки разной высоты, огороженные земляным валом. Их можно рассматривать как фамильные места захоронения феодалов. Такие же площадки, огороженные валом, имеет Тяжбердинское кладбище в Алькеевском районе РТ. Подобные явления, по-видимому, имели место в эпоху Казанского ханства и в более поздние времена. Имеются исторические сведения, указывающие на захоронение некоторых казанских ханов в особо почитаемых мусульманами местах – Болгарах и Билярске.

В возникновении и распространении традиции установления надгробных эпитафических (арабографических) памятников нельзя исключать и этнические факторы. Принадлежность эпитафических памятников на территории Среднего Поволжья и Приуралья болгарскому, позднее татарскому народу – установленный факт. Однако, среди болгарских племен современники, кроме собственно болгар, отмечают сувар, нохрат, берсула, эсэгель, темтюзи, сабакуля, баранджар и другие. В то же время в сложении народности волжских болгар, позднее казанских татар определенную роль сыграли местные финно-угорские племена, кипчаки и другие тюркоязычные племена, в том числе караханидские татары. Даже при одинаковом мусульманском обряде захоронения и трафаретном тексте эпитафий весь этот сложный процесс в какой-то мере должен был отра-

жаться на болгарских эпитафических памятниках. Г.В. Юсупов возникновение двух стилей и двуязычие болгарских надгробий связывал с двумя главными компонентами Болгарского государства болгар и тюрок.

Однако, в сложении болгарской народности наряду с булгарами, суварями, берсулами, баранджарами принимали участие и местные племена. Позднее определенную роль сыграли половцы. Так, среди этих племен и народностей ананьинцы и кипчаки имели обычай устанавливать на могилах своих соплеменников намогильные памятники-стелы и каменные изваяния. Стелы ананьинских вождей обнаружены в 10 км к северу от Болгар на Новомордовском могильнике. Памятники с полукруглым верхом с изображениями секиры и кинжала в верхней части показывают высокое мастерство ананьинских мастеров резьбы по камню. Почитаемые местными племенами, эти памятники, видимо, вызывали уважение и у пришлых людей. Если ананьинские стелы для болгар были свидетелями давно прошедших времен, то многочисленные половецкие каменные изваяния украшали бескрайние степи южнее болгарских границ в период расцвета Болгарии в XI–XII вв. Известны балбалы и на болгарских землях с территории современной Самарской и Ульяновской областей. Одна такая находка была сделана в Болгаре, далеко на севере от территории проживания половцев. Включение части кипчакского населения в состав Волжской Болгарии у исследователей не вызывает сомнений. Если идти вглубь веков, то можно определить, что намогильные памятники с надписями, где упоминались имя человека, дата смерти и изречения из священной книги мусульман – Корана, впервые появляются в Аравии в VII–VIII вв. Это были небольшие грубые камни с арабграфической надписью.

У современного татарского народа для обозначения намогильных камней общепринятым термином является название «кабр-таш» – намогильный камень».

На татарском разговорном языке сохранились названия «ташбилге»- каменный знак, «тора-таш» – каменное изваяние, «сынташ»- каменная баба, диалектное обозначение «таш башбата». В диалекте нохратских татар сохранилось обозначение «тегермен башбата» [3, с. 83, №180] возможно, это название памятника округлой формы с круговым расположением строк надписи. Таковые имеются. Однако при посещении Тат. Бурнаевского и Иски-Казанского кладбищ автору пришлось увидеть рядом с намогильными камнями и фрагменты болгарских жерновов.

На эпитафиях XIII–XIV вв. широко распространен термин «балук» – надмогильный знак, памятник. Данное слово можно сопоставить с протоболгарским словом «белух». Термин «балук» возрождается на эпитафиях XVII–XVIII веков в форме «билге», «билик».

На памятниках из Болгар зафиксированы термины «галямат»- знак и «алп битик»- большая надпись.

На штампе оборотной стороны памятников периода Казанского ханства название памятника выражено термином «лауха». Данный термин продолжает бытовать и в XVII–XVIII вв. [4].

На эпитафии, как на исторический источник впервые обратил внимание Петр I. По его приказу ахуну Кадыр-Мухаммадом Сунчелеевым и переводчиком Юсуфом Ижбулатовым были описаны и переведены на русский язык 47 мусульманских эпитафий. Русский перевод этих памятников был опубликован И. Лепехиным в 1771 году, затем Г.Ю. Клапротом и И. Березиным.

Памятники Горной стороны изучались татарскими учеными – просветителями Х.Фаизхановым, Ш.Марджани, К. Насыри, Г. Ахмаровым (об истории исследования эпитафических памятников см. 4, глава I).

Х.Фаизханов дал краткое, но емкое описание памятников, включающей размеры (ширина, высота, толщина), каллиграфию, орнамента верхней части, оформление бордюра и сохранность. Особое внимание он уделял языку памятников.

Крупный татарский эпитафист и этнограф Гарун Валеевич Юсупов в 1961–1967гг. проводил сплошное обследование районов Татарстана, в том числе районы Предволжья. Им было исследовано Старо-Шаймурзинские памятники. К сожалению, уникальные материалы экспедиции остались неопубликованными. Старо-Шаймурзинские памятники в 2009 году повторно были осмотрены М.И. Ахметзяновым.

Осенью 2011 года совместная экспедиция Института археологии им. А.Халикова и Болгарского музея-заповедника обследовала намогильные памятники Дрожжановского района РТ. Нами была осмотрены кладбища следующих населенных пунктов: Старое Шаймурзино, Малая Цильна, Нижнее Чекурское, Старое Чекурское, Новое Чекурское, Старые Чукалы, Новые Какерли, Старые

Какерли, Новые Ишли, Тат. Тюки, Тат. Бездна, Ниж. Каракитан, Верх. Каракитан, Тат. Шатрашаны.

Арабо-графические эпиграфические памятники были обнаружены на Старо-Чукалинском, Старо-Шаймурзинском, Мало-Целнинском, Тат. Безднинском, Тат. Тюкинском кладбище.

На отдельных поселениях Дрожжановского района отмечено установление на могилах круглых камней естественного происхождения: Ниж. Чекурское, Старые Чукалы, Новые Какерли, Новые Ишли, Старое Шаймурзино, Тат. Бездна, Верх. Каракитан (фото 15)*. Камни эти вулканического происхождения. Внутри отдельных камней обнаруживаются доисторические моллюски. По сохранившимся памятникам на восьми кладбищах, это явление получило широкое распространение. К востоку от села Старое Шаймурзино использование таких камней как надмогильных знаков не отмечено, зато зафиксированы «чардугани» – деревянные оградки и деревянные памятники. Возможно, отсутствие природного материала – известнякового камня и дерева заставила отметить могилу таким образом.

На отдельных памятниках, например, на камне из Ниж. Чекурское вырезаны инициалы и годы жизни погребенного человека: «АХШ 1880–1889» (фото 3). На древнем кладбище с. Ниж. Чекурское отмечено установление вместо надмогильного камня фрагмента мельничного жернова (фото 4). Примечателен сам факт использования мельничного камня для подобной исторической записи. Наши наблюдения на территории Татарстана Чувашии, Пензенской и Ульяновской областей показывает, что татары использовали мельничные жернова, как надмогильные камни, так и устанавливали надмогильные камни в форме жернов Нижнее Чекурское Дрожжановский район РТ, Полевые Бишкики Чувашия, Тат. Сайманы, Ст. Атлаши Ульяновская обл. С этим переключаются круглые эпиграфические памятники из Агрызского района. Подобные эпитафии известны и с территории Западного Казахстана. Надпись на круглых камнях идет как по горизонтали, так и по спирали. Среди нократских татар эпитафии округлой формы называются «тегермен башбата» – мельничный надмогильный камень.

В этой связи нужно привести надпись из села Полевые Бишкики Батыревского района Чувашской республики. Надпись, выгравированная на гранитном мельничном жернове, диаметром около метра простым шрифтом гласит: «Первый – место погребения Тимуш хаджи, второй – Султанмурата сына место погребения и третье – Тимуш Килдибая сын, четвертый – Илхам сын Ибрагима после разрушения города Болгара переселились в местность Бикшик и здесь погребены» [5 и др. с. 77]. Данное место, сегодня благоустроенное, для татар является местом поклонения. Памятник нам интересен тем, что текст памятника дословно повторяет текст из «Таварих Болгария», составленный, по мнению исследователей XVIII или XIX вв. Факт переселения болгар к северу и западу после нашествия Тимура 1391–1395гг. отмечается на многочисленных татарских исторических преданиях.

А на камне из Тат. Бездна можно увидеть тамгу близкую на букву «м» русского алфавита, вероятно, родовую (фото 14).

Старое Шаймурзино. Памятник №1. 20x50x97. Твердый песчаник. Надпись не сохранилась. По своим размерам и оформлению памятник можно датировать золотоордынским временем. Исследовавший памятник в 1961г. Г.В. Юсупов датировал его XIV веком. В Археологической карте памятник так же датирован XIV веком. В 2005г. памятник был осмотрен М.И. Ахметзяновым. Он отмечает, что на поверхности камня сохранились слова «умер, да будет милость» и датирует памятник более поздним временем. Нами при осмотре надпись не выявлена (фото 6).

Памятник №2. 16x32x70. Белый известняк (фото 7 и 8). Надпись простая, врезанная. Фрагментарная надпись сохранилась на лицевой и левой боковой сторонах камня. Имя погребенного: Мир-Гарифан? М.Ахметзянов кроме имени погребенного увидел дату [8]71г.х. Однако обеих камней он датирует XVII–XVIII вв. Стиль надписи камня №2 близок стилю эпитафий XVв. Хотя дата на памятниках не сохранилась, Старошаймурзинские памятники можно датировать XIV – XV вв.

Малая Целна. На старом кладбище села было обнаружено два памятника. Памятник №1. 14x21x61, известняк, 1930г. На лицевой стороне арабской графикой, на обратной стороне кириллицей надпись: имам Шарифжан бин Салихжан бин Салихов (1861–1930). Памятники 1930–х годов встречаются редко, что связано с начавшихся в СССР борьбой с религией (фото 9).

* Цв. фото 1–15 к статье см. на стр. 256–259.

Памятник №2. 24x35x98, мраморная крошка, мрамор, 1914 г. Текст из 9 строк (фото 10).

Чтение:

- 1) нэзаль – кабер
- 2) мелла Сэлим ха...
- 3) ибн мелла Са... (вафат)
- 4) булды фи 1123
- 5) вэ төрки фи 1914 сэнэ
- 6) ...фи карья
- 7) ..Сэнтэр
- 8) рэхмәтуллаһи Тәгалә
- 9) рэхмәтән васигатән.

Перевод:

- 1) Это могила
- 2) муллы Салима
- 3) сына муллы Са...
- 4) умер в 1123 (году)
- 5) по тюркскому (календарю), в 1914 году
- 6) в селе ...
- 7) с ...
- 8) да будет милость Аллаха
- 9) милостью обширною.

Этот интересный памятник, возможно, является копией более древнего памятника.

Старые Чукалы. В селе имеется пять кладбищ. По словам старожилков в двух из них до 1950гг. стояли намогильные камни с надписью. Сегодня эпитафия сохранился только на кладбище у сельской школы. Там недавно было два эпитафия, один из них был утерян во время вспашки кладбища.

№1. 20–30x10x100, известняк, 1910г. Надпись на лицевой стороне из 7 строк. На обратной стороне надписи или орнамента не имеется (фото 11 и 12).

Чтение:

- 1) Нэвэрэ Аллаһы мәркадиһә
- 2) Хәснулла ибен
- 3) Габделнаиб
- 4) углы вафат
- 5) 1910–нче йылда
- 6) 20–нче гыйнварда
- 7) 67 йәшендә.

Перевод:

- 1) Да осветить Аллах (его) могилу
- 2) Хуснулла
- 3) Габдульнайба
- 4) сын умер
- 5) в 1910году
- 6) 20 января
- 7) в возрасте 67 лет

Надпись на левой боковой части – һәр кеше бу мәркәзә кыйлса нәзер
– каждый человек, посетивший эту могилу

Надпись на правой боковой части – сахибене бер догайә йарайыл
– обрадует (своей) молитвой владельца могилы».

По своему стилю, языку это типичный памятник 19 – начала 20 веков широко распространенный в Казанском крае.

Тат. Бездна. Памятник находится на сельском кладбище. 28x21x36. Известняк (фото 13). Почти квадратной форме, надпись только на лицевой стороне и состоит из 9 строк.

Чтение:

- 1) Сахибәт хазәһил мәркәзә

- 2) Габделкадыйр
- 3) хажи банат
- 4) мулла Вәли зия....
- 5)дур жәүзәт
- 6) мулла Йагкуб
- 7) рәхмәт Аллаһу әкбәр
- 8) 1879

Перевод:

- 1) Владелец этой могилы
- 2) Габдулькадыйр
- 3) хаджи (его) дочь ...
- 4) сына муллы Вали,
- 5) ...дур жена
- 6) муллы Якуба.
- 7) Да будет милость Аллаха великого.
- 8) 1878

Тат. Тюки.

На могиле Абыз – бабай имеется вновь поставленный камень размером 14x30x86. Подлинный камень не сохранился. Надпись лицевой стороны (фото 5). Чтение:

- 1) Ошбу ташны кую
- 2) чы Аллаһе тәгаләненә
- 3) дога теләб калының
- 4) изге абыз баба
- 5) бызның зияраты
- 6) өстенә Балтай
- 7) авылыннан Әхмәт
- 8) Вәлиулла Гайнулла
- 9) углы торыр.

Перевод:

- 1) Этот камень установил
- 2) (от) Аллаха Всевышнего
- 3) ожидая (молитву) на могиле
- 4) святого «абыз баба»
- 5, 6) из села Балтай
- 7–9) Ахмет Валиулла сын Гайнуллы.

Эпитафия из с. Тат. Тюки по сути не является надгробным памятником. Близкий по характеру памятник имеется в селе Большая Цильна. Он поставлен на могиле Мухаммад Ханафи Усмано́ва. Эпитафию исследовал известный историк, академик Миркасим Усманов. На камне вырезаны имена предков известного государственного деятеля Шамиля Усмано́ва, которые прибыли в с. Цильна в 1609/10 году со стороны города Темников Рязанской области [4, с. 61]. Отмеченная выше традиция – установление на могиле мельничных жерновов в селе Нижнее Чекурское, так же идет с Запада – района Пензы и Темникова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметзянов М.И.* Болгар теленен язмышы (Эпиграфия материаллары буенча) // Татарская археология. 1998. №1(2). С. 99–120.
2. *Кляшторный С.Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1974.
3. Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1978. С. 131.
4. *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпитафические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты // Археология евразийских степей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 132.

5. Мухаметшин Д.Г., Михайлов Е.П., Иванов В.Н. (Алмантай). Эпиграфические памятники Чувашии // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие. Материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 70–79.
6. Поляков С.П., Черемных А.И. Погребальные сооружения долины Заревшана // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М., 1975. С. 261–279.
7. Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 113–168.
8. Червонная С.М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму. М., 1997. С. 35.
9. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1960. 332 с.

Информация об авторе:

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Болгар, Российская Федерация); djamil78@list.ru

About the Author:

Mukhametshin Jamil G., Candidate of Historical Sciences, Research Associate, Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve (Bolgar, Russian Federation); djamil78@list.ru

НАДГРОБИЕ ХУДАЙКУЛА (ПЕТРА) В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ**И.В. Зайцев****KHUDAIKUL'S (PETER'S) TOMBSTONE IN THE MOSCOW KREMLIN**

Институт российской истории РАН; Института востоковедения РАН

Статья посвящена надгробию казанского царевича Худайкула бин Ибрахима (Петра) в Архангельском соборе Московского Кремля. Дата кончины Худайкула, высеченная на его эпитафии (13 марта 7016/1508 г.), неверна, поскольку царевич однозначно был жив в 1522 г. Плита выполнена значительно позднее смерти чингизида, а дата на ней является следствием неверно понятых данных летописной статьи с описанием Архангельского собора. Общепринятая дата смерти Петра (1523 г.), предложенная А.А.Зиминым, является реконструированной (хотя и весьма правдоподобной).

Ключевые слова: Архангельский собор Московского Кремля, Худайкул б. Ибрахим, Казанское ханство.

The article is dedicated to the tomb of Kazan prince Khudaikul bin Ibrahim (Peter) in the Cathedral of the Archangel of the Moscow Kremlin. The date of Khudaikul's death carved on his epitaph (March 13, 7016/1508) is incorrect, as the prince was unambiguously alive in 1522. The gravestone was crafted much later than the Chingissid's death, and the date specified on the stone is a consequence of misunderstood information contained in a chronicle article describing the Cathedral of the Archangel. The generally accepted date of Peter's death (1523) proposed by A.A. Zimin is a reconstructed (but at the same time rather plausible) date.

Keywords: The Cathedral of the Archangel of the Moscow Kremlin, Khudaykul b. Ibrahim, Kazan Khanate.

Общепринятая дата смерти казанского царевича Худайкула, сына казанского хана Ибрахима, в крещении Петра Ибрагимовича – 1523 год – была предложена А.А. Зиминым. В нашей работе, опубликованной в журнале «Золотоордынское обозрение» мы также поддержали эту дату [4].

Царевич Худайкул попал на Русь в 1487 г., когда после московского похода на Казань хан Алегам с женой были сосланы в Вологду, а его мать (Фатима), братья (Мелек-Тагир и Худайкул) и сестры – в Карголом на Белоозере. Никоновская летопись так описывает эти события: «И князь великий Иван Василиевич всеа Руси царя Махмет-Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а коромольных князей и уланов смертию казнил и иных коромольников; а царя Алегам с царицею послал князь великий в заточение на Вологду, а мать его и братию его и сестры послал князь великий в заточение на Белоозере в Карголом» [10, с. 219; 3, с. 303]¹.

Осенью 1505 г. Худайкул бил челом митрополиту московскому Симону, чтобы тот испросил у великого князя Василия III разрешения креститься. Разрешение было получено, и 21 декабря того же года Худайкул был крещен на Москве-реке в присутствии великого князя, его младших братьев и бояр. Новое христианское имя Худайкулу выбрали неслучайно. Как предполагал А.В. Беляков, «здесь явно прослеживается переключка с историей о Петре, царевиче ордынском, попавшем в Ростовское княжество и крестившемся здесь в XIV в.». Некоторое время Худайкул-Петр жил на дворе у архиепископа в Ростове, а на фресках Архангельского собора Московского Кремля Петр Ордынский был помещен как небесный патрон Петра-Худайкула [3, с. 90, 301]. Впрочем, В.Д. Назаров полагает, что для мотива в выборе имени Петра показательнее сама дата – 21 декабря, «наиболее значимая в почитании святого митрополита «всея Руси» Петра (день его кончины)» [7, с. 19].

Вполне возможно, что в истории крещения Худайкула имели место обе аллюзии – на митрополита Петра, и на царевича Петра Ордынского. Совершенно очевидно, что в XVII в. истории Петра Ордынского и царевича Петра-Худайкула безусловно связывались. Действительно, в стенописи Архангельского собора 1666 г. сцены из «Сказания о царевиче Петре Ордынском» сосед-

¹ Карголом находился, видимо, к востоку от современного Белоозера, на южном берегу озера Белое, в десяти верстах от заложенного в 1488 г. Белоозера [1, с. 168–169].

ствуют с изображением казанского царевича². Как писал об этом изображении Е.С. Сизов, «к надгробным «портретам», написанным не над гробницей, а на расстоянии, относится еще одно изображение. Это фигура казанского царевича Петра. Царевич Петр, зять Василия III, будучи, как доказывает А.А. Зимин, наследником его престола, скончался в 1523 г. Он был положен в Архангельском соборе у северо-западного столпа. Его «портрет» поместили на северной стене у входа в собор (см. **цв. фото** на стр. 259). То, что этот образ написан именно здесь, а не на южной стене, логично, так как гробница царевича тяготеет к северной стороне храма. Но выбор именно этого участка стены, достаточно свободного, так как здесь мало «портретов», связан с одной из интересных особенностей замысла росписей – желанием достаточно широко раскрыть в них актуальную для тех времен казанско-ордынскую тему. Именно с этой целью рядом с царевичем Петром помещены две сцены, иллюстрирующие житейную повесть о другом татарском царевиче Петре, который, согласно «житию», еще в самый начальный период ордынского владычества, вскоре после нашествия Батые на Русь, тайно покинул Орду и, поселившись в Ростове, связал свою судьбу с Россией» [12, с. 80]³. Портрет Петра в три четверти снабжен подписью: «Велики князь Петр» [12, с. 94]⁴.

Через неделю после крещения, 28 декабря 1505 г. царевич принес присягу на верность Василию и был выпущен из «нягства» [3, с. 82]. Менее чем через месяц, 25 января 1506 г. в Успенском соборе Кремля Петра обвенчали с сестрой великого князя Евдокией. Венчал их тот же архимандрит московского Спасского монастыря Афанасий, который крестил царевича [3, с.105-106]. Таким образом, Василий породнился с казанскими чингизидами, а у Москвы появился крещеный претендент на казанский престол.

«Крещение царевича Петра и его брак с сестрой монарха имели пропагандистское, и политическое значение. Они символизировали принципиальные перемены в отношениях московских Рюриковичей и Чингисидов. Последние как бы признавали преимущества православия над исламом и собственную позицию «жалуемого» лица – не только городами и территориями, но и разрешением на смену веры, и «дачей» в супруги близкой родственницы московского государя» [7, с. 19–20].

В сентябре 1509 г. Василий берет зятя с собой в Новгород. Зимой 1512/13 гг. Петр стоял во главе большого полка во время похода к Можайску. В феврале 1513 г. умерла его жена Евдокия⁵. Во время литовского похода лета-осени 1513 г. он остался в Москве вместе с племянниками. Летом 1514 г. во время литовского похода он вновь оставлен в Москве [3, с. 184]. В апреле 1517 г. он присутствовал на приеме цесарского посла Сигизмунда Герберштейна [3, с. 116]. Весной 1522 г. Петр вновь оставлен в Москве во время похода Василия III против крымского хана [3, с. 185].

Согласно утвердившемуся в историографии мнению, скончался царевич 13 марта 1523 г. и был похоронен у северо-западного столпа в Архангельском соборе Московского Кремля [5, с. 298; 12, с. 67; 3, с. 159]. Там же, на северной стене собора, как уже говорилось, сохранилось изображение Петра [12, с. 66].

Казалось бы, что ясность в вопрос о дате смерти Петра может внести эпитафия царевича. Она была однажды опубликована. Согласно чтению Т.Д. Пановой текст ее таков: «В лето 7017 марта в 13 преставис царевич Петр сын Ибреимов сына Маматякова царя Казанскаго» [8, с. 28].

Однако обращение к оригиналу надписи на плите показывает, что дата надгробия читается как 7016, но никак не 7017. В действительности, с нашей точки зрения, эпитафия выглядит следующим образом:

В лето 7016 м(а)ртъ въ П [13 день] // преставис(я) ц(а)ревичъ Петръ с(ы)нъ Ибре//имовъ с(ы)на Маматякова ц(а)ря // Казанскаго.

² Изображение см. [12, с. 78, илл.12].

³ Кстати, в описании стенных «портретов» Архангельского собора середины XIX в. фигура царевича Петра определена как образ царевича Петра Ростовского, а не Казанского. [12, с. 84].

⁴ Это, видимо, второй случай утраты чингизидом своего «царственного» именованья. Первый, в отношении племянника Худайкула – царевича Федора Меликдаировича, крещеного в 1512 г., отметил В.Д.Назаров [7, с. 18].

⁵ Похоронена в Вознесенском соборе Московского Кремля [8, с. 28].

Стоит отметить, что в первом описании Архангельского собора, которое принадлежит перу протоиерея Архангельского собора Петра Алексеевича Алексева (1731–1801)⁶, текст надгробия был прочитан ближе к истине: «на левой стороне у другого столпа, что от западных дверей: 48: в лето 7017 (от Р.Х. 1509 году) марта в 13 день преставись царевич Петр сын Ибреимов, сына Маматякова царя Казанского» [2, л. 13]⁷. Более того, у исследователей XIX в. – первых историков Казанского ханства, эта дата также не вызывала возражений. Например, Карл Фукс в своей «Краткой истории Казани» (1817) пишет, что Петр скончался 13 марта 1509 г. [14, с. 44]⁸.

Это уточнение, тем не менее, не снимает основного вопроса. Дело в том, что 7016 соответствует 1508 г., а мы знаем, что Петр был однозначно жив еще в 1522 г. В чем же дело?

Во-первых, стоит отметить, что дата 13 марта 1523 г. как момент смерти Петра, насколько мне известно, не встречается в письменных источниках. Видимо, первым, кто предложил именно эту дату, был А.А. Зимин [5, с. 298]. Зная, что царевич был жив в 1522 г., но при этом однозначно не участвовал в московском походе на Казань лета 1523 г., историк сопоставил эти данные с датой погребальной плиты, ясно понимая, что год на ней указан неверно. Таким образом, дата 13 марта 1523 г. является, скорее всего, результатом комбинации разных данных. Настоящей даты кончины царевича мы пока не знаем.

Во-вторых, попробуем определить, почему год на плите указан неверно (впрочем, нельзя утверждать, что и число и месяц кончины царевича указан безошибочно). Очевидно, что плита не может являться современной погребению (иначе, трудно допустить колоссальное расхождение в годах). Да и стилистика выполнения эпитафии говорит о том, что выполнена она была не ранее XVII в. Значит, автор эпитафии реконструировал дату по каким-то другим данным. Таким источником для него, вероятнее всего, являлось летописание. Даты смерти Петра там нет. Однако, в Воскресенской летописи под 1508 г. мы встречаем подробное перечисление погребений Архангельского собора, в котором читаем: «а вшед въ церков большими дверми, налево у столпа лежит Петръ царевичъ, зять великого князя Ивана Василиевича, Абреимовъ сынъ царевъ» [9, с. 248]. В Никоновской летописи далее добавлено: «а возле его положиши у того же у леваго столпа царя Александра Сафакиреевича Казанского» [10, с. 8]. Это свидетельство недвусмысленно говорит о том, что первоначально оба казанца были похоронены рядом – у левого (северо-западного) столпа. Поэтому на схеме захоронений собора, составленной Е.С. Сизовым на основании Шумиловского тома Лицевого летописного свода 1574 г., у левого столпа обозначено два захоронения [11, с. 88].

Ныне прах Александра находится под особой плитой на правом столпе. Значит, его туда перенесли позже, и скорее всего, это обстоятельство сопровождалось переделкой погребения Петра и изготовлением новой плиты (видимо, взамен утраченной). Скорее всего, это случилось после событий Смутного времени и разорения Кремля. Уместно, видимо, предположить, что автор новой эпитафии, не имея прямых указаний, принял год летописной статьи за год погребения Петра. Ответить на вопрос, откуда возникли число и месяц кончины царевича, сложнее. Можно было бы предположить, что их источником был синодик собора. Однако в нем данных о Петре нет вовсе⁹.

Подведем итоги. Дата кончины Худайкула, высеченная на его эпитафии (13 марта 7016/1508 г.), неверна, поскольку царевич однозначно был жив в 1522 г. Плита выполнена значительно позднее смерти чингизида, а дата на ней является следствием неверно понятых данных летописной статьи с описанием Архангельского собора. Общепринятая дата смерти Петра

⁶ Он был сначала ключарем кремлевского Успенского собора и написал несколько книг, в т.ч. Роспись московских церквей, соборных, монастырских, ружных, приходских, предельных, и домовых; внутри и вне царствующаго града состоящих. [М.]: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1778. [5], 84, [2] с.; 8.

⁷ Далее идет описание изображения на этом «столпе» великого князя Даниила Александровича со свитком в руках с текстом об основании этого храма. Номер 48, который предваряет описание захоронения царевича Петра, указывает его могилу на плане Архангельского собора, нарисованном на обороте «тит. л.». Я благодарю заведующую Отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского Федерального университета Э.И. Амерханову за любезно предоставленную справку об этой рукописи.

⁸ Очень вероятно, что К.Фукс в этих сведениях использовал как раз рукопись П.А. Алексева.

⁹ Впервые этот памятник был описан А.Лебедевым еще в 1880 году [6, с. 376–381]. Ныне он хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки [13].

(1523 г.), предложенная А.А. Зиминим, является реконструированной (хотя и весьма правдоподобной).

То обстоятельство, что первоначально оба казанских царевича были похоронены рядом (у – северо-западного столпа храма) еще раз обращает нас к проблеме формирования некрополя Архангельского собора. В литературе уже отмечалось, что истоки неравнозначности групп погребений великих и удельных князей в соборе следует искать в эсхатологических представлениях средневековья, а также представлениях о небесной иерархии, которая отражалась в иерархическом устройстве некрополя. «Великокняжеским гробницам отводилось место у южной стены, причем вдоль нее – с востока на запад. В отличие от них, как свидетельствует Никоновская летопись, во время сооружения нового здания некрополя в 1507 году «удельных князей мощи положиша возле западную стену». Их ряд начат у южной стены и доходит до середины западной. Таким образом, гробницы удельных князей располагаются в южной половине собора. Что касается северной стены, то здесь находится наименьшее число погребений, потому что сюда клали князей, умерших в опале или «нужною», то есть насильственной смертью» [11, с. 92]¹⁰. Эта картина распределения гробниц некрополя дополняется отдельной компактной группой из двух погребений крещеных Чингизидов, положение которой вполне соответствует тому месту, которое они занимали в структуре московского общества XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. М.: Энц. российских деревень, 2001. 239 с.
2. *Алексеев П.А.* Iconographia ... Ecclesiae St. Michaelis. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского Федерального университета, рук. № 4671.
3. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
4. *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович – Худайкул б. Ибрахим? // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 128–136.
5. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М.: Мысль, 1972. 455с.
6. *Лебедев А.* Московский кафедральный Архангельский собор. М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1880. 388 с.
7. *Назаров В.Д.* Рюриковичи и Чингисиды: проблемы взаимоотношений в преломлении источников (Диалог о книге А.В. Белякова Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011) // Отечественная история. 2013. № 3. С. 11–21.
8. *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФГУК ГИКМЗ «Московский Кремль», 2010. 71 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Археографическая комиссия, 1859. 312 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 12. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Археографическая комиссия, 1901. 272 с.
11. *Сизов Е.С.* Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. I. М.: «Искусство», 1973. С. 86–94.
12. *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. II. М.: Советский художник, 1976. С. 62–97.
13. Синодик Архангельского собора Московского Кремля. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд 218, ед.хр.1518.
14. *Фукс К.* Краткая история города Казани. Казань: в Университетской типографии, 1817.

Информация об авторе:

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., Врио директора ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация); ilyaAugust@yandex.ru

About the author:

Zaytsev Ilya V., Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Leading Research Associate, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ilyaAugust@yandex.ru

¹⁰ Сизов Е.С. Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. I. М.: «Искусство», 1973. С. 92.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРСКИХ ТАТАР*

З.А. Тычинских

EPIGRAPHIC MONUMENTS OF THE SIBERIAN TATARS¹

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Рассматриваются эпитафические памятники татарского населения Западной Сибири. Показано, что для основной части сибирских татар были характерны другие типы надмогильных сооружений. Традиция установки каменных плит с эпитафиями была известна и сохранялась у военно-служилой знати. В связи с тем, что многие памятники были утрачены, на сегодняшний день известно незначительное число сохранившихся каменных плит. Основное внимание уделено эпитафическому памятнику конца XVII – начала XVIII вв. – надмогильной плите с Ханского кладбища близ Искера (Сибири) – древней столицы Сибирского ханства. На основе архивных источников автором выявлено, что под этой плитой были погребены представители знатного рода мурз Кульмамметевых. Данный факт подтверждает общность традиции захоронения тюрко-татарской военно-служилой знати на особых Ханских кладбищах, характерной как для Поволжья, так и Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпитафические памятники, эпитафии, сибирские татары, Кульмамметевы, военно-служилой знать, надмогильная плита, Ханское кладбище.

The article considers the epigraphic monuments of the Tatar population of Western Siberia. It demonstrates that the major part of the Siberian Tatars were characterized by other types of grave structures. The tradition of erecting stone slabs with epitaphs was known and practised by the military-service nobility. Due to the fact that numerous monuments have been lost, only a scarce number of surviving stone slabs are presently known. Primary attention is given to an epigraphic monument of late 17th - early 18th centuries - a gravestone slab from the Khan's cemetery near Isker (Siberia) - the ancient capital of Siberian Khanate. On the basis of archival sources, the author established that representatives of the noble family of Murz murzas Kulmammetevs were buried underneath the slab. This fact confirms the unity of the tradition of burying Turkic-Tatar military-service nobility at special Khan's cemeteries, which is characteristic of both Volga region and Siberia.

Keywords: Western Siberia, epigraphic monuments, epitaphs, Siberian Tatars, Kulmammetevs, military-service nobility, gravestone, Khan's cemetery.

Одним из важным источников для исторических исследований являются эпитафические памятники, историческая ценность которых, по мнению известного исследователя эпитафики Д.Г. Мухаметшина, обусловлена тем, что они содержат в себе разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера (9, с. 3).

Особое место среди памятников занимают надмогильные плиты с эпитафиями². Обычай устанавливать надмогильные каменные плиты на месте захоронений был широко распространен у тюркских народов и имеет многовековые традиции [1, с. 129–133]. Этот обычай был широко распространен у татар. Исследователи видят генетическую связь каменных надмогильных плит с «каменными бабами» кочевых степных традиций, постепенно трансформировавшихся в плиты с изображением умерших. Как определяет Д.К. Валеева, в мусульманском мире плиты остались, а «портреты» умерших были заменены письменным сообщением сведений об умершем [5, с. 59].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».

¹ The article was prepared with the financial support of the Russian Federal Agency for Scientific Organizations (FASO Russia) within the framework of the Fundamental Scientific Research (FNI) topic No. 0408-2015-0003 "Study of the culture of the population in the northern forest-steppe and southern taiga of Western Siberia (1st Millennium B.C. – 2nd Millennium A.D.)"

² См. **цв. фото** к статье на стр. 260–263.

Каменные резные надгробия – вертикально поставленные намогильные плиты с вырезанной на лицевой поверхности надписью (обычно коранической формулой) и изображением знаков – символов мусульманской веры, распространены в Поволжье, Приуралье, Крыму. Также памятники были обнаружены на территории Ногайской степи [8, с. 168–209].

Наиболее полно исследователями выявлены, изучены и классифицированы намогильные памятники, расположенные на многочисленных кладбищах на территории современного Татарстана, а также соседних республик и областей (Г.В. Юсупов, Д.Г. Мухаметшин и др.). Так, Д.Г. Мухаметшин исследовал и классифицировал в общей сложности около 900 эпитафических памятников XIII – первой трети XX вв. [9, с. 4]. В настоящее время значительная коллекция эпитафий хранится в фондах музеев Казани, Чистополя, Москвы, Ульяновска и других городов. По хронологическому признаку памятники охватывают широкий временной диапазон – со второй половины XIII – по первую треть XX вв.

В.В. Вельяминов-Зернов приводит сведения о том, что каменные надгробия были установлены на могилах сибирских царевичей и царевен в Касимовском ханстве, в частности, на захоронении одной из дочерей хана Кучума [6, 1866].

В отличие от Поволжья, в Западной Сибири на сегодняшний день обнаружено незначительное число подобных памятников. В традиции многих групп сибирских татар было принято устанавливать на могилах не каменные плиты, а деревянные срубные сооружения, называемые «ой», «киртмя» [12]. Этот обычай сохраняется в ряде районов и в настоящее время. Но, тем не менее, источники позволяют говорить о том, что на территории обитания сибирских татар существовала также традиция установки намогильных плит.

О «надгробных памятниках с арабской графикой» сообщает Х.Ч. Алишина, указывая, что они были обнаружены в 1980-е годы при строительстве городского стадиона в Тюмени и без прочтения были разбиты и уложены в фундамент. О нахождении на действующем кладбище д. Себеляково Тарского района Омской области «белой мраморной намогильной плиты с высеченным текстом на арабском языке» сообщает А.К. Бустанов, обнаруживший находку во время экспедиции в 2006 г. [3, с. 19]. О неединичности подобных памятников позволяют говорить также полевые материалы. Так, имеются свидетельства информаторов о существовании намогильных плит на Саусканском и Медянском кладбищах близ г. Тобольска (ПМА. Информаторы М.К. Кульмаметьев, Г.Х. Кутумов, К.С. Садыков). В ходе экспедиции в Новосибирскую область в 2015 г. нами была обнаружена старинная намогильная плита на кладбище с. Тармакуль.

Однако в целом можно пока говорить о немногочисленности обнаруженных в Западной Сибири эпитафических памятников. Наиболее известным из них является намогильная плита, экспонирующаяся в Тобольском музее-заповеднике.

Данный памятник известен как «надгробный камень с Ханского кладбища близ Искера». Он был обнаружен и привезен в Тобольский губернский музей в 1912 г. консерватором музея В.Н. Пигнатти. Ханское кладбище, где был найден данный памятник, располагалось на Саусканском мысу в районе древнего городища сибирских татар Искер (Сибирь). Вот как описывает В.Н. Пигнатти Ханское кладбище начала XX в.: «в одной версте от дер. Токаревой узким и длинным мысом врывается в луговое пространство, образовавшееся... когда Иртыш отступил к левому своему берегу. И Ханское кладбище осыпается в обе стороны мыса. Никаких следов древних могил на нем нельзя распознать, так как ныне на этом кладбище и по подгорью хоронят татар окрестных юрт – главным образом Саусканских – и все кладбище испещрено новыми оградками и свежими насыпями могил...» [11, с. 98].

Среди этих могил и была обнаружена В.Н. Пигнатти «стоящая одиноко в подгорье плита... двухаршинной высоты, имеет овальный верх, и на ней высечены письма ровными и точными строками» [11, с. 98].

Отдельно хотелось бы остановиться на «Ханском кладбище», где был найден памятник. В 90-е годы XX в. тобольский историк И.В. Белич сообщал о нем следующее: «Известный исторический памятник сибирских татар эпохи Сибирского ханства, получивший название «Ханское кладбище», расположен на так называемом Саусканском мысу, находящемся неподалеку от Тобольска, на правом берегу Иртыша, в районе бывшего «царственного града» – «Сибирь» или «Кашлык», позднее – городище Искер» [2, с. 55]. И.В. Белич предполагал, что образование Саусканских юрт, являвшихся, скорее всего, резиденцией и родовой вотчиной хана Соускана, и ран-

него татарского могильника можно отнести ко времени, предшествующем исламизации сибирских татар, т.е., видимо, не ранее XV в. [2, с. 57].

Между тем, следует заметить, что наименование «Ханское» не означает, что там обязательно должен быть похоронен хан. Как замечает Д.Г. Мухаметшин, «в народе «ханскими» считают те древние кладбища, где имеются богато оформленные массивные надгробия». Далее он отмечает, что подобные «ханские» кладбища существуют в Булгаре, близ сел Старое Ромашкино Чистопольского района, Тямти Сабинского, Средние Кирмени, Нижние Яки Мамадышского района Татарстана. «Однако ни в эпитафиях, ни в исторических источниках нет и намека, что там похоронены ханы» [9]. Трудно сказать, были ли похоронены на «Ханском кладбище» на Саусканском мысу ханы, но то, что изначально это было место захоронения сибирской аристократии, следует как из обнаруженных на нем находок, так и устных преданий сибирских татар.

В.Н. Пигнатти описывает найденную на Ханском кладбище плиту, перевезенную в Тобольский Губернский музей, следующим образом: «Плита эта, высеченная из песчаника, имеет высоту в 99 см, шир. 42 см и тол. 10 см, верх ее полукруглый, низ несколько обколот» [10, с. 14].

В 1915 г., по просьбе В.Н. Пигнатти, профессором Казанского университета Н.Ф. Катановым был сделан перевод надписи на плите. Он был следующего содержания:

«Он (Бог) – вечен и бессмертен (тогда как) все умрет.

Сказал Пророк – мир ему! – «сия жизнь – один час, а потому употребим ее на добрые дела!»

Место упокоения в тысяча восемьдесят четвертом году сделалось для Мирзы-Бакиея, сына Гаввас-Бакия, (который) из страны бренности в страну вечности переселился.

Надежда – та, что мусульмане добрыми молитвами будут вспоминать.

Боже мой, прости грехи ему и родителям его полностью!

В тысяча сто двенадцатом году было (то, что) Мухаммед-Мурад, сын Гаввас-Бакия переселился из страны бренности в страну вечности» [7, 2010, с. 197].

Изучая памятник, И.В. Белич определил, что в целом текст надписи был выполнен в соответствии с общепринятыми у мусульман нормами и состоял из следующих компонентов:

первая строка являлась обязательной формулой-изречением из айата 25 суры Корана. 2) Вторая и третья содержали выдержку из хадисов – изречений Мухаммеда. За ними следовали: 3) слова, связанные с обрядом захоронения («место упокоения (погребения)»; 4) краткое указание даты кончины; 5) имена погребенных, состоящие из имени отца и сына; 6) словосочетание, обозначающее понятие о смерти («из страны бренности в страну вечности переселился»); 7) благожелательная формула («Надежда – та, что...», «Боже мой, прости грехи ему...»), обычно представленная на мужских эпитафиях с большей смысловой нагрузкой, чем на женских, что соответствовало канонам ислама. [2, с. 71–72].

Таким образом, было обнаружено, что под этим камнем был погребен «в тысяча восемьдесят четвертом году [(1673–1674 гг.)]... Мирза Бакай, (который) из страны бренности в страну вечности переселился...», а в «тысяча сто двенадцатом году [(1700–1701 гг.)]... Мухаммед-Мурад, сын Гавваза Бакия переселился из страны бренности в страну вечности». То есть, под этой плитой похоронены два сына Гаввас-Бакия. В связи с тем, что погребение парное, И.В. Белич предположил существование некоего семейного склепа [2, с. 72].

В конце XX в. детальное изучение данной надписи было проведено казанским исследователем И.А. Мустакимовым. По мнению И.А. Мустакимова, перевод надгробной надписи на русский язык, сделанный Н.Ф. Катановым, не совсем точен (им, в частности, опущена часть имени, вернее, титул, «бай» в имени Гаувас-Бакый-бай. Также И. Мустакимов несколько иначе, чем Н.Ф. Катанов, прочитал имена: Мирза Бакый, Гаувас Бакый, Мохамметморат). И.А. Мустакимовым было также обнаружено имя мастера «оста», вырезанное на боковой части намогильной плиты. Имя его было довольно известно во второй половине XVII в. Это был казанский мастер-резчик по камню Бикмохаммад Ашман улы [13, с. 327].

Опираясь на исследования Ф.З. Яхина [16, с. 601–602; 17, с. 191–197] и наши изыскания, мы предположили, что под данной могилой плитой с Ханского кладбища могли лежать представители известного рода сибирских мурз Кульмаметевых, в течение почти полутора столетий (с конца XVII по начало XIX вв.) находившиеся на должности голов тобольских служилых татар и длительное время державшие в своих руках власть над татарским населением [14, 2010].

Не так давно наши предположения получили подтверждение. В архиве Пермского края че-

лябинским историком Г.Х. Самигуловым³ был обнаружен комплекс документов, касающихся семьи Кульмаметевых, и включающий в себя материалы о земельных владениях, родословной, краткие сведения о службе представителей рода с 1680-х до 1790-х гг. Пакет документов был сформирован в связи с направленным в декабре 1789 г. на высочайшее имя прошением «мурзы Сабанака Авазбакеева сына Кульмаметева» о награждении его самого, его братьев, сыновей и племянников очередными воинскими чинами. Прошение было переслано в канцелярию генерал-губернатора Пермского и Тобольского с приложенными к нему документами.

В составленной в конце XVIII в. Сабанакон Кульмаметевым «Поколенной росписи» указываются пять сыновей головы тобольских служилых татар Авазбакея Кульмаметева, жившего в XVII в., – Назар, Мурзат, Сабанак, Маметмурат и Хоцамшукур (ГАПК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 109. Л. 82). В связи с тем, что ни у одного из них, кроме Сабанака, не указаны дети, мы можем предположить, что они умерли достаточно рано. Имя Маметмурат Аваз(з)бакеев (Кульмаметев) встречается в окладных книгах денежного жалованья в 1689/90 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 919. Л. 238). В более позднее время – в XVIII в. имена Мурзата, Маметмурата и Назара не фигурируют, в отличие от братьев – Сабанака и Хоцамшукура, игравших заметную роль в жизни Тобольска и региона. Один из самых известных представителей рода Сабанак после смерти отца Авазбакея в 1698 г. становится головой служилых татар 1-го класса. Именно при нем род Кульмаметевых достигает вершин могущества.... Брат Сабанака Хоцамшукур долгие годы служил ахунгом. Имена Мурзат, Маметмурат, скорее всего, являются вариантами «Мирза Бакья» и «Мохамметмората» с намогильной плиты. Имя их отца – Гаувас Бакый является мусульманским вариантом имени Авазбакея. Учитывая знатность рода, место в социальной иерархии, можно с достаточной основательностью говорить о том, что под данной плитой лежали сыновья головы тобольских служилых татар мурзы Авазбакея Кульмаметева.

Другой сибирский эпитафический памятник, относящийся к более позднему времени – середине XIX в., был обнаружен А.К. Бустановым у д. Себеляково. Д.Г. Мухаметшиным был сделан перевод текста себеляковской эпитафии: «Это место упокоения Хаджи Нийаза сына Хайдара умершего По душе Благословение. В 1847 году 5 марта в мир вечности переселился. Да будет обширна милость Аллаха» [3, с. 19].

Исследователями было также установлено имя погребенного. Это представитель известного рода сибирских торговцев Айтикиных Нийаз Хайдар Айтикин, родословная которых связана с сейидами.

Как видим, данный памятник относится уже к середине XIX в., в связи с чем, как в содержании, так и характере письма эпитафии происходят существенные изменения. А.К. Бустанов обращает внимание на сильное влияние на содержание текста эпитафии русской культуры – использование христианского летоисчисления, написание даты не словами, а цифрами. Бустанов считает, что «это чисто сибирский камень, не похож на поволжские образцы...». Также исследователь отмечает, что на могильном камне эпитафия написана не каллиграфическим почерком [3, с. 19]. Таким образом, на данном примере видно, что постепенно изменялись и упрощались традиции эпитафического письма, но традиция установки намогильных плит сохранялась.

В целом для тюрко-татарской традиции было характерно, что эпитафии являлись выражением особого статуса погребенного. Намогильные плиты могли ставить только состоятельные люди — правящая верхушка, военная и торговая аристократия, служители культа знати. «Памятники эти, с их непонятными для широких масс народа арабизмами, – пишет известный эпитафист Г.В. Юсупов, – были для них своего рода символами, обожествлявшими личность представителей правящей феодальной верхушки» [15, с. 48].

Практика установки намогильных плит не была широко распространена у сибирских татар, для которых более характерными были срубные намогильные сооружения. В установлении и сохранении данной традиции немаловажную роль сыграли социальные факторы. Скорее, она была приращена определенной стратой, которая сохраняла элементы традиций военно-кочевой тюркской культуры.

³ Выражаю признательность Г.Х.Самигулову за предоставленную возможность использования данных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ажигали С.Е.* Крупнейший мемориально-культурный комплекс степной Евразии: некрополь Шопан-Ата / Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научн. трудов. Омск, 2003. С. 129–133.
2. *Белич И.В.* Ханское кладбище // Сибирская столица. 1997. № 1. С. 55–72.
3. *Бустанов А.К., Мухаметшин Д.Г.* Кайрак из аула Себеяк: новый памятник сибирско-татарской эпиграфики // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.П. Яркова. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2017. С. 19–21.
4. *Бустанов А.К.* Книжная культура сибирских мусульман. М.: Изд. дом Марджани, 2013. 264 с.
5. *Валеева Д.К.* Искусство волжских болгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань, 2003.
6. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.
7. *Искер – столица Сибирского ханства* // Сб. научных работ. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010.
8. *Керейтов Р., Червоная С.* Эпиграфика Ногайской степи // Татарская археология. 2004. № 1–2 (10–11). С. 168–209.
9. *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Серия «Археология евразийских степей». Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 132 с.
10. Отчет консерватора Тобольского губернского музея о состоянии коллекций за 1915 г. / Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. XXVI. Тобольск: Типография Епархиального братства, 1916. С. 13–15.
11. *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) / Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. 125. Тобольск: Типография Епархиального братства, 1915.
12. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
13. Татар адабияте тарихы. Казань: Таткнигоиздат, 1984. 565 с.
14. *Тычинских З.А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар. Казань: «ФЭН», 2010. 288 с.
15. *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.
16. *Яхин Ф.З.* Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихатнамэ» («Книга наставлений») // Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Тюркские народы». Тобольск, 2002. С. 601–602.
17. *Яхин Ф.З.* Отражение истории древнего Тобольска в «Генеалогическом древе Саидов Сибирского ханства» // Сулеймановские чтения. Тюмень, 2005. С. 191–197.

Информация об авторе:

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (Тобольск, Российская Федерация); zaituna.09@mail.ru

About the Author:

Tychinskih Zaytuna A., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of RAS (Tobolsk, Russian Federation); zaituna.09@mail.ru

УДК 930.271

**СТАРОКРЫМСКИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ НАДМОГИЛЬНЫЕ
ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА
(НА ПРИМЕРЕ ПОДТИПА В ФОРМЕ ВОСЬМИГРАННОЙ ПРИЗМЫ
БЕЗ ФИГУРНОГО НАВЕРШИЯ)**

М.А. Усеинов

**STARY KRYM MUSLIM GRAVESTONES OF THE GOLDEN HORDE PERIOD
(EXEMPLIFIED BY A SUBTYPE IN THE FORM OF AN OCTAGONAL PRISM
WITH NO FIGURED TOP SECTION)**

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В статье рассматривается подтип мусульманских надмогильных памятников золотоордынского периода, представляющих собой вертикальную восьмигранную призму без фигурного навершия. Надгробия были зафиксированы на территории г. Старый Крым.

Исследование памятников в форме восьмигранных призм позволило выявить два подтипа. В результате анализа определены различия в назначении этих двух подтипов:

– с фигурным навершием, у которых верхняя часть памятника по форме похожа на купол дюрбе, или мужской головной убор. Надпись несет информацию преимущественно на арабском языке об имени человека, а также насаб и нисбу.

– без фигурного навершия; надпись на таких надгробиях несет информацию только о дате смерти погребенного, прописью на арабском языке.

Из 318 надгробных памятников золотоордынского периода 124 (39 %) были отнесены к типу вертикальной восьмигранной призмы, из которых 31 надгробие относится к подтипу без фигурного навершия.

В целом же анализ тридцати одного надгробия, относящегося к данному подтипу, показал основные приемы оформления, характерные особенности присущие данному подтипу надгробий. Анализ элементов декора, использованных в оформлении надгробий, показал наличие сельджукского влияния.

Расшифровка надписей на двенадцати надгробных камнях, показала, что они относятся к седьмому веку по Хиджре (XIV в.). Стилистическая близость, позволяет отнести все памятники данной подгруппы к золотоордынскому периоду.

Ключевые слова: Старый Крым, Золотая Орда, эпиграфика, надмогильные памятники, вертикальные восьмигранные надгробия.

The article considers a subtype of Muslim gravestones dating back to the Golden Horde period represented by a vertical octagonal prism with no figured top section. The gravestones have been recorded in the territory of Stary Krym.

The study of the monuments in the form of octahedral prisms allowed to identify a total of two subtypes. The analysis allowed to determine the differences in the functional purpose of the two subtypes:

– with a figured top section and the upper part of the monument resembling a durbe dome or a men's head-dress in terms of the shape. The inscription primarily conveys information on the name of a person in the Arabic language, as well as a nasab and a nisbu.

– without a figured top section; the inscription on these tombstones only conveys information on the date of death of the buried in the Arabic language.

A total of 124 (39 %) gravestones of 318 dating back to the Golden Horde period were classified as the vertical octagonal prism type, 31 of which correspond to the subtype with no figured top section.

On the whole, an analysis of thirty-one gravestones corresponding to the given subtype revealed the basic design techniques and characteristic features typical for this gravestone subtype. An analysis of decoration elements used in the design of gravestones demonstrated the presence of a Seljuk influence.

The interpretation of inscriptions on twelve gravestones demonstrated that they correspond to the seventh century A.H. (14th century A.D.). Stylistic similarity allows to attribute all the monuments of this subgroup to the Golden Horde period.

Keywords: Stary Krym, Golden Horde, epigraphy, gravestones, vertical octagonal tombstones.

Определенная часть надгробий зафиксированных на территории Старого Крыма, известна нам благодаря работе в 20-е годы XX века ряда археологических экспедиций, под руководством И.Н. Бороздина. В которых принимали участие У. Боданинский, О. Акчокраклы и др. Обширный материал по надмогильным памятникам собранный Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, под руководством М.Г. Крамаровского, хранится в фондах экспедиции [5, с. 149]. Многие надгробия были случайно обнаружены местными жителями, при разборе старых строений и земляных работах на территории города. Одним из мест аккумуляции подобных находок стала территория мечети хана Узбека. Из случайных находок также сформировались несколько частных коллекций. Проблемной стороной, выявленных таким образом памятников стало установление места обнаружения надгробия. Процесс обнаружения и сбора надмогильных памятников продолжается и в настоящее время.

Из зафиксированных в ходе настоящего исследования в г. Старый Крым 318-ти надмогильных памятников и их фрагментов – 124 (около 39%) относятся к типу *вертикальной восьмигранной призмы*. Это один из самых распространенных типов надгробий. Как указывает О. Акчокраклы, вертикальные восьмигранные, а также цилиндрические надгробия устанавливались над мужскими погребениями, в отличие от вертикальных плоских надгробий, которые устанавливались над погребениями женщин [2, с. 153].

Вертикальные надмогильные памятники в форме восьмигранной призмы можно разделить на два подтипа. Подтип с *фигурным навершием* [1, с. 153] (рис. 1)* у которого верхняя часть памятника по форме похожа на купол дюрбе, или мужской головной убор, и подтип *без фигурного навершия* (рис. 2).

В результате анализа удалось выявить различия в назначении этих двух подтипов.

На надгробиях с фигурным навершием, текст содержит имя погребенного человека, отчество (*насаб*) и *нисбу*¹. На некоторых памятниках содержится также дата смерти. Надмогильный памятник этого подтипа, вероятно, устанавливался у изголовья погребения.

В отличие от него на памятниках без фигурного навершия, текст несет информацию только о дате смерти.

Среди 124-х «восьмигранников», зафиксированных в г. Старый Крым, 64 экземпляра и фрагмента надгробий с уверенностью можно отнести к подгруппе с фигурным навершием. Фрагментов восьмигранных надгробий, принадлежность которых невозможно отнести к той или иной подгруппе – 29 экз. Надмогильных камней без фигурного навершия – 31 экземпляр.

Надгробия, относящиеся к исследуемому подтипу без навершия, изготовлены из известняка (28 шт.) и из плотного песчаника (3 шт.)

По размерам выделены три основных группы надгробий. Первая группа – с диаметром восьмигранника 12–15 см. Сохранились лишь фрагменты таких камней, поэтому определить изначальную высоту памятника не представляется возможным. Вторая группа, средняя по размеру и наиболее многочисленная – с диаметром восьмигранника от 17 до 22 см. Высота целых памятников от 60 см до 115 см. Третья группа представлена одним, более крупным надгробием с диаметром восьмигранника 28 см и высотой 94 см.

Рассматриваемые в статье надгробия представляют собой восьмигранную призму, в основании которой четырехгранное основание (рис. 2, а), иногда со скошенными углами. Достаточно распространен подтип памятника, у которого четырехгранник в его нижней части переходит в массивное, бесформенное основание, которое вкапывается в землю (рис. 2, б, в).

Грани четырехгранного основания на большинстве надгробий не имеют декоративного оформления, т.к. эта часть надгробия находится либо под землей, либо слишком близко к поверхности. Но имеются несколько надгробий, у которых четырехгранное основание украшено розет-

* Цв. рис. 1–13 к статье см. на стр. 263–266.

¹ Нисба (араб. نسبة – *отношение, связь*) – часть мусульманского имени, показывающая принадлежность человека либо к месту его рождения, либо месту проживания.

ками. По-видимому, они устанавливались на каком-либо постаменте, т.к. узор расположен вплотную к нижнему краю камня (рис. 3).

Грани самой восьмигранной призмы у части надгробий без декора, но основная масса надгробий декорирована по всем граням фигурой в виде прямоугольника с аркой в верхней части. Существует большое количество вариаций этого элемента оформления (рис. 4; 5, а), а также формы арки, от полукруглой до стрельчатой (рис. 5, б). По-видимому, вся композиция на гранях памятника подразумевает имитацию колоннады.

Другая, часто используемая фигура при оформлении граней надгробия, представлена на рис. (5, в). Зафиксировано несколько вариантов в использовании этой фигуры (рис. 2, в).

Достаточно распространенный и весьма характерный мотив в оформлении надгробий золотоордынского периода в г. Старый Крым – изображение лампы. У данного подтипа встречается только на одном памятнике, на одной из граней изображение лампы, а на противоположной грани – свеча в подсвечнике (рис. 6).

В оформлении указанного фрагмента, как и многих подобных ему надгробий просматривается сельджукское влияние, что неоднократно отмечалось в работах отечественных исследователей [1, с. 6; 2, с. 153; 3, с. 301; 5, с. 148, 150; 6, с. 67–73]. Лампада и свечи – довольно часто используемый элемент оформления сельджукских надгробий Малой Азии [8, с. 638–639]. Одно из значений символа «лампада» в исламской традиции – свет веры человека, свет веры данный Всевышним. Свет, который призван помочь человеку во «мраке могилы» [8, с. 640–641]. Вероятно, подобная трактовка заимствована из Корана [10, с. 121–122]: «*Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда...*» (сура Ан-Нур (Свет), 35 аят). [4, с. 242].

Один из вариантов трактовки в исламской традиции символа две свечи в подсвечниках – это свет знаний Корана и Сунны² пророка Мухаммада. Эти знания, согласно исламу, должны помочь человеку своим светом во «мраке могилы в ожидании Судного Дня» [9, с. 319]. Также существуют и другие трактовки этих символов, и вопрос расшифровки их значения требует дальнейшего исследования.

На многих памятниках присутствует надпись, которая располагается в верхней трети восьмигранной призмы, либо под самым верхним краем восьмигранной тумбы. Текст расположен горизонтально, по периметру, на всех восьми гранях надгробия. Текст представляет собой плоско-рельефную надпись, выполненную на арабском языке.

Как было сказано выше, на восьмигранных надгробиях существует два типа надписей. Рассматриваемый в данной статье подтип без навершия несет информацию только о дате смерти. Предположительно, такое надгробие устанавливалось у изножья могилы. Анализ надписей на надгробиях показывает, что на всех прочитанных текстах содержится год смерти по Хиджре, написанный прописью на арабском языке, иногда указывается месяц.

Из тридцати одного восьмигранника без фигурного навершия, надписи частично, или полностью, присутствуют на 18-ти камнях. Полностью сохранились даты на четырех памятниках: 753 г. по Хиджре (1352 г. по григорианскому календарю); 775 г. по Хиджре (1373 г.); 782 г. по Хиджре (1380 г.); 790 г. по Хиджре (1388 г.).

Ниже приведены несколько примеров надписей.

1) تاريخ سنة في اثنان وثمانين وسبعائة ...

Дата 782 г. по Хиджре; (1380 г. по григорианскому календарю) (Рис. 7).

2) في تاريخ ربيع الأول سنة تسعين و سبع مائة

Дата [месяц] Рабби-уль Авваль, год 790 г. (по Хиджре) (март-апрель 1388 г. по григорианскому календарю) (Рис. 8).

Частично удалось расшифровать даты на семи надгробиях. Это седьмой век и десятилетие: на двух – семьсот семьдесят, на одном – семьсот восемьдесят. Еще на пяти памятниках ясно виден седьмой век (*араб.* سبع مائة). Таким образом, из 18-ти надгробий с надписями, 12 с уверенно-

² Сунна – зафиксированные в виде преданий (хадисов) поступки и высказывания пророка Мухаммеда, считающиеся образцом, которому обязан следовать мусульманин. Вместе с положениями Корана составляет содержание мусульманского религиозного закона шариата.

стью можно отнести к седьмому веку по Хиджре (XIV в. по Григорианскому календарю). Встречаются названия мусульманских месяцев – Раби-уль Авваль (*араб.* ربيع الأول), Раджаб (*араб.* رجب), Рамадан (*араб.* رمضان).

Среди исследованных памятников имеется пример иного расположения текста. На данном надгробии текст расположен вертикально на одной грани (Рис. 9, а). Этот надмогильный камень был обнаружен еще в 20-х гг. XX века. Анализ надписи на фрагменте надгробия показал ее идентичность с памятником на фото (Рис. 9, б), и сходство надписи с текстом на камне № 93 из статьи О. Акчокраклы (1927, с. 14). На сегодня сохранилась верхняя часть надгробия. Текст на надгробии:

في التاريخ من شهر رجب سنة اثنين وسبعمائة

Дата месяца Раджаб, 702 г. (март, 1303 г.)

При отсутствии текста, его место заменяет изящный орнамент в виде плетенки, или «сельджукской косы» (рис. 10, а). Встречается также растительный орнамент (рис. 10, б).

Верхняя часть восьмигранной тумбы, имеет несколько вариантов оформления, которые приведены на рис. 12. Причем элементы оформления надгробий, как с надписями, так и без них стилистически близки (Рис. 10 а; 11; 2 а, б). Это дает основание отнести все эти памятники к золотоордынскому периоду.

На верхней грани надгробий данного подтипа чаще всего встречаются изображения шестиконечной звезды в разных вариациях, рельефной розетки, барельефной розетки в виде цветка (Рис. 12). Есть надгробия без какого-либо оформления верхней грани.

Также, распространены надгробия, на верхней грани которых, имеется круглая выемка (рис. 13). Одна из возможных версий предназначения этих углублений приводится в дневнике У. Боданинского: «В степной безводной части Крыма, где каждая капля имеет значение, принято было в верхней части головного камня делать четырехуголь[ные] или круглые выемки для того, чтобы животные, или птицы могли из них утолять жажду; эти своеобразные водохранилища называются здесь – قوش خايراتي»

– куш хайраты, т.е. общественное достояние птиц» [7, л. 45]. Выражение куш хайраты можно перевести также как – благо для птиц. И возможно, традиция, описанная У. Боданинским, также была распространена в золотоордынский период.

Таким образом, рассматриваемые в статье мусульманские надмогильные памятники в форме вертикальных восьмигранных призм без фигурного навершия, относятся к золотоордынскому периоду. Надпись несет информацию исключительно о дате смерти. Текст содержит год по мусульманскому летоисчислению (по Хиджре) написанный прописью на арабском языке. На некоторых памятниках присутствует также название месяца. Все 12 надгробий, на которых удалось прочесть дату, относятся к седьмому веку по Хиджре. Встречаются даты 753 г. по Хиджре (1352 г.); 775 г. по Хиджре (1373 г.); 782 г. по Хиджре (1380 г.); 790 г. по Хиджре (1388 г.). Анализ элементов декора, использованных в оформлении надгробий, показал стилистическую схожесть всех надгробий исследованного подтипа, что дает основание отнести памятники к золотоордынскому периоду. Также, выявлено наличие сельджукского влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчокраклы О. [-Н. А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 5–17.
2. Акчокраклы О.-Н.А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152–159.
3. Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток / Под ред. М. Павловича. М., 1928. № 13–14. С. 271–301.
4. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. Душанбе, 1990. 447 с.
5. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989. С. 141–157.
6. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2016. № 1. С. 55–88.
7. Фонды БИКАМЗ. КП-10740/405. Дневник У. Боданинского. 1925. Л. 45.
8. Biçici H. Kamil. İznik Müzesindeki Kandil ve Şamdan Motifli Mezar Taşlar // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Ankara, 2012. Vol. 7/3. p. 637–661.

9. *Çal Halit*. Türklerde mezar-mezar taşları. // Aile Yazıları, 8, TC. Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015. S. 295–332.

10. *Delikgöz Ömer*, Fulya Aliç. Osmanlı İstanbul’unda bulunan bazı müslim ve Gayrimüslim mezarlıklarındaki kimi semboller // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2010. № 13. S. 113–131.

Информация об авторе:

Усеинов Мемедула Адилевич, аспирант Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); memedulla@list.ru

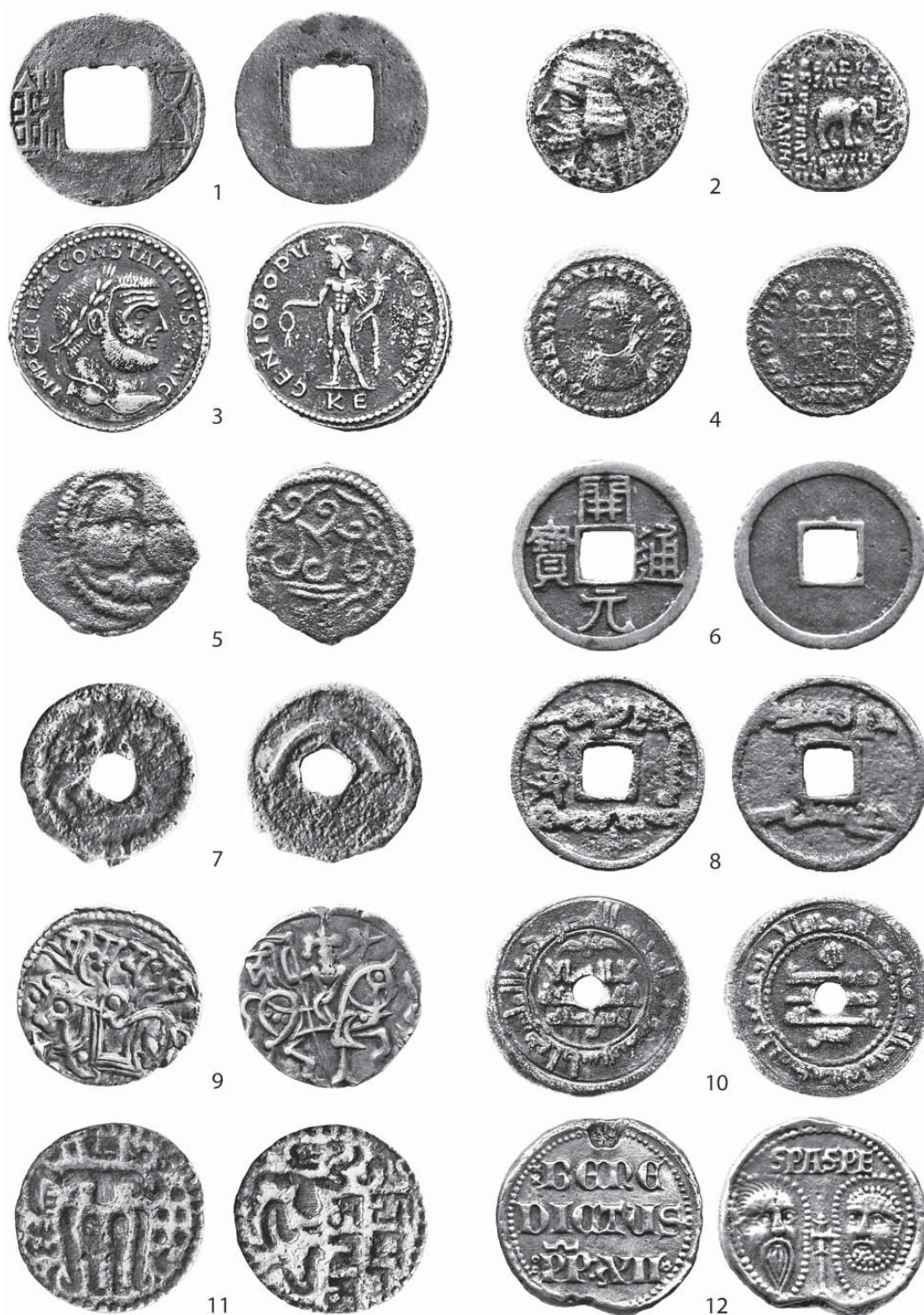
About the Author:

Useinov Mememula A., Postgraduate Student, Centre for Golden Horde and Tatar Khanate Studies named after M.A. Usmanov, Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); memedulla@list.ru

Заметка от редакции

В 2014 году увидел свет сборник статей, посвященный всего лишь одному кладу монет X века – Безлюдовскому 1930 г. находки: Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Сборник научных статей. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 18 / Гл. ред. П.Н. Петров. Казань: Отечество, 2014. 288 с. И побудительным мотивом создания и публикации этого сборника явилось то обстоятельство, что в фондах Харьковского Археологического музея была обнаружена значительная часть монет этого клада. Однако в ходе работы с монетами клада был допущен пропуск при фотографировании некоторых присутствующих в его составе монет под номерами: 298, 300–305, 362, 422–425. Авторы статей и главный редактор сборника сочли уместным поместить изображения этих монет в настоящем издании, поскольку серия «Археология евразийских степей» прекратила выпускаться. Упомянутые номера монет Безлюдовского клада приведены в фототаблице 43.

К статье А.М. Камышева «Монеты на Великом Шелковом пути (Кыргызстан)»

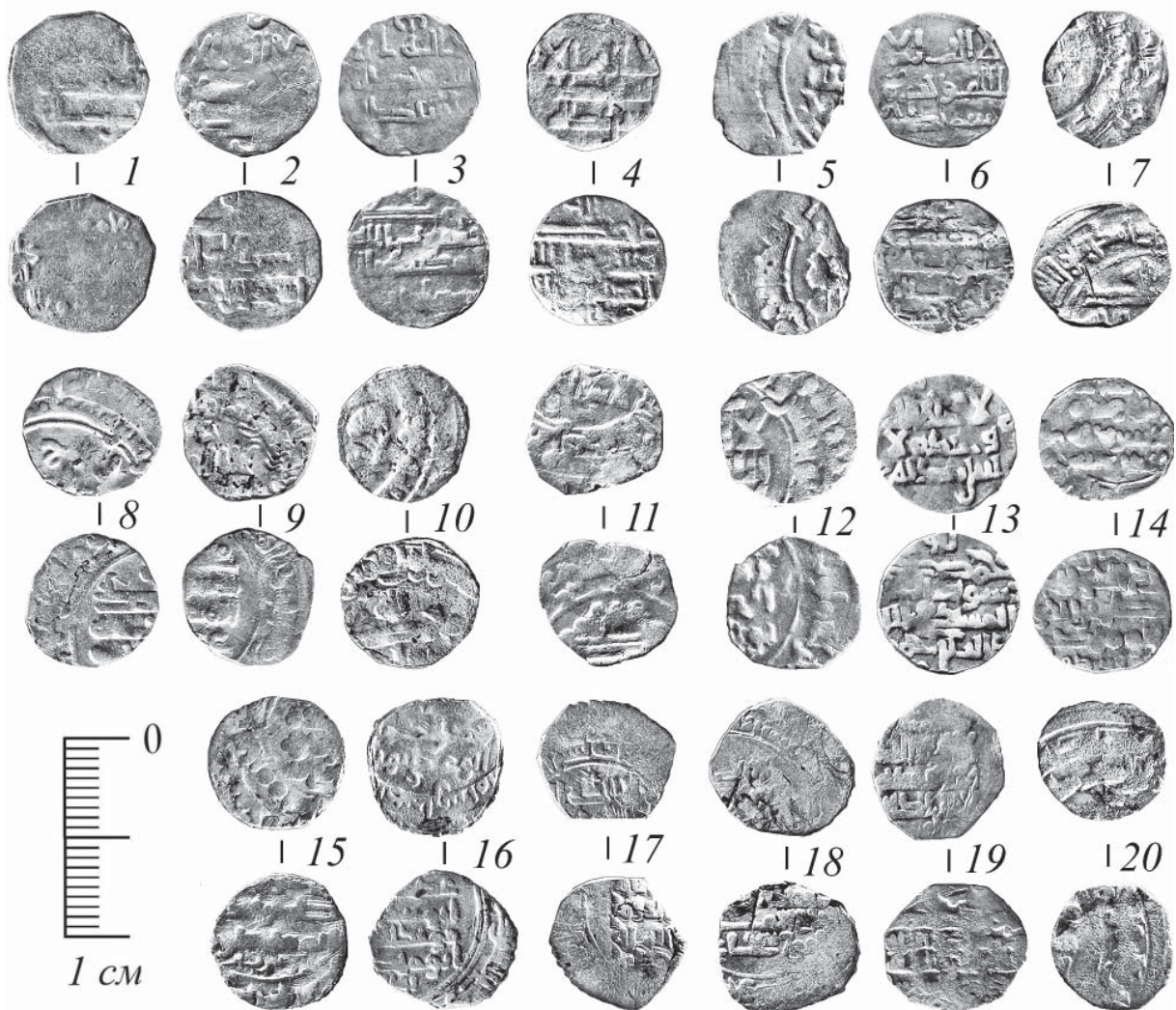

1. У-чжу, династия Западная Хань, 40–75 г.; 2. Халк, Парфия, Митридат III. 53 г. до н.э.;
 3. Фоллис, Римская империя, Констанций I Хлор, 304–305 гг.; 4. Фоллис, Римская империя, Лициний II, 318–320 гг.; 5. Монета Западно-тюркского каганата, VII в.; 6. Кайюань тунбао, династия Тан, ранний тип, 621–713 гг.; 7. Монета Отрара, начало VIII вв.; 8. Деньга Бокук-кагана. Уйгурский каганат, 795–808 гг.;
 9. Джитал, Индо-персы, 850–1000 г. 10. Фалс. Саманиды, Наср II б. Ахмад, Бухара, 305 г.х.
 11. Масса, Шри-Ланка, 1200–1202 г. 12. Булла Ватикан, Бенедикт XIII, 1334–1342 г.

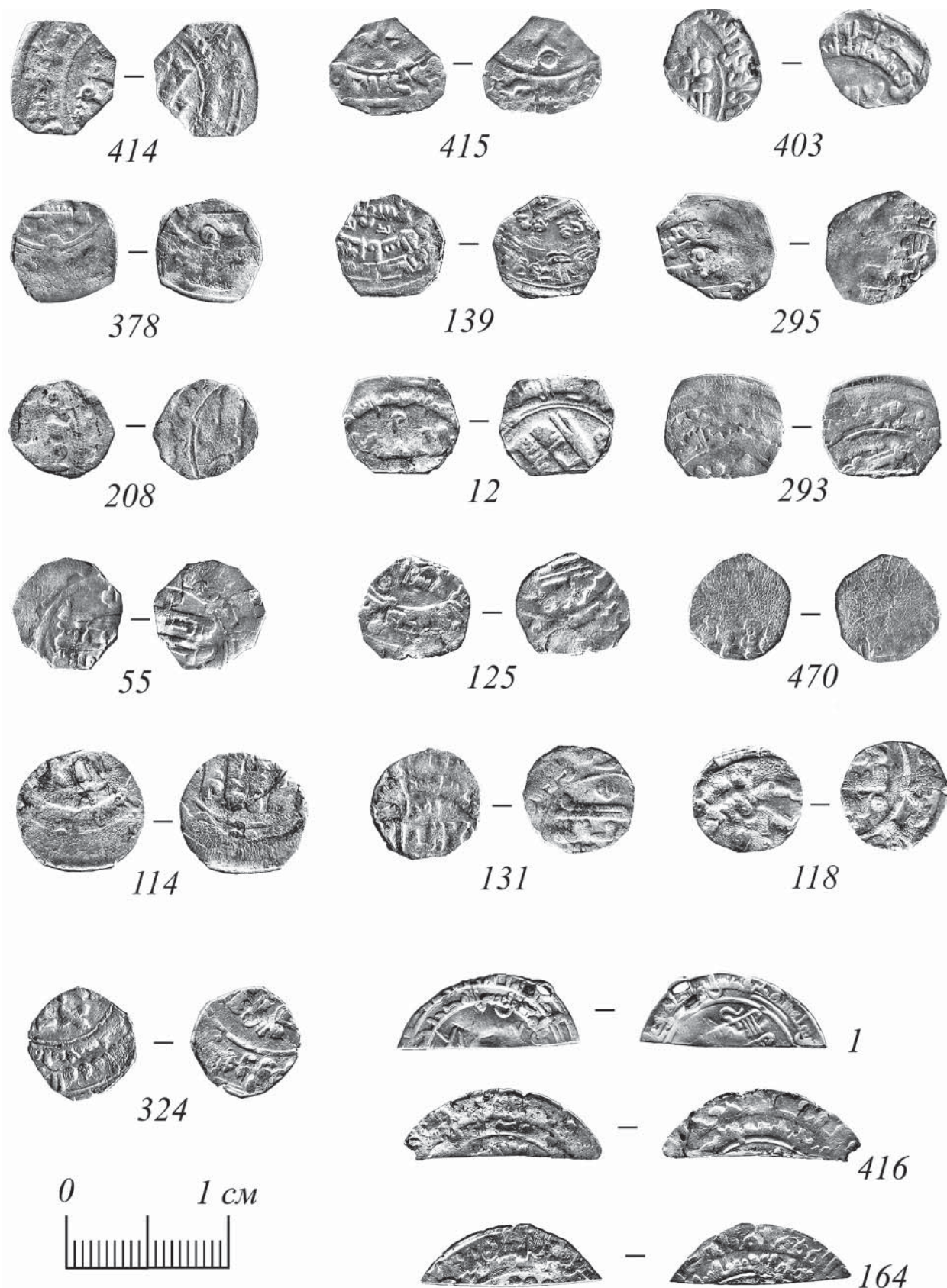

13. Данг, династия Джучиды, Узбек-хан, Хваризм, 714 г.х.; 14. Пул, Джучиды, Джанибек-хан, Хваризм;
 15. Данг, Джучиды, Джанибек-хан, Сарай ал-Джадид, [7]46 г.х.; 16. Пул, Джучиды, анонимный, 764 г.х.;
 17. Фалс, династия Хулагуидов, Тебриз, XIV в.

К статье *В.В. Енукова, О.Н. Енуковой, В.П. Лебедева*
 «Шуклинский клад дирхамов X века и его археологический контекст»

Фототаблица 2

Шуклинский клад. Примеры формы вырезок и сегменто-видные фрагменты
(нумерация по приложению 1)

К статье В.П. Лебедева, М.А. Амосова
 «Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области»

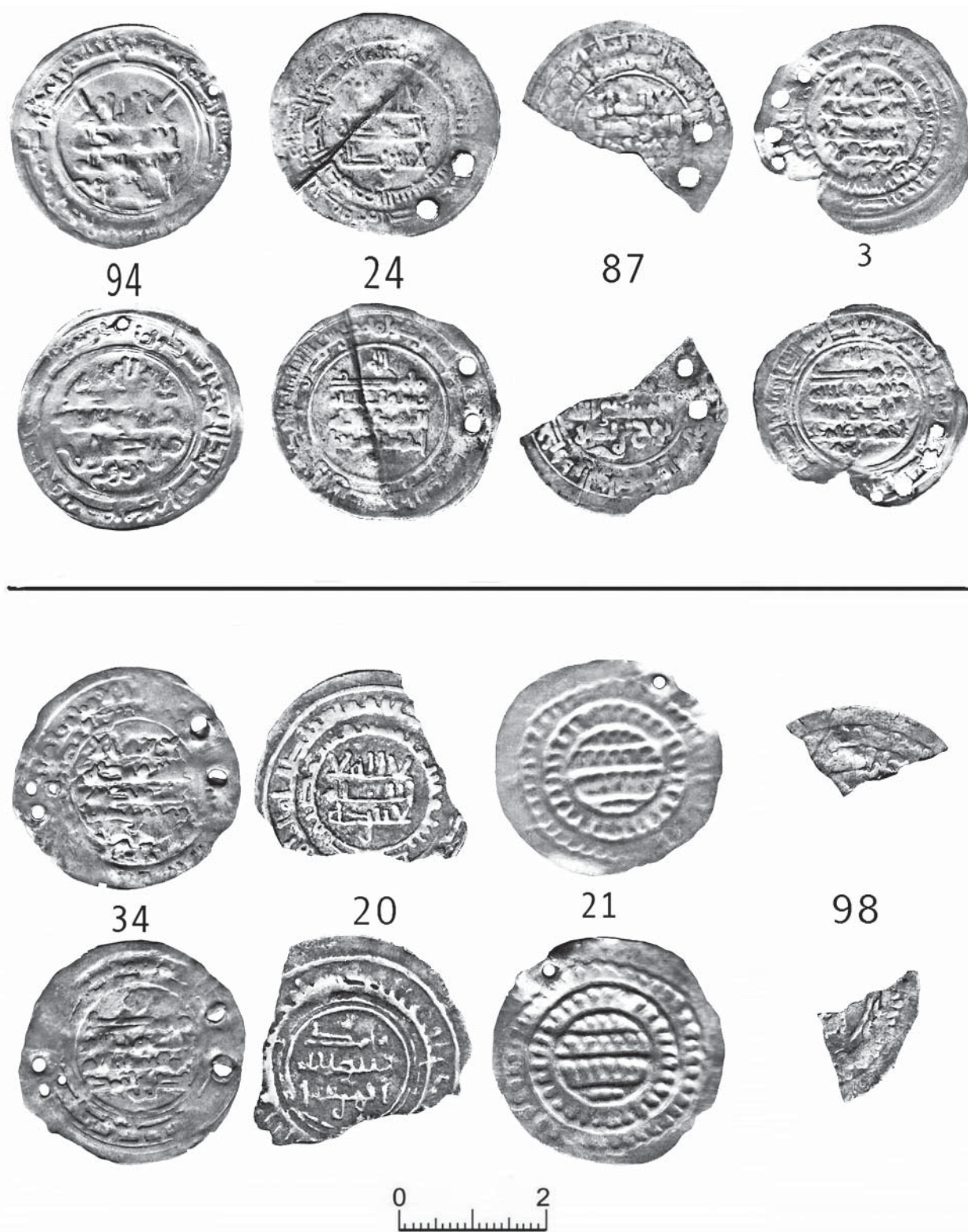

Очень редкая драхма Омайядского наместника Убайдаллаха б. Зийада (56/675–676 г.) из Тульского клада у деревни Крюковка Суворовского района. (Атрибуция К.В. Кравцова)

Дирхамы, не обнаруженные в сводных каталогах, а также одно подражание. (Номера монет даны по приложению 1 к статье)

Фототаблица 4

Монеты вторичного использования, два подражания и монетовидный брактеат.
(Номера монет даны по приложению 1 к статье)

Ка'усиды Табаристана, Рустам б. Шарвин, дирхамы монетного двора Фиррим 361 (№1), 365 (№2), 367(№3) и 369(№4) г.х.

К статье В.П. Лебедева, Г. Рислинга
«Беловский клад куфических дирхамов первой четверти X в. из Курской области»

Булгарские подражания из Безлюдовского клада

Булгарские подражания из Безлюдовского клада

Фототаблица 7

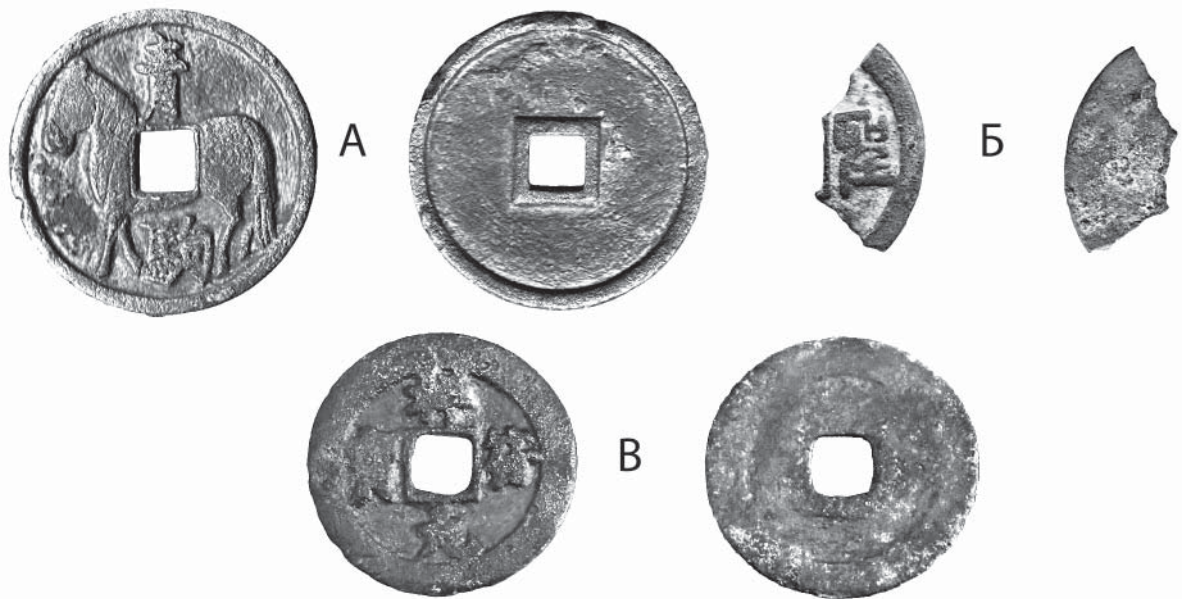
Фототаблица 8

Фототаблица 9

К статье *Е.М. Пигарева, Сюлинь Ма.*
 «Находки китайских монет на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья»

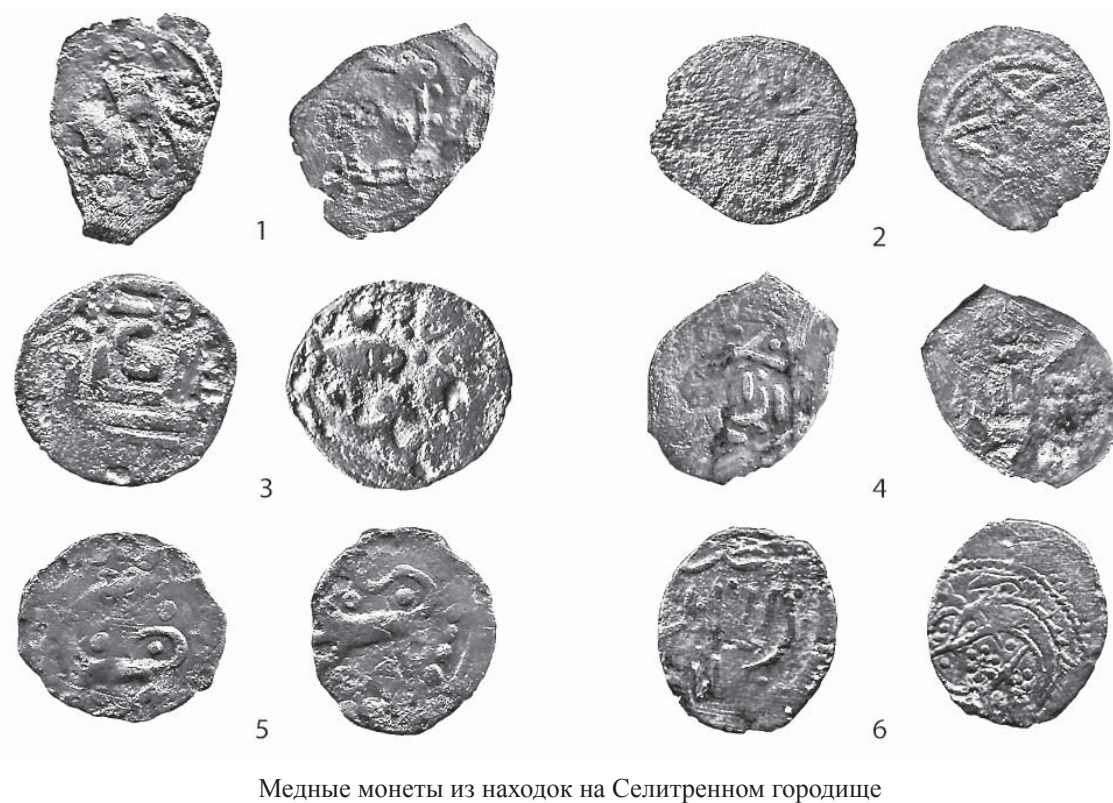

Китайские нумизматические артефакты:
 А – с Красноярского городища; Б и В – с Селитренного городища

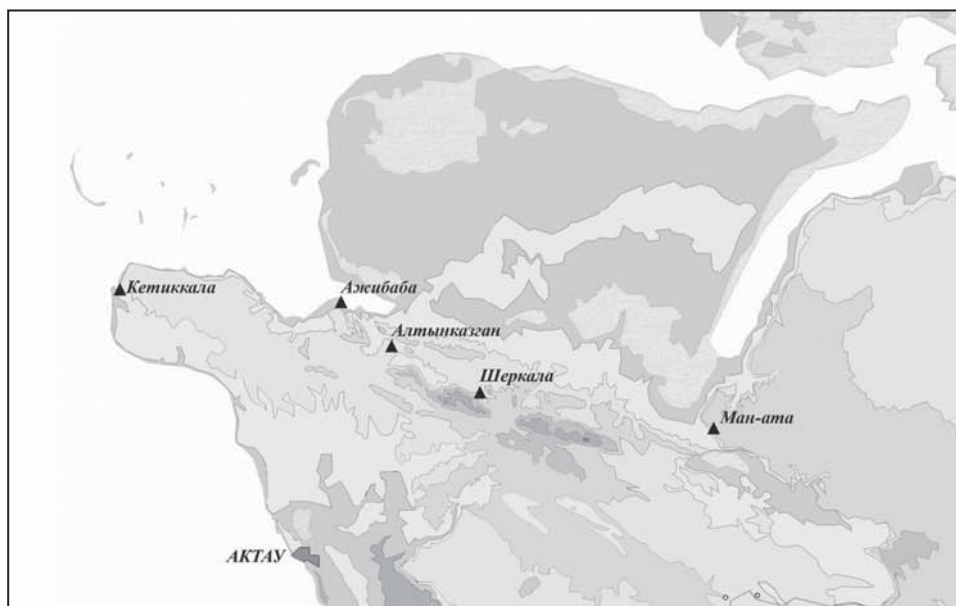
К статье *А.И. Бугарчева, О.В. Степанова* «Надчеканенные пулы XIV века из Иске-Казани»

К статье *Е.М. Пигарева* «Редкие джучидские монеты с Селитренного городища»

К статье *А.Е. Астафьева, П.Н. Петрова* «Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды (археолого-нумизматическое исследование)»

1. Карта-схема расположения памятников эпохи Золотой Орды на территории п-ва Мангышлак

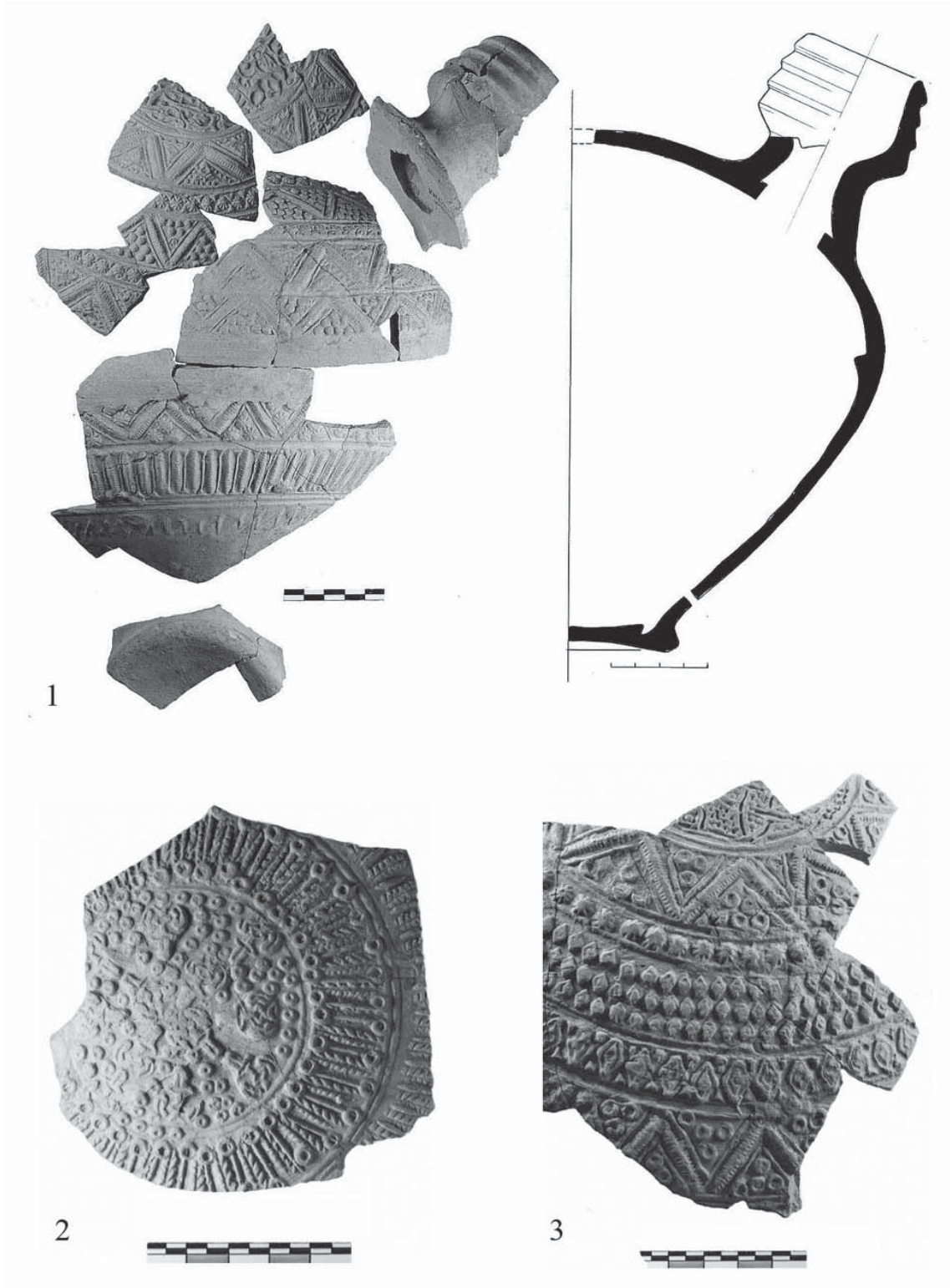
2. Остатки сооружений позднего строительного периода городища Кетиккала

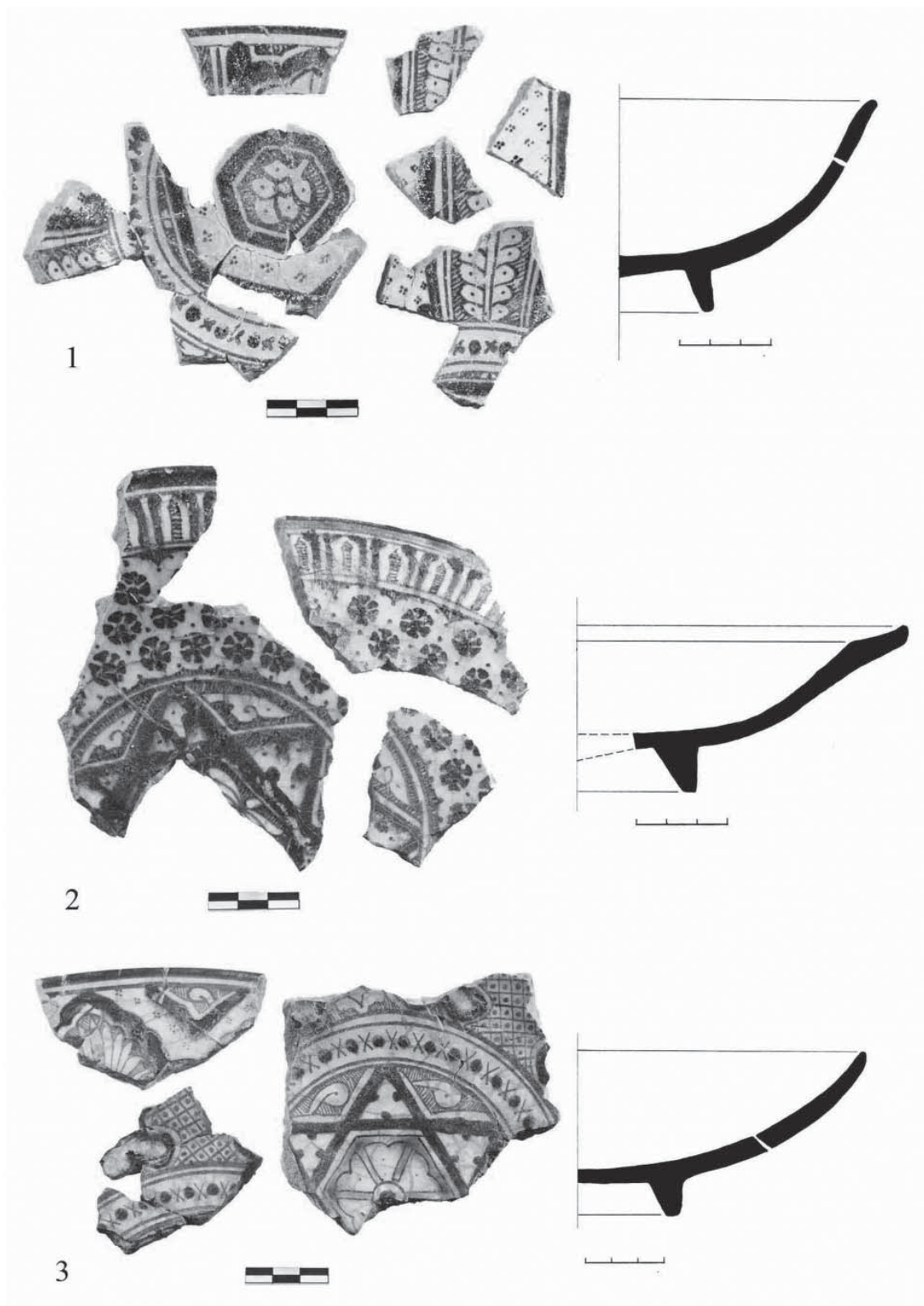
3. Остатки полуземлянок промежуточного строительного периода городища Кетиккала

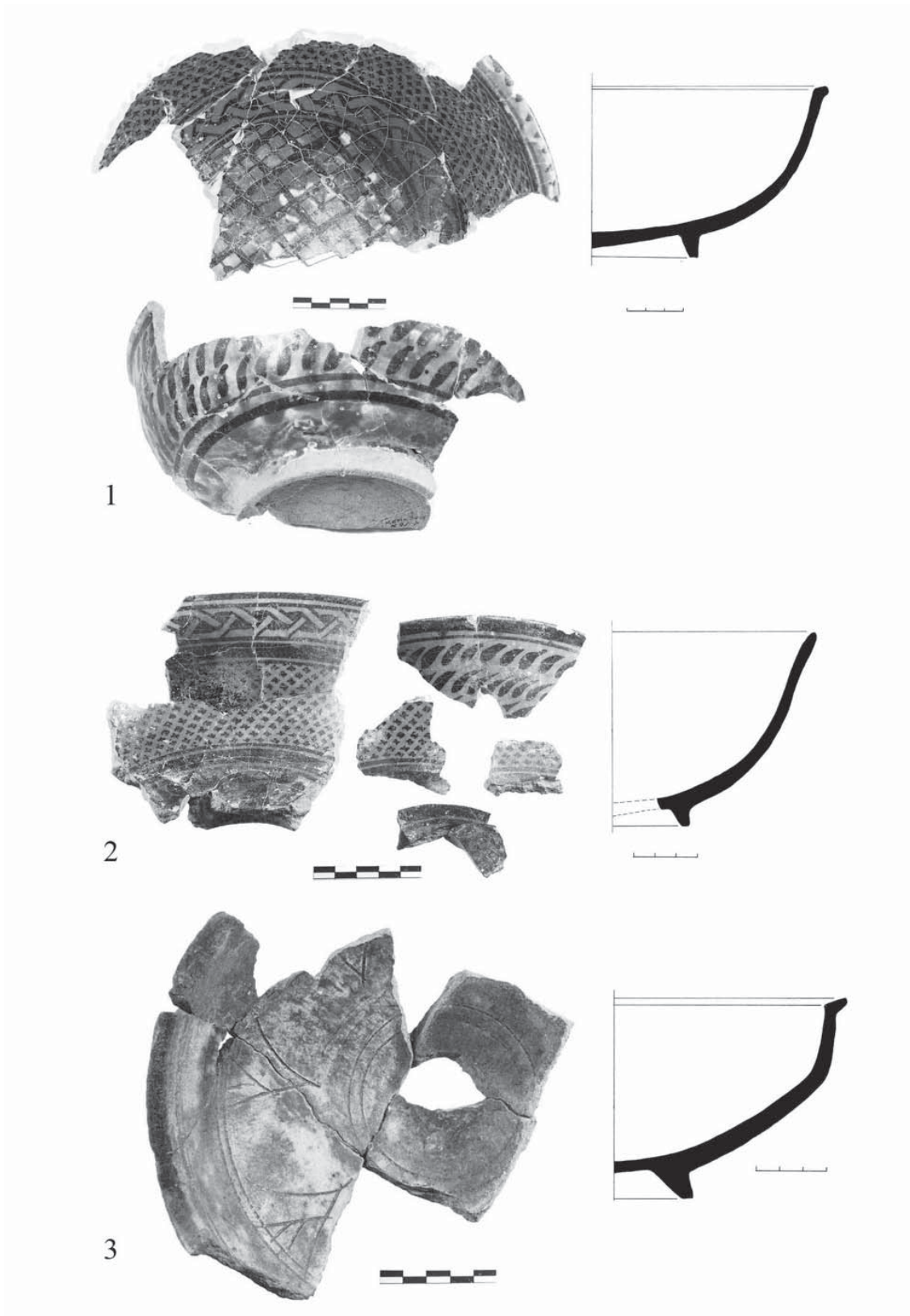
Фототаблица 13

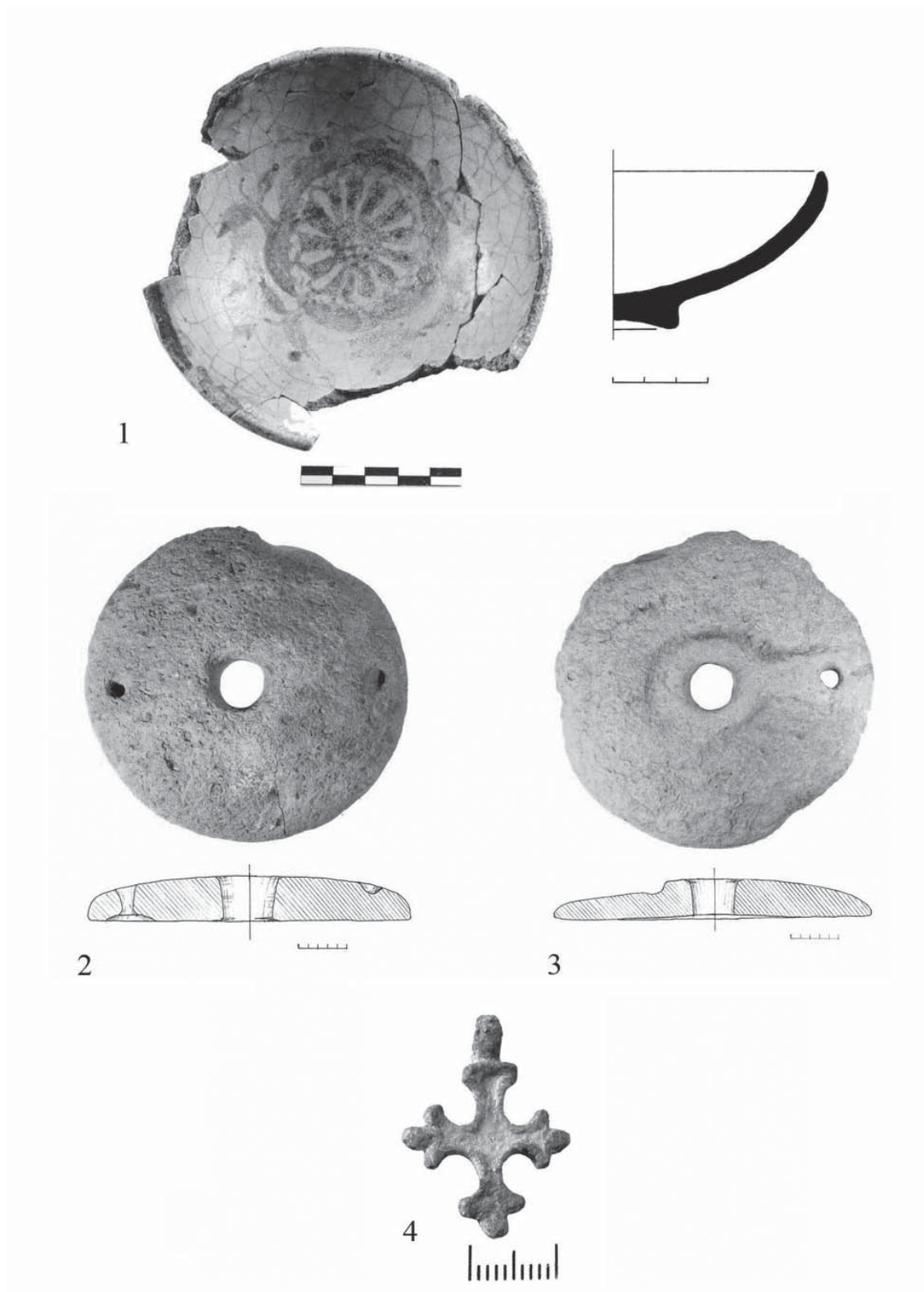
Фототаблица 14

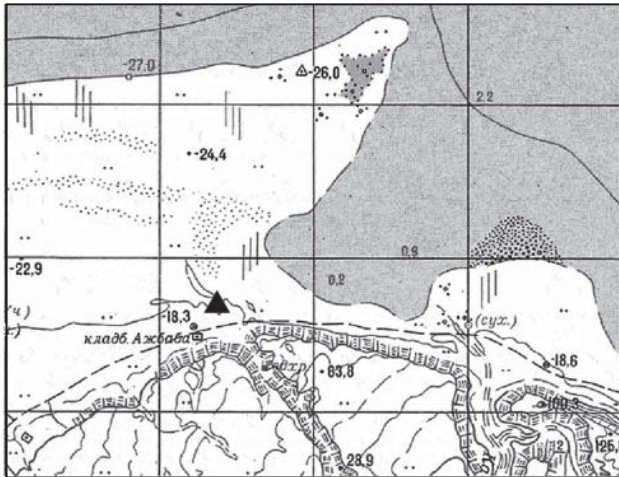
Фототаблица 15

Фототаблица 16

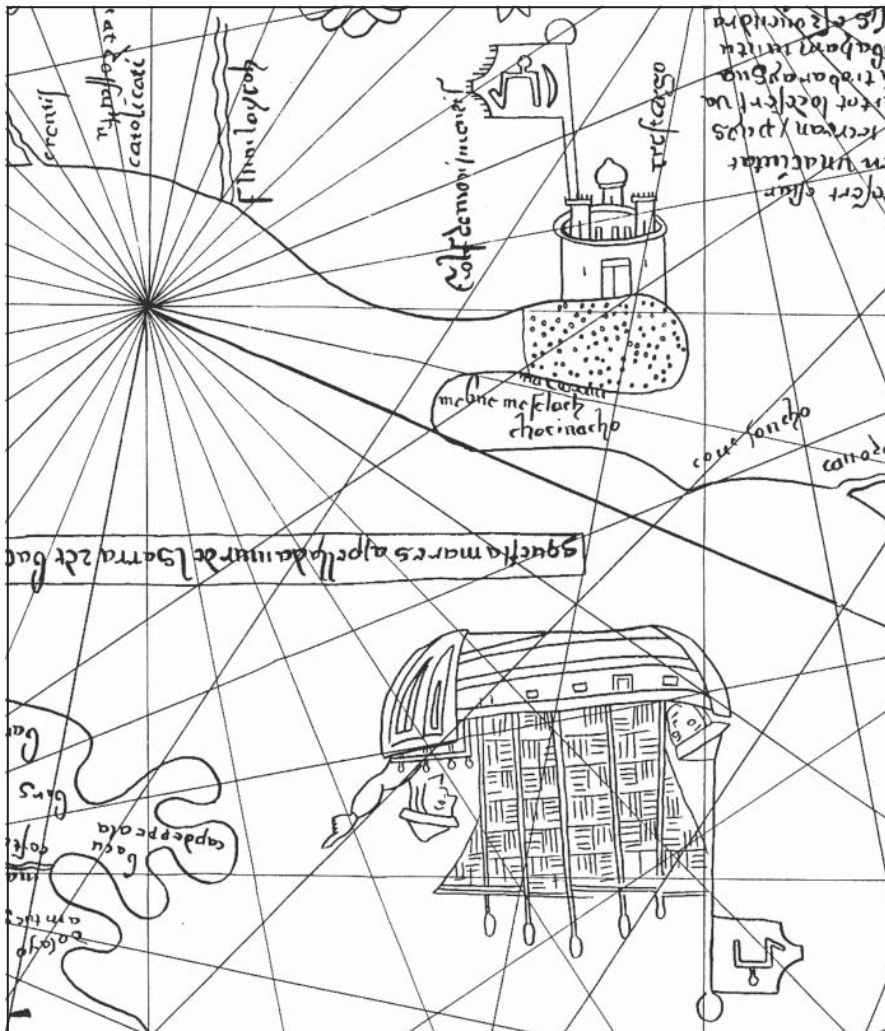
Фототаблица 17

1. Местонахождением монет торгощица в районе кладбища Ажбаба

2. Фрагмент карты залива Кочак А.Е. Колодкина

3. Фрагмент Каспийского моря Каталанского Атласа

Караван-сарай Ман-ата

Алтынказган

Шеркала

Кетиккала

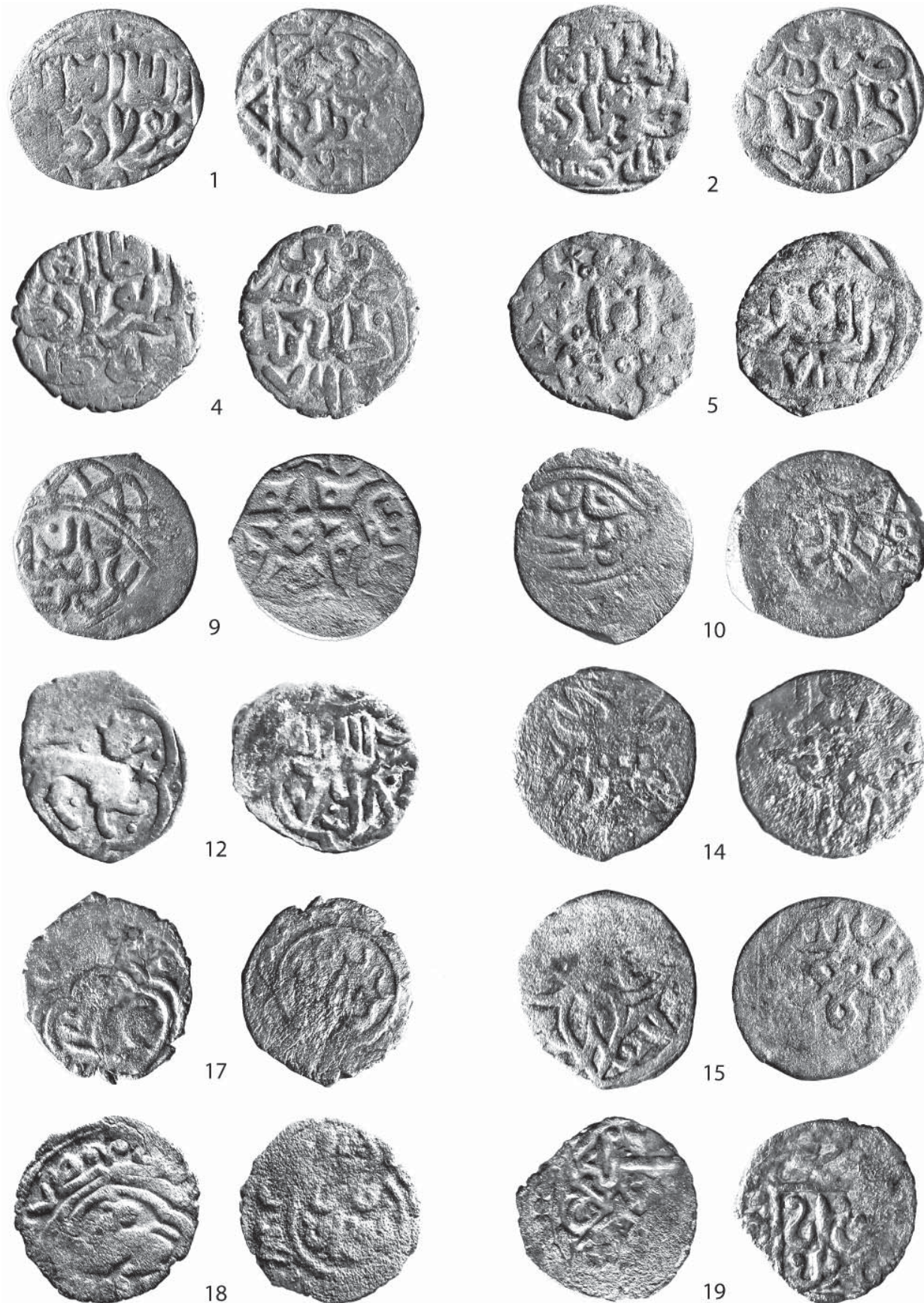

Кетиккала

Фототаблица 20

Ажбаба

Фототаблица 21

Ажбаба

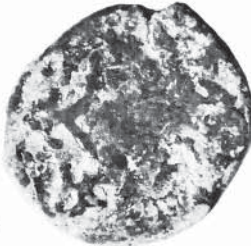
21

23

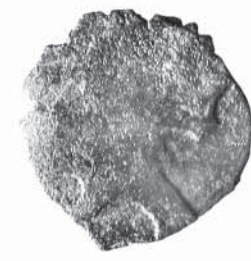
27

25

28

29

30

31

32

33

34

35

Фототаблица 22

Ажбаба

Фототаблица 23

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

Фототаблица 25

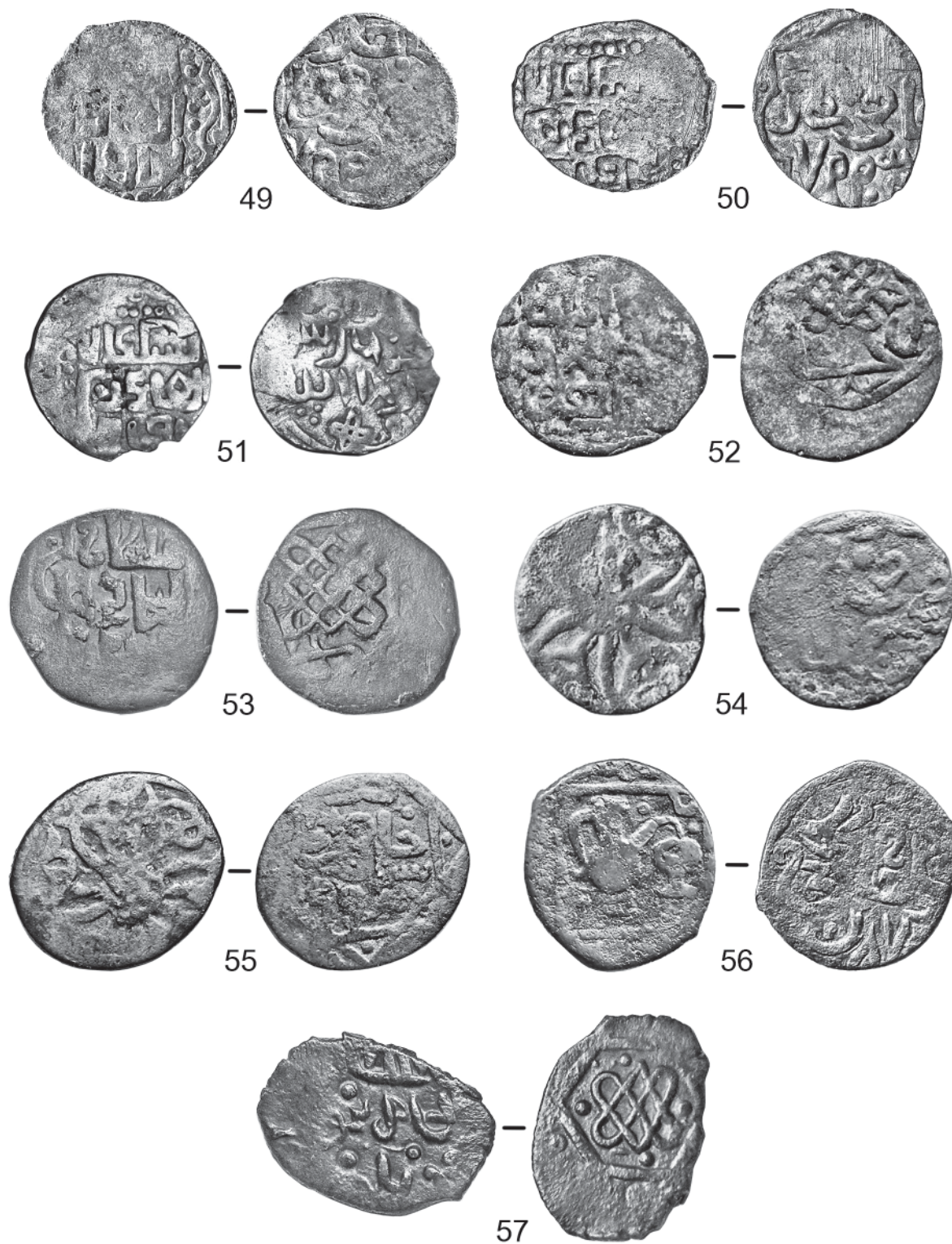
Фототаблица 26

Фототаблица 27

Фототаблица 28

1.

Описание собрания монет проф. Н.А. Толмачева
I. Мон. Хановъ Золотой Орды (Джучидеи)

№	Описание	Мет.	число	
1.	Периода 1180-1225г. — считается Су-касарь лад-данг Аллага	Мон. Хан. н° 21 Т. А. н° II	Мид.	31.
2.	Бату-ханъ I, Менгу каанъ верховный II, М. Булгаръ	М. Х. н° 1 Т. VIII н° 3	Сер.	2
3.	— id. — Та-ре монета, но младшая	М. Х. н° 2 Т. А. н° III	Мид.	7
4.	— id. — Та-ре монета, но перемаканая № 1	М. Х. н° 22 Т. А. н° IV	Мид.	9
5.	Берке ханъ I, Ерикъ буга верховный II, М. Булгаръ	М. Х. н° 3 Т. X н° XXXIV	Сер.	3
6.	Тохтогу ханъ Мон. Богохранимого Сарая 710-1310г.	М. Х. н° 28 Т. I н° XV	Сер.	2
7.	Узбекъ-ханъ Мон. Сарая 717=1317, 18 г.	М. Х. н° 31 Т. I н° XXI	Сер.	1
8.	— idem — М. Сарая 721; 17 пудъ съ дельгой на об. ст. Печать Воловика ррдк.	М. Х. н° 67 Т. II н° LVII	Мид.	6
9.	— idem — М. Богохраним. Сарая 722=1322, 3г.	М. Х. н° 38 Т. I н° XXVII	Сер.	2.
10.	— idem — М. Богохраним. Булгара 723=1323, 4.	М. Х. н° 40 Т. I н° XXIX	Сер.	1.
11.	— idem — М. Сарая 726=1325 б. № Соколъ и оо въ Воеог. зрлыкъ 16 пудъ" ррдк.	М. Х. н° 41 Т. I н° XXXI	Мид.	8.
12.	— idem — М. Сарая 727=1326, 7.	Под. М. Х. н° 42 Т. II н° XXXII	Сер.	1.
13.	— idem — Мон. Богохр. Булгара 731=1330, 1.	М. Х. н° 44 Т. II н° XXXIV	Сер.	2.
14.	— idem — М. Сарая 731 II, 16 пудъ дельгой	М. Х. н° 45 Т. X н° XXXV	Мид.	5
15.	— idem — М. Богохр. Булгара 732=1330, 2	М. Х. н° 46 —	Сер.	1.
16.	— idem — "Булгарский Пудъ" въ Печ. Воловика 734г.	М. Х. н° 53 —	Мид.	41.
17.	— idem — "Пудъ Булгаръ" въ — то-же	М. Х. н° 54 Т. А. н° V	Мид.	25.
18.	— idem — М. Сарая 737=1336, 7. ррдк.	Кесенио р 219. н° 39.	Сер.	3.
19.	— idem — Левъ и соколъ II, Воеог. зрлыкъ мон. Сарая 737.	М. Х. н° 56 Т. II н° XLVI	Мид.	94.
20.	— idem — Подоб. н° 19, но соколъ полный ррдк.	М. Х. н° 57 Т. II н° XLVII	Мид.	4.
		Серебр.	Мид.	Всего
00908 2 По страницам —		18.	230	248

9.

Перенес: 18 Сер + 230 Мид- Всего 248

№	Описание	Мет.	Число
21.	— idem — Солнце съ поднятыми руками en face II, остаточъ надписи; календарь: вост. ярлык	неудачная Мид	1.
22.	Узбекъ ханъ Павличъ II, вост. ярлык и надчеканко Ф	М.Хан. н°60 Мид	5.
23.	Джанибекъ Мон. Сарая Нов. 743=1342,3. илхана по-монголски	М.Х. н°73 Т. III н° LX Сер	2
24.	Джанибекъ Мон. Сарая Нов. 745=1344,5 годъ: 20-2	М.Х. н°103 Сер	1
25.	— idem — Мон. Сарая Нов. 745=1344,5 годъ: 21 ^u	неудачн. вариантъ Сер.	1
26.	— idem — Мон. Сарая Нов. 746=1345,6	Ресеплю р. 231 н°15 Сер.	3.
27.	— idem — Мон. Сарая Нов. 747=1346,7.	М.Х. н°79 Т. III н° LXIV Сер	4.
28.	— idem — Мон. Сарая Нов. 748 =1347,8	М.Х. н°83 Т. III н° LXVI Сер.	1
29.	— idem — Мон. Сарая ^{сохранившаяся} Нов. 749 =1348,9	М.Х. н°85 Т. III н° LXVIII Сер.	2
30.	— idem — Мон. Сарая Нов. 749 =1348,9.	Пог. М.Х. н°86 Т. III н° LXIX Сер.	1.
31.	— idem — Мон. Можги 751=1350,1. Плеч. Соломона	М.Х. н°92 Т. X н° CXXII Мид.	5
32.	— idem — Мон. Сарая Нов. 752=1351,2 ^{от ртутк.}	М.Х. н°94 — Сер.	2
33.	— idem — Мон. Гюлметана 752.	М.Х. н°96 Т. III н° LXXXII Сер.	3.
34.	Ма-це мон. но ладная и восторженная — старинная подделка	Мид.	1.
35.	— idem — Мон. Сарая Нов. 752 и, Ренцетив. цветочъ	М.Х. н°97 Т. III н° LXXXIV Мид	125.
36.	— idem — Мон. Сарая Нов. 753 =1352,3	М.Х. н°98 — Сер.	1.
37.	— idem — Мон. Сарая Нов. 753 Ренцетив. цветочъ	Рес. р. 244 н°60 Мид	1
38.	— idem — Мон. Харерия; треугольный; Сер. годъ ртутк	М.Х. н°105 Т. III н° LXXXVIII Мид	3
39.	— idem — Мон. Сарая Нов.; годъ не сохранился ртутк	— Сер.	2
40.	— idem — Мон. Гюлметана; годъ не сохранился	— Сер	1
по старинной Серсёр. —		Мид.	неого
24.		141.	165.

3.

Перенесен: 42 Сер + 371. Мнд: Всего: 413

№	Описание	Мет.	число
41.	Бурдибекъ ханъ М. Сарая Нов. 759 = 1358, 9.	М.Х. №110 TIV №XIII	Сер. 1
42.	Бурдибекъ ханъ М. Гюлистана 759 = 1358, 9.	М.Х. №111 T—	Сер. 3.
43.	Бурдибекъ ханъ М. города Гюлистана 760 = 1359.	М.Х. №114 TIV №XVIII	Сер. 2
44.	Курьна ханъ М. города Гюлистана 760 —	М.Х. №117 T. IV №L	Сер. 1
45.	Курьна ханъ М. города Гюлистана 761 = 1360	М.Х. №120.	Сер. 1
46.	Неуррузъ бекъ ханъ М. Сарая Нов. 761 = 1360, 1	М.Х. №124 TIV №CIII	Сер. 1.
47.	бегъ илени хана (Курьна?) М. Сарая Нов. 761. вслучившийся цвѣтъ	М.Х. №163 T. X— №СССXLIV	Мнд. 2.
48.	Хызръ ханъ Мон. гор. Гюлистана 761.	М.Х. №126 T. IV №CV	Сер. 1.
49.	— idem — Мон. Сарая Нов. 762 = 1361, 2	М.Х. №129.	Мнд. 72
50.	— idem — Мон. Гюлистана 762 = 1361, 2	М.Х. №133.	Мнд. 115.
51.	— idem — Ма-ше мон. копия города: ^{ошибка} правильно	М.Х. №134 T. IV №CX	Мнд. 2.
52.	— idem — Ма-ше мон. годъ VCH ^{ошибка}	М.Х. №135	Мнд. 7
53.	— idem — Ма-ше мон., годъ VHY ^{ошибка}	М.Х. №136	Мнд. 3.
54.	— idem — Ма-ше мон. съ надписанной: „ханъ:“ ^{ошибка}	М.Х. №131	Мнд. 4
55.	Хызръ ханъ. — Мон. Харерма бер. года ^{ошибка} рѣдк.	Reconno p. 268-0-	Мнд. 1.
56.	Милмуръ Ходра (правильно 1 миле. 762 = 1361 года) Мон. Сарая Нов. 762 = 1361 ^{ошибка} рѣдк.	М.Х. №139 TIV №CXVI	Мнд. 1
57.	Моридъ ханъ (763-764) М. Гюлистана 764 Р. Левъ кан.	Ree. p. 295 №2	Мнд. 11.
58.	— idem — ма-ше мон. съ надписанной	⊛ - киф. варианты	Мнд. 1
59.	Миръ Гюлибекъ ханъ М. Нов. Сарая 764 = 1362, 3. — рѣдк.	Мон. Хан. №155	Мнд. 2
по страницамъ — сер. 10 мнд. 221			всего: 231.

4
Перенесен серебр. 52. Мид. 592 Всего: 654.

№	Описание	Мет.	число
60.	Абдуллах хань Мон. Орду 770 = 1368,9 ср. рязк. МХ н° 171.	Сер.	1.
61.	Азиев хань Мон. Уйгур с надск. جز جزع „Азиев“ нескд.	Мид.	2
62.	Туринь Семь ханьша Сарая Нов. 773 = 1371,2. МХ н° 180 ТХ н° СХХХVI с надск. طغر „побьда.“ рязк.	Мид.	4.
63.	Тохтамышь М. Сарая Нов. 782 = 1380г. МХ н° 184.	Сер.	1.
64.	— idem — Великая лавина в Ретерто, по Nova Supp. p. 113 n° 44a	Мид.	1.
65.	— idem — М. Сарая 790 = 1388,9 надск. Ф в Укращениях по Nova Supp. p. 113 n° 44a	Резерв р 408 n° 30	Мид.
66.	Гурьев хань (?) Мон. Булгара, до дитя (или хань ерто) Под. Рез. р 370 n° 12	Сер.	1.
67.	Мухаммед хань с Тимур (Хей) в М. Орду-Базара МХ н° 312 ТХ н° ССХХХ	Сер.	1.
68.	— idem — в Мон. Хидри Терхана (Афрахан) МХ — Рез. р. 386. 2	Сер.	1.
69.	Мухаммед хань (поджидий) в ирчу тамла М Рез. р. 389. 20.	Сер.	5.
70.	Мон. Голштань 766 = 1364,5 в Δ в Двуглав. орель Nova Sup. p. 322 n° 181	Мид.	1.
<u>Документация непрерывных монет</u>			
71.	в четырехпольный в „Султан правосудий“ МХ н° 375 ТХ н° ССХХVI	Сер.	2
72.	в трехпольный в „Будь ехетлив! Новый Тур“ МХ н° 381 ТХ н° ССХХХVI	Мид.	77.
73.	Левь на радиль когаль в „Будь ехетлив! Огень рязк“ МХ н° 382 ТХ н° ССХХХVII	Мид.	2
74.	Фигура радиль на 9 полей в „Мон. Булгарь“ МХ н° 374 ТХ н° ССХХV	Мид.	45.
75.	Титиза направо в „Будь ехетлив! Новый Тур“ рязк. МХ н° 383 ТХ н° ССХХХVIII	Мид.	1.
76.	Кувшин и чаша в „Мон. Сарая“ рязк. МХ н° 385 ТХ н° ССХХХII	Мид.	1.
77.	Двуглавый орель в Мон. Сарая; 16 денег МХ н° 387 ТХ н° ССХХIII	Мид.	326.
78.	Двуглавый орель в Непонятная надпись МХ н° 401 ТХ н° ССХХХVII	Мид.	7
по старинным: сер.: 12. Мид.: 468		Всего: 480	

Перенос: серебр. 64. Мад. 1060; Всего: 1124

№	Описание	мет.	число
79.	Av. Алм - R. непонятная надпись 	М.Х. №404 Таб. VI № ССР. LXXXVII	Мад 6.
80.	Av. R. в кругу талта 	- не описана -	Сер. 1.
81.	Av. Цветов R. в четвероугольнике 	- не описана -	Сер. 1.
82.	Av. Крест в кругу; в углах точки R. 	- не описана -	Сер. 1.
83.	Украшение в виде точки. R. и точки	- не описана -	Сер. 2
84.	Летающая на л. птица R. Надпись и надписания (надпись не сохранилась)	- не описана -	Мад 1.
85.	Тетверное (звезд?) напр. R. Остатки надписи и 	- не описана -	Мад 1.
86.	Что-то вроде печати Салимана R. Керамическая надпись - не описана		Мад 1.
87.	Цветов R. Остатки надписи (капсула мон. Ордо)	- не описана -	Мад 1.
88.	Av. Не ясно. R. Мон. Ордо высочайшей	- не описана -	Мад 1.
89.	Av. Фигура вроде цветика R. непонятная надпись	- не описана -	Мад 1.
90.	Подражание византийской монете, вероятно болгарское - не описана		Мад 2
91.	9 плохо сохр. вероятно дирхид. мон.; но тип, который не ветроглаз до сих пор		Мад 9.
92.	Болгарское подражание Саманидскому дирхиду № 1.		Мад. 1.
93.	 R. : очень маленькая реди. 	Луг. М.Х. VII по ССХС VII	Сер. 1.
Итого: дирхиденных: серебр. 71. Мад.: 1148. + 21 = 1169			
94.	Половина Аббасидского дирхема; ни год, ни город не сохранились	1219 + 21 ----- 1240.	Сер. 1.
(95) № 4.	настоящей описи Дирхид. Бату хана -		Мад. 21.)

6.

II. Различные монеты

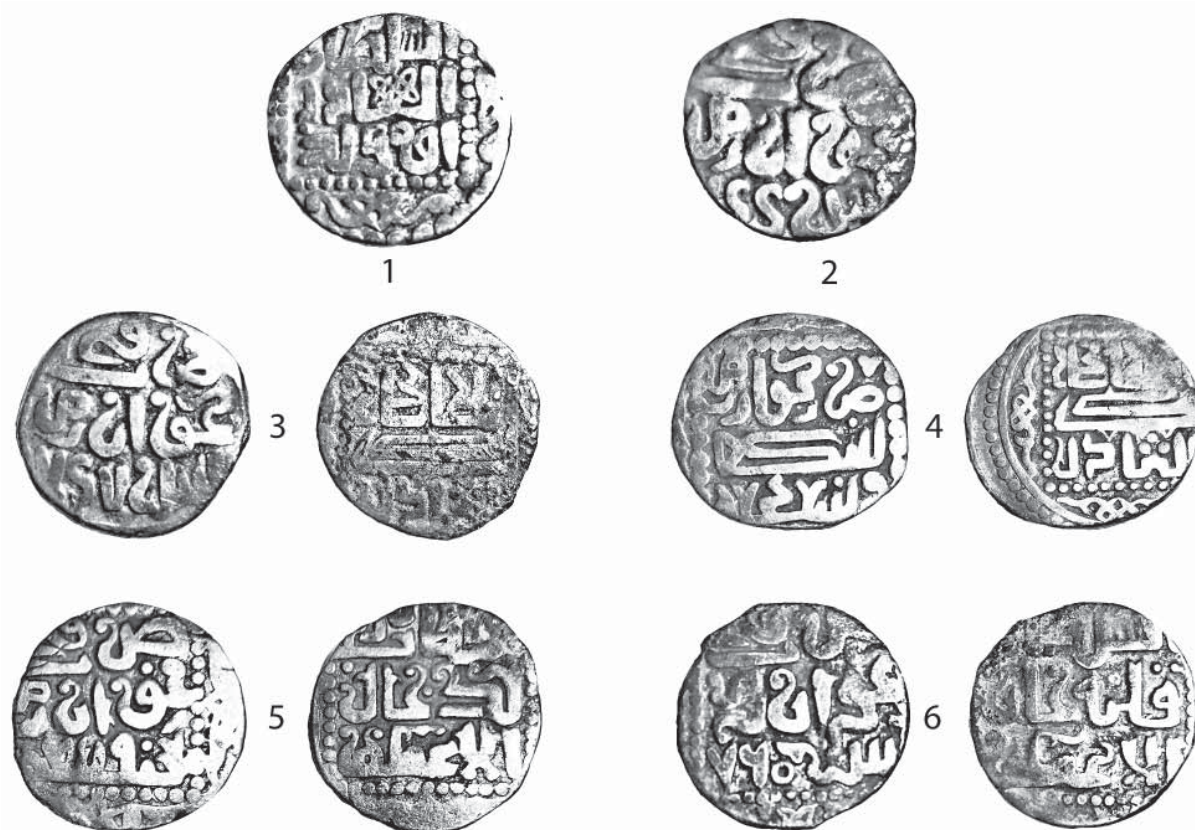
Перенос: серебр. 72. мид 1269 всего: 1241

№	Описание	Мет	число
96.	Греческая Колхида Обол. 1, голова Аюша(?) нагр II, голова бога - 2 варианта итталтеди	Сер.	2
97.	— " — Понтий и Азияция 1, Голова Паллады II, Персей AMI-ΣΟΥ и маюрешина IX	Брон.	1.
98.	— " — Понтий и Босфоръ Царь Савроматъ II 174 - 211 по Р.Х. 1, голова царя II, вь вьникъ MN	Бр.	1
99.	— " — Понтий и Босфоръ Ц. Савроматъ II II, Орелъ на лво	Бр.	1.
100.	— " — Понтий и Босфоръ Ц. Ремурориеъ VII. 1, голова царя II, голова императора и к-х=620=320г.	Бр.	1.
101.	— " — В. Тракия Неаполь Менелая голова кал. II, Минотавръ на пр. надг. килия, летящая Птица	Бр.	1.
102.	— " — Египетъ Птолемеи — Голова Аммона II, Орелъ кал.	Бр.	1.
103.	Римск. Коинтема депс Titulia Мексиза голова нагр II, Пеласъ кал.	Сер.	1.
104.	Рим. Умп. Адрианъ II, SALVS AVG — Столпиза божия здоровья	Сер.	1
105.	Рим. Умп. Коинтема младшій II, вь вьникъ VOT II X. крикомъ: CAESARVM NOSTRORVM RT	Бр.	1
106.	Рим Умп. Юлианъ Стетурниинъ II, SAECVRITAS REIP. вьикъ Аппель калгр. позг килия NIKB. <i>рмгн.</i> (собственно билионъ)	Бр.	1
107.	Рим. Умп. Валентъ SAECVRITAS REIPVBLICE Победа на лво	Мид.	2
108.	Персид Сасанидъ Сапоръ II(?) Драхма отшливо сьранил. опред. не сдлано	Сер.	1.
109.	Бувайица Рокмъ-ад-даула <i>диремъ.</i>	Сер.	2.
110.	Бувайица Булалидъ - Абду Селмъ 2 варианта	Мид.	2
111.	Булалидъ Ану-Ширванъ <i>Мон Кан Т XV. n° V. n° 459</i>	Мид.	1
112.	4 пико сьранившихъ Булалидеинъ монети — различия	Мид.	4
113.	Вьрояино Дралайтиская мон. Аи <i>Р</i> Русская надпись <i>→</i>	Мид.	1
114.	Россія Царь Владиславъ Силу мурдовичъ — коптія <i>рмгн.</i>	Сер.	1.
Итого по сьраницямъ: сер 8 мидн. 17 — всего 25			

7
Период: серебр.: 80. мiedz.: 1194 всего 1274

№	Описание	Мет.	Число
115.	Россия Ц. Михаилъ Седоровичъ — юпыйна	Сеп.	3.
116.	Россия Ц. Петръ Алексеевичъ - Дебля *ац. 1705.	Мед.	1.
117.	Россия Елизавета Петровна — Четвертая 1747. ммд.	Сеп.	1.
118.	Польша Сигизмундъ III вироши (15) 96 чм. в Мариенбургъ (довольно ридна.)	Сеп.	1.
119.	Польша г. Данцигъ Сртъ (18рош) 16-25. Сигизмунда III	Сеп.	1.
120.	Польша Август III Полтораки 1755 года	Мед.	1.
Всего: серебр. 86. мiedz. 1196		всего	1282
Кроме того:			
6 серебряныхъ африкешскихъ совершенно негодныхъ —		Сеп.	7
изъ одна серебряная юпыйна Петра I ²⁰			
мiedzевъ африкешскихъ, русскихъ и др. етерныхъ —		Мед.	412.
а) верхняя часть есаринского натильного креста найденного в Болгарии в 1858 году. — (мiedz)			
б) юпыйно обломковъ болгарского герма — (мiedz)			
в) найденный ертлы (найден 1877г. в Нейберри. Моривашака) (мiedz)			
Мз. Вирнаев мiedzва в поземид монет. № 1 не 31, а 21 душит, а помяну етты монет			
серебр. 86 мiedz 1186		всего	1272

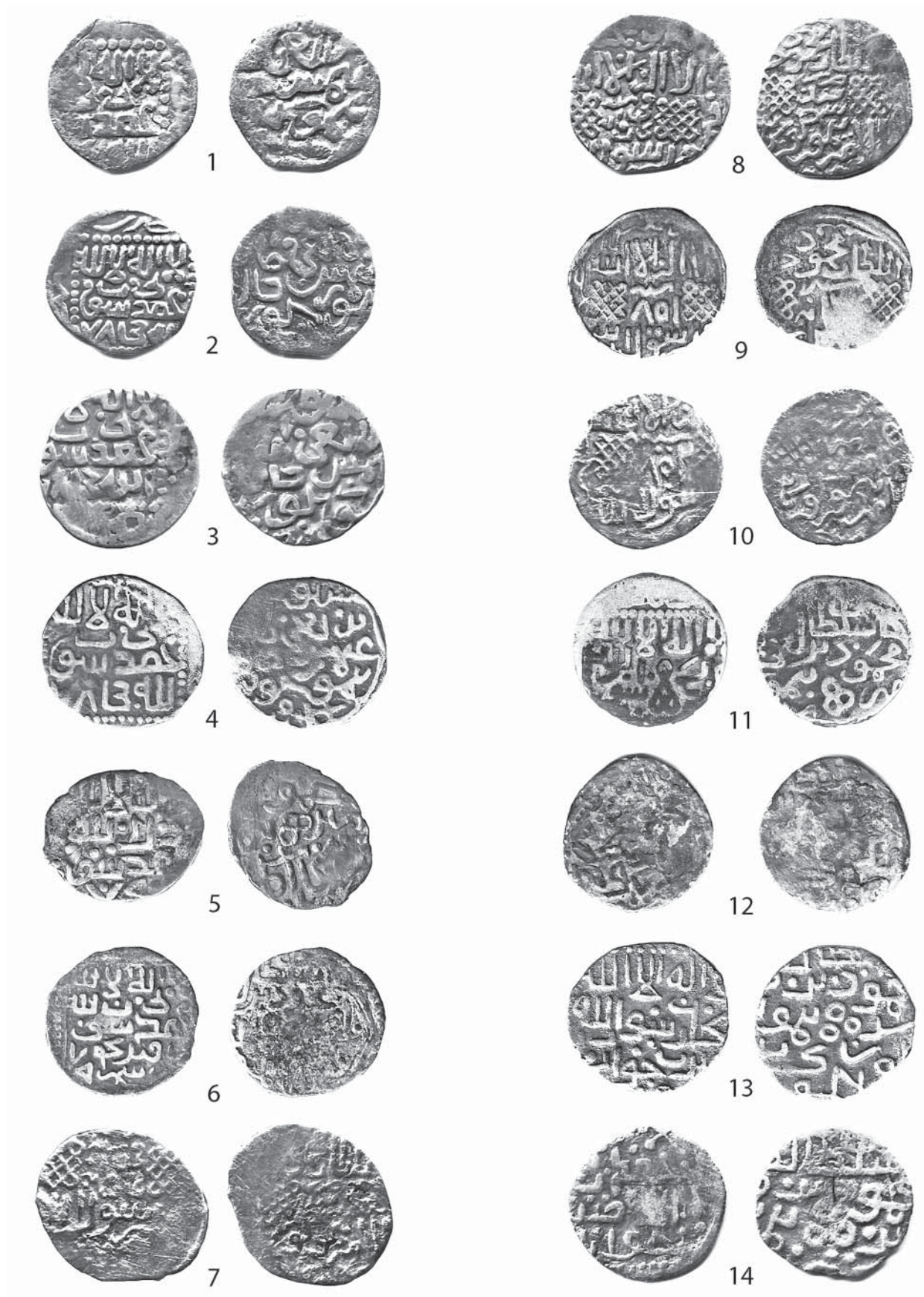
К статье Д. Довуди «Находки джучидских и чагатайских монет в Таджикистане»

Серебряные джучидские данги Хорезма из к. Гуйрот Хисарского р-она:
1 – Узбек хан; 2 – Джанибек 744 г.х.; 3 – Джанибек 747 г.х.; 4 – Джанибек 747 г.х.;
5 – Бирдибек 759 г.х.; 6 – Кулла 760 г.х.

Серебряные чагатайские динары из клада в Дангарах:
1 – анонимный, термез, 729 г.х.; 2 – [Тарма]ширин, [Бухара, 732 г.х.]; 3 – Йесун-Тимур, Термез, 737 г.х.

Фототаблица 38

Фототаблица 39

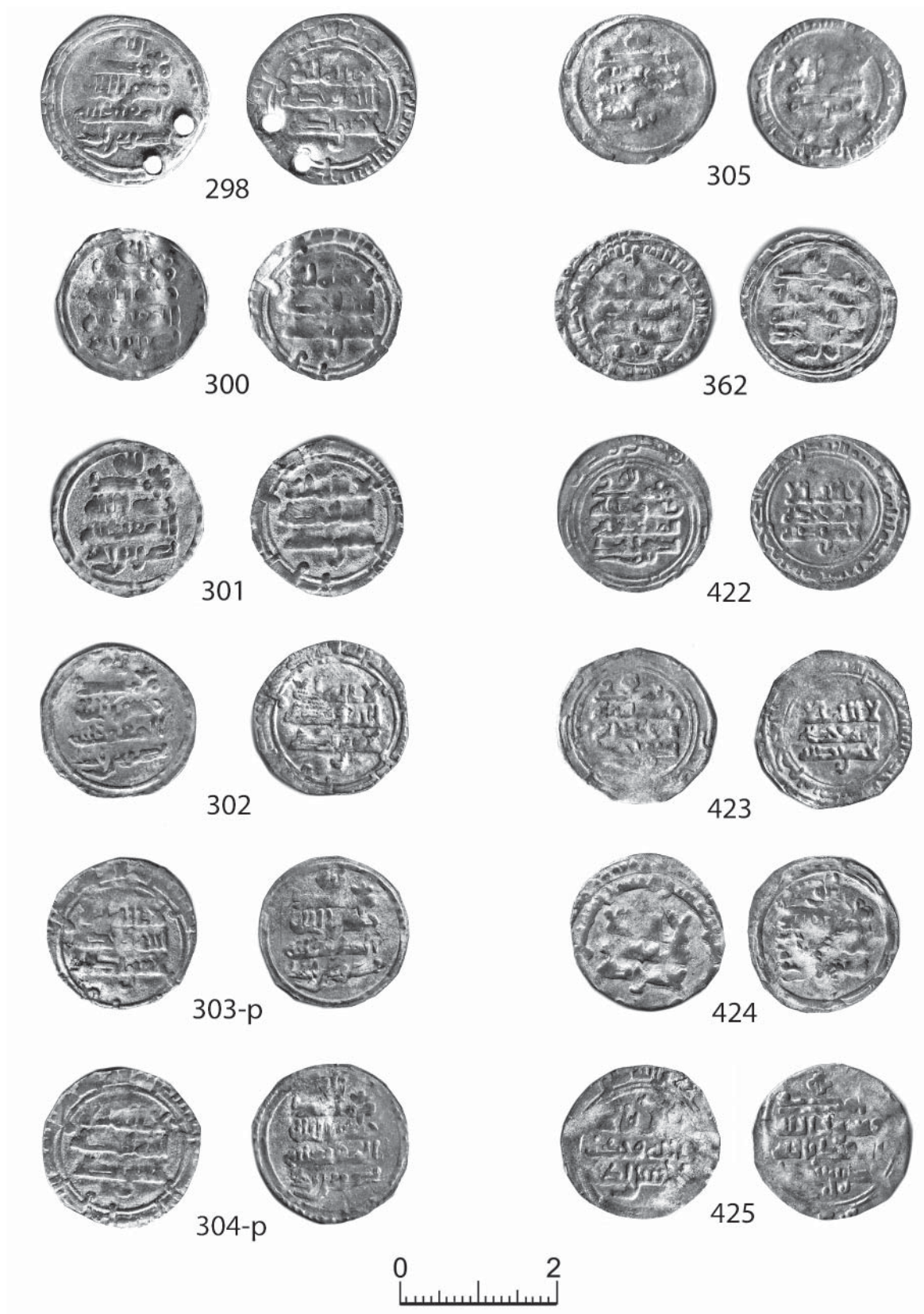
Фототаблица 40

Фототаблица 41

Фототаблица 42

Монеты из Безлюдовского клада 1930 г., изображение которых ранее не публиковалось в составе клада

ЭПИГРАФИКА

К статье Э.Г. Сайфетдиновой «Судьба золотоордынской принцессы Тулунбай по данным средневековых арабских сочинений»

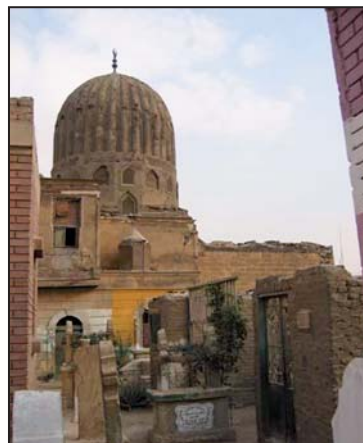

Рис.1

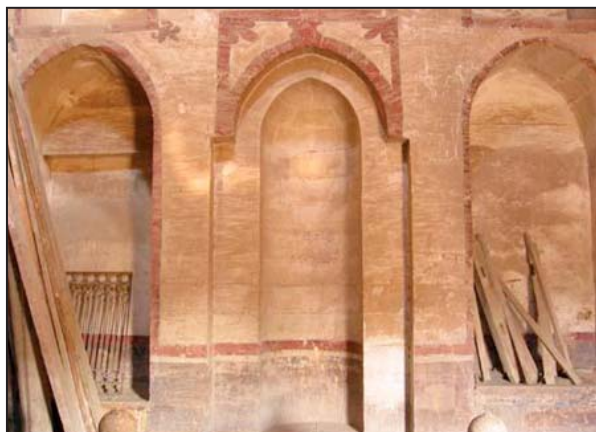

Рис.2

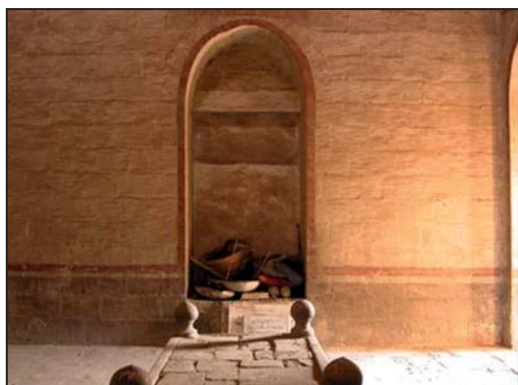

Рис.3

Рис.4

К статье *А.М. Гайнутдинова* «Эпитафия на памятнике Исенея Яушева:
источниковедческий анализ»

К статье *И.М. Миргалеева* «Старокалмашевская надмогильная плита
и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века»

К статье *Д.Г. Мухаметишина* «Возникновение традиции установления
булгаро-татарских надгробных памятников. Дрожжановский район РТ»

Фото 1. Нижнее Чекурское кладбище. Деревянный памятник

Фото 2. Нижнее Чекурское кладбище.
Памятник Биби-Фатимы Шигабутдиновой

Фото 3. Нижнее Чекурское кладбище.
Памятник из круглого камня

Фото 4. Нижнее Чекурское кладбище.
Памятник – фрагмент мельничного жернова

Фото 5. Эпитафия из с. Татарские Тюки

Фото 6. Памятная доска.
Старошаймурзинском кладбище

Фото 7. Эпитафия Мир-Гарифана.
Старошаймурзинское кладбище

Фото 8. Эпитафия Мир-Гарифана. Боковая сторона

Фото 9. Кладбище с. Малая Цильна.
Памятник Шарифжана Салихова

Фото 10. Кладбище с. Малая Цильна.
Памятник Салимхана Сал(ихова)

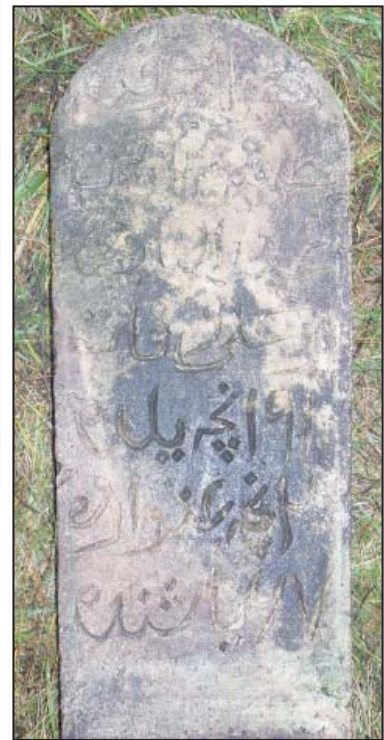

Фото 11. Кладбище с. Старые Чукалы. Эпитафия Хуснуллы бин Габдельнаиба

Фото 12. Кладбище с. Старые Чукалы. Боковая сторона эпитафия Хуснуллы бин Габдельнаиба

Фото 13. Кладбище с. Татарская Бездна. Эпитафия 1878 г.

Фото 14. Татарская Бездна. Руны на камне

Фото 15. Кладбище с. Верхний Каракитан. Камень на могиле предков

К статье И.В. Зайцева «Надгробие Худайкула (Петра) в Московском Кремле»

Склеп царевича Худайкула-Петра (современная фотография автора)

Вид современного кладбища д. Пушняцкая Тобольского района Тюменской области

Вид современного кладбища д. Юрты Сабанакровские Тобольского района Тюменской области Тюменской области

Вид современного кладбища д. Комарова Тобольского района Тюменской области

Намогильная плита с Ханского кладбища близ городища Искер. Экспонируется в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике

Намогильная плита.
Кладбище д. Тармакуль Новосибирской области

Намогильное сооружение киртмя. Кладбище д. Тармакуль Новосибирской области

Современные надгильные плиты. Кладбище д. Тармакуль Новосибирской области

К статье *М.А. Усеинова* «Старокрымские мусульманские надмогильные памятники золотоордынского периода (на примере подтипа в форме восьмигранной призмы без фигурного навершия)»

Рис. 1. Восьмигранные памятники с фигурным навершием

Рис. 2. Общий вид вертикального восьмигранного надгробия без фигурного навершия

Рис. 3. Четырехгранное основание, украшенное розеткой

Рис. 4. Примеры оформления граней восьмигранника

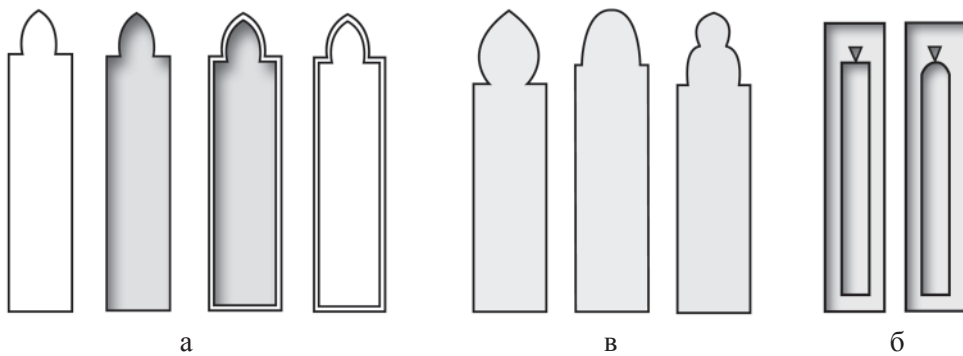

Рис. 5. Фигуры, используемые при оформлении граней восьмигранной призмы

Рис. 6. Изображение лампы и свечи в подсвечнике

Рис. 7. Надпись с надгробия, изображенного на рис. 2*в*

Рис. 8. Надпись с надгробия, изображенного на рис. 2*а*

Рис. 9. Современное состояние фрагмента надгробия и фото из археологической экспедиции 20-х гг. XX века с этим же надгробием (первое слева). Фото из фондов БИКАМЗ № 113

Рис. 10. Орнамент на надгробиях без текста

Рис. 11. Варианты оформления верхней части восьмигранной тумбы

Рис. 12. Оформление верхней грани восьмигранной тумбы

Рис. 13. Вид сверху на восьмигранники без фигурного навершия с выемкой

Список сокращений

- АГПИ – Армавирский государственный педагогический институт
 АГУ – Астраханский государственный университет
 АН Каз. ССР – Академия наук Казахской ССР
 АН ЧР – Академия наук Чеченской республики
 АРТ – Археологические работы в Таджикистане
 ВолГПИ – Волгоградский государственный педагогический институт
 ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
 ГАСО - Государственный архив Саратовской области
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ДГУ – Донецкий государственный университет
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАК – Императорская археологическая комиссия
 ИХМ – (Муромский) историко-художественный музей
 КГОМА – Курский Государственный областной музей Археологии
 КЗВМ СУАК - Книга записи вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии
 КОКМ – Курский областной краеведческий музей
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МГИКЗ – Мангистауский государственный историко-культурный заповедник
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 МНК II – Международная нумизматическая конференция в Старой Ладогe. 2015 г.
 МНК IV – Международная нумизматическая конференция в Старой Ладогe. 2017 г.
 МОИКМ – Мангистауский областной историко-краеведческий музей
 НЗО – Нумизматика Золотой Орды
 НИИ – научно исследовательский институт
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика
 ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук
 РГО – Записки Российского географического общества
 РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
 РИЦ – Редакционно-издательский центр
 РЛО – Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики
 РОКМ – Рязанский областной краеведческий музей
 СА – Советская археология
 СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
 СГУ – Ставропольский государственный университет
 СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
 СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
 им. В.И. Абаева
 СУАК - Саратовская ученой архивная комиссия
 СФ. АГПИ – Славяновский-на-Кубани филиал Армавирского государственного
 педагогического института
 ТГИМ – Труды Государственного исторического музея (г. Москва)
 Тр. ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
 ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого
 ЧИНИИСФ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории,
 социологии и филологии
 SNAT – SYLLOGE NUMORUM ARABICORUM TÜBINGEN

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-696450 от 2 мая 2017 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 15.12.2017 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 33,5.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз.

Отпечатано в ЗАО «Издательский дом Казанская недвижимость»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2.